

Н.И.КРЫЛОВ

ОГНЕННЫЙ БАСТИОН

Scan Kreyder - 14.04.2016
STERLITAMAK

Николай Иванович КРЫЛОВ

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
Н. И. КРЫЛОВ

ОГНЕННЫЙ БАСТИОН

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1973

9(с)27
К85

Автор искренне признателен боевым товарищам по Севастопольской обороне И. П. Безгинову, А. И. Ковтун-Станкевичу, И. А. Ласкину, Д. И. Пискунову, |Н. К. Рыжи|, В. П. Сахарову, Д. Г. Соколовскому за помощь в работе над книгой.

Автор благодарен Илье Григорьевичу Драгану, участвовавшему в сборе и подготовке материалов.

Литературная редакция
Н. Н. Ланина

Крылов Н. И.

К85 Огненный бастион. М., Воениздат, 1973. Военные мемуары.

416 стр.

По решению Ставки Отдельная Приморская армия, доблестно защищавшая Одессу, перебрасывается в Крым, над которым нависла опасность... Этим заканчивались воспоминания бывшего начальника штаба армии, впоследствии Маршала Советского Союза, Н. И. Крылова «Не померкнет никогда».

Новая книга переносит нас в осажденный Севастополь и последовательно рассказывает о событиях его героической обороны. В работе над воспоминаниями автор опирался на большой фактический материал. Книга отображает обстановку на армейском командном пункте, севастопольских рубежах и в самом городе, знакомит с мужественными, самоотверженными людьми.

К $\frac{1122-134}{068(02)-73}$ 68-72 © Воениздат, 1973 9(с)27

КУДА ВЕСТИ ВОЙСКА?

Тридцать первое октября 1941 года. Хмурый ранний из-за ненастья вечер. Бурая, осенняя степь в центре Крымского полуострова. Распластавшись над нею, ползут низкие сумрачные облака.

На севере, где, прорвав Ишуньские позиции и рассекая наш фронт, развивает наступление 11-я немецкая армия фон Манштейна, не смолкает артиллерийская канонада. Но те, кто сейчас не на передовой, настороженно прислушиваются к отдаленным орудийным выстрелам в другой стороне — на западе, где расположены Евпатория и Саки. Слышны они уже и на юго-западе... Что это означает, всем понятно: частью своих сил противник обошел левый фланг нашей Приморской армии.

В степной поселок Экибаш (после войны — Велигино), километрах в сорока севернее Симферополя, с разных направлений въезжают запыленные газики и эмки. С прошлой ночи здесь находятся КП и штаб 95-й Молдавской стрелковой дивизии. А сегодня к семнадцати ноль-ноль командарм И. Е. Петров вызвал сюда командиров и комиссаров всех остальных дивизий — как основного состава Приморской армии, так и вступивших в подчинение ему в сложной обстановке последних дней.

Прифронтовой поселок пуст: все жители эвакуированы. На улицах только караулы, за окраиной — боевое охранение и огневая позиция противотанковой батареи.

Прибывающие командиры группируются у крыльца стоявшего на отлете дома, где, кажется, помещалась раньше сельская больница. Многие не виделись с тех пор, как полторы недели назад выступили из Севастополя. Закурив, обмениваются новостями — увы, невеселыми.

Положение в Крыму, давно уже тяжелое, за последние двое суток резко ухудшилось. Наступающий против-

ник вырвался в степь. Задержать здесь его ударную группировку — без хорошо подготовленных рубежей, при расширившемся, да и не сплошном больше фронте — не по силам наличным нашим дивизиям, поредевшим в тяжелых боях под Ишунью, Воронцовкой, Джурчи. Не сознавать этого военные люди не могли.

За несколько минут до назначенного срока на крыльцо вышел генерал-майор Иван Ефимович Петров. Он быстро пожал каждому руку, смотря сквозь толстые стекла пенсне прямо в глаза. Оглядев всех еще раз, негромко сказал:

— Очевидно, больше ждать некого. Кто не прибыл,— значит, не мог. Не будем терять драгоценного времени.— И жестом пригласил в дом.

Все заняли места в просторной комнате с голыми стенами, вероятно бывшей больничной палате. Командарм И. Е. Петров и член Военного совета бригадный комиссар М. Г. Кузнецов — на табуретках у стола с развернутой картой, остальные — на поставленных вокруг скамьях.

Я составляю список присутствующих с указанием представляемых ими соединений. Из старых приморских дивизий, оборонявших Одессу, представлены 95-я (кроме ее командира и комиссара приглашены, поскольку они находятся в Экибаше, начальник штадива, начарт и командир одного полка), 25-я Чапаевская, 2-я кавалерийская... Нет никого из 421-й дивизии, временно перешедшей в непосредственное подчинение командующему войсками Крыма. Зато прибыли комдив 172-й стрелковой, командиры и военкомы 40-й и 42-й кавалерийских. Эти дивизии только на днях переданы нам из 51-й армии. Мы надеялись, что будут представители еще двух дивизий из той же армии, но связь с ними прервалась.

Присутствуют также начарт армии со своим начальником штаба, помощник начальника оперативного отдела штарма. Всего около двадцати человек.

Открывая совещание, генерал Петров заметно волнуется. В таких случаях напоминает о себе давнишняя контузия: он непроизвольно не в такт речи покачивает головой.

Но вряд ли кто-нибудь из сидящих здесь вполне спокоен. Хотя большинство еще не знают, для чего им приказано явиться в Экибаш, каждому понятно, что для

срочного сбора командиров в такой момент должны быть причины особой важности.

— Мы вызвали вас,— говорит командарм в наступившей глубокой тишине,— чтобы совместно обсудить создавшееся положение и посоветоваться о дальнейших действиях армии.

Он кратко излагает обстановку по данным на этот час. Захватив Джанкой, противник преследует 51-ю армию, отходящую к Керченскому полуострову. Перед фронтом Приморской армии натиск врага сейчас ослаблен. Однако определяющим фактором является глубокий охват нашего левого фланга, предотвратить который не удалось из-за недостатка сил. Сегодня утром немецкие танки появились в нескольких километрах южнее Симферополя. Дорога, идущая через Бахчисарай на Севастополь, по-видимому, перерезана...

У каждого перед глазами карта — та, что развернута на столе, или своя, вынутая из планшета. Но карта даже и не нужна, чтобы оценить эти факты и осмыслить главное: противник у нас в тылу.

Связи с командованием и штабом войск Крыма, добавляет генерал Петров, у нас сейчас нет. Из Симферополя они убыли. Последние указания сводятся к тому, чтобы Приморская армия, сдерживая противника, отходила на очередной условный, то есть необорудованный, степной рубеж, выделив 421-ю дивизию для прикрытия Алуштинского перевала.

Карта показывала: после изменений в обстановке, происшедших за последние часы, тактика планомерного отхода со сдерживанием продвижения врага на относительно широком фронте утратила свой смысл. Противник нас обошел уже с трех сторон. Да и степь скоро кончается. Дальше — предгорья и горы. Три гряды их, словно отгораживая степь от моря, протянулись по южной и юго-восточной части Крыма километров на полтораста, от Севастополя к Феодосии. И дальнейший отход так или иначе подвел бы армию к ним.

Но отходить к горам можно по-разному. Направление, маршрут, тактика должны подчиняться конечной цели маневра, которую — так уж получалось — приходилось определять самим.

И командарм переходит к самому главному:

— Практически перед нами два пути: на Керчь и на

Севастополь. Путь на Керчь еще не закрыт. Есть примерно сорокакилометровый проход, воспользовавшись которым мы могли бы за ночь достигнуть Керченского полуострова и занять там оборону. Однако туда, как вы знаете, отходит 51-я армия. Думается, будет достаточно, если на Ак-Монайских позициях закрепится она... Свободного пути на Севастополь уже не существует, во всяком случае — для всей армии. Идти туда,— значит, идти с боями. Но Севастополь — это главная база Черноморского флота. Удержать ее необходимо ради сохранения нашего господства на Черном море. Не секрет, что с суши город не прикрыт: полевых войск там нет. Если к нему не пробьется Приморская армия, если значительные силы противника ее опередят, Севастополь может пасть. Давайте же с учетом всего этого обсудим, куда следует идти армии. Мнение каждого командира и комиссара будет записано и принято во внимание.

Давая всем собраться с мыслями, командарм делает паузу, поправляет пенсне. Затем решительно поворачивается к сидящему с краю командиру 161-го стрелкового полка 95-й дивизии:

— Полковник Капитохин! Начнем с вас, с левого фланга. Прошу!

Единственный на совещании командир полка, младший здесь по должности, но не по годам, Александр Григорьевич Капитохин — участник гражданской войны, вернулся в армию после многих лет руководящей партийно-хозяйственной работы. И хотя в его облике и манере себя держать еще сквозит что-то штатское, он под Одессой уже показал себя умелым командиром. Кажется, Капитохин не ожидал, что ему придется высказывать свое мнение первым, однако к ответу готов. Быстро встав, он произносит громко и отчетливо:

— Я за то, чтобы мы шли оборонять Севастополь!

— Запишите, Николай Иванович! — кивает мне командующий. И я проставляю против фамилии Капитохина в своем списке названный им город.

— Полковник Пискунов! — обращается командарм к соседу Капитохина по скамье, начальнику артиллерии 95-й дивизии.

— Считаю, что нужно идти защищать Севастополь.

Подняв голову от списка, я вижу, как помрачнел, услышав ответы двух своих подчиненных, сидящий справа

от меня командир 95-й дивизии генерал-майор В. Ф. Воробьев. Значит, Василий Федорович думает иначе...

Тем временем неторопливо встает степенный, богатырского роста генерал-майор Трофим Калинович Коломиец, недавний начальник тыла армии, а с начала октября — комдив 25-й Чапаевской.

— Я думаю, идти надо к Севастополю,— басит он.

Такого же мнения и военком Чапаевской бригадный комиссар А. С. Степанов.

— Слово имеет полковник Ласкин, — объявляет командарм.

Комдива 172-й стрелковой я вижу впервые. Его дивизия, именовавшаяся сперва 3-й Крымской, сформирована в сентябре из местных запасников, хорошо показала себя под Перекопом и Ишунью. Действовала она там в составе 51-й армии. Что скажет этот незнакомый, молодой еще полковник (и, насколько я знаю, совсем молодой комдив) с быстрыми, живыми глазами? Пожалуй, не удивительно, если его потянет в Керчь: там дивизия вернулась бы в прежнюю свою армию.

— Я также за то, чтобы идти на защиту Севастополя,— твердо заявляет Ласкин.— Представляется выгодным, если, конечно, успеем, занять оборону по реке Альма. Имею некоторые соображения об организации марша...

Генерал Петров жестом разрешает ему продолжать. И полковник Ласкин излагает очень четко и ясно предлагаемый им порядок движения колонными путями, расположение на марше штабов, артиллерии, обозов, отрядов прикрытия. Продумать все это он успел, очевидно уже сидя здесь.

— Учтем,— заключает командарм, заметно обрадованный этим выступлением, и предоставляет слово следующему.

Первым, против чьей фамилии я поставил «Керчь», был полковой комиссар И. И. Карпович, военком 40-й кавдивизии. Он разошелся во мнении со своим комдивом: полковник Ф. Ф. Кудюров, колоритной внешности конник, уже в летах, но статный и щеголеватый, с тремя боевыми орденами на груди, решительно подал голос за Севастополь.

Затем трое подряд высказываются за отход на Керченский полуостров — командир 95-й дивизии В. Ф. Во-

робьев, ее военком полковой комиссар Я. Г. Мельников и начальник штаба подполковник Р. Т. Прасолов. Главный их аргумент сводится к тому, что такое решение позволит сохранить армию.

— Мы не знаем истинного положения в районе Бахчисарая, — объяснил свою точку зрения генерал-майор Воробьев.— Весьма вероятно, что немцы успели выдвинуть туда порядочные силы. Имея противника справа и слева, армия рискует втянуться в мешок, который потом окажется завязанным с севера. К тому же у нас мало снарядов, чтобы отбиваться. Мы почти неизбежно потеряем свои тылы. А в сторону Керчи еще можно пройти свободно. Вот почему я за то, чтобы идти туда и обороняться там.

Слушать это было как-то странно. Так и хотелось спросить Василия Фроловича: «А флот? Значит, бросить на произвол судьбы его главную базу? Разве Керчь заменит морякам Севастополь?» Казалось, и у командарма готова сорваться какая-то реплика, но он молча выслушал доводы Воробьева до конца.

Представителям штаба армии высказываться на совещании не требовалось: их мнение, единодушное в пользу Севастополя, командующему и Военному совету было известно.

Генерал Петров подвел итог:

— Четверо из присутствующих высказались за отход к Керчи. Остальные, то есть подавляющее большинство,— за Севастополь. Это большинство поддержало решение, к которому Военный совет армии в принципе уже пришел минувшей ночью в Сарабузе.

Голос командующего зазвучал по-приказному:

— Итак, мы идем прикрывать Севастополь. Отвод главных сил с обороняемого рубежа начнем с наступлением темноты. Направление — на Камбары, Булганак с выходом к утру на рубеж Альмы. А дальше... как покажет обстановка. Прошу всех к моей карте.

В 17 часов 45 минут 31 октября в Экибаше был подписан боевой приказ. Им определялись колонные пути движения дивизий, уравнительные рубежи, позывные колонн, условные радиосигналы. Указания, которые не могли вместиться в приказ, командиры дивизий получили устно. Тут же они перенесли с карты командарма на свои все, что касалось их соединений и соседей.

Комдивы и комиссары разъехались. Под покровом ночи войска начали отрываться от противника на севере, с тем чтобы как можно быстрее выйти ему навстречу на юге. И потому, что именно в последнем заключалась суть поставленной в приказе ближайшей задачи, она формулировалась как наступление.

Не все получилось так, как думали и планировали мы в тот вечер. Первоначальный план вывода армии на новое операционное направление претерпел в процессе выполнения немало изменений, причем первые коррективы в маршрут пришлось вносить уже через несколько часов. Но цель, которой все это подчинялось, — защитить Севастополь, не допустить захвата его врагом, оставалась неизменной.

Вспоминая короткое военное совещание в затерявшемся среди степи поселке, совещание, не оставившее следов в архивах, но в какой-то мере определившее развитие событий в Крыму, надо по справедливости сказать: для нас, приморцев, оборона Севастополя началась с Экибаша.

В своей первой книге я рассказал, как Отдельная Приморская армия прибыла в Крым из Одессы. Чтобы читатель мог яснее представить последовавшие после этого события, вернемся на две недели назад.

...Первый наш день на крымской земле — 17 октября — запомнился удивительной после Одессы, забытой там тишиной. Ни гула орудий, ни разрывов бомб. С безоблачного неба сияло еще по-летнему теплое солнце, золотилась гладь широких бухт, где спокойно стояли на якорях корабли (когда они приходили в Одессу, мы привыкли видеть их стреляющими по берегу или отбивающимися от воздушных атак).

В Севастополе, как и вообще в Крыму, я раньше не бывал. Мои представления об этом городе основывались на книгах и были связаны с обороной его в прошлом веке от англичан, французов и итальянцев, с временами Нахимова и Корнилова.

Разглядев на мысу за бухтой старую крепость с обращенными к морю рядами пустых бойниц, я догадался, что это и есть знаменитый Константиновский равелин: в памяти со школьных лет жило его изображение из ка-

кой-то хрестоматии. Но сам город оказался не таким, как рисовался в мыслях. Он был обширнее, разбросаннее. И выглядел новее, моложе... Я ожидал увидеть больше памятников старины, сооружений минувшей эпохи.

Зато все напоминало, что здесь большой военный порт, флотская столица: и корабли на рейде, и морская форма повсюду, которую носили, лишь без нашивок на рукавах, многие гражданские люди, в том числе городские руководители.

Наверное, близостью к флоту, слитностью с ним определялся тут и общий строй жизни — четкий, строгий. Чувствовалось: это у севастопольцев в крови укоренилось, должно быть, давно, а не пришло только с войной. Недаром — об этом мы слышали еще на Дунае — их не застал врасплох самый первый налет фашистской авиации в ночь на двадцать второе июня.

В Севастополе не было той задорной, немного беспечной веселости, которая так ощущалась в уличной толпе Одессы, пока к ней не подступил враг, и нет-нет да и заявляла о себе даже в дни осады. Здесь как будто вообще никто не прогуливался по улицам и бульварам, все шли ускоренным деловым шагом, большинство — с противогазными сумками через плечо.

И все же в этом солнечном и строгом городе было очень спокойно. Он отправлял в боевые походы корабли. Уверенно отражал редкие пока и небольшие, обходившиеся в большинстве случаев без жертв налеты фашистских самолетов. На подступах к городу (с этим мы познакомились позже) строились при активном участии населения оборонительные рубежи. Поезда с севастопольского вокзала давно уже ходили только в другие крымские города, а с остальной страной сообщение поддерживалось лишь морем. Местные предприятия работали на нужды фронта. Однако то, что этот фронт близок — километров полтораста по прямой, здесь как-то не ощущалось.

В те дни всех волновало приближение фашистских полчищ к Москве. Совинформбюро сообщало об этом сдержанно, лаконично. Но уже слова «можайское направление» или тревожная фраза в одной из сводок о том, что в течение ночи положение на Западном фронте ухудшилось, давали понять, какая опасность нависает над советской столицей. Люди останавливались у уличного репродуктора и с суровыми лицами слушали передававшуюся

по радио статью из «Правды» «Закрыть врагу путь к Москве».

А насколько серьезно положение на севере Крыма, многие в Севастополе, может быть, еще и не представляли.

Начальник политотдела армии полковой комиссар Леонид Порфирьевич Бочаров, помню, рассказывал, как на улице, по которой маршировала от причала одна из наших частей и двигались артиллерийские упряжки, какая-то женщина подошла к нему и спросила: «Неужели и к нам может прийти война?»

Должен сказать, что и мы, старшие командиры Приморской армии, в день, когда войска выгрузились с транспортов в Севастополе, имели довольно скудную информацию о военной обстановке в Крыму. Знали еще в Одессе, что противнику удалось овладеть Перекопом (хотя лично у меня по-прежнему плохо укладывалось в голове, как это могло произойти). Знали, что 51-я Отдельная армия, наделенная правами фронта, в подчинение которой мы поступали, держит оборону на Ишуньских позициях. А сколь крепка и надежна там оборона — этого знать пока не могли. Но хотелось верить, что она крепка. Овладев Перекопом, немцы дальше в Крым не вторгались: очевидно, еще не накопили для этого сил. Наступившая передышка, казалось, давала возможность укрепиться на занятых позициях, подготовиться к отражению новых атак. На мысль о прочности ишуньского рубежа невольно наводило и то, что в Севастополе нас на первых порах особенно не поторапливали. Сошедшим на берег войскам отвели для временного размещения казармы училищ и другие здания на Корабельной стороне, командованию армии и штабу — номера в гостинице.

Что и говорить, нашим дивизиям, отходившим на посадку в Одесский порт прямо с передовой, было насущно необходимо некоторое время, не для отдыха, о нем вряд ли кто помышлял, а для приведения себя в порядок, пополнения вооружением и разным войсковым имуществом.

Как ни старались мы вывезти армейское хозяйство с минимальными потерями, поместилось на суда не все. В частях не хватало многого, начиная от автомашин и лошадей (на конной тяге была почти вся артиллерия) и кончая полевыми кухнями.

Нельзя не отдать должного нашему энергичному начальнику тыла интенданту 1 ранга А. П. Ермилову: посланный командармом в Крым с небольшой группой хозяйственников на неделю раньше, он к прибытию основных соединений уже успел кое-что припасти. Но это было лишь начало большой работы.

Помимо решения неотложных вопросов снабжения требовалось восполнить последние потери боевых подразделений хотя бы за счет армейских тыловых служб, получше расставить наличный командный состав, некомплект которого был особенно значителен в ротах и взводах, а также партийные силы.

Не зная, каким располагаем временем, мы в штабе все же надеялись иметь на все это несколько дней. Тем более что их фактически удалось выиграть: как-никак армия была вывезена из Одессы быстрее, чем планировалось.

Радовало настроение в частях. Как ни измотали людей одесские бои, как ни прибавила усталости сама переброска в Крым (для солдата, не привычного к морю, с его особыми тревогами и опасностями, это передряга немалая, даже если все кончается благополучно), никто, попав в тихое место, не позволял себе расслабляться. Все понимали: долгой передышки быть не может.

Я знал по себе, как тяжело переживалась необходимость оставить Одессу, из которой нас два с половиной месяца не мог выбить враг. А ведь красноармейцы, да и большинство комсостава, узнали о том, что мы оттуда уходим, гораздо позже меня, за какие-нибудь сутки или двое до того, как очутились в Севастополе. И значит, эта душевная травма — иначе про такое не скажешь — была у них свежее, больнее. Но и она не сломила их духа. С кем ни поговоришь — вновь убеждаешься: не поддаться горькому чувству помогло людям сознание, что мы ушли из Одессы, чтобы отстоять Крым.

Как только войска разместились в Севастополе, состоялись собрания личного состава и митинги. На них, используя редкую на войне возможность — говорить сразу перед целой дивизией, выступали командиры и комиссары, член Военного совета армии М. Г. Кузнецов, начальник поарма Л. П. Бочаров.

Речь шла прежде всего о готовности к предстоящим боям. Но вместе с тем — в этом чувствовалась потребность — подводились некоторые итоги Одесской обороны.

Подводились с упором на значение накопленного опыта, сложившихся традиций — всего того, чем армия, с честью выдержавшая испытания первых месяцев войны, вправе была гордиться и что увеличивало ее силу.

Правда, старшие начальники не могли в тот момент сказать бойцам, что Приморская армия сохранится и впредь как таковая. Указание полученной еще в Одессе директивы Ставки — по высадке в Крыму войсковые части Одесского оборонительного района подчинить командующему 51-й армией — понималось многими как ликвидация Приморской. Но пока не последовало прямого приказа о расформировании нашей армии, оставалась надежда, что организационные вопросы урегулируются как-то иначе.

Хотелось, конечно, чтобы сохранили и армию, и наш штаб. Хотелось и дальше быть рядом с испытанными товарищами, которых довелось хорошо узнать в трудной обстановке. Однако как бы это ни решилось, можно было не сомневаться: боевого дела в Крыму хватит для каждого.

В ту трудную пору войны мало кто из нас придавал значение собственному служебному положению. В воспоминаниях об обороне Одессы я рассказывал, как стал начальником штаба армии: получил устное распоряжение принять бразды правления от генерал-майора Г. Д. Шишенина, переведенного в штаб оборонительного района, а последовал ли на этот счет чей-то письменный приказ, даже не поинтересовался: было не до того. Своих прежних обязанностей начальника оперативного отдела я никому не передавал (на этом настоял командарм) и совмещал их с новыми обязанностями.

Так продолжалось два месяца. А в Крыму, когда штаба ООР больше не существовало, Гавриил Данилович Шишенин как бы автоматически, насколько помню, без какого-либо особого приказа вернулся на старую должность. Правда, как оказалось, ненадолго. Но в те наши первые крымские дни я, нисколько тем не огорчаясь, считался его заместителем и начальником оперативного отдела.

Главной и единственной нашей заботой было привести войска в полную боевую готовность. К сожалению, сделать все, что надо было для этого, мы не смогли, не успели. Недолгая пауза на севере Крыма 18 октября кончилась. Манштейн тремя армейскими корпусами, поддер-

живаемыми крупными силами авиации, атаковал части 51-й армии на Ишуньских позициях. Там завязались тяжелые бои.

В тот же день поступило приказание выдвигать на север наши дивизии в таком состоянии, как они есть.

Утром 19-го я был в Симферополе. Штаб 51-й армии, где требовалось уточнить полученные по телефону указания, а также оформить заявки на автотранспорт, горючее, боепитание и многое другое, занимал, словно в мирное время или в глубоком тылу, обыкновенное учрежденческое здание в центре, обозначенное, правда, проволочным заграждением вдоль тротуара.

При виде этой колючей проволоки на людной улице невольно подумалось: «Что за игра в войну?» Сержант в комендатуре, выписывая мне пропуск, неожиданно предупредил: «Только сейчас, товарищ полковник, в отделах одни дежурные — сегодня воскресенье».

Командующий армией, начальник штаба и многие другие командиры находились, надо полагать, поближе к фронту. Но те, кого они оставили в городе, отстоявшем всего на несколько десятков километров от переднего края, оказывается, еще соблюдали выходные дни, о существовании которых мы давно забыли. В штабных коридорах я встретил нашего начальника артиллерии полковника Николая Кирьяковича Рыжи, удивленного не меньше моего здешними порядками. Он пожаловался, что не с кем решить вопрос о боеприпасах.

Нужных людей в конце концов разыскали. Но чувство недоумения от этих первых симферопольских впечатлений не изглаживалось долго.

Три дня спустя командующий 51-й армией генерал-полковник Ф. И. Кузнецов был освобожден от должности. Ставка образовала командование войсками Крыма во главе с замнаркома Военно-Морского Флота вице-адмиралом Г. И. Левченко, а его заместителем по сухопутным войскам стал генерал-лейтенант П. И. Батов.

В результате перестройки руководства крымским участком фронта решилась и судьба Приморской армии. Ее уже начали было именовать в документах группой генерала Петрова, но расформировать не успели, и она вошла в состав войск Крыма целиком — как армия (только,

конечно, уже не отдельная), с прежними своими дивизиями, прежним командармом, Военным советом и сокращенным наполовину управлением.

Новому командующему в Крыму Гордею Ивановичу Левченко досталась в наследие обстановка, про которую даже спустя много лет, когда пишутся эти строки, хочется сказать: не позавидуешь!

Вклинившись в нашу оборону на Ишуньских позициях (уже 20 октября была занята Ишунь), противник форсировал устье реки Чатырлык и начал прорываться на левом фланге дальше — по побережью Каркинитского залива. Иными словами, с рубежей на северо-крымском приозерном плато, пусть не особенно выгодных, но все же таких, где при определенных условиях, настойчиво укрепляя еще не слишком широкий фронт, казалось бы, можно держаться, бои перемещались в глубь полуострова, в голую степь, где положение наших войск быстро ухудшалось.

Разбор боевых действий на севере Крыма — не тема этой книги. Но даже если касаешься их вскользь, в той лишь мере, в какой это нужно для объяснения всего дальнейшего, трудно не высказать горькой мысли о том, что в октябре не были сделаны все необходимые выводы из сентябрьских уроков Перекопа.

Ведь и до нашего прибытия из Одессы войск в Крыму было не так уж мало. Собрать бы их вовремя в кулак, создать заслон покрепче там, откуда следовало ждать главного вражеского удара! Не приходилось же рассчитывать, что немцы, овладев перекопскими воротами полуострова, надолго там остановятся.

Между тем в Крыму увлеклись своего рода круговой обороной. Держали значительные силы не только на Чонгаре, у Сиваша, на Арабатской стрелке, но и на побережье у Евпатории, Алушты, Судака — на случай морского десанта. А во внутренних районах — на случай воздушного... Такое распыление наличных сил обошлось дорого.

Слов нет, когда все позади, судить и рядить легче. Думается, однако, можно было и тогда более трезво оценить, велика ли реальная вероятность крупных десантов, в особенности с моря. А на суше противник уже стоял одной ногой в Крыму...

Говоря обо всем этом, я далек от того, чтобы упрекнуть в чем-либо тех, кто дрался на Ишуньских позициях.

Части оборонявшей их оперативной группы генерала Батова сражались мужественно, не раз отбрасывали немцев контратаками. Но у противника был слишком большой численный перевес, особенно в танках и артиллерии, над полем боя господствовала его авиация.

И пока подошли из Севастополя приморцы, положение успело стать критическим: назревал прорыв фронта.

Первой из наших дивизий (если не считать 157-ю стрелковую, вывезенную из Одессы значительно раньше других и уже не числившуюся за Приморской армией) вечером 22 октября вступила в боевые действия на севере Крыма 2-я кавалерийская полковника П. Г. Новикова. Через день — 95-я стрелковая генерал-майора В. Ф. Воробьева и полк чапаевцев. 25 октября сражалась уже вся армия.

Но обеспечить перелом на фронте она не смогла.

Полки и дивизии спешно вводились в бой, по мере того как выгружались на степных станциях за Симферополем и форсированным маршем выдвигались на исходные рубежи. На марше вручался командирам и боевой приказ. Задача была — наступать, отбить у врага только что оставленную Воронцовку, а затем и Ишунь, восстановить положение, существовавшее неделю назад.

Однако на элементарную подготовку наступления времени не давалось. Нам говорили: «Быстрее вперед, иначе противник займет через два дня весь Крым». И тут уж не принималось во внимание, что часть артиллерии еще где-то в пути, а для остальной только начали подвозить снаряды, что неясно с авиационной поддержкой — то ли будет, то ли нет, что невозможно как следует организовать и обеспечить многое другое.

Наступать без должной подготовки, с ходу, было еще труднее оттого, что наши дивизии, как ни закалились они в испытаниях Одесской обороны, опыта наступательных действий, по существу, не имели. Кроме разве 421-й, участвовавшей в сентябрьском контрударе.

И все же приморцы наступали. В ожесточенных встречных боях, в рукопашных схватках отвоевывались где сотни метров, где километр-полтора сухой крымской земли. 287-й полк Чапаевской дивизии решительной атакой обратил противника на своем участке в настоящее бегство. Части 95-й дивизии ворвались в Воронцовку и, хотя овладеть ею полностью не удалось, продвинулись на

ряде участков к Чатырлыку. 25 октября, когда вступили в бой все наши дивизии, немцам пришлось перейти к обороне.

Однако этот успех, достигнутый дорогой ценой, был непрочным. Чтобы развить его или хотя бы закрепить, у нас не хватало сил.

И 26 октября инициативу снова захватил противник. Подтянув резервы, Манштейн двинул в наступление на сравнительно узком участке семь пехотных дивизий, поддерживаемых большим числом танков и самолетов. У нас же все еще не подошли к фронту некоторые, не обеспеченные тягой артполки. Плохо было и с подвозом боеприпасов.

И это — при общем некомплекте огневых средств, с которым мы прибыли в Крым. Самая богатая артиллерией дивизия Воробьева имела 77 орудий. А 421-я стрелковая — едва половину этого. В кавдивизии Новикова своей артиллерии не было совсем.

Как ни трудно было на одесском плацдарме, как ни давил численный и огневой перевес на неприятельской стороне, мы уже привыкли чувствовать себя подготовленными — конечно, в пределах возможного — к отпору врагу. И именно эта наша подготовленность все в большей мере определяла исход боев. А воевать так, как здесь (зачастую без оборудованных позиций, без полноценной артиллерийской поддержки, без реальной возможности вызвать и нацелить куда нужно свою авиацию), приморцам на моей памяти вообще не приходилось.

Глядя на все происходившее из нынешнего далека, видишь и сознаешь, что выдвижение Приморской армии на север Крыма и введение ее там в бой, как ни плохо это было обеспечено, дало все-таки немало. Противник был задержан — дорогой ценой, но задержан! — на севере полуострова на несколько лишних дней. И быть может, уже там, у Ишуни и Воронцовки, начал срываться расчет фашистов захватить с ходу Севастополь: небольшой гарнизон смог использовать эти дни для непосредственной подготовки к обороне города. Но тогда мы думали еще не только о Севастополе — ведь шли с тем, чтобы не пустить врага в Крым...

Прикрывавшие наш левый фланг кавалерийские дивизии, в которых осталось по нескольку сот бойцов, не смогли задержать крупные вражеские силы, двинув-

шиеся от Каркинитского залива на Евпаторию. На правом фланге, также обойденном противником, мы утратили контакт с соседом — 9-м стрелковым корпусом. С трудом отражались попытки врага вклиниться в стыках дивизий и полков, но отдельные танки и группы мотоциклистов прорывались и тут. Чтобы не потерять связи со штабами соединений (им, как и штарму, приходилось часто переходить на новое место), наши направленцы день и ночь носились по степи.

Они доставляли все более тревожные сведения о состоянии частей, о сокращении числа активных штыков. Как всегда в ближнем бою, выбывало из строя много командиров.

В те дни был сражен горячий и бесстрашный подполковник Амбиос Кургинян — недавний начальник штаба 241-го стрелкового полка, только что залечивший свои одесские раны и вернувшийся в тот же полк командиром. Увезли в Симферополь тяжело раненного капитана Василия Барковского — известного всей армии командира лучшего противотанкового артдивизиона. Чапаевцы потеряли начальника штаба подполковника Николая Павловича Васильева. В двух полках дивизии Воробьева были убиты или ранены все комбаты.

Последовала директива Военного совета войск Крыма о переходе к сдерживающим боям с постепенным отходом на промежуточные рубежи в глубине полуострова, для Приморской армии — в южном направлении. Это означало, что возможность вернуться на Ишуньские позиции и отстоять Крым в целом уже исключается.

Затем связь с командованием войск Крыма прервалась. Было лишь известно, что из Симферополя оно выехало (как потом оказалось — в Карасубазар, а оттуда в Алушту). Так настал момент, когда Военному совету Приморской армии потребовалось в сложной и не вполне ясной обстановке самостоятельно принять решение, от которого могло зависеть, в этом мы отдавали себе отчет, гораздо большее, чем судьба самой армии.

Наверное, Иван Ефимович Петров тяжелее, чем любой из нас, переживал то, что произошло с приморцами на севере Крыма,— и в силу особой своей ответственности командарма, и потому, что был по натуре человеком эмоциональным, принимавшим все близко к сердцу. Горечь и боль от сознания, что армия, пусть не по своей

вине, не смогла выполнить поставленной задачи, побуждали Петрова еще напряженнее думать над тем, как все-таки не дать противнику достичь его основных целей на крымском театре военных действий. В решении Ставки об эвакуации наших войск из Одессы возникшая угроза Крыму рассматривалась как угроза базированию Черноморского флота. Значит, имелся в виду прежде всего Севастополь; в конечном счете одесские дивизии нужны были здесь для того, чтобы враг не захватил главную военно-морскую базу страны на юге.

Из этого, считал генерал Петров, следует исходить и теперь.

— В Керчи нам делать нечего, наш тыл — Севастополь! — убежденно говорил он, когда Военный совет армии в первый раз в узком составе обсуждал, куда следует вести войска. Это было в ночь на 31 октября, в глинобитном сарае на окраине Сарабуза, где находился наш КП.

Насколько помню, тогда только Шишенин осторожно высказал некоторые сомнения насчет того, явится ли отход к Севастополю единственно верным решением. Остальные полностью разделяли точку зрения командарма.

Среди нас не было моряков. Но говорили больше всего о флоте, о том, что ему необходимо сохранить свободу действий на всем Черном море, возможность наносить удары по коммуникациям и портам противника и не подпускать неприятельские десанты к нашим берегам. И поэтому армия, которая не зря называется Приморской и уже обороняла вместе с моряками Одессу, должна, пока еще не поздно, стать на защиту Севастополя.

Через двенадцать-тринадцать часов состоялось военное совещание в Экибаше, с которого я начал. К тому времени наш штаб наметил маршруты движения соединений, определил уравнительные рубежи, рассчитал время выхода к ним головных колонн. Был подготовлен и боевой приказ, подписанный сразу после совещания.

Как уже сказано, командарм решил вывести армию на Альму. На моей рабочей карте он сам наметил красным карандашом будущие полосы обороны дивизий на ее южном берегу.

Эта река, а по понятиям Средней России — речка, устремляющаяся с холмов Бахчисарайского плато почти

прямо на запад (вошла в историю благодаря известному сражению 1854 года), образовала на своем пути к морю резко очерченную, местами довольно глубокую долину, которая представлялась выгодным рубежом на дальних подступах к Севастополю. Тем более что невдалеке за нею протянулись в том же направлении, словно запасные позиции, долины еще двух полугорных-полустепных речек — Качи и Бельбека.

Но занять оборону на Альме нам не пришлось. Когда войска уже начали марш (сняться с позиций, как ни мало было на это времени, почти всем удалось в срок), стало известно, что передовые части противника прорвались по приморской дороге в междуречье Альмы и Качи. Вопрос об оборонительной позиции на Альме стал беспредметным: враг нас опередил.

Иногда спрашивают: а нельзя ли было все-таки идти прямо, принять где-то под Бахчисараем бой и пробиться уже не на Альму, а дальше — к Каче, не сворачивая с кратчайшего пути? Так ли уж значительны были преградившие этот путь неприятельские силы?

Подобные вопросы возникали и тогда. А ответ на них диктовался состоянием наших войск, характером местности, общей обстановкой.

Да, мы с самого начала сознавали, что без боя на севастопольские рубежи не выйдем. Однако бой бою рознь. Вступать в него ночью в голой степи, да еще с ходу, имея мало боеприпасов, без танков, не зная к тому же, сколько их у противника и каковы его силы вообще (а быстро выяснить это мы не могли),— не слишком ли велик риск? Попытка пройти к Каче напролом, даже если бы это вообще удалось, могла обернуться такими потерями, после которых от армии, и так уже очень поредевшей, было бы под Севастополем мало проку.

Оценив новую обстановку, командарм около полуночи принял решение направить дивизии на юго-восток от Симферополя, с тем чтобы предгорьями обойти противника, прорвавшегося на юг, и вывести наши войска на Качу.

Чтобы не терять времени, приказ об изменении маршрута передавался в каждую из колонн устно и — во избежание сомнений и переспросов — самыми ответственными лицами. Командиру 95-й дивизии командарм объявил приказ лично, застав его у деревни Камбары, где тот под-

жидал подхода своих частей. Мне было поручено повернуть 172-ю дивизию.

В ночной степи, озаряемой разгоравшимися где-то на западе пожарами, у развилки дорог, я во второй раз встретился с полковником Иваном Андреевичем Ласкиным, которого впервые увидел несколько часов назад в Экибаше. Там поговорить с ним не пришлось, а теперь, хотя встреча была короткой, мы успели немного познакомиться. Для меня это было важно: его дивизия, отходя с нами на Севастополь, окончательно становилась «приморской».

Ласкин производил хорошее впечатление: подтянутый, собранный, явно со строевой жилкой и, как видно, наделен живым умом, быстрой реакцией, схватывает все с полуслова. Должен сказать, что такое представление о нем в дальнейшем только укреплялось (вдобавок он оказался человеком большой храбрости и очень решительным командиром).

Объяснять полковнику Ласкину новую задачу было легко. Притом он отлично понимал, что, раз маршрут удлиняется, важно форсировать движение как только можно.

Мы разговаривали у моей эмки, пропуская мимо дивизию: артиллерийские упряжки, повозки и машины, стрелковые подразделения в пешем строю, снова орудия... Но всего не так-то много, даже с учетом того, что тылы пошли отдельно. А особенно — людей в строю.

Удивляться, впрочем, не приходилось: дивизия с сентября в тяжелых боях, участвовала в крупных контратаках, когда отбивали Армянск, принимала на себя удары и двух, и трех неприятельских дивизий, не давая прорвать свою оборону. А пополнение получала вряд ли регулярно. Словно читая эти мои мысли, Ласкин сказал, что когда он увидел сегодня дивизию, построившуюся в походную колонну (такого случая не было давно, с самого выхода к Перекопу), то в первый момент усомнился, всё ли тут...

Беспокоило состояние других соединений: в каком составе идут они? Полных сведений об этом штарм пока не имел и мог получить, видимо, еще не так скоро.

Пора пояснить, что тем маршрутом, о котором до сих пор велась речь,— сперва прямо на юг, к Альме, а затем в район к юго-востоку от Симферополя и дальше в горы — шли только наши основные силы, но не вся Приморская армия. Армейские и часть дивизионных тылов, тяжелая

артиллерия были с самого начала направлены по шоссе Симферополь — Алушта, с тем чтобы выйти к Севастополю по Южному берегу Крыма, через Ялту. Для артиллерии на тракторной тяге это был практически единственно возможный путь, и после совещания в Экибаше командарм приказал снимать ее с позиций в первую очередь — пока еще можно выйти на шоссе.

Затем по южнобережному маршруту была отправлена как первая помощь гарнизону Севастополя спешенная, по посаженная на машины, благо представилась такая возможность, 2-я кавалерийская дивизия, точнее — то, что от нее осталось: 800 бойцов, сведенных в один полк под командой капитана П. И. Петраша (из Ялты этот полк оказалось необходимым повернуть в горы для прикрытия ай-петринской дороги). Южным берегом пошли и остатки полков 40-й и 42-й кавдивизий, объединенные под общим командованием, после того как выполнили задачу по прикрытию выходов на Ялтинское шоссе. Позже, когда последует приказ, предстояло этим же путем направиться 421-й стрелковой дивизии, которой командование войск Крыма поручило оборонять район Алушты: здесь надо было во что бы то ни стало задержать врага насколько можно.

Предвижу, что у некоторых читателей, знающих Крым, может возникнуть вопрос: не являлся ли маршрут через Алушту и Ялту, хоть и кружный, самым выгодным для быстрейшего сосредоточения под Севастополем всей Приморской армии? Как-никак шоссе...

Но, во-первых, шоссе, идущее по Южному берегу Крыма, было в 1941 году далеко не таким, каким стало теперь. Оно представляло собой тогда узкую горную дорогу с бесчисленными крутыми поворотами, дорогу ограниченной пропускной способности и к тому же очень уязвимую с воздуха, почти без всякой возможности объездов в случае повреждений и заторов. Пустить всю массу войск и обозов по южнобережному шоссе означало закупорить его, помешать пройти здесь и тому, что пройти могло. А во-вторых, не следует забывать: наши стрелковые полки того времени были пехотой в самом прямом смысле слова, и лишняя сотня километров значила для них много.

Путь основных сил армии оказался в конечном счете тоже далеко не прямым и гораздо более долгим, чем представлялось вначале. Маршрут 95, 25 и 172-й дивизий и

следовавшей за ними 7-й бригады морской пехоты, только что сформированной в Севастополе и спешно выдвинутой к Ишуньским позициям, складывался постепенно под воздействием изменяющейся обстановки.

Но определение этого маршрута, все вносимые в него поправки диктовались одним стремлением — быстрее выйти к Севастополю.

Уже на марше удалось связаться с командованием войск Крыма. Оттуда было получено краткое боевое распоряжение генералу Петрову, подписанное в 11 часов 25 минут 1 ноября заместителем командующего П. И. Батовым: «Начните отход на Симферополь, в горы. Закройте горы на Севастополь...» Таким образом, приказание старшего начальника совпало с решением, принятым Военным советом армии и уже выполнявшимся.

Первого ноября три наши дивизии втягивались в горы. День был пасмурный, хмурый, временами с дождем. Зато войскам не досаждала неприятельская авиация. Для основных соединений армии (я не говорю о частях прикрытия) этот день обошелся без серьезных столкновений с противником.

Штарм с утра находился в селении Шумхай (ныне Заречное), невдалеке от Алуштинского шоссе. Движение войск контролировала оперативная группа. Под вечер начался артиллерийский обстрел северных подступов к Алуштинскому перевалу. Пришлось заботиться о том, чтобы на шоссе, по которому сплошным потоком шли обозы, не возникало пробок.

Что касается трех стрелковых дивизий, то по итогам дня складывалось мнение, что через сутки они смогут выйти в долину Качи, южнее Бахчисарая, то есть достигнут первых севастопольских рубежей, представление о которых связывалось у нас в то время именно с Качей. Исходя из этого, например, дивизии генерала Воробьева — она теперь возглавляла общую колонну — была поставлена задача: к исходу 2 ноября занять на Каче оборону к западу от Шуры (Кудрино). В Заланкое (Холмовка) намечалось развернуть 3 ноября командный пункт армии. Мы не предвидели в тот момент, насколько осложнится все дальнейшим быстрым продвижением противника.

Помню разговор у командарма в ночь на 2-е, его взволнованные размышления вслух. Иван Ефимович Петров переносился мыслями в Севастополь, к которому, как

следовало полагать, Манштейн двинул основную или, во всяком случае, очень значительную часть своей ворвавшейся в Крым армии.

Петров сознавал: организация сухопутной обороны города, очевидно, так или иначе ляжет на его плечи. Непрестанно об этом думая, он мучился, что не знает ни состояния оборонительных рубежей, ни какова там обстановка вообще. У Ивана Ефимовича возникал вопрос, не следует ли ему для пользы дела поспешить в Севастополь с полевым управлением, чтобы к подходу основных соединений уже быть на месте.

Вопрос этот, трудный для командарма, поскольку речь шла об его отрыве от главных сил армии, был решен после того, как И. Е. Петров встретился в Алуште с командующим войсками Крыма вице-адмиралом Г. И. Левченко.

Гордей Иванович, старый моряк, жил в те дни судьбой Севастополя. Он был убежден, что теперь и его место там. А Петрову приказал ехать туда немедленно, поторопиться. «У вас есть генералы, которые доведут войска,— сказал Левченко Ивану Ефимовичу,— а вам надо сейчас быть в Севастополе и вместе с командованием флота создавать надежную оборону». Эти подробности их алуштинской беседы я узнал от Петрова, впрочем, уже потом.

Связных самолетов армия не имела. Быстрее всего попасть в Севастополь можно было по южнобережному шоссе, в обгон наших обозов и потока гражданских машин из разных концов Крыма. Так и поехал командарм вместе с М. Г. Кузнецовым, Г. Д. Шишениным, Н. К. Рыжи.

Вслед за командованием отправился основной состав штаба армии, в том числе и я со своими помощниками по оперативному отделу: командарм считал, что все мы нужны в Севастополе и должны там встретить наши войска. Перед самым отъездом из Алушты мы узнали от товарищей из штаба Левченко, что немцы уже в Феодосии.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ РАЙОН

Промелькнул в стороне от шоссе маленький Гурзуф у каменной глыбы Медведь-горы. Осталась позади притихшая, тревожная Ялта, где мы сделали короткую остановку. Там распоряжался Петр Георгиевич Новиков — командир нашей 2-й кавдивизии, принявший по приказу адмирала Левченко обязанности начальника местного гарнизона. Должность сугубо временная, на перепутье, но весьма ответственная уже тем, что в Ялте сходятся дороги — приморская и с Ай-Петри; к тому же это последний перед Севастополем порт.

За Ялтой и Ливадией пошли курортные городки и поселки, совсем мне не известные. В другое время, наверное, постарался бы рассмотреть и запомнить их, а сейчас было не до того. Красоты Южного берега Крыма только растравляли душу. Ведь уже невозможно было помешать тому, чтобы сюда пришел враг. Прорыв обороны на Ишуньских позициях решил на какое-то время и судьбу солнечной полоски земли между горами и морем со всеми этими дворцами и парками.

Мы обгоняли много обозных колонн, однако армейскую артиллерию на марше не видели. Значит, нигде не застряла и идет впереди!

А шли целых три тяжелых артиллерийских полка. Правда, 265-й артполк майора Н. В. Богданова, главная наша огневая сила с самого образования Приморской армии, лишился своего третьего дивизиона: тот поддерживал на севере Крыма соседние части 9-го корпуса и, как видно, пошел с ними к Керчи. Так это действительно и было. Потом мы узнали, что на основе дивизиона богдановцев на Кавказском фронте был создан новый артиллерийский полк. Зато с нами оказались два приданных артполка из

51-й армии. В сложившихся обстоятельствах их уже никто не мог взять обратно, если бы даже и захотел.

С армейской артиллерией получилось как будто неплохо: удачно вывели ее на шоссе под носом у противника, она, должно быть, уже подходит к Севастополю. Но успешно ли там, за этой стеною гор, продвигаются наши дивизии? И что происходит сейчас под Севастополем? Как развернулись моряки с сухопутной обороной, какими располагают на первый случай силами?

Выяснить все это можно было, только прибыв на место. Наверное потому дорога казалась томительно долгой. С каждым часом все больше тяготило вынужденное бездействие.

За Байдарскими воротами наконец увидели отрытые по обе стороны шоссе окопы и краснофлотцев в черных бушлатах, обтянутых крест-накрест пулеметными лентами: вероятно, боевое охранение Севастопольского гарнизона. На контрольно-пропускном пункте нас ждал офицер от начальника тыла армии А. П. Ермилова, прибывшего сюда на сутки раньше и приготовившего для штаба временное помещение в Балаклаве.

Оттуда командарм поспешил к командующему флотом.

За две недели, минувшие после того как Приморская армия двинулась на север Крыма, и особенно за последние четыре-пять дней, в Севастополе и вокруг него успело произойти много событий. Узнавать о них приходилось, входя в курс здешних дел, от разных людей и из разных документов, естественно, не всегда последовательно.

Но о самом важном необходимо рассказать сейчас по порядку.

...29 октября, когда прорыв гитлеровских войск в крымские степи стал необратимым фактом, Военный совет Черноморского флота объявил Севастополь на осадном положении. Еще за три дня до этого был образован городской комитет обороны под председательством первого секретаря горкома партии Б. А. Борисова. А 30-го, во второй половине дня, до северных окраин города глухо донеслось уханье частых орудийных выстрелов.

По звуку люди поняли: стреляют не зенитки, а береговая артиллерия — севастопольцы привыкли слышать ее

на флотских учениях. Теперь эти пушечные выстрелы возвестили о том, что на дальних подступах к Севастополю, за Качей, идет бой.

С тем, что такое береговая артиллерия, мне довелось познакомиться в Одессе. Стационарные дальнобойные батареи, которые в принципе предназначались для защиты порта от морского противника, уверенно били и по наземным целям, эффективно помогая нашим войскам. Береговые артиллеристы носили морскую форму, называли себя по-корабельному комендорами, и весь стиль у них был корабельный — та же подчеркнутая, несколько щеголеватая четкость, точность. Личный состав батарей отличался высокой выучкой и сплоченностью, готов был стоять на своих постах насмерть.

В районе Севастополя флот имел батареи значительно мощнее одесских — вплоть до двенадцатидюймовых. Их главное назначение состояло в том, чтобы не подпускать врага с моря, и на это всегда делался основной упор в боевой учебе. Однако необходимость повернуть орудия в сторону суши не застала севастопольских артиллеристов врасплох. Они заблаговременно подготовили к этому материальную часть и схемы огня, выдвинули на угрожаемые направления наблюдательные посты.

Первой — в 16 часов 35 минут 30 октября — открыла огонь по врагу береговая батарея № 54 старшего лейтенанта Ивана Заики. Она стояла на отлете — километрах в сорока от Севастополя, у деревни Николаевка, прикрывая равнинный участок побережья, удобный по рельефу для высадки десанта. Но стрелять пришлось не по десантным судам, а по танкам, броневикам, машинам с пехотой, появившимся на прибрежных дорогах.

Огонь четырех мощных орудий преградил путь неприятельскому авангарду — подразделениям сводной моторизованной бригады Циглера. Сорвана была и новая попытка противника продвинуться на этом направлении, предпринятая в тот же день с наступлением темноты.

После этого немцы подтянули свою тяжелую артиллерию, бросили на мешавшую им батарею пикировщики, атаковали ее пехотой и танками. Не имея перед собой стрелковых подразделений, на открытой позиции, с незавершенным инженерным оборудованием (лишь несколько дней назад закончилось строительство самой батареи), а под конец — в окружении, пятьдесят четвертая вела

бой трое суток. Тысяча двести снарядов, которые она выпустила, существенно задержали рвавшегося к Севастополю врага. Он потерял здесь до тридцати танков и броневиков, сотни солдат. Потерял и время, темп.

Это был первый заслон на кратчайшем для немцев пути к городу, и уже тут проявилась севастопольская стойкость. Батарея Ивана Заики действовала, пока не вышли из строя все орудия. После этого артиллеристы отбивались ружейно-пулеметным огнем и гранатами. Вместе со всеми сражались женщины — жены комсостава. Чтобы вывезти людей, доблестно выполнивших свой долг, к Николаевке был послан тральщик, но до него смогла добраться на шлюпках только часть личного состава. Остальные, в том числе командир и комиссар батареи, прикрывали отход товарищей. Впоследствии стало известно, что им удалось уйти в горы.

Вслед за пятьдесят четвертой были введены в действие батареи, стоящие ближе к Севастополю,— 10-я капитана М. В. Матушенко и 30-я капитана Г. А. Александера; последняя — одна из двух самых мощных, «линкоровского» калибра.

Эти батареи враг подавить не мог, а для них были досягаемы его войска на большом пространстве от устья Альмы и почти до Бахчисарая, не говоря уже о долине Качи. Благодаря вынесенным на высоты корректировочным постам батареи точно накрывали колонны машин и танков на дальних участках Симферопольского шоссе.

Командир одной из наших дивизий, пробивавшихся в это время к Севастополю, рассказывал потом, как удивились его разведчики, обнаружив где-то невдалеке от Булганака множество разбитых немецких автомашин. Это, несомненно, была работа береговой артиллерии. Продвигаясь по горным дорогам, приморцы не раз слышали в стороне разрывы тяжелых снарядов, но чьи это снаряды, могли только гадать. Куда «достают» своим огнем севастопольские батареи, в армии представляли тогда плохо, а о существовании таких, как тридцатая, пожалуй, еще не знали вообще.

Задним числом, когда наши артиллеристы близко познакомились с флотскими, пришлось пожалеть о том, что знакомство не произошло раньше. Взаимодействие идущей к Севастополю армии с наиболее дальнобойными его батареями, пожалуй, было возможно уже с ночи на 1 но-

ября. Это позволило бы приморцам быстрее и легче преодолевать преграды, которые создавал на их пути противник. Конечно, только при хорошей связи (а армия начала марш, не имея связи с Севастополем совсем), при такой координации действий всех наличных сил, какой в те дни в Крыму не было.

Но если даже какие-то возможности и остались неиспользованными, трудно переоценить то, что сделали севастопольские артиллеристы в конце октября — начале ноября. «В отражении первого вражеского удара по Севастополю,— писал впоследствии генерал И. Е. Петров в «Красной звезде»,— решающую роль сыграли батареи береговой артиллерии. В результате их успешных действий враг оставил на поле боя немало танков и бронемашин, потерял много живой силы. Наступление фашистских войск с ходу захлебнулось. Героические действия флотских артиллеристов позволили выиграть время...»

Под канонаду береговых батарей выдвигались на рубежи обороны скромные силы Севастопольского гарнизона.

Когда над городом, до того относительно далеким от фронта, так стремительно нависла непосредственная угроза, в Севастополе находились два полка морской пехоты и местный стрелковый полк, все неполного состава. Из Новороссийска ожидалась (и прибыла на кораблях 30—31 октября) 8-я бригада морской пехоты полковника В. Л. Вильшанского, только что сформированная на Кавказе. Батальон моряков снимался с Тендровской косы, удерживать которую уже не было возможности и практического смысла.

Этих частей, как их ни расставляй, не хватало, чтобы прикрыть подступы к городу. И в Севастополе стали спешно создавать новые батальоны и отряды из учебных и тыловых подразделений, из ополченцев, из всех резервов, какие были под рукой. На формирование и подготовку к выходу на передовую давались считанные часы.

За три-четыре дня число бойцов, защищающих город на суше, удалось довести примерно до 20 тысяч. Как и при формировании частей морской пехоты в Одессе, возникали трудности с оружием: на месте не оказалось нужного количества винтовок. Но кое-что нашлось в ближайших кавказских базах флота и было доставлено оттуда. Пошли в ход также собранные в городе 2800 учебных

винтовок, которые рабочие оружейных мастерских быстро превратили в боевые.

Остро недоставало артиллерии: как ни мощны береговые батареи, они не могли заменить полевые, особенно противотанковые. Ни одного орудия не имела самая крупная стрелковая часть гарнизона — 8-я бригада морской пехоты. Курсантский батальон училища береговой обороны выступил на фронт с тремя пушками, взятыми с училищного полигона.

В какой-то мере выручала артиллерия ПВО, которой в Севастополе было довольно много — до 200 орудий, считая снятые с оставленных флотских аэродромов в центре Крыма. Две трети имевшихся зенитных орудий были приданы флотским батальонам как полевые, прежде всего — на танкоопасных направлениях.

В резерве имелся достраивавшийся на Морском заводе бронепоезд, знаменитый впоследствии «Железняков». На платформы, обшиваемые листовой корабельной броней, устанавливали пушки с поврежденного эсминца и минометы.

— Продержаться с тем, что есть, пока подойдут приморцы — такова была задача,— говорил нам потом контр-адмирал Гавриил Васильевич Жуков.

На него, недавнего командующего Одесским оборонительным районом, легла в критические дни, когда Манштейн рассчитывал овладеть Севастополем с ходу, ответственность за то, чтобы сорвать этот замысел силами, какие были в городе, отбить первый вражеский натиск. Подчинив вице-адмиралу Г. И. Левченко все войска Крыма, Ставка одновременно тем же решением назначила Г. В. Жукова заместителем командующего Черноморским флотом по обороне главной базы. Он же являлся начальником Севастопольского гарнизона. Им были подписаны первые боевые приказы и распоряжения о занятии частями оборонительных рубежей перед городом. В ряде случаев Гавриил Васильевич сам и выводил, ставил на эти рубежи только что сформированные батальоны.

Этот волевой, решительный человек, организаторские способности и энергия которого во всю силу проявлялись именно в трудных положениях, много сделал для Севастопольской обороны на ее напряженнейшем начальном этапе. Не развернись он на своем новом посту «по-одесски» (это выражение у нас было тогда в ходу, в него

вкладывался большой смысл), упусти время — не дни, а часы, и последствия могли быть непоправимыми.

Этим я, разумеется, не хочу сказать, что своевременное выдвижение на севастопольские рубежи тех сил, какие можно было собрать в городе, заслуга одного контр-адмирала Жукова. Все вопросы обороны главной базы решал находившийся в Севастополе Военный совет флота (правда, командующего флотом вице-адмирала Ф. С. Октябрьского с 28 октября по 2 ноября — как раз, когда под городом начались бои, там не было: он ушел на эсминце в Поти для организации, как говорили моряки, базирования кораблей в кавказских портах). Мобилизовать людские резервы помогал и городской комитет обороны. Наконец, опорой Жукова, его первым заместителем был комендант береговой обороны Черноморского флота и главной базы генерал-майор П. А. Моргунов, с которым читатель вскоре познакомится. Сейчас поясню лишь, что «комендант» в данном случае означает «командующий».

Передовые части Севастопольского гарнизона встретили наступающего врага под Бахчисараем. 31 октября здесь уже вел бой батальон училища береговой обороны под командой полковника В. А. Костышина. Курсанты, закрепившись на высотах по правому берегу Качи, держались стойко. А на следующий день гитлеровцы предприняли на этом участке гнусную психическую атаку: перед своими цепями они гнали толпу женщин и детей. Но это не помогло извергам: огнем с флангов курсанты сумели отсечь фашистских солдат от их жертв. Со своей позиции курсантский батальон отошел лишь по приказу, двое суток спустя, когда возникла угроза, что он будет окружен.

Бои на дальних подступах к Севастополю (сперва еще за линией, намеченной в качестве передового рубежа обороны) носили сдерживающий характер, и иначе быть не могло.

Вслед за своим авангардом, бригадой Циглера, Манштейн бросил к городу части 54-го армейского корпуса. А им навстречу выдвигались наспех сформированные батальоны моряков — отважных и самоотверженных, но не очень хорошо вооруженных, без автоматов и минометов, без танков, почти без полевой артиллерии, заменить которую не могла поддержка мощных, но далеких береговых батарей. Да и оборудованных позиций за передовым рубежом не было.

Под натиском превосходящих сил врага пришлось оставить Качу — поселок в нескольких километрах за устьем одноименной реки, станцию Сюрень, близ которой от Симферопольского шоссе ответвляется дорога на Ялту, Заланкой, где командарм Петров намечал развернуть свой КП, если бы удалось занять оборону по Каче. Завязались бои у Дуванкоя (Верхне-Садовое). Там немцы вышли к передовому рубежу севастопольского обвода.

За счет последних формирований контр-адмирал Жуков уплотнил, насколько было можно, боевые порядки на определившихся наиболее опасных направлениях. Исчерпав на этом свои резервы, он отдал частям гарнизона приказ, в котором требовал удерживать во что бы то ни стало занимаемые рубежи до прихода Приморской армии. Враг находился в 17—18 километрах от центра города.

В первой оперативной сводке за 3 ноября, прочтенной мною в штабе береговой обороны, отмечалось, что противник продолжает накапливать пехоту и мототанковые силы в северном и северо-восточном секторах. 8-я бригада морской пехоты и местный стрелковый полк отбивали вражеские атаки в районах Дуванкоя и Аранчи, три батальона, еще находившихся за передовым рубежом, вели тяжелые бои в долине Качи. Береговые батареи уничтожили за день до двадцати пяти танков. Скопления неприятельских войск штурмовала флотская авиация. Фашистские бомбардировщики — они, несомненно, действовали уже с крымских аэродромов — совершили десять налетов на город и бухты.

Общее положение было очень напряженным. Сутки спустя вице-адмирал Октябрьский послал в Ставку телеграмму, где говорилось, что флот поставил на оборону своей главной базы все, что имел, и единственная надежда — на подход через день-два армейских частей, а если этого не будет, то противник ворвется в город. Об этой телеграмме командующего флотом я тогда не знал. Но как ждут севастопольцы Приморскую армию, мы ощутили сразу.

Наш начальник тыла Алексей Петрович Ермилов, добравшийся до Севастополя на день раньше штаба, сообщил, что ввиду сложившейся обстановки на рубежи обороны отправлен по его собственной инициативе личный состав прибывших с ним хозяйственных подразделений. В боях под Дуванкоем, где враг рвался в Бельбекскую до-

На КП Приморской армии. И. Е. Петров и П. А. Моргунов

П. Г. Новиков

А. Г. Капитохин

Н. М. Кулаков
на наблюдательном
пункте

Задержать врага!

лину, уже участвовал разведбатальон Чапаевской дивизии под командованием капитана Михаила Антипина — самая первая боевая часть приморцев, вышедшая в район Севастополя. С ходу выводились на огневые позиции прибывающие артиллерийские полки.

Однако ждать основные силы армии пришлось не день и не два: противник сумел еще раз преградить путь группе наших дивизий. Но об этом — немного дальше.

4 ноября командарм, вернувшись с флагманского командного пункта флота, протянул мне бумагу с отпечатанным на машинке текстом:

— Вот, читайте.

Это был приказ прибывшего в Севастополь вице-адмирала Г. И. Левченко о новой организации управления войсками Крыма. В связи со сложившейся на полуострове обстановкой создавались два оборонительных района — Керченский и Севастопольский. О последнем в приказе говорилось:

«В состав войск Севастопольского оборонительного района включить: все части и подразделения Приморской армии, береговую оборону главной базы Черноморского флота, все морские сухопутные части и части ВВС ЧФ по особому моему указанию.

Командование всеми действиями сухопутных войск и руководство обороной Севастополя возлагаю на командующего Приморской армией генерал-майора Петрова И. Е. с непосредственным подчинением мне».

Далее я прочел, что начальником штаба Севастопольского оборонительного района назначается полковник Крылов.

Был также пункт о назначении генерал-майора Шишенина начальником штаба войск Крыма, а генерал, занимавший эту должность, отстранялся от нее как не справившийся. Фактически Гавриил Данилович Шишенин уже выполнял задания адмирала Левченко, а это назначение, по-видимому, означало, что из штаба Приморской армии он уходит окончательно.

Командарм, следивший за тем, как я читаю приказ, сейчас же подтвердил:

— Да, да, это касается и вас. Вы стали сразу начальником двух штабов. Впрочем, пока это одно и то же.

Внизу, перед подписью Левченко, значилось: «командующий вооруженными силами Крыма». Не войсками Крыма, как было до сих пор, а «вооруженными силами». Но...

— Здесь не поставлены задачи флоту, его корабельным соединениям,— заметил я.— Не определена и роль командующего флотом — за что в Севастополе отвечает теперь он.

— Бóльшая часть кораблей перебазирована на Кавказ,— пояснил Иван Ефимович.— Тут им теперь не дала бы жизни немецкая авиация. Адмирал Левченко считает, что Военному совету флота также целесообразно перебраться туда. Того же мнения, кажется, и адмирал Октябрьский. А Левченко намерен быть со своим штабом в Севастополе.

Признаться, я не очень удовлетворился тем, что услышал. Где бы корабли ни базировались, без их участия длительная оборона изолированного приморского плацдарма немыслима. Это мы слишком хорошо знали по Одессе. А раз так, почему же в таком важном приказе флот, по существу, обойден?

Очевидно вполне понимая меня, но не желая продолжать разговор на эту тему, командарм суховато сказал:

— Мы с вами солдаты и обязаны принять и выполнить приказ таким, каков он есть. Главное сейчас, Николай Иванович, привести в строгую систему управление всеми обороняющими Севастополь силами. И как можно быстрее. Об этом и надо думать, а остальное так или иначе образуется.

И Иван Ефимович перешел к вопросам практическим:

— Я договорился, что мы разместимся на командном пункте береговой обороны, у Моргунова. Будет тесновато, но это не беда. Зато там налаженная связь с частями — все, что стоит сейчас на севастопольских рубежах, управляется оттуда. Тыл и начальники родов войск, кроме начарта, останутся пока в Херсонесских казармах. Кстати, примите к сведению, хотя приказом это еще не отдано: генерал Моргунов с сего дня является моим заместителем, а начальник штаба береговой обороны полковник Кабалюк — вашим. Что контр-адмирал Жуков вступил в командование здешней военно-морской базой, вы уже прочли.

Так начал организационно оформляться Севастопольский оборонительный район — СОР. Приказ адмирала Левченко, готовившийся, вероятно, в большой спешке, далеко не во все внес ясность. Как увидит читатель, структура СОР, объявленная 4 ноября, оказалась не окончательной.

Но командарм был прав: при всех условиях, при любой структуре общего руководства обороной, главное заключалось в том, чтобы обеспечить четкое, гибкое боевое управление. Пока оно затруднялось уже тем, что на многих участках оборону держали батальоны и отряды, не сведенные в более крупные части, весьма неодинаковые по численности, вооружению, подготовке, без надежной связи. Хорошо, что успели сколотить эти подразделения и занять ими рубежи! Однако такая раздробленность ослабляла фронт обороны.

И все же до прибытия основных сил армии крупные оргмероприятия исключались. Даже ограниченные перегруппировки на отдельных участках требовали предельной осмотрительности: когда противник нажимает, а резервов нет, любой просчет может стать гибельным. В кратчайший срок требовалось досконально изучить обстановку, «впитать» ее в себя, чтобы свободно в ней ориентироваться.

За это мы в штабе взялись с первого же часа пребывания в Севастополе. Но как я ругал себя, что не нашел времени познакомиться с местностью вокруг города и оборудовавшимися позициями в те двое суток, которые провел тут после Одессы! Тогда были другие заботы, да и не верилось еще, что придется воевать под Дуванкоем, у Федюхиных высот или у Балаклавы...

Войти в курс дел нам активно помогали севастопольские товарищи из береговой обороны. Я очень обязан в этом отношении генерал-майору Петру Алексеевичу Моргунову и особенно полковнику Ивану Филипповичу Кабалюку, с которым меня сразу тесно связала начавшаяся совместная работа.

Вряд ли кто-либо в тот момент знал положение под Севастополем — я имею в виду обстановку на суше — лучше, чем эти два командира. До образования СОР и прихода приморцев все нити руководства боевыми действиями, развернувшимися на подступах к главной базе флота, все данные о событиях на каждом участке фронта

сходились именно к коменданту береговой обороны и в его штаб.

К тому же Моргунов и Кабалюк были севастопольскими старожилами, которым все вокруг знакомо и близко.

Соприкасаясь с флотскими командирами-береговиками, я и раньше замечал, что это народ более оседлый, чем наш брат армеец, вечно кочующий из гарнизона в гарнизон,— очевидно, потому, что морских баз и укрепрайонов не так уж много. И место, где прослужены долгие годы, естественно, становится для таких командиров родным. А тем более — такое, как Севастополь. Большая привязанность к нему, гордость за него, с которой переплелись теперь тревога и боль, чувствовались в каждом слове наших новых боевых товарищей.

Потом я узнал, что генерал Моргунов (в юности — слесарь на московском заводе Гужона и красногвардеец, участник штурма Кремля в 1917 году) пришел к Черному морю в бригаде красных курсантов-артиллеристов, сражавшейся против Врангеля. А в береговой обороне Черноморского флота, которую за два года до войны возглавил, прошел все служебные ступени, начиная с командира огневого взвода.

Полковник Кабалюк был старше своего начальника и успел побывать солдатом в окопах первой мировой войны. А севастопольцем стал тоже с тех дней, когда Крым очищали от белых. Командовал батареей и дивизионом береговой артиллерии, служил в штабах, преподавал в течение ряда лет в училище береговой обороны, откуда вернулся на штабную работу большего масштаба.

Иван Филиппович Кабалюк носил пышные усы, говорил неторопливо и чуть-чуть певуче. При всей своей командирской подтянутости он напоминал немолодого украинского крестьянина, спокойного и добродушного (как оказалось, он действительно родился и вырос в приднепровском селе). Но этот медлительный на вид человек отличался большой собранностью, знал цену минуте.

После того как мы, в первый раз встретившись, представились друг другу, он тотчас же развернул карту и без всяких предисловий начал:

— Вот что мы имеем под Севастополем...

Жирные трезубцы, нанесенные на карту по кромке суши от Николаевки, уже занятой противником, до Балаклавы, обозначали позиции стационарных береговых

батарей. Их было девять, но одна — 54-я старшего лейтенанта Заики — больше не существовала. И еще три подвижные. На всех, вместе взятых, меньше пятидесяти орудий. Зато калибр до 305 миллиметров, вдвое крупнее самого тяжелого армейского, и бо́льшая дальнобойность. Словом, артиллерия крепостная.

Эта огневая мощь накапливалась десятилетиями. Некоторые батареи существовали еще до революции, а свои позиции унаследовали от более давних, защищавших севастопольские бухты со времен Суворова, когда только закладывались тут город и порт. Но были и совсем новые, поставленные в предвоенные годы. В том числе самые мощные 30-я и 35-я — башенного типа, с укрытыми под землей и бетоном пунктами управления, казематами, погребами; по существу, целые форты. (Немцы в своих документах почему-то именовали их «Форт Максим Горький-1» и «Форт Максим Горький-2», хотя эти батареи никогда так не назывались.)

Даже на карте огневое прикрытие морских подступов к главной базе флота выглядело внушительно. Пока эти батареи существовали, пожалуй, никакой десант высадиться вблизи Севастополя не мог. Обороняться, однако, пришлось от противника, подошедшего с суши. Береговая артиллерия, как и под Одессой, начала взаимодействовать с пехотой. И поддержка батарей, расположенных к северу от города (остальные огня пока не открывали), уже помогла морским пехотинцам выстоять в первых боях.

Но поддержка поддержкой, а что представляет собою сам фронт обороны? Что за спиной у батальонов, сдерживающих врага на передовом рубеже? Это волновало больше всего.

Первоначальное представление о системе севастопольских рубежей до того, как увидел их в натуре, я получил у той же карты Кабалюка.

— Вот основная, главная линия обороны, с которой мы начали строительство укреплений,— объяснял Иван Филиппович.— Начинается она, как видите, за Балаклавой, идет через Кадыковку, по склонам Федюхиных высот, через Инкерманскую и Камышловскую долины, затем по высотам за Бельбеком и упирается в море у устья Качи... На этой линии сейчас шестнадцать железобетонных дотов с орудиями от сорока пяти до ста миллимет-

ров, больше полусотни пулеметных дотов и дзотов. По фронту рубеж имеет до тридцати пяти километров. Глубина пока невелика — двести-триста метров, тут еще многое надо сделать... Огневых точек тоже должно быть больше. Пока ими наиболее насыщен центральный участок: тут пересеченная местность, требовалось сразу ставить их почаще...

Я слушал Ивана Филипповича, смотрел на карту, закрепляя в памяти расположение главного рубежа, а сам старался понять, почему он так близко от города: в центральной части обвода всего в семи-восьми, а кое-где даже в пяти километрах, и только на флангах несколько дальше. Ведь, подойдя к этому рубежу, немцы смогут держать весь город под артиллерийским обстрелом.

Пусть существовал еще передовой рубеж в виде опорных пунктов, прикрывающих подступы к главному. Но главный есть главный. Можно ли рассчитывать, что он надолго останется у наших войск в тылу?

Видимо, мне не обойтись без рассказа, хотя бы самого краткого, о том, как возникли сухопутные оборонительные рубежи перед Севастополем. Правда, в тот момент их история интересовала меня гораздо меньше, чем фактическое состояние.

Конечно, можно было пожалеть, что ими не занялись по-настоящему заблаговременно, до войны: уж что-что, а главная база флота, казалось бы, заслуживала того, чтобы быть на случай любых неожиданностей надежно прикрытой не только с моря и воздуха, но и со стороны суши. Тем более что в прошлом уже приходилось драться за Севастополь на берегу.

Но прежде чем упрекать кого-то задним числом в забвении исторических уроков и недооценке возможных опасностей для базы, полезно все же вспомнить, как представляли мы будущую войну. Кто из нас, кадровых военных, допускал в тридцатые годы, что на Крымском полуострове, хорошо защищенном с моря и отстоящем чуть не на тысячу километров от сухопутной границы, может появиться армия противника? Подобная ситуация просто исключалась, была чем-то немыслимым.

И все-таки опыт войны, которая шла на Западе, побудил моряков кое о чем задуматься. В конце 1940 года

черноморцы получили приказ наркома Военно-Морского Флота, требовавший принять меры к обеспечению сухопутной и противовоздушнодесантной защиты баз. Речь шла в первую очередь о Севастополе. В феврале сорок первого комиссия во главе с П. А. Моргуновым приступила к рекогносцировке на местности.

Однако, как рассказывал генерал Моргунов, работали они, что называется, наугад: не имели ясного оперативно-тактического задания, не знали, на какой состав сил и боевых средств надо ориентироваться при выборе рубежей. К тому же в первую комиссию (потом была создана вторая, расширенная) не включили представителей инженерного отдела флота, хотя вести строительство предстояло ему. То, что под Севастополем действительно могут понадобиться траншеи и доты, должно быть, еще не у всех укладывалось в сознании. Разве что — для отражения и ликвидации крупного воздушного десанта...

Весной 1941 года черноморцы совместно с Киевским Особым военным округом провели двустороннее учение: воздушнодесантные войска, высадившись в тылу главной базы флота, наступали, а моряки оборонялись. Кажется, это учение многое подсказало флотскому командованию, помогло увидеть уязвимые места. После него, примерно за месяц до войны, район вокруг Севастополя разделили на три сектора обороны, к которым были приписаны части гарнизона, включая военно-морские училища. Создавались также городские боевые участки — севастопольский и балаклавский. Вся эта организация, нацеленная на отражение воздушных десантов, вступала в действие по сигналу тревоги.

Что касается самих рубежей, то практически за них взялись, когда уже разразилась война, в первых числах июля. И взялись решительно. Кроме специальных частей на работы выходил личный состав многих других, а также тысячи жителей города. Организаторами всего дела были комендант и штаб береговой обороны. В техническом отношении оборудованием позиций руководил начальник инженерного отдела флота военинженер 1 ранга В. Г. Парамонов.

Параллельно с главным оборонительным рубежом приступили к строительству тылового — «рубежа прикрытия эвакуации», как его тогда называли. Он проходил в двух-трех километрах за окраиной города — от Стрелецкой

бухты, через Английское кладбище, гору Суздальскую и станцию Мекензиевы Горы к устью Бельбека. (Позже этот 19-километровый тыловой обвод дополнился на правом фланге второй полосой, промежуточной между ним и главным, от Инкермана к мысу Феолент.)

И наконец, в сентябре, когда враг уже подступил к Перекопу, Военный совет флота решил усилить сухопутную оборону главной базы созданием передового рубежа, вынесенного на пять—семь километров дальше главного. А так как на сооружение новой сплошной линии укреплений времени могло не хватить, и действительно не хватило, стали оборудовать прежде всего четыре опорных пункта на танкоопасных направлениях.

Аранчийский опорный пункт должен был прикрывать северное направление, дорогу от Евпатории; Дуванкойский — Симферопольское шоссе и выход в долину Бельбека; Черкез-Керменский — долину Кара-Коба; Чоргуньский — Ялтинское шоссе, Золотую долину и путь к Инкерману. Каждый из опорных пунктов представлял собою комплекс дотов и дзотов, противотанковых надолбов, минных полей и других инженерных заграждений. В целом эта дополнительная система укреплений была призвана задержать противника на таком расстоянии от Севастополя, чтобы город и порт оставались вне действительного артиллерийского огня.

Но почему все-таки не обеспечивал этого главный оборонительный рубеж, почему он был проложен слишком близко к городу?

Объясняли это по-разному. Чаще всего говорили, что, когда к городу стал подходить враг, едва хватило сил и для таких позиций. Но ведь оборона главной военно-морской базы — не такая задача, которая решается силами одного ее гарнизона...

Лично я пришел в свое время к убеждению, при котором и остался: севастопольские рубежи оказались такими, а не иными прежде всего потому, что, намечая их, думали не столько о сухопутной обороне в широком смысле слова (тем более — не о длительной), сколько о преградах для сброшенного воздушного десанта. Пусть крупного, но не располагающего, например, тяжелой артиллерией. Это и определяло дистанции, масштабы строительства рубежей.

В ходе работ многое в первоначальных планах корректировалось, дополнялось. Пример тому — опорные пункты передового рубежа. Однако пересматривать основное уже не было времени. Главный рубеж прошел там, где его наметили перед войной.

В середине октября в Севастополе взялись было за проектирование нового рубежа, вынесенного на тридцать и больше километров от города, с расчетом задержать вражеские войска на дальних подступах к главной базе флота. Он должен был пройти через Байдарские ворота, Керменчик, Шуры, Бахчисарай... Рекогносцировочные группы инженерного отдела успели наметить места огневых точек. На отдельных участках у Альмы начали отрывать окопы, кое-где ими воспользовались в первых боях передовые отряды защитников города. Проект этого рубежа как бы перекликался с мыслью об обороне на Альме, возникавшей у многих из нас при отходе от Ишуни. Но проект остался проектом: он родился слишком поздно. Да и вряд ли хватило бы сил его осуществить.

Чтобы больше не возвращаться к этой теме, скажу, что при ознакомлении с позициями на местности приходилось еще не раз подавлять чувство огорчения и досады. Передовой и главный рубежи проходили так, что большинство командных высот находилось на стороне противника. А доты были расставлены слишком уж открыто, будто напоказ, представляя хорошие цели. Причем примерно треть готовых артиллерийских дотов и такая же часть пулеметных точек приходились на тыловой рубеж, который пока не было надобности занимать войсками. И только там, на тыловом обводе, были отрыты противотанковые рвы.

Вообще «рубеж прикрытия эвакуации» неожиданно оказался в наибольшей готовности (строительство его форсировали, опасаясь выброски противником воздушного десанта). Главный же рубеж на ряде участков правой его половины фактически был лишь обозначен.

Я далек от того, чтобы недооценивать сделанное строителями севастопольских рубежей. Они выполнили за короткий срок очень большую по объему работу, трудоемкость которой умножалась природными условиями, неподатливостью каменистого, местами скального грунта. А недоделки объяснялись острой нехваткой не только времени, но и инженерно-заградительных средств — ко-

лючей проволоки, противотанковых и противопехотных мин.

И при всех недостатках системы укреплений, созданных к ноябрю, прорваться через них к городу враг не смог.

Строительство и совершенствование сухопутных рубежей продолжалось. В эту работу (руководство ею перешло к генерал-майору инженерных войск Аркадию Федоровичу Хренову, ставшему заместителем командующего СОР по инженерной обороне) включились затем инженерные и саперные батальоны Приморской армии. Да и каждая наша стрелковая часть внесла свой вклад в полевую фортификацию на подступах к главной базе флота.

И в конечном счете рубежи обороны сделались такими, что противник стал называть их крепостью, хотя никаких крепостей, в обычном смысле слова, на суше под Севастополем не было.

Командный пункт береговой обороны помещался на холмистой окраине города, в переоборудованных подземных казематах старой, давно упраздненной батареи.

Теперь здесь Амурская улица, выросли новые здания. А в 1941 году был малолюдный Крепостной переулок, несколько домиков, побеленных снаружи, как украинские хаты, с тихими, оплетенными виноградом двориками за каменными оградами.

Казалось, этот уголок Севастополя остался таким, каким выглядел лет девяносто назад, в первую оборону. О той поре напоминали сохранившаяся на углу кирпичная кладка старинного укрепления с квадратной пушечной амбразурой и название соседней улицы — 6-я Бастионная.

Место это довольно высокое. За деревьями и крышами карабкающихся по склону улочек открывались взгляду морские дали, виднелись центральная часть города, рейд за плавучим боновым заграждением, Северная сторона с Константиновским равелином...

А в каземате старой батареи, под толщей бетона, все похоже на наше одесское подземелье. Так же не доносятся сверху никакие звуки, так же никогда не выключается электричество. Только потеснее, чем было в просторных хранилищах шустовского завода, да и не так глубоко.

Флотские береговики по-братски разделили с нами помещение, которое готовили на военное время для себя. Наш командный пункт на «втором этаже», то есть на самом нижнем. Справа, как войдешь, «каюта» командарма: деревянный топчан у стены, рабочий стол, два стула... Больше уже ничего не поместилось бы. В такой же «каюте» в глубине каземата размещаюсь я. Более просторный «кубрик» (моряки любят и на берегу называть все по-корабельному), слева от входа, отведен оперативному отделу. Там же дежурная служба, рядом — узел связи.

Этажом выше, над нами,— начальник артиллерии армии со своим штабом. Командование береговой обороны — Моргунов, Кабалюк и оперативная часть их штаба — находится по-соседству, под общей с нами бетонной крышей, но у них есть отдельный выход наверх.

Главным достоинством нашего КП была налаженная связь. Со всеми батареями и многими другими объектами базы — особо надежная, по подземному кабелю. Стараниями армейских и флотских связистов к нему постепенно подключались и стрелковые части, а потом мы напрямую соединялись с командирами полков.

Командарм согласился, что оставаться мне дальше также и начальником оперативного отдела нет необходимости. Им был назначен майор Михаил Юльевич Лернер, работавший в отделе с первых дней Одесской обороны,— отличный, вдумчивый штабист, спокойный и добродушный человек. Помощниками его оставались знакомые читателям моей прошлой книги капитаны И. П. Безгинов, К. И. Харлашкин, И. Я. Шевцов — наши боевые направленцы.

К ним прибавился майор А. И. Ковтун-Станкевич, о котором я писал тогда как о начальнике разведки Чапаевской дивизии и временном командире одного из ее полков. Командарм Петров, знавший Ковтуна-Станкевича как бывший комдив Чапаевской, сразу после Одессы взял его в штарм, сказав тогда мне: «Тут он очень пригодится!»

Майор Ковтун (вторая половина его фамилии в обиходе обычно опускалась, против чего он никогда не возражал) был в штабе едва ли не самым старшим по возрасту. Он участвовал в гражданской войне, в двадцатые годы служил начальником штаба кавалерийского полка, а затем лет пятнадцать работал в сельском хозяйстве директором совхоза, директором МТС. В кадры армии вер-

нулся из запаса всего около года назад, но перерыв в службе у него как-то не чувствовался: очевидно, помогал старый военный опыт в сочетании с богатым житейским. Инициативный и решительный, быстро схватывающий и трезво оценивающий обстановку, он сразу стал использоваться в качестве офицера для особых поручений, хотя в нашем штате такой должности и не значилось.

Когда положение на севере Крыма сделалось очень напряженным, Ковтун, имея в своем распоряжении отдельный разведбат Чапаевской дивизии, отвечал за прикрытие армейского КП. С этим батальоном он прибыл и в Севастополь, первым из штаба армии, и, выполняя задание командарма, немедленно приступил к развертыванию передового командного пункта на Мекензиевых горах, у кордона Мекензи № 1.

На картах значились еще два кордона Мекензи, а также хутор Мекензия. Как объяснили моряки, все эти названия произошли от фамилии адмирала, который в давние времена, при зарождении Севастополя, имел касательство к строительству всяких флотских служб на берегу Северной бухты. Должно быть, кордоны Мекензи играли тогда роль каких-то застав, а теперь оставшиеся от них старые дома были просто ориентирами на местности.

Считая район Мекензиевых гор ключевой позицией на ближних подступах к Севастополю, генерал Петров поехал прежде всего туда. Майор Ковтун, успев разобраться в обстановке и установить связь с оборонявшимися на этом направлении батальонами и отрядами, уже подготовил рекомендации о первоначальных мерах по упорядочению управления ими. И первые боевые распоряжения в качестве командующего СОР генерал Петров отдал именно там, причем писал их, как не раз делал это и под Одессой, прямо на картах комбатов.

Оборона была пока весьма неплотной, на передовой с нетерпением ждали свежих сил. Но с Мекензиевых гор Иван Ефимович вернулся повеселевшим, воодушевленным. Он с удовлетворением говорил о боевом настроении людей, с которыми там встретился. Потом я слышал от морских пехотинцев, что их, в свою очередь, ободрило появление на переднем крае армейского генерала, хотя главные силы приморцев еще не пришли.

По моим наблюдениям, моряки, ставшие на защиту Севастополя, вообще очень хорошо встречали сухопутных командиров и подчинение им принимали с радостью, очевидно сознавая, сколь это важно для успеха боев. Подтверждение этому я нашел и в авторитетном флотском документе, познакомиться с которым имел случай впоследствии. Начальник Главного политуправления Военно-Морского Флота армейский комиссар 2 ранга И. В. Рогов, прибывший в те дни в Севастополь, телеграфировал Наркому ВМФ: «Характерно отметить, что краснофлотцы, отобранные в морскую пехоту, просят назначить командиров, знающих сухопутные операции».

На Мекензиевы горы И. Е. Петров наметил поставить Чапаевскую дивизию, в стойкость которой очень верил. Дивизия была еще в горах, но капитаны Безгинов и Харлашкин — они вслед за Ковтуном осваивали этот сектор — заранее получили задание быть готовыми встретить чапаевцев и провести на предназначаемые им участки.

На этом же направлении занял огневые позиции уже прибывший 265-й — богдановский — артполк. Временно, пока отсутствовали начарты дивизий, майор Н. В. Богданов был облечен правами старшего артиллерийского начальника на всей северной половине севастопольского фронта.

Мне, как, впрочем, и Лернеру, реже, чем другим, удавалось отлучаться с КП, особенно на первых порах. Познакомившись мало-мальски с обстановкой, мы сели вместе с Иваном Филипповичем Кабалюком за подготовку боевого приказа по Севастопольскому оборонительному району. Он был подписан командующим СОР И. Е. Петровым, членом Военного совета М. Г. Кузнецовым и мною, как начальником штаба, в ночь на 6 ноября.

Приказ требовал объединить действия всех частей и отрядов и определял порядок боевого управления ими. За основу боевой организации были взяты три сектора — с определением задачи каждого, корректировкой их границ, перечислением переподчиненных подразделений.

Силы были все те же — прежний севастопольский гарнизон плюс прибывшие к тому времени артполки. Резерв оборонительного района составляли отряд береговой обороны и разведбат Чапаевской дивизии. Об остальных наших силах, хотя штаб, конечно, имел уже примерный

план расстановки их на рубежах, говорилось в приказе единственно то, что только и можно было тогда сказать: «Части Приморской армии с тяжелыми боями продвигаются на Севастополь».

Приказ был нацелен на повышение роли секторов как важнейшего звена в управлении силами обороны. Однако поставить во главе каждого сектора опытного общевойскового командира мы еще не могли. Таковых на месте не было, приходилось ждать наших комдивов. Только в первом секторе прежнего коменданта, по званию капитана, сменил два дня спустя полковник П. Г. Новиков, освободившийся от своих временных обязанностей в Ялте.

Шестого и седьмого ноября положение было напряженнейшим. Враг расширял фронт атак, явно рассчитывая не тут, так там прорвать нашу оборону, пока она еще не окрепла, пока не соединились Севастопольский гарнизон и Приморская армия.

Отбиться любой ценой и выиграть время — к этому сводилась ближайшая задача.

В такой обстановке наступила 24-я годовщина Великого Октября. Несмотря ни на что, праздник чувствовался. Из Москвы, под стенами которой также шли бои, транслировалось, как обычно, торжественное заседание... А наутро, тоже как обычно, только в более ранний час, состоялся военный парад на Красной площади. Его не ждали, о нем не было и мысли: ведь Москва сделалась прифронтовым городом. Но парад состоялся, на Красной площади выступил перед войсками Сталин... Что значил в тот момент самый этот факт, трудно передать... Это надо было пережить. Октябрьские дни сорок первого года незабываемы. Они прибавили людям сил для борьбы с ненавистным врагом, укрепили уверенность в нашей победе.

Под Севастополем день 7 ноября ознаменовался активными действиями морской бригады полковника Вильшанского.

Ей приходилось держать оборону почти на десятикилометровом фронте. На значительной части этого участка было пока относительно спокойно, но командование бригады имело смутное представление о том, какие не-

приятельские силы ей противостоят, чего от них можно ожидать. А когда собственные боевые порядки жидковаты и огневых средств мало, особенно опасно плохо знать конкретного противника.

Чтобы познакомиться с ним поближе, была предпринята разведка боем пятью усиленными ротами. Им ставилась задача улучшить позиции бригады захватом трех высот между Бельбеком и Качей. Так как у Вильшанского своей артиллерии не было, короткую артподготовку произвели одна береговая батарея и одна из богдановского полка.

Враг такой активности от нас явно не ожидал. Наша атакующая группа, действуя решительно и напористо, заняла все три высоты (одной немцы через несколько часов овладели вновь), истребила свыше 200 гитлеровцев, захватила пленных и трофеи, в том числе 3 орудия, 10 минометов, 20 пулеметов. Не лишне сказать, что сама морская бригада имела на тот день 29 пулеметов, считая и ручные, на все 10 километров своего фронта.

Было установлено: на этом участке находятся части 132-й немецкой пехотной дивизии и 5-й мотополк румын; добыты и другие полезные сведения о противнике. Значение нашей «большой разведки», первой такой под Севастополем, было велико. Она показала, как можем мы бить врага при всем его численном и техническом перевесе. Для бойцов бригады Вильшанского — запасников, воюющих всего неделю, почувствовать это было особенно важно.

А на центральном участке передового оборонительного рубежа, в районе Черкез-Керменского опорного пункта, 2-й и 3-й морские полки весь день отбивали ожесточенные атаки гитлеровцев. Противник начал наступать здесь еще накануне, стремясь прорваться в долину Кара-Коба и на Мекензиевы горы. И это наряду с продолжавшимся натиском в районе Дуванкоя представляло сейчас наибольшую опасность. Становилось все очевиднее, что враг стремится расчленить наш фронт, пробиться к Северной бухте.

Несмотря на поддержку морской пехоты береговыми батареями, несмотря на то, что расчеты дотов и дзотов — правда, тут их было немного — держались до последнего, 6 ноября немцы заняли Шули (Терновка), Черкез-Кермен (Крепкое) и соседнюю высоту Ташлык. Высоту ба-

тальон 3-го морского полка отбил контратакой, но вернуть остальные позиции не хватило сил. Передового опорного пункта на восточном направлении фактически больше не существовало.

К вечеру 6-го у нас появилась возможность усилить оборону долины Кара-Коба только что вышедшим к Севастополю — впереди остальных частей Чапаевской дивизии — 31-м Пугачевским стрелковым полком подполковника К. М. Мухомедьярова. Полк был невелик, нуждался в доукомплектовании и приведении в порядок после тяжелого марша по горам; он посылался в этот район как страховочный резерв. Но ввести его в бой понадобилось уже на следующее утро. Полк помог морским пехотинцам остановить здесь противника.

Однако левее по фронту немцы вновь продвинулись. Во второй половине дня 7-го в их руках оказался хутор Мекензия, расположенный всего в восьми километрах от оконечности Северной бухты.

Обеспокоенный ухудшением положения на Мекензиевых горах, И. Е. Петров выехал на передовой КП, где по-прежнему находился Ковтун. Иван Ефимович, как всегда, испытывал потребность лично ознакомиться с обстановкой там, где она осложнилась. И очевидно, хотел на месте удостовериться, что следует направить именно туда (предварительное решение об этом им было уже принято) 7-ю бригаду морской пехоты, которая в эти часы сосредоточивалась за Южной бухтой, на Корабельной стороне.

Бригада была «коренной» севастопольской. Около месяца назад ее сформировали из моряков-добровольцев с кораблей и из береговых подразделений главной базы и считали основным войсковым прикрытием города. Но когда гитлеровцы прорвали Ишуньские позиции, командование войск Крыма потребовало отправить бригаду туда вслед за нашими дивизиями. Там она поступила в подчинение командарму Приморской и потом вместе с армией начала обратный марш к Севастополю, хотя из-за перебоев в связи иногда выбирала путь самостоятельно. В ночь на 7 ноября основную часть бригады приняли на борт в Ялте высланные из Севастополя эсминцы, а небольшой отряд с командиром во главе выходил в это время горными тропами в Байдарскую долину.

Так 7-я бригада морской пехоты, поредевшая (два ее батальона попали в окружение, из которого вышли лишь мелкие группы), но все же насчитывавшая без малого две тысячи бойцов, вернулась в Севастополь. Командовал ею полковник Евгений Иванович Жидилов, черноморский ветеран под стать Моргунову и Кабалюку: он тоже пришел в эти края двадцатилетним командиром взвода, когда освобождали Крым от врангелевцев.

Еще не познакомившись с командиром бригады (встречаться с Жидиловым до Севастополя в крымских степях мне не приходилось), я узнал ее комиссара Николая Евдокимовича Ехлакова. Прибыв с теми батальонами, что шли из Ялты морем, он, не дожидаясь комбрига, явился к нам на КП — коренастый, широкоплечий, в кубанке и армейской шинели, из-под которой виднелся стоячий синий воротник морского кителя, а черные флотские брюки были заправлены в пехотные кирзовые сапоги.

Перед командующим батальонный комиссар Ехлаков держался нескованно, непринужденно. Чувствовалось, что человек он прямой, по характеру независимый. Если дело касается боеспособности части, насущных ее нужд, выложит без обиняков любому начальству все, что считает необходимым. Люди такого склада нравились генералу Петрову. Он слушал военкома бригады с заметной симпатией к нему, позвав и меня с ним познакомиться.

Позже мне стала известна примечательная деталь родословной Ехлакова: в первой обороне Севастополя участвовал его дед — солдат Суздальского пехотного полка, того самого, от которого получила тогда название гора Суздальская, теперь снова ставшая боевым рубежом. Вот какие глубокие «севастопольские корни» оказались у этого комиссара морской пехоты, родом сибиряка. И уж когда он говорил бойцам о традициях русских воинов, сражавшихся на крымской земле, это шло от самого сердца!

На КП Ехлаков докладывал о состоянии прибывших батальонов. Его заботили виды на доукомплектование и получение противотанковых средств. Вопросы были вообще-то «командирские», но комиссара касалось все, и раз он появился тут первым, он их и ставил. И понятно, интересовался, какую задачу получит бригада.

Командующий сказал, что ее по всем правилам следовало бы вывести сейчас в резерв и пополнить, как положено. Однако с этим придется обождать. До полуночи

пусть люди отдохнут, а за это время последует боевой приказ.

Перед рассветом (к тому времени прибыл и комбриг со своим отрядом) бригада Жидилова была на машинах переброшена на Мекензиевы горы. Утром 8-го она контратаковала немцев, имея задачу вернуть хутор Мекензия и продвинуться к Черкез-Кермену.

Но я должен еще рассказать о том, что происходило 7 ноября у Дуванкоя. Здесь противник был несколько дальше от города, однако характер местности позволял шире, чем на восточном направлении, использовать танки. И важнее всего было не дать им прорваться вдоль Симферопольского шоссе и по Бельбекской долине.

В день Октябрьской годовщины тут принял боевое крещение, поддерживая морскую пехоту, вступивший в строй бронепоезд «Железняков». Действовал он успешно: огневыми налетами с выгодных позиций помог сорвать по крайней мере две попытки гитлеровцев вклиниться в нашу оборону. Однако полагаться на то, что поддерживающая артиллерия, в том числе береговая, выручит во всех случаях, стрелковым подразделениям не приходилось. А противотанковой артиллерии, как и вообще полевой, находящейся в боевых порядках пехоты, было мало. Готовясь к отражению танковых атак, командиры размещали впереди занимаемых рубежей (по возможности подальше) группы бойцов-истребителей с гранатами и зажигательными бутылками.

Одну такую группу, принадлежавшую к 18-му батальону морской пехоты, возглавлял политрук Николай Дмитриевич Фильченков. Группа была выдвинута вперед в предвидении того, что противник может направить танки в обход обороняемой батальоном высоты. С Фильченковым пошли краснофлотцы Иван Красносельский, Даниил Одинцов, Юрий Паршин, Василий Цибулько.

Ныне эти имена известны далеко за пределами Севастополя. А там каждый школьник укажет дорогу к памятнику пяти героям — коммунисту и четырем комсомольцам, которые 7 ноября 1941 года ценою своей жизни остановили рвавшиеся к городу фашистские танки. Уже подорвав несколько их и не имея иной возможности

задержать остальные, моряки, обвязавшись последними гранатами, бросились под танки...

Такова была решимость защитников города остановить врага во что бы то ни стало. Пожалуй, достаточно вдуматься в один этот факт, чтобы понять, почему гитлеровцы не смогли с ходу ворваться в Севастополь, несмотря на немногочисленность его гарнизона и незавершенность оборонительных рубежей.

Тридцать лет спустя подвиг политрука Фильченкова и его товарищей ожил на экране. С него начинается посвященная Севастопольской обороне кинокартина Мосфильма «Море в огне». Мне кажется, этот пролог фильма помогает людям нового поколения ощутить героическую атмосферу тех дней.

Должен тут же сказать, что о подвиге у Дуванкоя, которому суждено было стать бессмертным, мы узнали не сразу. Во всяком случае, ни 7 ноября, ни в ближайшие после этого дни донесений о нем не поступало. Схватка моряков с танками произошла за передним краем, на ничейной земле. Санитар, добравшийся туда, когда один из пяти героев — Василий Цибулько — был еще жив, сам получил тяжелое ранение и не успел или не смог никому передать до отправки в госпиталь то, что он услышал от умирающего краснофлотца.

Как все было, выяснилось лишь через некоторое время. Но что какие-то бойцы остановили вражеские танки, видели с соседних высот, из расположения других подразделений, и о подвиге этих бойцов разнеслась молва.

На войне не раз бывало, что в легенду превращалось событие, уже хорошо известное. Здесь же получилось наоборот: подвиг группы Фильченкова сначала стал героической легендой, передаваемой из уст в уста, из окопа в окоп, а потом уже обрел достоверность восстановленного во всех подробностях факта. И пятеро славных севастопольцев были посмертно удостоены звания Героя Советского Союза.

Вернуть Черкез-Кермен нам не удалось. Весь день 8 ноября шли упорные бои за хутор Мекензия, но и он оставался в руках противника. Крайне напряженное положение сохранялось в Бельбекской долине. И все же

стало чувствоваться, что натиск гитлеровцев идет на спад. Они овладели двумя из четырех опорных пунктов нашего передового рубежа. Всего семь километров отделяло их от берега Северной бухты, куда были нацелены вражеские клинья. Однако продвинуться дальше противник не смог.

«В этих условиях,— констатировал потом фон Манштейн в своих мемуарах,— командование армии должно было отказаться от своего плана взять Севастополь внезапным ударом с ходу...»

Оправдываясь в провале этого плана и стараясь объяснить, как 54-й корпус оказался остановленным на ближних подступах к городу, командующий 11-й немецкой армией, между прочим, утверждает: «Противник счел себя даже достаточно сильным, чтобы при поддержке огня флота начать наступление с побережья севернее Севастополя...»

До наступления ли было нам тогда!

Но, столкнувшись со стойкой и активной обороной севастопольцев, враг пришел к выводу, что сил, первоначально выделенных для овладения городом (50-я и 132-я пехотные дивизии, сводная мотобригада Циглера и румынские части), недостаточно. «Потребовалось,— пишет Манштейн,— перебросить сюда для подкрепления 22-ю пехотную дивизию из состава 30-го армейского корпуса».

Тогда мы не знали, какие именно новые части подтянет гитлеровское командование к Севастополю. Однако в том, что оно будет усиливать действующую против нас группировку, сомневаться не приходилось.

Но росли и наши силы: на рубежи севастопольской обороны выходили основные соединения Приморской армии.

В этой главе я до сих пор говорил только о том, что происходило непосредственно у Севастополя, вводя читателя в обстановку, с которой знакомились мы сами. Но естественно, что все эти дни непрерывного внимания штаба армии требовало и продвижение наших войск в горах.

Кажется, совсем невелик Крым! Треугольник Симферополь — Алушта — Севастополь, вмещающий всю южную часть полуострова, можно объехать на машине за несколь-

ко часов. Но обманчивы короткие крымские расстояния, если надо пересекать этот треугольник через горные хребты и их отроги. А тем более — если приходится прокладывать себе путь с боем.

Противник проявил больше мобильности, чем мы от него ожидали, когда в ночь на 2 ноября намечали в Шумхае маршрут движения главных сил армии по долине Качи через Бия-Сала, Шуры (теперь Верхоречье, Кудрино). Как стало потом известно, Манштейн, бросив свой 54-й корпус прямо на Севастополь, поставил частям 30-го корпуса задачу не выпустить из гор Приморскую армию. Быстро реагируя на маневр наших войск, немцы сумели занять Шуры раньше, чем туда подошли приморцы.

Попытка чапаевцев и 95-й дивизии сбить вражеский заслон днем 3 ноября кончилась тем, что южнее захваченного противником селения прорвался лишь один стрелковый полк — 31-й Пугачевский (благодаря чему он и смог выйти 5-го к Севастополю, а сутки спустя уже сражался в долине Кара-Коба).

Спешно подтянув из Бахчисарая подкрепления, немцы заткнули пробитую пугачевцами брешь, и остальным нашим частям пройти здесь уже не удалось. Занял противник и селение Мангуш (Партизанское). Приморцы оказались в полуокружении, под угрозой вражеских атак с трех направлений.

Таково было положение к вечеру 3-го, когда из Балаклавы, куда мы только что прибыли, командарм связался по радио с «Василием» и «Трофимом» (кодовые псевдонимы генералов В. Ф. Воробьева и Т. К. Коломийца). Положение это требовало от войск самых решительных действий, притом без всякого промедления.

Учитывая личные качества командиров, командарм приказал возглавить дальнейший марш комдиву Чапаевской генерал-майору Коломийцу, указав кратчайший маршрут на Керменчик, Ай-Тодор, Шули. Допускалось, конечно, что обстановка может заставить отклониться от этого маршрута.

К утру поступили донесения о ночном бое у селения Улу-Сала (Зеленое). Там приморцы нанесли с ходу удар вставшим на их пути частям 72-й немецкой пехотной дивизии. Были захвачены 18 орудий и другие трофеи. А главное — обеспечена возможность продолжать движе-

ние к Севастополю. Замысел врага — блокировать и уничтожить наши войска в горах — срывался.

Но наши тревоги на этом не кончились. И пройти оставшуюся часть пути кратчайшим или хотя бы относительно коротким маршрутом основной колонне (95-я дивизия, два стрелковых и артиллерийские полки Чапаевской и некоторые подразделения 172-й) опять не удалось.

После того как эта колонна миновала Биюк-Узенбаш (Счастливое), откуда уже совсем близко до выхода в равнинную часть долины Бельбека, противник еще раз преградил ей путь в районе Гавро (Отрадное), успев завладеть господствующими над горным проходом высотами. Однако наши войска пробились и здесь, хорошо использовав гаубицы и минометы и нанеся врагу значительный урон.

5 ноября у селений Гавро и Коккозы (Соколиное) колонна с боем вышла на шоссейную дорогу, ведущую через Ай-Петри на Южный берег Крыма.

Еще недавно казалось, что дорога эта войскам не понадобится, они ее только пересекут. До севастопольских рубежей оставалось по прямой меньше двадцати километров... Но район Ай-Тодора (Гористое) находился уже в руках противника, и успешный прорыв через него представлялся сомнительным. Тем более что у артиллеристов подходили к концу боеприпасы.

А перехватить ай-петринскую дорогу враг уже не мог. В сложившейся обстановке этот кружный путь сделался единственно надежным.

«Отходите быстрее на Алупку», — радировал командарм генералу Коломийцу. Навстречу колонне из Ялты высылались горючее для машин, продовольствие, фураж. Пограничники, которые еще несли дозорную службу на Ай-Петри, и партизаны, уже начавшие сосредоточиваться в горах, помогли организовать прикрытие марша.

Сроки выхода к Севастополю основных сил армии, все время отодвигавшиеся возникавшими перед войсками новыми и новыми препятствиями (многократные вынужденные обходы увеличили весь их путь в конечном счете почти до 250 километров), 6 ноября наконец стали довольно ясными.

— Максимум послезавтра все должны быть тут! — с облегчением говорил Иван Ефимович Петров, вглядываясь в последние мои отметки на карте.

Затянувшийся отрыв полевого управления от наших дивизий все мы переживали тяжело.

Как ни ждали войска под Севастополем, частям, спустившимся в ночь на 7-е с Ай-Петри, был разрешен короткий отдых в Ливадии. Этого требовало состояние людей, измотанных неделей труднейшего горного марша.

Чтобы дать хотя бы некоторое представление о том, чего стоило протащить через горы артиллерию и другую технику, я обращаюсь здесь — поскольку сам в этом марше не участвовал — к воспоминаниям, переданным мне начартом 95-й дивизии полковником Д. И. Пискуновым.

«Злоключения начались,— рассказывает Дмитрий Иванович,— на переходе между реками Альма и Бодрак. Узкая горная дорога, пролегающая среди густых зарослей дубняка, имела крутые подъемы и спуски, была размыта дождями. Чтобы пропустить по ней артиллерию, автомашины, повозки, приходилось засыпать промоины, вырубать дубняк. Машины и орудия преодолевали подъемы только с помощью толкавших их людей. У тракторов много раз слетали гусеницы. Еще труднее давался спуск техники под уклон — на лямках, на канатах...»

Это было еще самое начало пути, войска только-только втянулись в горы. По мере углубления в них трудности возрастали. Однако накапливался и опыт передвижения по горам, которого наши части прежде совсем не имели. Вот как описывает далее Д. И. Пискунов спуск с высоты 655,0 уже после соприкосновения с противником в долине Качи:

«Пехотинцы шли под гору зигзагами на широком фронте, собираясь на нижней террасе в отделения и взводы и немедленно укрываясь в зарослях. А полковые и противотанковые орудия спускали таким способом: между спицами колес просовывался кол так, чтобы серединой он упирался в лобовую часть станины, к проушине станины привязывался конец каната, обмотанного вокруг толстого дерева, и орудие спокойно скользило вниз на заторможенных колесах. Потом, спуская пушки и гаубицы дивизионной артиллерии, попробовали для экономии времени отказаться от торможения колес и придерживать пушки канатом только до середины склона, а дальше они катились свободно, тормозясь лишь сошниками. Одно или два орудия опрокинулись, но все были спущены без повреждений».

Единственное, что пришлось оставить в горах,— это несколько легковых автомашин, которые, конечно, не следовало с собой брать. Всю остальную технику люди самоотверженно провели, пронесли через горные кручи, хотя в ряде случаев путь, обозначенный на карте как дорога, на поверку оказывался едва проторенной тропой.

А ведь за эти дороги и тропы, за то, чтобы иметь возможность ими воспользоваться, нужно было еще вести бои!

Тщетные попытки запереть армию в горах обошлись врагу недешево. Я не привожу фигурировавшие в тогдашних сводках данные о потерях, которые приморцы наносили противнику, сбивая его заслоны: те цифры могли быть и недостаточно точными. Упомяну лишь, что в бою за выход к Коккозам наши передовые подразделения уничтожили, в частности, штаб 301-го пехотного полка 72-й немецкой дивизии, причем среди убитых был обнаружен и его командир. Само присутствие наших войск в горном районе к югу от Бахчисарая отвлекало и сковывало значительную часть армии Манштейна — почти половину ее боевого состава. Тем самым ослаблялся ее первый натиск на Севастополь.

Севастопольский гарнизон и Приморская армия, шедшие защищать город, соединились позже, чем мы рассчитывали. Но действия приморцев в горах, завершившиеся выходом наших дивизий на Южный берег Крыма, не позволили немцам собрать в кулак и одновременно сосредоточить против Севастополя их ударные силы. Ни та неприятельская группировка, которая должна была овладеть городом с ходу, ни та, которой ставилась задача не подпустить к нему наши дивизии, успеха не достигли. Таким образом, приморцы, пробиваясь к Севастополю, уже существенно влияли на начавшуюся борьбу за город.

Отдых войск в Ливадии пришлось ограничить несколькими часами. Около полудня 7 ноября они были подняты по тревоге, чтобы продолжать марш.

К этому времени два полка нашей 421-й дивизии, которые трое суток вместе с пограничниками сдерживали противника у Алушты и понесли там тяжелые потери, заняли оборону уже под самой Ялтой, а немцы были в Гурзуфе.

Тревожным стало и положение в Байдарской долине, куда гитлеровцы начали проникать небольшими группа-

ми с севера, угрожая Ялтинскому шоссе. Его прикрывала здесь немногочисленная конница — только что прибывшие остатки 40-й и 42-й кавдивизий. Словом, надо было форсировать движение войск, пока шоссе в наших руках, пока на него не вырвались фашистские танки.

Через горы перевалили с севера тучи, шел дождь, и вражеская авиация появлялась над дорогой лишь изредка, когда ненадолго светлело. Во второй половине дня 8 ноября все части 95-й и 25-й Чапаевской дивизий миновали Байдарские ворота. Полки 172-й дивизии, обогнавшие основную колонну еще в горах, прошли этот рубеж раньше. Утром 9-го, пропустив последние обозы, достигли Байдар подразделения, прикрывавшие марш.

В этот день на позициях под Севастополем стало несколько спокойнее. Противник, как видно поняв, что овладеть городом не так-то просто, накапливал силы. Атаки, продолжавшиеся на отдельных участках, успешно отбивались. И если двое суток назад части, выходившие из гор, сразу же выводились на передовую, то теперь мы смогли дать дивизии генерала Воробьева отдых — конечно, недолгий — в казармах зенитного училища, отправить людей в баню.

С нетерпением ожидая подхода войск, в штабе армии беспокоились, конечно, не только о том, когда они придут, но и о том, в каком придут составе.

Тревожиться было о чем. Особенно после того, как вслед за разведбатом чапаевцев до Севастополя добрался — еще 4 ноября — первый стрелковый полк — 514-й из дивизии Ласкина. Его командир подполковник И. Ф. Устинов, явившись к нам на КП, смущенно доложил, что с ним прибыло 60 красноармейцев, 13 младших командиров, а всего, считая штаб и санчасть, 103 человека... Смущался он не потому, что чувствовал себя в чем-то виноватым, просто ему было неловко называть все это полком. Тем не менее решено было считать, что 514-й стрелковый продолжает существовать, и через день он, немного пополненный, занял оборону у селения Камары.

К счастью, состояние других прибывавших частей и соединений оказалось более отрадным. В дивизии Воробьева насчитывалось до четырех тысяч бойцов и командиров, почти столько же — в Чапаевской. Все части нуждались в основательном доукомплектовании, но даже в наиболее поредевших сохранились в значительной мере ко-

мандные кадры, работоспособные штабы. Артиллерийские полки, участвовавшие в горном марше, сберегли, как ни трудно это было, свою боевую технику.

Скажу тут же, что за последующие недели наши части (в том числе и стрелковый полк Устинова) пополнились не только новыми, но также и... старыми своими бойцами. Не все, кого уже вычеркнули было из списков, выбыли из строя окончательно!

В горах и на подходе к ним, в крымской степи, немало приморцев оказывались отрезанными от своих, попадали в окружение. Те, кому удавалось из него вырваться, двигались дальше самостоятельно. Куда держать путь, они знали: предвидя, что в складывавшейся обстановке таких случаев вряд ли удастся избежать, командарм еще в Экибаше распорядился, чтобы командиры объявили всему личному составу: армия идет к Севастополю.

В течение почти всего ноября через фронт, который еще не везде был сплошным, в Севастополь пробивались и мелкие, и довольно крупные группы бойцов, а нередко и целые подразделения во главе со своими командирами. Одну из групп, успевшую установить связь с партизанами, привел артиллерист майор А. А. Бабушкин, назначенный вскоре командиром 51-го артполка. С другой группой бойцов пробился, тоже с помощью партизан, батальонный комиссар П. С. Праворный — будущий военком богдановского полка.

В большом числе — их набралось в конечном счете до полутора тысяч! — и очень организованно, с легкой артиллерией и минометами, выходили из гор пограничники, в основном — из состава 184-й дивизии, оборонявшей побережье за Алуштой. С ними прибыл и майор Г. А. Рубцов — в дальнейшем командир одного из наиболее отличившихся в Севастопольской обороне полков.

Но и тогда, когда пришли все, кто мог прийти, мы недосчитались многих-многих боевых товарищей. Не одна тысяча приморцев, ветеранов сражений под Одессой, высадившихся в октябре на крымскую землю, сложила на ней головы еще до того, как разгорелась борьба за Севастополь.

Потери большинства соединений на самом переходе к севастопольским рубежам были в общем невелики. Это окончательно стало ясно, когда подсчитали, сколько подо-

шло отбившихся и отставших. Но бои в степном Крыму стоили Приморской армии дорого.

Среди тех, кому не довелось стать в наш боевой строй под Севастополем, был полковник Яков Иванович Осипов, герой Одесской обороны, командир 1-го морского, а затем 1330-го стрелкового полка. Об этом отважном и талантливом командире-самородке, который, имея уже полсотни лет за плечами, не захотел в военное время ведать портовым хозяйством во флотских тылах и добровольно пошел сражаться на суше, я рассказывал в прошлой своей книге. Жизнь старого моряка оборвала вражеская пуля недалеко от Симферополя, в крымском предгорье.

Полк Осипова входил в 421-ю дивизию полковника Г. М. Коченова. Она вела тяжелые бои, прикрывая отход армии и коммуникации Южного берега Крыма, и пришла в Севастополь примерно в таком же незавидном состоянии, как и 2-я кавдивизия, остатки которой, как уже говорилось, были еще до марша через горы сведены в один полк.

Рассчитывать, что удастся пополнить обе дивизии, не приходилось. И было решено 421-ю расформировать, а 2-ю — восстановить при первой возможности, но в качестве уже не кавалерийской, а стрелковой (в нее влились в дальнейшем и подразделения бывшего осиповского полка).

Войска занимали назначенные им участки фронта. На Мекензиевы горы, где до сих пор действия отдельных частей и подразделений координировала оперативная группа штарма, прибыл со своим штабом комдив Чапаевской генерал Коломиец, отныне отвечавший за это направление. Майор Ковтун, встретив там чапаевцев, ввел их в обстановку.

Выслушав по телефону доклад об этом, я передал Ковтуну от имени командарма, что его миссия на Мекензиевых окончена. А от себя посоветовал Андрею Игнатьевичу по пути на армейский КП завернуть в баню, а затем, пока есть такая возможность, выспаться.

Вспомнилось, как три дня назад я посылал Ковтуна к майору Богданову лично объяснить, что от огня его артполка на мекензийском направлении может зависеть в ближайшие часы судьба Севастополя. Казалось, это было уже давно. За эти дни многое изменилось. Прорваться к Северной бухте немцам не дали, фронт приобретал устойчивость.

С прибытием основного состава армии можно было завершить организацию боевого управления силами обороны. Оценив характер местности и общую обстановку, мы пришли к выводу, что вместо трех секторов целесообразнее иметь четыре (прежний третий имел слишком широкий фронт и включал по меньшей мере два опасных направления). Секторное деление плацдарма распространялось на всю территорию Севастопольского оборонительного района — от передового рубежа до центра города. В ночь на 9 ноября И. Е. Петров, М. Г. Кузнецов и я подписали боевой приказ, которым новая организация вводилась в действие.

Четыре сектора в установленных тогда границах существовали всю оборону, и потому на них следует остановиться подробнее. Но сначала необходимо сказать о происшедших к тому времени изменениях в структуре СОР в целом, в его командовании.

7 ноября в Севастополе была получена директива Ставки, требовавшая в целях сковывания сил противника в Крыму и недопущения его на Кавказ через Таманский полуостров считать активную оборону Севастополя, а также Керченского полуострова главной задачей Черноморского флота.

«Севастополя не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами»,— приказывала Ставка.

Документ Верховного Главнокомандования вносил ту наивысшую, исключающую всякие сомнения ясность, которая очень нужна людям в трудной обстановке. Важно было также то, что в директиве подчеркивалась ответственность, которую несет за Севастополь Черноморский флот.

Уже первые дни обороны главной базы флота ознаменовались множеством ярчайших примеров матросской отваги и боевой доблести. И не мне говорить о том, чем был для черноморцев Севастополь, их твердыня, их гордость и слава, символ их революционных и боевых традиций. Я знаю, что на кораблях, когда там отбирали добровольцев в морскую пехоту (а отпустить даже с крейсера можно было максимум несколько десятков человек) и командиры спрашивали, кто хочет идти защищать Севастополь, шагал вперед весь строй...

Но речь не об этом. Напомню, сколько недоумения вызывала односторонность того приказа адмирала Левченко, из которого мы узнали об образовании СОР.

Оборона города, осажденного с суши и сообщающегося с тылом только по морю, требовала широкого и хорошо координируемого взаимодействия сухопутных и морских сил. Между тем из сил флота там упоминались лишь береговые и авиационные части. Об использовании же кораблей, без которых было не обойтись, о поддержке ими наземных войск не говорилось ничего, как и о том, за что в дальнейшей обороне Севастополя отвечает командование флота. Почему не определены его задачи на этот счет, понять было трудно, даже если предполагалось, что Военный совет и штаб флота перейдут на Кавказ.

В кавказские порты перебазировались основные корабельные соединения. На рейде Северной бухты, где раньше стояли линкор «Парижская коммуна», новые крейсера и другие крупные корабли, виднелись лишь облепленные чайками железные швартовные бочки. Эскадра покинула Севастопольский рейд в последних числах октября и, как говорили моряки, вовремя: сразу после этого начались сильные налеты вражеской авиации.

Те корабли, которые появлялись в Севастополе в первые дни ноября, занимались переброской из Ялты и других мест воинских подразделений, вывозили на Большую землю раненых, жителей и различные материальные ценности. За то время, пока здесь находился штарм, корабли впервые поддержали войска огнем 8 ноября: сначала эсминец «Бойкий», а затем крейсер «Червона Украина». Стреляли корабельные артиллеристы хорошо.

Слов нет, корабли следовало беречь, пополняться ими в военное время Черноморскому флоту было неоткуда. И все же иногда думалось: не слишком ли их берегут? Ведь построены-то они для боя.

Конечно, я не моряк. Но подтверждение тогдашним своим мыслям об этом нашел в одной телеграмме заместителя Наркома Военно-Морского Флота адмирала И. С. Исакова, которую смог прочесть много времени спустя уже в качестве архивного документа.

Адмирал Исаков докладывал 4 ноября 1941 года в Генеральный штаб маршалу Б. М. Шапошникову свои соображения по поводу обстановки на Черном море и некоторых решений Военного совета флота. В частности, он

писал: «Боевые корабли из Севастополя всегда успеют уйти и должны уйти последними». И предлагал вернуть туда все три старых крейсера и все старые миноносцы с соответствующим числом тральщиков, а новые крейсера и линкор использовать для усиления Севастополя из Новороссийска — ближайшей кавказской базы.

Не знаю, какую роль сыграли эта телеграмма и мнение ее автора. Как бы там ни было, в директиве Ставки, пришедшей три дня спустя, имелся специальный пункт, предписывавший держать все старые крейсера и миноносцы в Севастополе. Совпадали с рекомендациями адмирала Исакова и указания об использовании новых кораблей.

И наконец, Ставка решила, что командующему флотом надлежит быть в Севастополе, и возложила на него руководство обороной города. Так командующим Севастопольским оборонительным районом стал — возможно, несколько неожиданно для него — вице-адмирал Филипп Сергеевич Октябрьский.

В этом назначении была своя логика. Оно вытекало из того, что оборона Севастополя объявлялась главной задачей Черноморского флота. Очевидно, учитывалось и то, что севастопольский плацдарм мог держаться только при налаженном снабжении по морю, полностью от флота зависящем.

К тому же Севастопольский оборонительный район становился объединением качественно иным — уже не только сухопутным, береговым, как вначале: в него включались теперь и находящиеся в главной базе корабли.

Командарм Приморской И. Е. Петров стал заместителем командующего СОР по сухопутной обороне. 8 ноября это было объявлено приказом комвойсками Крыма Г. И. Левченко, а затем подтверждено Ставкой.

Но в командование СОР Ф. С. Октябрьский вступил лишь 10 ноября, когда была завершена, приведена в стройную систему внутренняя организация боевого управления. Приказ о создании четырех секторов и составе сил каждого И. Е. Петров подписал 9 ноября еще как командующий оборонительным районом, а я — как начальник штаба СОР. Этот приказ, как и первый, мы готовили вместе с П. А. Моргуновым и И. Ф. Кабалюком. Проект его рассматривался на Военном совете флота.

Выступая в 1966 году на военно-исторической конфе-

ренции, посвященной 25-летию Севастопольской обороны, Петр Алексеевич Моргунов справедливо отметил, что после назначения Ставкой нового командующего менять внутри СОР (имеется в виду управление сухопутными его силами) было, по сути дела, нечего. Боевой организм обороны успел уже сложиться. И если должности некоторых из нас, армейцев, стали называться иначе, то обязанности практически остались прежними.

В моей работе ничего не изменилось от того, что, пробыв шесть дней по совместительству начальником штаба СОР, я снова стал только начальником штаба армии. Ведь штарм Приморской и штаб СОР — это было в начале ноября одно и то же.

Созданный адмиралом Октябрьским новый штаб оборонительного района во главе с капитаном 1 ранга А. Г. Васильевым представлял собою оперативную группу штаба флота (остальная его часть была переведена в Туапсе), которая не имела в своем составе общевойсковых командиров и занималась исключительно морскими вопросами. Ведать всем, касающимся боевых действий на суше, продолжал наш штарм.

А вопросы престижного порядка — кто кого старше — волновать не могли. Как я уже говорил по другому поводу, в напряженнейшей обстановке тех дней бесконечно мало значило, кем ты сейчас числишься, повысили тебя на ступеньку или понизили. Важно было, что фронт держится, связь действует и ты можешь делать все зависящее от тебя, чтобы оборона крепла.

Командующему войсками Крыма адмиралу Левченко Ставка приказала находиться в Керчи, и он отбыл туда морем со своим штабом. СОР некоторое время еще числился в его подчинении, однако лишь формально.

События под Керчью развивались неблагоприятно, создать там прочную оборону не удалось, и через неделю противник овладел городом. После этого единственной территорией на Крымском полуострове, не захваченной врагом, единственной силой, сковывавшей здесь армию Манштейна, оставался Севастопольский оборонительный район.

Итак, СОР имел теперь четыре сектора. Комендантом каждого являлся командир одной из дивизий Приморской

армии. Штадивы становились одновременно штабами секторов.

Первый — правофланговый — сектор, оборонявший балаклавское направление, как уже говорилось, возглавил П. Г. Новиков. Мы продолжали числить Петра Георгиевича полковником, не зная, что еще 12 октября ему присвоено звание генерал-майора. Этот сектор имел самый узкий из всех фронт — всего 6 километров, но и войск — пока один стрелковый полк, притом еще только формирующийся. Восстановление дивизии Новикова было делом будущего. Правда, это направление прикрывали еще конники Кудюрова, развернутые в качестве подвижного заслона на подступах к передовому рубежу, в районе селения Варнутка. Пока в наших руках оставались Байдары, да и шоссе за ними, первый сектор находился как бы в тылу и в боях не участвовал. Но сейчас положение тут должно было резко измениться.

Комендантом второго сектора, 10-километровый фронт которого пересекал долину реки Черная и Ялтинское шоссе, стал полковник И. А. Ласкин. Здесь, опираясь на укрепления Чоргуньского опорного пункта, заняли оборону его 172-я дивизия в составе двух полков, пополненная флотскими формированиями, и 31-й полк Мухомедьярова, временно отделенный от Чапаевской дивизии.

Дальше влево шло боевое мекензийское направление — третий сектор с генерал-майором Т. К. Коломийцем во главе. Здесь на 12-километровом фронте оборонялись два полка чапаевцев, бригада Е. И. Жидилова и 3-й морской полк подполковника С. Р. Гусарова.

Левый фланг обороны относился к четвертому сектору. Его фронт проходил широкой 18-километровой дугой от приметной высоты 209,9, южнее занятого уже противником Дуванкоя, до берега моря. Приморский участок этой дуги с Аранчийским опорным пунктом в устье Качи был самым далеким от города (около 20 километров) и пока довольно спокойным. Комендантом четвертого сектора стал генерал-майор В. Ф. Воробьев, силы сектора состояли из 95-й стрелковой дивизии и 8-й бригады морской пехоты.

Одновременно с расстановкой войск по секторам происходило доукомплектование наших дивизий. В них влились все отдельные батальоны, сформированные в учебном отряде флота, береговой обороне и тыловых службах

главной базы, подразделения севастопольских ополченцев, истребительные отряды. Перевели в строй также значительную часть личного состава армейских тылов, сократили до предела полк связи, взяли на учет каждый комендантский взвод.

Пополненным дивизиям было далеко до штатного состава, многие полки оставались двухбатальонными. Но все же каждый сектор имел и небольшой резерв. Скромный резерв командарма составляли остатки 1330-го стрелкового (осиповского) полка, батальон школы связи и бронепоезд «Железняков».

Чем мы были относительно богаты, так это артиллерией. Во всяком случае, по сравнению с Одессой. Как-никак армия располагала восемью артполками, сохранившими в среднем до 70 процентов штатной материальной части. Всего — около двухсот пушек и гаубиц. К этому прибавлялись мощные береговые батареи, о которых я уже говорил, орудия дотов, двести с лишним минометов. Наконец, можно было рассчитывать и на артиллерию кораблей.

Начарт армии полковник Н. К. Рыжи и его начштаба майор Н. А. Васильев тщательно продумали, как распределить наличные огневые средства по фронту обороны. Предусматривался и широкий маневр огнем. Задача ставилась такая: иметь возможность в случае надобности сосредоточить на любом участке фронта огонь по крайней мере половины всех находящихся на плацдарме батарей. Это могла обеспечить лишь централизованная система управления всеми видами артиллерии в масштабе оборонительного района. Она существовала у нас в Одессе, и этот опыт сразу же был применен в Севастополе. Как действовала эта система, я расскажу в свое время.

Артиллерия была не только главной, но почти единственной ударной силой, способной в любой момент поддержать нашу пехоту. Танки существовали скорее символически: на 10 ноября армия имела девять вывезенных из Одессы старых Т-26, восстановленных после тяжелых повреждений, и еще один танк, прибывший с 172-й дивизией — все, что осталось от приданного ей танкового полка, геройски сражавшегося у Перекопа.

Что касается авиации, то держать под Севастополем сколько-нибудь значительные воздушные силы было негде. Ближайшие хорошо оборудованные аэродромы, где могли базироваться любые самолеты, были потеряны. Оста-

вались две посадочные площадки — на мысе Херсонес и Куликовом поле, предназначавшиеся раньше в основном для самолетов связи. На них с трудом разместились 40 истребителей и 10 штурмовиков из состава ВВС флота. Еще 30 легких лодочных самолетов МБР-2 (морские ближние разведчики) базировались в Северной бухте. Бомбардировщики могли помогать севастопольцам лишь вылетами с Большой земли.

Вечером 9 ноября коменданты секторов докладывали о вступлении в командование подчиненными им частями и о первых организационных мероприятиях по выполнению приказа.

В те же часы стало известно, что конники Кудюрова — наш заслон в районе Варнутки — атакованы превосходящими силами противника (как затем выяснилось, — частями 72-й немецкой пехотной дивизии из 30-го армейского корпуса, подошедшей по Ялтинскому шоссе). Кавалеристы с боем отходили к передовому рубежу.

Пусть фронт обороны оставлял желать лучшего по наличию сил и средств, по состоянию самих рубежей... Но все, кто мог защищать эти рубежи, пока не пришлет подмогу Большая земля, были теперь на своих местах. Сухопутные силы севастопольской обороны насчитывали теперь до пятидесяти тысяч человек (более тридцати тысяч из них входило в Приморскую армию). И мы имели приказ Верховного Главнокомандования, подымавший у людей дух и обострявший сознание нашей великой ответственности,— Севастополь не сдавать!

ЧЕМ КРЕПКА КРЕПОСТЬ

Если какие-то чрезвычайные обстоятельства не требовали обязательного его присутствия на КП, командарм Петров рано утром, еще затемно, выезжал в войска. Это был его стиль работы, знакомый мне по Одессе.

Иван Ефимович посещал не только командные пункты дивизий и полков, но и батальоны, роты, испытывал потребность видеть солдата в окопе — без этого не мыслил командования армией. Петров обладал превосходной памятью, в том числе на имена и лица, и представление о том или ином участке фронта обычно связывалось у него с людьми, лично ему известными.

Иван Ефимович не любил выездов со «свитой», со многими сопровождающими (как не требовал, чтобы командир дивизии или полка, если нет на то особых причин, ходил с ним по подразделениям). Из штаба командарм чаще всего брал с собой капитана Безгинова. А нередко — только своего адъютанта старшего лейтенанта Кохарова, узбека по национальности, кажется служившего с ним раньше в Ташкенте. Иногда еще — ординарца Кучеренко.

Красноармеец Кучеренко был почти ровесник генералу и тоже старый кавалерист, воевавший в гражданскую в бригаде Котовского и имевший орден Красного Знамени еще с тех лет. Этого скромного и вместе с тем исполненного достоинства, очень самобытного человека Петров уважительно величал по имени-отчеству — Антоном Емельяновичем. А Кучеренко как-то по-домашнему пекся о Иване Ефимовиче, порой позволяя себе и поворчать на него, например за то, что мало спит...

Судьба свела их в Одессе: степенный боец, вернувшийся в строй из запаса, был назначен к командиру формиро-

вавшейся кавдивизии коноводом. С кавалерией обоим скоро пришлось расстаться, но с Кучеренко Иван Ефимович не разлучался всю войну. Когда генерал И. Е. Петров командовал фронтом, севастопольский ординарец стал его адъютантом.

Недавно, в начале 1971 года, А. Е. Кучеренко, лейтенант в отставке и персональный пенсионер (ему теперь уже восьмой десяток), прислал мне весточку из села Лозоватка на Днепропетровщине. Ветеран живет у себя на родине, ведает организованным на общественных началах сельским Музеем боевой славы.

Находясь в войсках обычно до полудня, командарм каждые час-полтора связывался со мною, чтобы узнать о положении в других секторах или передать срочные распоряжения. Возвратясь на КП, он немедленно требовал более подробного доклада обо всем происшедшем за эти часы. Затем делился впечатлениями о том, что сегодня видел. Часто при этом присутствовали генерал Моргунов (при новой организации СОР он оставался заместителем Петрова, так же как полковник Кабалюк — моим), начарт Рыжи, если надо, приглашались начальники других родов войск, начальник тыла Ермилов.

Слушать Ивана Ефимовича всегда было интересно. Он умел без лишних слов, очень точно и как-то выпукло, зримо передать самое существенное, им уже продуманное, взвешенное.

Говоря, Петров иногда начинал что-нибудь рисовать на оказавшемся под рукой листе бумаги или газете. Это могли быть контуры местности, какие-то предметы, человеческие лица — не отвлеченные, а имеющие отношение к тому, о чем идет речь.

Рисовал он почти машинально, но, если бы понадобилось, вероятно, был в состоянии по памяти изобразить все, что за несколько часов увидел. (Много лет спустя мы с генерал-лейтенантом И. А. Ласкиным, который в севастопольские дни был полковником и командовал 172-й дивизией, вспоминали уже покойного Ивана Ефимовича, и Ласкин рассказал, как поразила его однажды зрительная память командарма. Обойдя позиции, тот беседовал на КП с комдивом о текущих делах и за разговором набросал на доске деревянного стола очень похожий портрет бойца-

связиста, с которым встретился час назад.) Глаз Петрова, человека до мозга костей военного, оставался все-таки и глазом художника. Я уже знал, что Иван Ефимович в молодости, до того как стал прапорщиком, был студентом Строгановского училища.

После информации командарма обсуждались необходимые меры, действия. Все завершалось отдачей кому следует приказаний. Вопросы, решить которые в штабе армии было нельзя, откладывались до встречи командарма с командующим СОР. К адмиралу Октябрьскому, на флагманский командный пункт флота, помещавшийся в подземном убежище у Южной бухты, генерал Петров, как правило, ездил вечером вместе с членом Военного совета армии Кузнецовым.

Становление и укрепление фронта сухопутной обороны было сопряжено со множеством трудностей, с нехваткой самого необходимого. На складах главной базы флота хранились солидные запасы того, что потребно для боевых действий на море. А что под городом развернется армия и ее понадобится снабжать — этого никто не предвидел.

Плохо обстояло дело с телефонным проводом, которого сразу потребовалось очень много, с шанцевым инструментом для нового контингента бойцов, недоставало полевых кухонь. Но гораздо хуже было то, что, пополняясь, например, ополченцами, мы пока не каждому могли дать винтовку. Как свидетельствует документ тех дней, на все части, занявшие оборону под Севастополем, имелось 10 ноября лишь 240 станковых пулеметов...

Как изыскивали стрелковое оружие моряки, когда формировали свои батальоны, я уже говорил. Но и учебных винтовок, годных к переделке в боевые, в городе больше не было. «Для устойчивости обороны Севастополя, — телеграфировал командующий СОР в Ставку 11 ноября, — прошу как можно скорее дать одну сотню пулеметов, три тысячи винтовок». Испрашивались также десять танков для резерва командования на случай прорыва противника.

Такая просьба кажется теперь более чем скромной, особенно если учесть, какое значение придавалось удержанию Севастополя. Но тогда мы не знали, смогут ли ее быстро удовлетворить. Шли тяжелые бои под Ростовом, продолжалась битва за Москву, было немало и других напряженных участков на огромном советско-германском фронте.

Не без трудностей проходило организационное сколачивание секторов.

Дивизии пополнялись формированиями Севастопольского гарнизона, причем в ряде случаев батальон или отряд включался в армейскую часть целиком и, обороняя прежние позиции, становился, скажем, третьим стрелковым батальоном такого-то полка. Однако объявить это приказом было еще недостаточно. На поверку оказывалось, что в некоторых подразделениях не знают своих новых начальников, а в других хотя и знают, но подчинение им восприняли как временное и по-прежнему считают себя батальоном такой-то флотской школы. Тем более что эта школа иногда продолжала чем-то снабжать «свой» батальон, напрямую посылать ему подкрепления.

Словом, давала себя знать своеобразная инерция первоначальной раздробленности фронта обороны, когда навстречу врагу выдвигались спешно созданные разнокалиберные подразделения, свести которые в крупные части тогда не было возможности.

Сражались эти батальоны и отряды не всегда умело, но геройски, их личный состав успел сплотиться. Считаясь с этим, их вливали в Приморскую армию компактно, не меняя без крайней необходимости и командиров. И конечно, не переименовывали краснофлотцев в красноармейцев. Но необходимо было, чтобы новые подразделения врастали в общеармейский организм накрепко, никакой «автономии» составных частей воинская организация не терпит.

Работники штарма приложили немало усилий, добиваясь в этом отношении должного порядка. И все же понадобился специальный приказ адмирала Октябрьского, который он подписал — в этом был свой смысл — не как командующий СОР, а как командующий Черноморским флотом. В этом приказе, отданном 13 ноября, подчеркивалось, что переданные Приморской армии флотские формирования входят в ее состав нераздельно с красноармейскими частями.

Напомню, что в то время общевойсковое и военно-морское объединения, даже при подчинении одного другому, находились в ведении разных наркоматов, по-нынешнему — министерств. Но уж где-где, а в осажденном врагом Севастополе считаться с ведомственными разграничениями

не приходилось (хотя, случалось, иного интенданта брало сомнение, вправе ли он отпускать что-то со складов «не своим»).

Тогда же, в ноябре, появилась возможность сформировать новый стрелковый полк, которого очень недоставало во втором секторе. Полк был назван 1-м Севастопольским и укомплектовывался моряками, а штаб его образовали из штабных командиров 42-й кавдивизии, оставшихся в резерве после того, как ее эскадроны влились в 40-ю кавалерийскую. Это характерный пример того, как использовали людей, исходя из интересов боевого дела, независимо от того, за армией или за фронтом они числились. А из 1-го Севастопольского полка выросла впоследствии новая бригада.

При доукомплектовании многие наши части основательно «оморячились». Краснофлотцы были смелыми, удалыми людьми, но грамотой сухопутного боя они в большинстве своем владели неважно, зачастую не умели даже как следует окапываться. С пополнением требовалось серьезно поработать — прежде всего для того, чтобы избежать лишних потерь. Это сделалось неотложной, срочной задачей всего командного и политического состава. Но решать ее пришлось бы долго без бывалых красноармейцев, умудренных месяцами прошлых боев.

Множество раз убеждался я на войне, какая это неоценимая сила — бывалый солдат. Тот, что не кланяется пулям и снарядам, но и не подставит себя под удар, не израсходует понапрасну ни патрон, ни гранату, знает, как подступиться к танку и как от него укрыться, спокойно следит за вражеским самолетом, понимая, какая бомба и впрямь опасна, а какая ляжет в стороне... Иногда в сложной обстановке бывалый солдат толково подскажет и молодому офицеру, что надо сейчас делать. А боец-новичок чувствует себя на переднем крае вдвое-втрое увереннее от одного того, что рядом с ним такой товарищ, и, подражая ему, сам набирается опыта.

И если часть, понесшая потери, значительно пополняется в ходе боев, когда нет времени на учебу во втором эшелоне, особенно много зависит от того, сколько осталось в строю солдат, воюющих давно. Сохранился этот цементирующий костяк, — значит, как бы ни обновлялся состав части, прежний уровень боеспособности можно восстановить быстро!

Так было и тогда под Севастополем.

Помню, Василий Фролович Воробьев рассказывал про переформированный 241-й стрелковый полк своей дивизии:

— Сами знаете: под Воронцовкой и потом за какие-нибудь полторы недели боев полк потерял двух командиров — Кургиняна, Воскобойникова... Из старого кадрового начсостава в строю вообще никого не осталось. Бойцами и младшими командирами полк, как было приказано, пополнили из морской пехоты, из дивизионных тылов. Но все-таки в каждом батальоне — правда, их пока всего два — есть горстка ветеранов, начинавших войну на Пруте. Должно быть, те самые храбрецы, которых пуля не берет! Теперь они — стержень, всему основа. От них новички узнают, какой путь прошел полк, научатся поддерживать его славу. Потому и надеюсь, что полк опять станет таким, каким его знали в армии.

241-й стрелковый готовил к войне и командовал им первые три военных месяца (до того, как принял кавдивизию) полковник Петр Георгиевич Новиков, теперешний комендант первого сектора. И хотя в трудные дни Одесской обороны людей в этом полку порой оставалось меньше, чем в каком-либо другом, в штабе армии всегда были уверены: 241-й выстоит. Многократно пополняясь — и маршевыми ротами, и моряками, и ополченцами, полк в целом сохранял прежние высокие боевые качества.

В тот раз я ездил в четвертый сектор вместе с командармом — редкий случай, когда обстановка позволила отлучиться с КП нам обоим.

На обратном пути от Воробьева Иван Ефимович вдруг сказал:

— Давайте завернем на пятнадцать минут на Братское, здесь совсем близко. — И добавил словно с укором: — Вы ведь там вообще еще не были.

Справа от дороги, за гребнем одной из высот, скрывавших Северную бухту, виднелся конический верх часовни, напоминающий шлем древнерусского воина. Мы подъехали к каменной ограде. Надпись у ворот с невысокой аркой сообщала, что здесь покоятся 127 тысяч защитников Севастополя, оборонявших его в 1854—1855 годах. Цифра была мне знакома, но сейчас показалась особенно внушительной. Какая громадная армия нашла вечный покой на

этом пологом склоне холма, увенчанного часовней под темным куполом-шлемом!..

Иван Ефимович зашагал впереди меня по кладбищенским дорожкам, уверенно ориентируясь в их лабиринте. Вероятно, он бывал тут не раз, когда приезжал в Севастополь, проводя в Крыму отпуск.

Подымаясь по склону, мы останавливались у безымянных братских могил, покрытых одинаковыми квадратными плитами из шершавого серого камня, сквозь трещины которого проросла жесткая трава, а кое-где и деревца. Читали полустершиеся надписи на надгробиях офицеров: «Штабс-капитан Севского пехотного полка», «4-го флотского экипажа лейтенант», «в чине капитана смертельно ранен на 3-м бастионе штуцерной пулей...»

На многих памятниках, кроме обычных двух дат — рождения и смерти, значилась третья — когда ранен. Некоторые участники обороны умерли много лет спустя в других краях, но похоронили их в севастопольской земле. Должно быть, по завещанию перевезли сюда из далекого Петербурга прах известного генерала С. А. Хрулева, командовавшего войсками Корабельной стороны. Над его могилой возвышалась белая колонна с выразительной надписью: «Хрулеву — Россия».

А на стенах часовни мы увидели длинный перечень воинских частей с трех-четырехзначными цифрами против названия каждой. Тут можно было узнать, сколько людей погребено из Селенгинского пехотного полка или Камчатского егерского, сколько из какого саперного батальона. Каменные плиты хранили эти скорбные цифры вот уже почти столетие.

Попади я сюда еще полгода назад, до войны, все это, вероятно, показалось бы бесконечно далеким. Но теперь под Севастополем снова гремели орудия и события первой его обороны словно приблизились, порой как бы совмещаясь в сознании с сегодняшними. У нас в штабе ходила по рукам раздобытая кем-то «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского. Завладевший ею, чтобы прочесть главу, жертвовал часом и без того короткого сна. В частях бойцы задавали вопросы о Нахимове, о матросе Кошке.

И я чувствовал, что мне не безразличны давние потери Камчатского егерского полка, позиции которого наверняка находились в пределах одного из нынешних секторов обороны. Задевала что-то в душе и надпись на старой

могильной плите: «Пал в сражении при Черной». Эта речка и ее долина постоянно были у меня перед глазами на рабочей карте. Возвращаясь на КП, мы пересечем ее у Инкермана, при впадении в Северную бухту, а немного дальше по долине Черной проходит фронт. Как и тогда.

Другая была эпоха, другой, чуждый нам строй — крепостная империя Николая Палкина. Но русские люди защищали под Севастополем родную землю. И когда к нему снова подступил враг, боевая доблесть дедов и прадедов, никогда не забывавшаяся народом, их подвиги, навеки связанные с этим городом, перестали быть только славной страницей истории, обрели могучую силу живого примера.

«Будем драться, как дрались герои исторической Севастопольской обороны... Если потребуется, с новой силой повторим подвиги героев 1854—1855 годов». Так говорилось в расклеенном по Севастополю обращении городского комитета обороны. Наверное, эти слова одинаково доходили до сердца и тех, кто всегда тут жил, и тех, кого привела сюда война.

— Поехали, Николай Иванович, пора, — прервал мои размышления командарм. Перед тем как сесть в машину, он сказал: — Да, не посрамить славы предков — это здесь, в Севастополе, значит особенно много!..

Мы долго ехали молча, не в силах оторваться от прошлого, с которым сейчас соприкоснулись. Вспоминая разные сведения о первой Севастопольской обороне, я невольно сравнивал теперешнюю обстановку с тогдашней.

Многое сравнению не поддавалось: слишком изменились средства борьбы, стало играть важную роль такое оружие, какого в ту пору не было и в помине. А вот местность, театр боевых действий — те же самые. Только тогда — и в этом главное различие — город с самого начала осады был тесно блокирован с моря, и севастопольцам пришлось затопить свои корабли, чтобы закрыть для неприятельской эскадры вход на рейд, но зато на суше вражеское кольцо не замкнулось. Северная сторона, отделенная от остального города лишь бухтой, служила тылом обороны, сообщавшимся со всей страной.

Нас же связывало с Большой землей лишь море — «пятый сектор обороны», как его иногда называли. С высот Северной стороны этот морской сектор казался спокойным — не то что сухопутные, где фронт дышал огнем. Не

требовалось, однако, быть моряком, чтобы знать, насколько это спокойствие обманчиво.

Пусть не было на море видимой блокады. И заведомо не могли показаться сейчас из-за горизонта мачты чужих кораблей, готовящихся, как в прошлом веке, обстреливать (тогда говорили: «бомбардировать») город. Кораблями, которые посмели бы приблизиться к Севастополю на дистанцию орудийного выстрела, нынешний противник на Черном море не располагал, во всяком случае пока. Но он имел много средств, чтобы мешать морским перевозкам с Большой земли, —и авиацию на удобных для этого крымских аэродромах, и мины, и подводные лодки.

Мы, армейцы, очень верили в наших моряков. Однако в ноябре и сами моряки вряд ли могли представить, как пойдут дела на севастопольских коммуникациях. Борьба за них только началась...

Для укрепления рубежей, доукомплектования частей, установления надежного контакта между соседями, отработки схем огня требовалось время. Враг не дал его нам. 11 ноября он возобновил атаки в южных секторах. Сначала осторожно, словно только прощупывая нашу оборону. Но Петров сразу насторожился.

— Теперь держать ухо востро, не проворонить прорыва! — говорил командарм, размышляя над картой.

На следующий день активность противника на правом фланге ослабла. Был отмечен лишь выход его подразделений к морю у мыса Сарыч — за нашим передним краем. Но воздушная разведка установила накапливание неприятельских войск в районе Варнутки. Их обстреливала наша артиллерия, в том числе и корабельная. «Илы» вылетали на штурмовку.

А утром 13 ноября и первый и второй секторы доносили о сильных вражеских атаках. Скоро не осталось сомнений, что цель противника — не просто потеснить нас и приблизиться к городу с юга и юго-востока. Гитлеровское командование предпринимало новую попытку овладеть Севастополем.

Определилось и направление основного удара — вдоль Ялтинского шоссе, через Камары и Чоргунь к Сапун-горе, господствующей непосредственно над городом. Атаки ча-

стей 72-й пехотной дивизии поддерживались десятками танков.

А со стороны Черкез-Кермена перешла в наступление 50-я немецкая дивизия. Участвуя частью своих сил в главном ударе, она наносила остальными вспомогательный, рассчитанный, как видно, прежде всего на то, чтобы поставить в тяжелое положение войска нашего второго сектора охватом их левого фланга, а в дальнейшем выйти к Инкерману и Северной бухте.

Натиск врага на фронте сопровождался налетами бомбардировщиков на Севастополь. Усилился начавшийся еще 9 ноября артиллерийский обстрел города. Его окраины стали досягаемы для дальнобойной полевой артиллерии противника с тех пор, как тот захватил часть опорных пунктов нашего передового рубежа. А теперь немцы, очевидно, подтянули новые батареи.

Во втором секторе атаки отбивались успешно. В первом же дела шли хуже: противник обошел с флангов позиции кавалеристов, к тому времени уже спешенных, и вклинился в нашу оборону, захватив важные высоты на предпоследнем перед Балаклавой гребне гор, терять которые нам было очень невыгодно. Возникла реальная угроза прорыва врага к самой Балаклаве.

Как назло, прервалась связь с командным пунктом сектора. Перед этим оттуда доложили, что комендант сектора П. Г. Новиков находится на переднем крае, лично руководя обороной высоты 440,8.

Как всегда, командарм Петров рвался туда, где положение ухудшилось, но сознавал, что должен оставаться на армейском КП, пока не станет яснее общая обстановка. Отпустить в Балаклаву меня Иван Ефимович не соглашался, надеясь, что скоро сможет выехать сам. Решили пока послать туда от штарма майора Ковтуна с правом действовать при отсутствии связи самостоятельно. Это не означало какой-либо подмены командования сектора, делалось ему в помощь. А иметь там, как говорится, свой глаз было сейчас необходимо.

— Балаклаву надо удержать во что бы то ни стало, любой ценой, — напутствовал Ковтуна командарм. — Где потребуется, помогите организовать контратаки. По-одесски! Этому не мне вас учить. Наведайтесь и во второй сектор, особенно проверьте, надежен ли стык с ним. Имейте свое мнение о том, где действительно нельзя обойтись

наличными силами, куда нужно двинуть армейский резерв.

Ковтун был словно создан для таких поручений. Чем сложнее обстановка, тем полнее проявлялась его способность быстро ориентироваться, тем ответственнее оценивал он происходящее — это только что подтвердила его работа в качестве представителя штарма на Мекензиевых горах.

В данном случае все осложнялось тем, что первый сектор вступил в тяжелые бои еще не сколоченным организационно. Единственный здесь стрелковый полк, призванный стать костяком обороны, по существу, формировался заново и цельной воинской частью стать не успел. Одним из батальонов в полк вошла Балаклавская школа морпогранохраны, руководители которой, как выяснилось, до последнего момента рассчитывали, что школа будет эвакуирована, имея на этот счет указания от своего наркомата. На участке этого батальона противник и вклинился. Встретив врага на плохо оборудованных позициях, курсанты понесли большие потери и свой рубеж не удержали...

Вечером, получив донесения Ковтуна, подтверждающие серьезность положения, на правый фланг обороны выехал командарм. Уже было решено, чем мы можем усилить южные сектора, и я контролировал начинавшуюся переброску туда подкреплений. Помимо армейского резерва — немного пополненного 1330-го полка — перебрасывался с левого фланга весь резерв четвертого сектора — два батальона 161-го полка из дивизии генерала Воробьева. Без крайней нужды мы на это не пошли бы, но у Воробьева было пока спокойно, а Новиков, как докладывал Ковтун, ввел в бой все, чем располагал, вплоть до комендантского взвода.

Генерал Петров умел беречь резервы. Он и сейчас надеялся по возможности их сохранить и, подтягивая все, что можно, к правому флангу, рассчитывал, что это поможет смелее, свободнее использовать собственные силы южных секторов. На утро 14-го в первом секторе назначалась контратака для восстановления прежних позиций при участии одного полка из второго, при поддержке всей артиллерии обоих секторов, а также береговых батарей и кораблей.

Артиллеристы поработали хорошо. В значительной мере благодаря этому удалось вернуть оставленные накануне

высоты 386,6 и 440,8, а кавалеристы Кудюрова были вызволены из окружения. Этот скромный успех дался нелегко, но позволил нашим войскам на правом фланге почувствовать себя увереннее.

Однако наступательные возможности противника отнюдь не иссякли. Его атаки возобновлялись вновь и вновь, причем фронт их расширялся. Во втором секторе танки и пехота с нарастающим упорством пытались прорвать оборону 514-го стрелкового полка, который перекрывал Ялтинское шоссе — стержневую ось этого наступления на Севастополь. Завязались бои за стоящее у шоссе селение Камары (ныне — Оборонное). А у моря враг продолжал нависать над Балаклавой. Высота 386,6 переходила из рук в руки. Ценою больших потерь немцы опять дошли до гребня главной балаклавской высоты — 440,8.

Оборонявшаяся во втором секторе 172-я дивизия полковника И. А. Ласкина была, как помнит читатель, новой в Приморской армии. А за последние дни при доукомплектовании вообще сильно обновилась (одним из ее полков стал, сохранив свое прежнее название, 2-й морской). За эту дивизию, оказавшуюся на направлении главного удара противника, мы в штарме немало тревожились.

Но дивизия Ласкина держалась стойко. В первых же ее боях под Севастополем почувствовались твердая рука командира, неплохая работа штаба, умение хорошо использовать огневую силу своей и поддерживающей артиллерии. Кстати, начартом у Ласкина стал майор Алексей Васильевич Золотов — начарт 421-й дивизии в Одесской обороне, мой сослуживец еще по Болграду.

Из комсостава 172-й я пока мало кого знал близко. С командиром 514-го полка И. Ф. Устиновым виделся всего один раз — когда он десять дней назад докладывал, потемневший от усталости, о прибытии в Севастополь остатков своего полка. За это время полк снова стал полком не только по названию, а к его командиру нельзя было не испытывать уважения: не так-то просто сразу после обновления большей части личного состава обеспечить такую боеспособность, какую показывал 514-й стрелковый на важнейшем сейчас участке обороны.

16 ноября — впервые после возобновленных боев — атаки противника продолжались и когда совсем стемнело, до двух часов ночи. В тот день немцы овладели Керчью, и Манштейн торопился покончить с последним нашим

плацдармом в Крыму. Утром 17-го бои достигли, казалось, критического напряжения.

Командарм находился то у Новикова, то у Ласкина — все эти дни он проводил большую часть времени на правом фланге. Часто вместе с ним там бывал член Военного совета флота дивизионный комиссар Н. М. Кулаков.

Все переброшенные на правый фланг резервы были введены в бой в основном в первом секторе. Там же действовал взятый уже не из резерва, а с позиций в четвертом секторе местный стрелковый полк. Моряки передали нам три маршевых батальона, людей для которых они набрали в подразделениях ПВО. Ночами — днем ему там негде было укрыться от вражеской авиации — на балаклавскую железнодорожную ветку перегонялся бронепоезд. А чтобы оттянуть от Ялтинского шоссе какие-то силы противника, чапаевцы и бригада Жидилова атаковали его в центре севастопольского обвода, имея задачей окружить высоту с хутором Мекензия (выполнить задачу полностью не удалось, но этот отвлекающий маневр, как затем выяснилось, помешал-таки немецкому командованию наращивать силы на направлении главного удара).

При всех этих мерах — а к ним, кажется, уже ничего нельзя было немедленно добавить — положение на правом фланге к утру 17 ноября, повторяю, стало критическим.

Танковая атака на участке 514-го полка, которой начался день, была отбита сосредоточенным огнем артиллерии всех видов. Но у моря противник вновь продвинулся и овладел восточными скатами высоты 212,1 — последнего естественного рубежа перед Балаклавой. К исходу дня группы фашистских автоматчиков достигли ее площадкообразного гребня. От лежащих внизу балаклавских улиц и укромной маленькой бухточки их отделяли лишь сотни метров. А между Балаклавой и Севастополем гор уже нет.

Однако закрепиться на рубеже, открывавшем путь в Балаклаву и дальше, войска первого сектора гитлеровцам не дали.

Около девяти вечера я услышал через приоткрытую дверь своей «каюты» на КП, как оперативный дежурный капитан Харлашкин возбужденно переспрашивает кого-то по телефону: «Это точно? Повторите отметку высоты!» Через минуту Константин Иванович был у меня на пороге и доложил (с таким воодушевлением, словно о взя-

тии целого города), что в 20 часов 45 минут немцы с высоты 212,1 выбиты.

Это был результат смелой контратаки батальона 1330-го полка и группы конников, которых вел под сильнейшим минометным огнем по каменистым кручам — разумеется, в пешем строю — старый буденновец подполковник Л. Г. Калужский.

До исхода той ночи введенные в контратаку другие части заняли и западные скаты высоты 440,8. Мы ожидали, что утром противник постарается овладеть обеими вершинами снова, и принимали меры, особенно по артиллерийской части, чтобы этого не допустить. Однако в течение всего дня серьезных попыток вновь захватить командные балаклавские высоты не последовало. И уже нигде немцы не продвинулись 18 ноября ни на шаг. Почувствовалось наконец, как измотал их наш крепнущий отпор!

Говорить себе, что ноябрьское наступление на Севастополь сорвано, было, конечно, рано. Но обстановка позволяла произвести на правом фланге перегруппировку, необходимую, чтобы оборона здесь стала прочнее. С этим согласилось командование СОР.

Как помнит читатель, к Севастополю пробигались через неприятельские тылы и линию фронта — часто довольно большими группами — бойцы-пограничники. Это были кадровые военнослужащие, отлично обученные, привыкшие к горной местности Крымского побережья. При всех трудностях с резервами этот контингент мы берегли, не дробили, надеясь образовать из пограничников отдельную часть. Был же у нас под Одессой погранполк майора Маловского, который отличался особой стойкостью и имел бойцов, способных при необходимости командовать взводами.

На целый полк хватило пограничников и теперь. Подписывая 17 ноября приказ о включении его в состав Приморской армии, генерал Петров говорил:

— В стойкости бойцов в зеленых фуражках можно не сомневаться. Солдаты они превосходные!

Этот полк прославился впоследствии как 456-й стрелковый под командованием Г. А. Рубцова. Но сначала был без номера, именуясь просто сводным пограничным, а командовал им тогда майор К. С. Шейкин.

В ночь на 20 ноября новый полк занял оборону в первом секторе, сменив 383-й стрелковый, отводимый во второй эшелон, и подразделения конников — остатки 40-й кавдивизии, которые пора было вывести в резерв. Соседом пограничников слева стал 161-й полк А. Г. Капитохина, оборонявший теперь район селения Камары. Дальше по фронту расстановка сил оставалась прежней.

На самом танкоопасном направлении — вдоль Ялтинского шоссе войсками были заняты позиции и в глубине обороны — на главном рубеже, а также запасные за ним, в районе Сапун-горы.

Смену частей на переднем крае обеспечивал весь состав оперативного отдела штарма. Прошла она четко, по-видимому не замеченная противником. Были предусмотрены отвлекающие действия, в том числе со стороны моря. Подводные лодки, внезапно появляясь у побережья за линией фронта, обстреливали в эту ночь известные нам пункты скопления вражеских войск.

Пограничники начали свои боевые действия с контратак: ставилась задача отбить у немцев в Балаклавских горах еще одну высоту — 386,6. Вернуть ее, однако, не удалось: противник, захвативший высоту, успел основательно там закрепиться.

А на следующее утро, 21 ноября, Манштейн предпринял новую отчаянную попытку (потом оказалось — последнюю в ноябре) прорвать на правом фланге нашу оборону. На ряде участков доходило до рукопашной. Снова разгорелись бои за балаклавские высоты. Особенно трудное положение создалось в стыке секторов, куда 72-я немецкая дивизия наносила основной удар.

Враг прорвался в селение Камары. Однако продвинуться дальше уже не смог. Да и селением овладел не полностью: окраину удерживало наше боевое охранение. Вечером было замечено, что на достигнутом рубеже немцы начали окапываться, как видно израсходовав все резервы. О том, какие потери понесли наступающие фашистские части, свидетельствовало участие в дневных атаках трех саперных батальонов — факт, установленный по документам убитых гитлеровцев и показаниям пленных.

Камары — составная часть Чоргуньского опорного пункта передового рубежа обороны, их обязательно надо было вернуть. Командарм приказал отбить селение на следующий день — 22 ноября. Но комендант сектора

И. А. Ласкин, оценив обстановку, пришел к выводу, что выгоднее контратаковать не завтра утром, а этой же ночью. Генерал Петров согласился с ним.

Задачу выполнял уже не раз за эти дни отличившийся 514-й полк Устинова при поддержке 161-го. В контратаку бойцов повел комиссар полка О. А. Караев. Незадолго до полуночи в штарм поступило донесение о том, что Камары снова в наших руках.

На этом, собственно, и закончилось отражение ноябрьского наступления на Севастополь — первого штурма, как теперь обычно говорят. Враг вынужден был перейти к обороне, его расчеты на быстрое овладение Севастополем сорвались еще раз.

После десяти дней боев линия фронта на правом фланге, у Балаклавы, местами отодвинулась в глубь плацдарма на три-четыре километра от прежнего передового рубежа. Конечный итог борьбы за балаклавские высоты был, таким образом, не в нашу пользу. Позиции первого сектора ухудшились (что, впрочем, не помешало прочно удерживать их в таком виде долгие месяцы).

Очень важно было, что в наших руках остались Кадыковка, Камары, Чоргунь. Это много значило для дальнейшей устойчивости всей правой половины севастопольского обвода.

Что касается направления вспомогательного удара, то там противнику удалось продвинуться на отдельных участках на один-полтора километра. Бои здесь были упорными, в них отлично показали себя чапаевцы. Именно их стойкость сорвала неприятельский замысел — рассечь наш фронт глубоким клином.

17 ноября, когда было очень напряженно в южных секторах, гитлеровцы предприняли атаку еще и с севера — на участке бригады Вильшанского. В атаке участвовало до трех с половиной десятков танков и броневиков и до двух батальонов пехоты. Тут все решил мощный заградительный огонь богдановцев, береговой батареи Матушенко и других артиллерийских частей. Больше десятка броневиков и танков было подбито, следовавшая за ними пехота рассеяна. До нашего переднего края фашисты не дошли.

В сопоставлении с тем, что ждало севастопольцев впереди — с декабрьским штурмом, а тем более с июньским

сорок второго года, ноябрьские бои под Балаклавой и у Ялтинского шоссе могут показаться теперь не столь уж значительными. Предвижу, что иной читатель, знакомый с масштабами операций на других фронтах, отнесет, скажем, отражение атак с участием тридцати пяти — сорока танков к фактам, совершенно заурядным.

Но судить о севастопольских боях — и ноябрьских, и последующих — только по количеству введенной в действие техники нельзя. Кстати сказать, на подступах к Севастополю немного таких мест, где и сорок танков можно развернуть одновременно. В итогах же ноября примечательно уже то, что сперва вражескую ударную силу, прокатившуюся по всему Крыму и взявшую разгон для захвата с ходу последнего на полуострове города, сумели задержать спешно сформированные краснофлотские батальоны. А затем, когда эти батальоны только-только успели влиться в поредевшие, ослабленные тяжелыми потерями части приморцев и когда лишь создавалась система обороны, потерпело крах решительное наступление немцев, по обычным понятиям неплохо подготовленное, в успехе которого противник не сомневался.

11-я армия Манштейна, одна из сильнейших у Гитлера на всем Восточном фронте, застряла в Крыму теперь уже надолго. Имея в тылу советский Севастополь, гитлеровское командование не могло двинуть ее через Керченский пролив на Тамань, не могло и подкрепить ею свои войска, наступавшие на Ростов.

Вот тогда гитлеровцы и начали писать о том, что Севастополь — первоклассная, неприступная крепость, стали именовать все его береговые батареи не иначе, как фортами, придумывая им «страшные» названия — «Максим Горький», «Чека», «ГПУ»... Надо же было как-то объяснить, почему два армейских корпуса, усиленные танками и значительной группировкой артиллерии, поддерживаемые многочисленной авиацией, остановились перед городом, который на самом деле никаких укреплений крепостного типа со стороны суши не имел, а вместо тыла — море.

Если в огне боев главная база Черноморского флота превращалась в неприступную сухопутную крепость, ее такой делали не форты, а ставшие на защиту Севастополя, полные решимости его отстоять советские люди.

Пусть неоднородными были наши доукомплектованные части по уровню полевой выучки и по внешнему виду:

большинство моряков пришло в окопы во флотской форме, а некоторые ополченцы в полугражданской одежде — на складах не хватало шинелей. Зато их сплачивало несокрушимое единство воли, духа. Из бывалых, испытанных войною солдат, из матросов с горящими отвагой сердцами, из местных жителей, готовых грудью заслонить родной город, складывался великолепный боевой коллектив, где все по праву считали себя севастопольцами — и те, кто здесь вырос или служил, и те, кто, может быть, не имел случая даже посмотреть знаменитый город, но гордился уже тем, что его защищает.

Душой этого коллектива, силой, цементирующей каждое его звено, были коммунисты. После тяжелых боев на севере Крыма и горного марша наши партийные ряды поредели: на коммунистов, нигде себя не щадящих, пришлась, как всегда, очень значительная доля потерь. Как только войска вышли на севастопольские рубежи, одной из главных забот поарма (его работники во главе с полковым комиссаром Л. П. Бочаровым почти все время находились в частях) стало восстановление ротных парторганизаций, число которых за неполный месяц сократилось почти вдвое.

Все мы радовались, что пополнение — и флотское, и городское — приходит с высокой партийной прослойкой. В огне боев усилился приток заявлений о приеме в партию. Ко второй половине ноября в Приморской армии стало почти столько же членов и кандидатов партии (а парторганизаций — даже больше), чем было при эвакуации из Одессы. Коммунисты прежде всего и обеспечили своим зажигающим примером в бою, своей неустанной работой с людьми быстрое укрепление фронта обороны, возможность такого отпора врагу, какой дали приморцы.

Стойкость пехоты и хорошо организованный артиллерийский огонь — так, помню, охарактеризовал командарм Петров основные слагаемые боевого успеха, достигнутого при отражении ноябрьского наступления противника.

Об артиллерии я сказал еще очень мало. Ноябрьские бои показали, как необходимо было все то, что успели сделать начарт армии и его штаб для создания системы централизованного управления наличными огневыми средствами, как важно развивать и совершенствовать эту систему.

И на правом фланге, и в долине Кара-Коба исход боя не раз определяла своевременная поддержка войск первого сектора артиллерией второго и наоборот. При надобности вызывался огонь и более отдаленных батарей. Причем во всех случаях вызов его через штаб артиллерии происходил очень быстро. На каждой батарее имелись готовые данные для открытия огня по всем досягаемым для нее участкам фронта — целый каталог НЗО, включавший иногда свыше двух десятков «адресов».

В дальнейшем сосредоточение огня на нужном участке стало еще более быстрым. Штаб артиллерии получил собственную круговую систему связи, соединявшую его не только с начартами секторов и артполками, но и с дивизионами. Огневые позиции всех батарей, способных «достать» противника перед фронтом других секторов, были приспособлены для поворота орудий на 45—90 градусов (необходимый для передвижки тяжелых орудий трактор-тягач постоянно находился в укрытии у огневой позиции).

Десятидневные бои в середине ноября позволили еще раз по достоинству оценить огневую силу севастопольских береговых батарей. В специальном приказе начарта армии особо отмечались успешные боевые действия батарей М. В. Матушенко, М. С. Драпушко, Г. А. Александера, А. Я. Лещенко.

Не могу не сказать о батарее № 19 капитана Драпушко, ближайшей к линии фронта.

Она была не из новых. Еще с первой мировой войны она стояла над обрывом морского берега, охраняя вход в Балаклавскую бухту. Когда ее здесь ставили, не опасались ударов с воздуха, а что на высотах за бухтой окажется противник, никто не ожидал. Бетонные котлованы с капитально укрепленными 152-миллиметровыми орудиями не имели сверху никакой защиты. И с захваченных немцами высот вся позиция батареи была видна как на ладони. Как только расчеты появлялись у орудий, по батарее открывался минометный огонь. Обстреливала ее и неприятельская артиллерия, бомбила авиация.

Но батарея Драпушко, несмотря ни на что, действовала. Ее старались использовать по ночам, однако иногда трудно было обойтись без нее и днем. За несколько суток она выпустила почти полторы тысячи снарядов, поражая и дальние цели, и видимые простым глазом — прямой наводкой. Дважды батарейцы, не прекращая огня, тушили

пожары, угрожавшие боевым погребам, а во время передышек ремонтировали поврежденные орудия, расчищали заваленные землей и камнем орудийные дворики. Противник не раз имел основание считать батарею подавленной, но вывести ее из строя не смог. Неумолкавшие залпы девятнадцатой, стойкость ее личного состава помогли сдержать вражеский натиск на Балаклаву.

Береговая артиллерия вместе с тяжелой армейской создавала как бы стержень, вокруг которого группировался огонь всей остальной. И с боеприпасами для флотских батарей дело обстояло лучше, чем со снарядами для полевых. Тем не менее использование этой огневой силы на будущее приходилось строго ограничить.

Стволы крупнокалиберных береговых орудий недолговечны. Они рассчитаны всего на двести-триста выстрелов. Износ стволов на большинстве севастопольских батарей к началу обороны составлял 30—35 процентов. А после ноябрьской боевой страды, когда было не до того, чтобы каждый день эти проценты подсчитывать, нормы службы стволов оказались где на исходе, а где уже превышены. Замена же стволов у тяжелых орудий — сложная и трудоемкая работа, которую надо было по возможности оттянуть до более спокойных дней.

Вот почему 23 ноября, еще не зная, не возобновится ли завтра немецкое наступление, штарм отдал распоряжение о том, что впредь береговые батареи должны использоваться только по наиболее важным целям и главным образом для подавления неприятельской артиллерии.

В единую систему огня, распределяемого штабом артиллерии армии, стали включаться и корабли. В отражении ноябрьского наступления участвовали крейсера «Червона Украина» и «Красный Крым», старые знакомые приморцев, неоднократно поддерживавшие наши войска под Одессой, и несколько эсминцев. Эти корабли входили в отряд поддержки, созданный командованием флота по предписанию Ставки.

У Одессы корабли обычно вели огонь, маневрируя в море, здесь же им отводились огневые позиции в Южной и Северной бухтах: высокие берега в какой-то мере защищали от вражеской авиации. Надо отдать должное артиллеристам эскадры: к поддержке войск под Севастополем они заранее подготовились с учетом одесского опыта. На кораблях имелись выверенные сухопутные карты окре-

стностей города, а в приметных местах, намеченных в качестве вспомогательных точек наводки, установлены затемненные огни — ориентиры для ночных стрельб. Корректировку корабельного огня обеспечивали базовые корпосты, располагавшиеся на высотах у переднего края.

В первые дни наступления чаще всех открывала огонь «Червона Украина». Стоя на якоре вблизи Графской пристани, крейсер бил через город по скоплениям фашистских войск и их тылам на балаклавском направлении, подавлял вражеские батареи.

Но 12 ноября (это был день особенно сильных бомбежек города, когда оказались поврежденными даже подземные линии связи) немцам удалось вывести крейсер из строя. Его атаковали одна за другой несколько групп бомбардировщиков, корабль получил тяжелые повреждения и, несмотря на все усилия своей команды и спасательных служб, к следующему утру лежал полузатонувший на левом борту, касаясь берега длинными мачтами.

Людей при этом погибло немного, однако потеря крейсера — первая на Черном море с начала войны потеря корабля такого класса — была очень чувствительной для флота. Тяжело восприняли ее и в городе, тем более что «Червона Украина» стояла, вела огонь и погибла у всего Севастополя на виду.

Как рассказывали флотские командиры, моряки крейсера (его экипаж насчитывал несколько сот человек) настойчиво просили послать их всех вместе на передовую как полк или отдельный батальон морской пехоты имени их корабля. Решение было принято несколько иное, более целесообразное: сформировать в составе береговой обороны главной базы новый артдивизион, вооруженный снятыми с крейсера орудиями и укомплектованный его артиллеристами. Так, со своими орудиями, сходили на берег и моряки нахимовских кораблей в первую Севастопольскую оборону.

130-миллиметровые палубные орудия снимали с «Червоной Украины» водолазы. Воздушная разведка немцев, конечно, заметила эти работы. Противник пытался сорвать их бомбежками, артобстрелом. Но еще до того, как Севастополь отбил ноябрьское наступление, первые два орудия крейсера, ставшие береговой батареей № 114, были перевезены на огневую позицию у хутора Дергачи под Сапун-горой.

Несколько дней спустя другая такая же батарея (ею командовал артиллерист с погибшего крейсера старший лейтенант А. П. Матюхин) стояла на историческом Малаховом кургане, где в первую Севастопольскую оборону были смертельно ранены Нахимов и Корнилов.

Там возвышался большой памятник Корнилову, и словно наказ из прошлого горели на бронзе последние его слова: «Отстаивайте же Севастополь!»

Отражение ноябрьского штурма явилось проверкой боевой организации обороны, сплотило все участвовавшие в ней силы. Оно сдружило приморцев и с действовавшими под Севастополем флотскими летчиками.

Как уже сказано, на расположенных вблизи города маленьких аэродромах могло базироваться небольшое число истребителей и штурмовиков, а в Северной бухте — легкие гидросамолеты-разведчики. Тем не менее в Севастополе находился, отлучаясь лишь время от времени на Кавказ, командующий военно-воздушными силами Черноморского флота генерал-майор авиации Н. А. Остряков. Имевшиеся несколько десятков самолетов он умел использовать активно и вместе с тем расчетливо, организуя по возможности и авиационную поддержку с аэродромов Большой земли.

В отличие от Одессы, где Приморская армия имела свой истребительный авиаполк, теперь воевавший где-то на Северном Кавказе, в Севастополе авиации в прямом подчинении у нас не было. Но флотские летчики активно поддерживали армию, с Остряковым договариваться о взаимодействии было легко. Живой, кипуче-деятельный, он часто сам приезжал к нам на КП, чтобы обеспечить наземным войскам какую только можно помощь с воздуха.

Николаю Алексеевичу Острякову едва исполнилось тридцать лет. Этот молодой генерал имел за плечами бои в Испании (именно его экипаж, участвуя в атаке против броненосца «Дойчланд», поразил фашистский корабль двумя бомбами), был депутатом Верховного Совета СССР. Высокая должность не помешала талантливому летчику остаться воздушным бойцом. Летчик-бомбардировщик по прежнему опыту службы, Остряков, будучи уже командующим ВВС флота, во время войны освоил самолет-истребитель. Он лично летал на разведку — на «командирскую

рекогносцировку», как он говорил, участвовал и в воздушных боях. Летчики с восхищением отзывались о смелости, выдержке, хладнокровии своего командующего.

Мне же, видевшему Николая Алексеевича только на земле, он запомнился как скромный, обаятельный человек, обладавший пытливым умом и широкой военной эрудицией. Тогда я еще не знал, что, в сущности, все необходимое, чтобы стать крупным авиационным командиром, он сумел постичь в основном на практике и путем самообразования: из летных учебных заведений Острякову довелось окончить лишь московский аэроклуб да краткосрочные курсы при Военно-морской академии.

На балаклавском направлении и других участках ноябрьских боев летчики Острякова помогали нашей пехоте прежде всего штурмовкой неприятельских войск, позиций, огневых средств. На штурмовку посылались не только «илы», но и «ястребки». В эти дни заместитель командира эскадрильи капитан Николай Хрусталев повторил под Севастополем подвиг Николая Гастелло: свой поврежденный, охваченный пламенем самолет он бросил на подходившую к фронту фашистскую боевую технику.

Наша авиация систематически наносила удары по ближайшим вражеским аэродромам. И конечно, постоянной задачей севастопольских летчиков являлось прикрытие с воздуха города и бухт. Эта задача была самой трудной — как из-за недостаточного количества истребителей, так и потому, что при небольшой территории плацдарма бомбардировщики могли появляться над городом внезапно.

Обычно первыми вступали с ними в бой те истребители, которые в это время барражировали над Севастополем. И нередко пара «ястребков» атаковывала большую группу бомбардировщиков, не останавливаясь ни перед чем, чтобы задержать врага.

Дважды за эти дни один и тот же летчик — младший лейтенант Яков Иванов, израсходовав боеприпасы, применил воздушный таран. 12 ноября он винтом «мига» срезал руль «хейнкелю», и тот, не долетев до города, рухнул с полным грузом бомб на землю, а Иванов благополучно посадил свой истребитель, у которого был лишь погнут винт. Пять дней спустя, уничтожив таранным ударом другой фашистский бомбардировщик, отважный летчик погиб и сам. Яков Матвеевич Иванов был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Обращаясь к документам того времени, ныне архивным, убеждаешься, что в начальный период обороны мы в Севастополе иногда приуменьшенно оценивали (это надо отнести за счет недоработок нашей разведки) противостоящие неприятельские силы. Только после отражения ноябрьского наступления гитлеровцев стало вполне ясно, что в нем участвовали, не считая румынских частей, четыре дивизии — 22, 132, 50 и 72-я (последняя — ефрейторская, то есть особо отборного состава). А ведь немецкие дивизии и по штату более чем в два раза превышали наши!

Трудно назвать точные цифры потерь, понесенных этой вражеской группировкой, но, безусловно, они были значительными, исчислялись тысячами солдат, многими десятками танков и самолетов. Только большие потери и заставили противника прекратить 22 ноября атаки.

Не приходилось, разумеется, сомневаться, что при первой возможности Манштейн предпримет новое наступление, еще более сильное.

Не зная, когда оно начнется, мы все же надеялись получить до этого помощь с Большой земли. Нужны были и пополнение людьми всем нашим частям, и оружие, и боеприпасы, прежде всего — для полевой артиллерии. Когда противник прекратил атаки, снарядов у нас, если считать по расходу их в середине ноября, оставалось примерно на три дня.

В связи с упразднением — после оставления Керчи — командования войсками Крыма Севастопольский оборонительный район перешел в непосредственное подчинение Ставке.

Из Москвы поступило сообщение, что базой питания Севастополя назначен Новороссийск, откуда в первую очередь будут доставлены нам боеприпасы, имеющиеся на местных складах. Одновременно Закавказскому фронту было приказано подать партию снарядов в Поти, с тем чтобы перевезти их в Севастополь на быстроходных боевых кораблях. Из Поти же ожидались первые маршевые батальоны.

ВЫСТОЯЛИ И ВЫСТОИМ!

Когда выйдешь из каземата КП наверх, с гористого Крепостного переулка можно увидеть значительную часть Севастополя. О воздушном налете на любой его район, о начавшемся артиллерийском обстреле мы узнавали быстрее, чем об очередной вражеской атаке на том или ином участке обороны. Как и в Одессе, многие события городской жизни, неразрывно связанной с жизнью фронта, заносились в армейский журнал боевых действий.

Но как ни близок был город, мне долго не представлялось случая вновь походить по главным севастопольским улицам, запомнившимся такими, какими они были в октябре, когда мы прибыли в Крым. Сумел я это сделать лишь в конце ноября, в один из относительно тихих дней, о которых в сводке «На подступах к Севастополю», публиковавшейся в местной печати, говорилось: «Положение на фронте без изменений, наши войска прочно удерживают прежние позиции».

Облик центральной части города, куда фашисты нацеливали свои массированные налеты, изменился сильно. Про разрушения, которые произвел тут враг, я, конечно, знал из донесений штаба МПВО. Знал, что уже в четвертое с начала обороны помещение перешел горком партии: три здания, где он работал, были повреждены бомбами. Однако чтобы вполне представить, как ощутили ноябрьский штурм жители города, надо было увидеть центр Севастополя собственными глазами.

На улицах еще не успели расчистить все завалы от рухнувших стен, засыпать воронки. Сиротливо маячили посреди мостовой — там, где остановило их повреждение пути или обрыв проводов, неподвижные трамваи. Большие дома — даже не пострадавшие — выглядели нежилы-

ми. Людей вообще встречалось немного, и выходили они не из подъездов, а из убежищ, подвалов.

Население Севастополя составляло в мирное время свыше ста тысяч человек. Довольно значительная часть жителей была эвакуирована (эвакуация людей, не связанных с обороной, продолжалась). Но к десяткам тысяч севастопольцев, оставшихся в городе, прибавились беженцы из других мест Крыма. И теперь все они, кроме живущих на окраинах, где бомбы падали пока редко, переселялись под землю.

Как и все в Севастополе, это происходило организованно, в строгом порядке. Многие из бомбоубежищ, существовавших раньше, были слишком тесными, годились лишь, чтобы переждать там недолгую тревогу. Поэтому под жилье спешно приспосабливались силами самих горожан, большей частью женщин, разные подземные склады, а в одном месте, кажется на Пироговской улице, даже минная галерея времен первой обороны. В толще горы, которую опоясывает кольцо центральных улиц, прорезались при участии саперов и подрывников новые вместительные штольни с выходами прямо во дворы домов.

Обеспечить все население укрытиями, надежно защищающими от любой бомбежки и обстрела, постараться сделать это до того, как фашисты начнут новый штурм, — такую задачу поставил перед собой в те дни городской комитет обороны.

О севастопольском комитете обороны мне предстоит говорить и впредь (связь с ним становилась у нас чем дальше, тем теснее), и потому необходимо пояснить его роль, кое в чем отличную от роли таких комитетов в других городах, где они создавались.

Вопросами военными, в прямом смысле слова, непосредственной защитой города на фронте севастопольский комитет обороны не ведал. Это был партийно-советский орган, сосредоточивший в своих руках всю полноту гражданской власти. Занимаясь прежде всего мобилизацией сил и ресурсов Севастополя на помощь фронту, он вместе с тем делал все, что мог, для поддержания нормальной — по осадным, конечно, понятиям — жизни в самом городе.

Авторитет городского комитета обороны был чрезвычайно высок. Не только его постановления, но и обращения, призывы — в этом мы убеждались постоянно — вос-

принимались населением как боевой приказ. Главу комитета — Бориса Алексеевича Борисова и его членов, особенно Василия Петровича Ефремова — председателя горсовета, знали в Севастополе все. Немного понадобилось времени, чтобы эти городские руководители, а также второй секретарь горкома партии Антонина Алексеевна Сарина стали широко известны, заслужили общее уважение также и в войсках.

Борисов и Ефремов носили флотские кителя и фуражки, и мы, помню, вначале принимали их за моряков. Знакомство с ними началось, когда на пополнение вышедшей из гор Приморской армии передавалось севастопольское ополчение: каждый из трех районов города сформировал по полку. А затем комитет обороны стал поставлять нашим частям оружие и боеприпасы местного производства.

Выпуск военной продукции на предприятиях Севастополя, в том числе на таких, с которых наиболее ценное оборудование и лучшие специалисты были эвакуированы в тыл, налаживали еще в августе — сентябре. Когда немцы подступили к Перекопу, на Морском (судоремонтном) заводе, в железнодорожных мастерских, на полукустарном заводике «Молот», изготовлявшем раньше металлическую посуду, уже делались минометы, ручные гранаты, противотанковые и противопехотные мины.

Город не знал тогда, что ждет его через месяц или два. Фашистские самолеты появлялись над Севастополем редко, и их легко отгоняли. И никого, видимо, не смущало, что цеха, где осваивается производство оружия, стоят на поверхности земли, не защищенные от бомб и снарядов.

А в начале ноября эти предприятия оказались под вражескими ударами, под огнем. Выпуск боевой продукции резко сократился как раз тогда, когда она была особенно нужна. Сократился не только из-за прямых повреждений цехов и механизмов — возникали перебои в подаче электроэнергии, рабочий ритм нарушали непрестанные воздушные тревоги.

Положение с военным производством обсудило командование Севастопольского оборонительного района. Было принято решение, единственно возможное в сложившейся обстановке, перенести это производство под землю. А конкретно — в штольни, вырубленные когда-то для складов

в прибрежных скалах у Северной бухты, в Троицкой балке.

Так было положено начало знаменитому спецкомбинату № 1 — арсеналу осажденного Севастополя.

Не берусь судить, сколько недель, а может быть и месяцев, ушло бы на создание и пуск подобного предприятия в спокойное мирное время. На то, чтобы превратить пустые штольни в действующие цехи, перенести туда и наладить оборудование, которое сперва надо было демонтировать в других местах, на то, чтобы организовать в необычных условиях, преодолевая множество трудностей, весь производственный процесс... В ноябре сорок первого, под бомбежками и артиллерийским обстрелом, когда в нескольких километрах от завода отбивали отчаянные попытки врага прорвать наш фронт, все это было сделано под руководством городского комитета обороны за десять или одиннадцать суток. Причем ни на один день не прекращалось, пусть в сокращенном объеме, производство оружия, особенно ручных гранат, в наземных цехах.

А у комитета обороны хватало и других забот. Выходил из строя хлебозавод, нужно было восстанавливать поврежденные участки электросети и водопровода, приобрело чрезвычайную срочность переселение жителей в убежища.

17 ноября, в день напряженнейших боев на балаклавском направлении и в долине Кара-Коба, подземный завод в Троицкой балке дал первую продукцию — двести гранат... Но это было лишь начало.

— Там развертывается крупное предприятие, — делился впечатлениями член Военного совета армии Михаил Георгиевич Кузнецов, первым из нас побывавший на спецкомбинате. — Штольни громадные. И место очень надежное. Над головой десятки метров скальной породы, так что не страшна даже тысячекилограммовая бомба...

Основные цехи комбината действительно были неуязвимы для врага. Но работа там началась в тяжелейших условиях. От недостатка кислорода в глубине штолен гасла зажженная спичка. Через несколько дней провели вентиляцию, но когда близко падали бомбы, ее приходилось выключать: в подземелье втягивалась поднятая взрывами пыль. Половину рабочих составляли женщины и подростки, мужчины же — почти все преклонного, непризывного возраста.

Рядом с цехами оборудовали рабочее общежитие с двухъярусными койками, взятыми из флотских школ; места в штольнях хватало и для него. Осваивались новые виды продукции — 50-миллиметровые, а затем и 82-миллиметровые минометы (местные рационализаторы упростили изготовление этого оружия без ущерба для его боевых качеств). Комбинат стал принимать в ремонт орудия, танки. Но главной его продукцией оставались гранаты и мины.

Хочется подчеркнуть — и это относится не только к первым месяцам Севастопольской обороны, о которых идет сейчас речь, — что пущенный в штольнях военный завод с сотнями рабочих не состоял ни на каком плановом снабжении. Откуда оно могло тогда осуществляться! Чтобы комбинат действовал, требовалось постоянно изыскивать для него сырье и вообще проявлять много изобретательности.

Использовались старые трубы, кровельное железо, металлолом, собранный на заводских дворах и в разрушенных зданиях. Взрывчатку извлекали из морских мин, имевшихся на местных складах. Сначала корпуса гранат возили на заправку взрывчатым веществом на флотский склад в Сухарной балке, на другую сторону Северной бухты. Потом пустили свой «снаряжающий цех», организованный, между прочим, на основе сугубо мирной евпаторийской промартели «Химчистка», которая успела эвакуироваться в Севастополь со своими рабочими и нехитрым оборудованием.

Еще до пуска первого подземного комбината городской комитет обороны приступил к организации второго — для пошива и ремонта армейского обмундирования. Его создали на базе небольшой фабрики «Красный швейник» и сапожной артели с громким названием «Парижская коммуна». Разместили спецкомбинат № 2 в Инкермане, в укрытых глубоко под горою хранилищах шампанских вин. На этом предприятии, где директором была Л. К. Боброва, работали почти исключительно женщины. При нем сразу же были открыты — конечно, тоже под землей — детский сад и ясли. Позже открылась там и школа.

В двух спецкомбинатах, когда они полностью развернулись, работало до четырех тысяч человек. Они стали важными, я бы сказал, незаменимыми звеньями в складывавшемся механизме обороны города. И по праву эти подзем-

ные предприятия поименованы вслед за защищавшими Севастополь воинскими частями на мраморных плитах мемориала, сооруженного после войны на площади Нахимова.

Освоением севастопольских подземелий занялись и наши армейские тыловики, прежде всего — медики. По соседству со спецкомбинатом № 2, в огромных пещерах, образовавшихся от многовековой добычи инкерманского камня (историки считают, что отсюда его брали на строительство древнего Херсонеса и дворцов Византии), создавался самый крупный в Приморской армии госпиталь.

Именовался он, впрочем, просто 47-м медсанбатом, входившим в состав Чапаевской дивизии: Инкерман относился к ее тыловому району. Но суть не в названии. На севастопольском плацдарме, где тылы были понятием условным, эвакуация раненых не укладывалась в обычную организационную схему, и медсанбаты имели функции более широкие.

В своей книге об обороне Одессы я уже говорил о том, что наш начсанарм военврач 1 ранга Давид Григорьевич Соколовский всегда стремился — и умел! — вести свое дело с размахом, который, кстати, никогда не оказывался излишним. В полной мере проявилось это его качество и в Севастополе. С ходу установив контакт с флотскими медиками и с горздравом, используя оказавшийся в его распоряжении медперсонал из 51-й армии (когда в степном Крыму был рассечен фронт, часть ее тылов примкнула к приморцам), Соколовский развернул пять госпиталей.

Медсанбат-госпиталь в инкерманских штольнях был гордостью начсанарма. Но заслуга создания этого подземного дворца для раненых принадлежит не только медикам. Оборудовал его инженерный отдел флота, обеспечивший госпиталь даже автономной электростанцией.

Человека, попадавшего сюда, охватывало необычное в осажденном Севастополе ощущение покоя. Толща породы поглощает все наружные звуки, даже разрывы бомб. Длинной галереей уходят вдаль ярко освещенные палаты-залы с неровными, слегка искрящимися стенами...

По плану здесь было семьсот мест, но при необходимости помещалось две тысячи раненых и больше. А про-

сторные операционные 47-го медсанбата деятельный армейский хирург профессор В. С. Кофман, ни в каких условиях не перестававший заботиться о повышении квалификации своих младших коллег, превратил в своего рода учебный центр, через который пропускались врачи всех соединений.

Оговорюсь, однако, что таким инкерманский госпиталь стал несколько позже. В конце ноября подземелье еще только обживалось, решалась проблема вентиляции. Но уже были ясны огромные возможности этого необычного медицинского учреждения, оценено выгодное его расположение на эвакуационных маршрутах.

В итоге ноябрьских боев мы имели 7600 раненых (вернувшиеся после перевязки в свои подразделения в счет, понятно, не шли). Как и в Одессе, мы руководствовались принципом: всех, кого нельзя относительно скоро, в пределах месяца, возвратить в строй, отправлять при первой возможности на Большую землю.

Кроме санитарных транспортов раненых принимали на борт приходившие в Севастополь боевые корабли. В этих случаях требовалась особая оперативность: корабли не могли задерживаться. Эвакуаторам пригодился одесский опыт спешных ночных посадок.

Помню доклад Соколовского о том, что большая партия раненых погружена на лидер «Ташкент», самый быстроходный корабль флота, доставивший нам снаряды. Из Севастополя он пошел напрямик в Батуми. Как свидетельствует старая сводка, всего в ноябре было вывезено на Кавказ 5700 раненых.

Необычно суровая зима сорок первого года уже давала себя знать и на юге. По словам севастопольских старожилов, в иные годы в ноябре тут кое-кто еще купался. Теперь же стояли морозы (в двадцатых числах ноября в боевом охранении были даже отдельные случаи обморожения), лежал снег. Все это прибавляло забот хозяйственникам.

Совсем непредвиденно потребовались в Крыму белые маскхалаты, прежде всего для разведчиков, для снайперов. А для всех бойцов и командиров — теплое белье, ватные куртки и брюки. Быстро решить эту проблему вряд ли удалось бы, если бы не предусмотрительность наших хозяйственников.

Еще когда приморцы готовились зимовать под Одессой, где климат холоднее, тогдашний интендант армии и будущий начальник тыла А. П. Ермилов, не надеясь, что зимнее обмундирование пришлют на юг в порядке централизованного снабжения, организовал свои пошивочные мастерские. Причем не в Одессе — в осажденном городе развернуть их было трудно, — а на Большой земле, в Новороссийске. Материал использовался «полутрофейный» — ткань, большое количество которой в свое время было обнаружено в эшелоне, застрявшем в одесской степи после того, как враг перерезал последнюю железную дорогу, и вывезено из-под носа у гитлеровцев.

Про эту находку я слышал, но потом забыл, а о том, в каких масштабах развернуто у Ермилова дело в Новороссийске, признаться, не имел представления. Генерал Петров, как выяснилось, вообще об этом не знал: когда все организовывалось, он еще не командовал армией.

«Пошив теплого обмундирования из ткани, вывезенной из Одессы, — вспоминает Алексей Петрович Ермилов, — был маленькой тайной тыловиков. Мы никому об этом не говорили: сначала потому, что не знали, сумеем ли все организовать, как задумали, а потом просто потому, что хотели преподнести это бойцам и командованию в виде сюрприза. Нужно было видеть радость Ивана Ефимовича Петрова, когда он все узнал!»

Радоваться было чему: из Новороссийска с несколькими оказиями пришли десятки тысяч комплектов теплого обмундирования. Ватники, правда, выглядели несколько «партизанскими» — были не совсем такого цвета, какой полагалось бы им иметь, но с этим считаться уже не приходилось.

О наших тыловиках следовало бы сказать гораздо больше — за это время они сделали очень многое. Но читатель поймет, что и после того, как ноябрьский штурм был отбит, в поле зрения штарма, а значит, и моем находился прежде всего непосредственно фронт.

Надо было как можно быстрее получить совершенно точное представление о том, где проходит теперь, после напряженных боев, наш передний край в каждом секторе, на каждом участке обороны. Не полагаясь на донесения из соединений, мы выяснили это на местности всем составом

оперативного отдела. И на моей рабочей карте появилось немало существенных поправок.

У нас нередко говорилось, что знать передний край мы обязаны, «как в Одессе». Однако Одесса могла служить в этом отношении эталоном разве что на первых порах.

Севастопольский плацдарм был теснее, возможности маневра здесь резко ограничивались, и понятие «жесткая оборона» приобретало смысл куда более категоричный, ибо всякий неприятельский клинышек сразу означал угрозу плацдарму в целом. В таких условиях штарму надлежало знать и фактическое расположение линии фронта со всеми ее изгибами, и состояние любого батальонного участка не как в Одессе, а лучше, детальнее.

Впрочем, объяснять, насколько это важно, никому не требовалось. И уж конечно, не нашим боевым направленцам — капитанам Шевцову, Безгинову и Харлашкину, которые находились почти непрерывно в войсках и, знакомясь с участками обороны, на которые посланы, считали своим долгом побывать в окопах каждой роты, дойти до боевого охранения. Их доклады по возвращении на КП, содержавшие не только констатацию фактов, но и практические предложения, любил слушать вместе со мною и начальником оперативного отдела командарм.

За Шевцовым, досконально знавшим дивизию генерала Воробьева, были закреплены направление, обороняемое ею, и весь четвертый сектор. На этот сектор приходилось более трети общей ширины севастопольского фронта. Других заданий Шевцову старались по возможности не давать. Безгинова же кроме третьего сектора, где оборонялась близкая ему по Одессе Чапаевская дивизия, часто посылали на южное направление. Харлашкин, для которого раньше была своей 421-я дивизия, теперь расформированная, ездил куда понадобится.

В общем, обязанности у наших направленцев стали более широкими. Чем дальше, тем все в большей степени им приходилось при максимально полном знании обстановки в одном-двух секторах быть в курсе положения и в остальных. Все трое отличались исключительной работоспособностью, могли не спать сутками. Шевцов и Безгинов к этому времени были уже опытнейшими штабными офицерами, авторитетными для любого начальника в войсках. Очень вырос и Харлашкин; он не имел такой, как у его товарищей, подготовки, но обладал острой наблю-

дательностью, практической сметкой, быстро ориентировался в новых местах. Выполняя задание, этот веселый и храбрый человек не знал непреодолимых препятствий.

В укреплении фронта вопросом вопросов оставалось инженерное оборудование позиций. То, что наша оборона и в таком виде, в каком застал ее первый натиск врага, в целом его выдержала, успокаивать не могло. Неподготовленность передового рубежа и отсутствие запасных, промежуточных, обошлись на правом фланге дорого. Иногда бойцам приходилось вгрызаться в твердый каменистый грунт уже под огнем. И где успевали окопаться мало-мальски сносно, а где и не успевали...

Инженерные работы не прерывались ни на один день. В них участвовали специальные части (военно-полевые строительства), подчиненные генерал-майору А. Ф. Хренову, армейские саперы, бригады жителей города, а на переднем крае, на своих участках обороны — все войска. В отчетных документах появлялись довольно внушительные цифры, обозначавшие количество поставленных мин, протяженность вырытых окопов, траншей, ходов сообщения, развернутых проволочных заграждений в два и в три кола, и разные другие итоги.

Но приедешь в дивизию, пройдешь по позициям и опять убеждаешься, что, сколько ни сделано, остается сделать больше. И в который раз спрашиваешь себя: управимся ли сделать хотя бы самое важное до того, как снова настанут жаркие дни?

30 ноября командование СОР утвердило окончательный план оборонительных рубежей, приведенный в соответствие с конкретной обстановкой, сложившейся после первого наступления противника, а также с реальным наличием сил и средств.

Изменения касались главным образом передового рубежа, линию которого определили результаты ноябрьских боев. На правом фланге этот рубеж начинался теперь у Генуэзской башни над Балаклавской бухтой, проходил по западным склонам высоты 212,1, за которую велись упорные бои, потом через Камары и Нижний Чоргунь, в центральной части обвода — у хутора Мекензия и далее у станции Бельбек, а на левом фланге — как и прежде, включая Аранчийский опорный пункт.

Местами этот рубеж стал на три-четыре километра ближе к городу, чем был намечен прежде (именно наме-

чен, потому что оборудовать тогда успели, да и то не полностью, лишь опорные пункты). Но общая его протяженность сократилась незначительно и составляла около 45 километров. Прежним оставалось основное назначение передового рубежа — запирать подходы к Севастополю по Ялтинскому шоссе, долине Кара-Коба и долинам рек Черная, Бельбек, Кача.

Второй, или главный, рубеж подлежал дооборудованию и усилению в основном по первоначальной его линии. То, что он пролегал слишком близко от города и что на неприятельской стороне находился ряд командных высот, уже никак не могло быть изменено. Оставалось получше использовать возможности тех высот, через которые он проходил, — Федюхиных, Инкерманских, холмов за Бельбеком: они позволяли создать достаточно сильные опорные пункты и узлы, перекрывающие выгодные для наступления противника направления.

Третий — тыловой — рубеж, как уже говорилось, был к началу обороны в наибольшей готовности из всех. Теперь он дополнялся в районе к югу от города двумя отсечными позициями, прикрывающими аэродром у мыса Херсонес, Стрелецкую бухту, береговые батареи. Что подкрепить оборону в глубине правого фланга не лишне, подтвердили бои на балаклавском направлении, в ходе которых не раз возникала угроза прорыва вражеских танков.

Траншеи траншеями, но холода заставляли форсировать и строительство утепленных землянок. Раз пришла настоящая зима, стало необходимым соответствующее отапливаемое фронтовое жилье.

Землянки строили на двадцать-тридцать человек: отрыть в каменистой земле одну большую все-таки проще, чем две или три поменьше, да и железных печек не хватало, хотя их начали изготовлять в городе. Есть одна такая землянка в роте, и людям уже будет где обогреться и отдохнуть. В пример другим ставились части, где теплые землянки могли вместить сразу половину всех бойцов.

Командарм держал это под личным контролем. Помню, когда особенно похолодало — кажется, в ночь на 27 ноября, — он потребовал, чтобы весь состав штабов и политотделов соединений отправился в роты и проследил, обеспечена ли солдатам возможность обогреться.

По-хозяйски, домовито обживали свои позиции артиллеристы.

— Был сейчас в пятьдесят первом артполку, у Бабушкина, — рассказывал Николай Кирьякович Рыжи. — Так у него, знаете, такие землянки, что жить можно почти как в казармах мирного времени. Когда только успели!

Но артиллеристы успели сделать и немало другого, еще более важного. Для полевых батарей оборудовались запасные позиции. Увеличивалось количество пристрелянных участков, на которые за считанные минуты мог быть направлен огонь. На огневых позициях дальнобойных дивизионов создавалось по два фронта: для стрельбы в основном направлении и для поддержки войск в других секторах. Обеспечивалась также возможность быстро повернуть все орудия в сторону моря в том случае, если бы немцы, паче чаяния, попытались высадить где-то у Севастополя десант.

Командующий и штаб армии продолжали много заниматься первым сектором: здесь фактически заново создавался передовой рубеж, надо было довести до конца организационные меры, начатые с перегруппировки войск в ходе ноябрьских боев.

После сформирования полнокровного полка из пограничников уже ничто не мешало, не ожидая подкреплений с Большой земли, возродить дивизию Новикова — бывшую 2-ю кавалерийскую, первым командиром которой был под Одессой Иван Ефимович Петров.

Теперь в нее, временно названную 2-й стрелковой, вошли полки: пограничный — в командование им вступил майор Рубцов, 383-й и 1330-й, который ветераны все еще называли осиповским, а также 51-й артполк майора Бабушкина, противотанковый и минометный дивизионы и некоторые другие части. Два месяца спустя наркомат обороны переименовал эту дивизию в 109-ю стрелковую, присвоив новые номера и ее полкам.

Как раз к восстановлению дивизии до нас дошло постановление правительства о присвоении Петру Георгиевичу Новикову генеральского звания. Он стал четвертым генералом во всей Приморской армии.

Новикову было тридцать пять лет, и восемнадцать из них он провел на военной службе. Петр Георгиевич имел орден Красного Знамени за Испанию. В Отечественную войну вступил опытным — с трехлетним стажем — командиром полка. От первой же встречи с ним в начале Одесской обороны у меня осталось впечатление, что на этого

спокойного, немногословного полковника с выразительным грубоватым лицом можно положиться в самом трудном: не подведет. И в этом никогда не пришлось усомниться.

В ноябре первый сектор не удержал часть своих позиций, потому что у Новикова было слишком мало сил, а помочь ему армейскими резервами мы смогли, лишь когда убедились, что в другом месте они не потребуются. Начав получать подкрепления, комендант сектора использовал их очень расчетливо. Новиков умел думать за противника, угадывать и упреждать следующий его шаг. И как ни нажимали гитлеровцы, каких ни достигали местных успехов в борьбе за балаклавские высоты, наша оборона на правом фланге крепла. После ноября она на много месяцев стала здесь совершенно непреодолимой для врага.

Не сомневаюсь, что Петру Георгиевичу был знаком буквально каждый метр переднего края своего сектора. На севастопольском плацдарме все командные пункты, в том числе и дивизионные (они же секторные), располагались близко от передовой: соблюдать дистанции, рекомендуемые наставлениями, не было возможности. Но и на КП, максимально приближенном к линии фронта, Новикову не сиделось. Приедешь туда, и оказывается, что комендант сектора или в Генуэзской башне, или где-нибудь на полковом наблюдательном пункте, в батальоне.

Кто-то из политработников рассказывал, что бойцы 2-й дивизии называют своего комдива «наш Суворов». Это была солдатская похвала генералу, которого привыкли запросто видеть в окопах.

Военкомом восстановленной дивизии снова стал А. Д. Хацкевич — опытнейший политработник, участник гражданской войны, получивший к этому времени звание бригадного комиссара, начальником штаба — подполковник С. А. Комарницкий. Кстати, штадив формировать заново не пришлось: он сохранился в прежнем составе, и пока дивизии, как таковой, не было, действовал в качестве штаба сектора.

Несмотря на увеличение собственных сил первого сектора, командарм решил пока оставить тут и полк Капитохина — 161-й стрелковый, который, как помнит читатель, был переброшен в критический момент на правый фланг обороны с левого. Генерал Петров считал весьма вероятным, что при следующем наступлении немцев главные события снова развернутся вдоль Ялтинского шоссе, по-

скольку здесь можно шире, чем на других направлениях, использовать танки.

Левый фланг представлялся Петрову менее опасным не только потому, что на том направлении фронт отстоял пока значительно дальше от города — в наших руках находились и Мамашай (Орловка), и Аранчи (Суворово). Там существовало такое серьезное препятствие для продвижения врага, как Северная бухта.

Как-то, не в связи с конкретными событиями, а просто размышляя о положении наших флангов, Иван Ефимович сказал:

— Допустим худшее: немцам удалось выйти к Северной бухте... Было бы невероятно тяжело, но все-таки это еще не конец, держаться еще можно, если между Северной и Балаклавой стоим прочно. А вот если танки прорвутся с юга куда-нибудь к Дергачам — считайте, что они в городе.

В принципе это, конечно, было верно. Однако предположение, что противник повторит главный удар там, где наносил его в прошлый раз, не оправдалось.

При выездах в войска я старался ближе познакомиться с новыми командирами полков. Связисты обеспечили возможность соединяться почти с каждым из них напрямую. Но даже для того чтобы правильно оценивать сведения, получаемые по телефону, важно хорошо знать человека, который на том конце провода. А тех, кто командовал полками под Одессой и Ишунью и кого привык понимать с полуслова, оставалось в строю уже не так много.

Правда, некоторые из вновь назначенных командиров вообще-то были мне знакомы.

В командование 241-м стрелковым полком в дивизии Воробьева вступил капитан Н. А. Дьякончук, недавний оператор штадива (но этому оператору под Одессой не раз доводилось лично возглавлять контратаки!). Вверили полк, пока временно, еще одному капитану — В. И. Петрашу, комбату из Чапаевской дивизии, тоже многократно отличавшемуся в одесских боях. Оба они были полны понятной при таком повышении молодой самолюбивой гордости. Но также и сознания ответственности. А недостававший опыт предстояло ускоренно приобретать в боевой работе.

Когда я знакомился с командиром 1-го Севастопольского стрелкового полка — солидным, бородатым полковником береговой службы Павлом Филипповичем Горпищенко, невольно подумалось, что те капитаны годятся ему в сыновья. Горпищенко был начальником флотской школы оружия и пошел в окопы вместе со своими питомцами, которых готовил в корабельные артиллеристы. А раньше он, как выяснилось, командовал многими береговыми батареями, в том числе 19-й — той, что сейчас помогла остановить врага у Балаклавы. Но и в пехоте воевал не впервые: в молодости побывал рядовым царской армии, потом стал красноармейцем.

Ни внешне, ни характером этот смуглый бородач, кубанец родом, не походил на северянина Якова Ивановича Осипова, командира 1-го морского полка в Одессе. И все же чем-то его напоминал. Тот и другой прошли огромную жизненную и боевую школу. Тот и другой, встретив нынешнюю войну уже немолодыми, решили, что их место на передовой, нисколько при этом не заботясь, чтобы фронтовая должность соответствовала оставленной в тылу.

Полк Горпищенко держал оборону во втором секторе, как и морской полк майора Н. Н. Тарана, отважного командира, фамилия которого вполне соответствовала его активной, напористой натуре. Флотская форма вообще встречалась здесь часто: моряками пополнялись многие части. У коменданта сектора, командира 172-й дивизии полковника Ласкина появился даже моряк-адъютант — богатырского сложения старшина, выглядевший особенно внушительно рядом с невысоким худощавым комдивом.

Иван Андреевич Ласкин рассказывал, как он этого адъютанта нашел. Примечателен, впрочем, не сам факт, а обстоятельства, при которых все произошло. Вспоминая сейчас этот эпизод, я думаю о том, насколько точно, метко в мемуарах генерала П. И. Батова, знавшего комдива 172 не по Севастополю, а раньше — по сравнительно недолгим боям под Перекопом, Ласкин назван командиром переднего края. Вот уж кто действительно не мог руководить боем издалека!

В тот раз командир дивизии прибыл вечером в один полк, чтобы разобраться, почему днем не удалось удержать небольшую высотку и какие последствия имеет захват ее противником. На месте он пришел к выводу, что высотку необходимо вернуть. Того же мнения был и

командир полка, опасавшийся, однако, что для этого у него не хватит сил. Комдиву же пока не было ясно, хватит или не хватит. А задач нереальных, невыполнимых Ласкин никогда не ставил.

Что же делает командир дивизии? Он требует маскхалат, натягивает его и ползет, как рядовой разведчик, в ничейную полосу, решив лично обследовать подступы к высотке. Причем сопровождать себя никому не разрешает: до неприятельских позиций всего полтораста метров, и у одного больше шансов остаться незамеченным.

На другом этапе войны, через год-полтора, подобные действия командира соединения, пожалуй, невозможно было бы и представить. Да и тогда, в конце сорок первого, они заслуживали скорее осуждения, нежели похвалы. И все же следует помнить, насколько необычной была севастопольская обстановка, то и дело заставлявшая всех нас поступать в чем-то не по правилам.

А уж в использовании наличных сил требовалась такая сверхрасчетливость, что можно было простить комдиву вылазку за передний край, если она помогала принять верное решение на бой.

Ласкин благополучно дополз до бугорка, который себе наметил, полежал там, осмотрелся и понял, как следует брать высотку, чтобы обойтись без лишних потерь, как поддержать атаку артиллерией. Удовлетворенный своей разведкой, он повернул обратно. И на полпути наткнулся в кустах на какого-то крупного человека, которого чуть не принял за перерезающего ему путь немца.

Тот шепотом представился:

— Старшина первой статьи Ляшенко. Имею приказание командира полка не упускать вас, товарищ командир дивизии, из виду. А если что — вынести...

Когда они добрались до своих окопов, комдив уже знал, что старшина до недавних пор служил на линкоре, откуда в числе других добровольцев пошел защищать Севастополь. Здоровенный моряк приглянулся командиру дивизии, и он взял его к себе адъютантом. Прежнего комдив, не имея никого другого под рукой, только что послал чем-то командовать.

Старшина (впоследствии — лейтенант) Иван Ляшенко оставался адъютантом Ласкина всю Севастопольскую оборону. Как мне известно, они и потом еще долго служили и воевали вместе.

Таким комдивам, как Ласкин или Новиков (тоже истинный «командир переднего края»), нужно было своими глазами видеть передовой рубеж, чтобы уверенно управлять боевыми действиями частей. Быть может, они и не задумывались над тем, что, бывая там изо дня в день, и обычно на наиболее трудных участках, в свою очередь прибавляют уверенности подчиненным. А эта сторона дела значила много.

«Мастер вселять в людей веру в свои силы» — так, помню, охарактеризовал однажды полковник Ласкин начальника политотдела своей дивизии старшего батальонного комиссара Г. А. Шафранского. Это действительно был боевой политработник и очень смелый человек. Но хочется сказать, что такого рода мастером, умевшим ободрить людей одним своим появлением на трудном участке фронта, являлся и сам комдив 172.

Однажды Ласкин и военком его дивизии полковой комиссар П. Е. Солонцов явились на полуокруженный наблюдательный пункт командира морского полка майора Тарана в такой момент, когда там могли ждать разве что связного, но уж никак не дивизионное начальство.

Было это на Госфортовой горе, над долиной реки Черная, где расположено Итальянское кладбище времен Крымской войны. Голая, без единого деревца, гора с кладбищенской часовней на вершине представляла собой очень неспокойное место и в периоды общего затишья. Противник многократно пытался овладеть выгодной позицией в центре обороны нашего второго сектора. Малочисленный полк Тарана, хотя на него работала почти вся артиллерия сектора, держался тут с трудом. А в тот день командир дивизии особенно тревожился за этот участок, потому что с НП Тарана, откуда тот управлял полком, прервалась связь.

Не считая возможным ждать, пока ее восстановят, Ласкин и Солонцов ночью сами пошли к Тарану хорошо знакомой им тропой, чтобы на месте выяснить обстановку и принять решение, какое потребуется. И застали полковой НП уже полуокруженным.

— Как вы сюда попали, товарищ комдив? — изумился майор Таран. — Немцы в шестидесяти метрах. У меня с трех сторон от НП лежат матросы с гранатами...

— Матросов с гранатами видел, — отвечал полковник

Ласкин. — А я тут потому, что вы тут. Но объясните-ка, как вы умудряетесь управлять отсюда полком?

Ласкин с Солонцовым обошли и батальоны полка, в тот момент соответствовавшие по числу штыков, в лучшем случае, нормальным ротам. Наверное, их видел почти каждый боец, а кто не видел — услышал, конечно, об их приходе от товарищей. И как знать, не помогло ли поредевшему морскому полку продержаться еще сутки (затем сюда было прислано подкрепление), в частности, то, что ночью на Госфортовой горе побывали комдив и военком, морально поддержав обороняющих ее людей.

А полковой НП все-таки было приказано перенести в более подходящее место.

В 172-й дивизии привыкли к тому, что комдив и военком почти всюду бывают вместе. Никакой командир не обладал правом подбирать себе комиссара — единственного в соединении или части человека, который ему не подчинен, в равной с ним степени за все ответствен и облечен фактически равной властью. Но если бы дать такое право полковнику Ласкину, он, не сомневаюсь, выбрал бы своим ближайшим боевым товарищем именно Солонцова.

И в других дивизиях командиры и военкомы работали, как правило, дружно. Однако эти двое как-то особенно удачно дополняли друг друга. Петр Ефимович Солонцов, кадровый политработник, незадолго до войны окончил академию. Он располагал к себе уравновешенным характером, здравой рассудительностью, за которой чувствовались ум и опыт, и, наверное, мог многое подсказать, посоветовать своему комдиву. А Ласкин, сам вдумчивый и при всей его решительности чуждый самонадеянности, был не из тех, кто может не прислушаться к толковому совету, пренебречь правилом — ум хорошо, а два лучше.

В их отношениях нельзя было не заметить большого взаимного уважения и искреннего товарищеского чувства. Они любили быть вместе на передовом НП дивизии на Федюхиных высотах, ходить вдвоем в полки и батальоны. Думается, эта честная, бескомпромиссная дружба двух старших начальников, двух смелых и мужественных людей, постоянно находившихся на глазах у всей дивизии, сыграла не последнюю роль в том, что среди всего ее командного состава был силен дух боевого товарищества.

К тому, как работают Ласкин и Солонцов, заинтересованно присматривался командарм. Мы вообще уделяли в то время несколько повышенное внимание 172-й дивизии — новой в Приморской армии и к тому же только что переформированной после потерь, понесенных до Севастополя.

Состав дивизии был весьма разнородным. В одних подразделениях — их называли «ротами отцов» — еще преобладали бойцы старшего возраста из первоначального контингента (дивизия формировалась уже после того, как призвали более молодых запасников), в других — матросский молодняк, в третьих — вчерашние ополченцы. Одна рота состояла почти целиком из рабочих маленького заводика «Бром», находившегося где-то на севере Крыма. Когда туда подступил враг, они все ушли на фронт, и командовал ими бывший директор завода, а политруком роты был учитель местной школы...

Не трудно представить, какие усилия требовались от командиров и политработников, чтобы сплотить, спаять все это в единый, четко управляемый боевой организм.

— Вы знаете, — спросил как-то Иван Ефимович Петров, — что в дивизии Ласкина уже сложили свою песню? Это хорошо. И поют ее с гордостью, сегодня сам слышал.

Потом услышал эту песню и я. Начиналась она, помнится, так:

Родилась боевая в пороховом дыму
Сто семьдесят вторая дивизия в Крыму...

Под Одессой у нас имел свою песню только артиллерийский полк Богданова. За месяцы Севастопольской обороны обзавелась своей песней почти каждая часть, защищавшая город. Но «Песня 172-й стрелковой дивизии» была едва ли не самой первой.

Ради укрепления штадива 172-й пришлось расстаться с одним из лучших работников штарма — майором М. Ю. Лернером, которому я совсем недавно передал оперативный отдел.

Михаил Юльевич показал себя отличным начопером, но тяготился тем, что вынужден почти безвылазно сидеть в каземате в Крепостном переулке, и все настойчивее просил перевести его в войска. Ласкин же искал возможности заменить своего начальника штаба более подготовленным товарищем и, узнав о желании Лернера, перего-

ворил о нем с командармом. Генерал Петров сказал, что это решать Крылову. Ну а я под дружным натиском обоих заинтересованных лиц не устоял. Тем более что повышения майор Лернер, безусловно, заслуживал. За штаб, который он возглавит, я мог быть спокойным.

В исполнение обязанностей начальника оперативного отдела штарма вступил майор Ковтун-Станкевич.

Закончу, однако, начатый рассказ о новых командирах полков. Все в той же 172-й дивизии к ним относился подполковник Василий Васильевич Шашло. Он заменил в 514-м стрелковом полку И. Ф. Устинова, раненного в последний день ноябрьского наступления немцев и эвакуированного на Большую землю.

Шашло попал в дивизию из погранвойск и продолжал в память о службе в них носить зеленую фуражку. На висках у него серебрилась ранняя седина. А по характеру — невозмутимо спокойный и на редкость молчаливый человек, полная противоположность темпераментному комиссару полка Осману Караеву. Комдив Ласкин, живой и общительный, признавался, что сначала ему было с Шашло трудно:

— Какую ни поставишь задачу, вопросов не задает, только и скажет: «Слушаюсь». Думаешь: да понял ли он?

Но скоро комдив убедился, что молчаливый и хмурый на вид Шашло предельно собран и просто не нуждается в излишних уточнениях, в переспросах. На его короткое «Слушаюсь» можно было положиться: понял и сумеет выполнить. А когда мне приходилось соединяться с ним по телефону, он буквально несколькими словами исчерпывающе освещал обстановку.

Понадобилось немного времени, чтобы за Шашло утвердилась в Приморской армии репутация одного из наиболее умелых полковых командиров.

Зеленую фуражку носил, разумеется, и майор Рубцов — статный, темнобровый командир сводного погранполка, который в середине ноября прочно занял позиции на правом фланге Севастопольской обороны. У Балаклавы, начиная с высоты, увенчанной Генуэзской башней, где пограничники несли дозор и до войны, их форма стала преобладающей. И, как и в полку Маловского под Одес-

сой, здесь жили по правилу: твой рубеж — та же граница, а ее, как известно, положено держать на замке.

На значительной части участка рубцовского полка передний край проходил невыгодно для нас — под высотами, где укрепились немцы. Тем не менее линия фронта тут сделалась незыблемой. Командарм, отмечая это, вспоминал, как Рубцов, приняв участок, заверил его: «Пограничники сделают все, чтобы не отступить ни на шаг».

Герасима Архиповича Рубцова, командира очень волевого, отличала также высоко развитая самостоятельность. Причем самостоятельность в лучшем смысле слова — разумная, зрелая. Вот уж кому — это он доказал быстро — можно было предоставить решать боевую задачу так, как считает выгодным он сам. Очевидно, к этому приучает вся обстановка пограничной службы. Там каждая застава — отдельная часть, отряд — фактически соединение, хотя людей в нем и немного. А погранотрядом Рубцов уже командовал. Порой думалось: а ведь этот майор, если надо, пожалуй, справился бы не только с полком!

Глубокое уважение вызывали командиры 40-й кавдивизии, ветераны первых битв за молодую Республику Советов. Не только комдив Филипп Федорович Кудюров и начштаба Иван Сергеевич Стройло, но и немало других конников имели ордена Красного Знамени еще за гражданскую войну. Участвовал в ней почти весь командный состав дивизии, включая и младший. Сержантам тут, как правило, было за сорок. Солидно выглядели и бойцы — призванные из запаса кубанские станичники.

Дивизия создавалась как легкая кавалерийская, предназначалась для стремительных рейдов по неприятельским тылам. А воевать ей пришлось совсем иначе. В последнее время — под Балаклавой, уже в пешем строю. Но и в таких непривычных для них условиях конники держались хорошо. Не страшились ни фланговых охватов, ни окружения, очень ценили пулемет и умели его использовать, с кавалерийским азартом ходили в контратаки, выбивая немцев с захваченных высот.

Теперь дивизия Кудюрова находилась в армейском резерве. Вместе с влитыми в нее остатками 42-й кавдивизии она насчитывала около тысячи бойцов. Сохранялись, однако, три полка со штатным числом эскадронов. Берегли уцелевших коней. Конники верили, что спешились они временно и, может быть, скоро снова будут в седле, вы-

рвутся на простор крымской степи, развернутся там по-буденновски...

Помню разговор об этом с командиром кавполка Леонидом Георгиевичем Калужским — тем, который отличился в памятный день 17 ноября, когда фашисты чуть не ворвались в Балаклаву. Он разделял надежды своих бойцов.

Да разве не могли они сбыться? Под Ростовом, хотя врагу и удалось его захватить, как будто уже назревал перелом. Готовясь отражать новое наступление немцев, мы рассчитывали, что в недалеком будущем сможем наступать сами (представить, что оборона Севастополя продлится много месяцев, было тогда трудно). При изменении к лучшему общего положения на юге, чего все ждали, задачей приморцев могло стать преследование противника, отходящего из Крыма.

Не без учета таких возможностей командарм Петров и считал целесообразным сохранять в малочисленной кавдивизии прежнюю внутреннюю организацию. Богатая и сейчас опытными командирами и бывалыми бойцами, она могла бы, приняв пополнение, сразу использоваться по прямому назначению.

Но пока конникам надо было, как и морякам, настойчиво осваивать тактику пехоты. Что это необходимо, в 40-й кавалерийской вполне сознавали и не теряли времени даром.

Не помню уж, с каких пор этого не бывало: часть работников штаба армии посылается в войска проверять, как проходят учения и занятия, или помогать их организовывать.

Вот уже несколько дней занимается боевой подготовкой морская бригада полковника Жидилова, выведенная, как и кавдивизия Кудюрова, в резерв командарма (кроме одного батальона, который оставили на очень ответственной позиции в третьем секторе). Планируются учебные мероприятия и в резервных подразделениях стрелковых дивизий. После всех переформирований в этом большая нужда. И раз противник, притихший почти на всем фронте, дает возможность немного поучиться, следует этим воспользоваться.

Отрабатывать приходится многое из азов — действия одиночного бойца и отделения в горно-лесистой местности, технику переползания по-пластунски, перебежек, самоокапывания, маскировки... И конечно, способы борьбы с танками.

Практические советы бойцам по этим же вопросам изо дня в день дает армейская газета «За Родину». Редактор Н. М. Курочкин помогает командирам воспитывать у влившегося в части пополнения веру в полевую фортификацию. В блиндаж одного батальонного КП попало шесть вражеских снарядов, но никто из находившихся там людей не пострадал: хорошо построенный блиндаж выдержал. И газета не пропустила поучительного примера, подробно о нем рассказала.

Но учить надо не только бойцов. Так же остро, как в свое время в Одессе, встала перед нами проблема подготовки командных кадров. За месяц, на который пришлись тяжелые бои на севере Крыма и отражение первого наступления на Севастополь, в армии выбыло из строя до тысячи командиров, не считая сержантов. Заменить за счет расформированных частей и из других резервов удалось лишь около трети выбывших. Рассчитывать же на то, что недостающих командиров быстро пришлют с Большой земли, трудно.

Значит, оставалось готовить их самим, используя опять-таки одесский опыт. Еще в разгар ноябрьских боев Военный совет армии принял решение немедленно открыть краткосрочные курсы строевого комсостава. Курсанты — техники-интенданты из тыловых служб и отличившиеся младшие командиры. Программа предельно сжата: на учебу отпускается десять дней.

30 ноября курсы произвели первый выпуск, дав частям 28 командиров взводов. Во втором наборе — уже свыше ста курсантов. Конечно, этого мало. Лучшим сержантам, фактически командовавшим взводом (а иногда и ротой) в бою, звание младшего лейтенанта присваивается и без курсов. Даже в артполках, где потерь меньше, некоторыми огневыми взводами управляют вчерашние командиры орудий. Почти двести активных коммунистов из сержантов и рядовых выдвинуты на политработу.

А для подготовки младших командиров стали создаваться дивизионные школы. Первую, не дожидаясь никаких указаний, организовали в тылах второго сектора Лас-

кин и Солонцов. Командарм горячо одобрил их начинание, а потом присутствовал на скромном торжестве выпуска.

Иметь в дивизии сержантскую школу — дело, казалось бы, обычное, естественное. Но создавать такие школы на фронте удавалось далеко не всегда. Тем более — в армии, обороняющей изолированный плацдарм, в осаде. И то, что в соединениях, стоящих на севастопольских рубежах, по собственной инициативе брались готовить как в нормальных условиях сержантов в своей, пусть ускоренной, школе, было хорошим признаком, говорило о чувстве уверенности.

Военные люди быстро привыкают к любой обстановке. Вначале кое-кого, особенно из не воевавших под Одессой, тяготило — этого нельзя было не замечать — сознание, что закрепились мы, в сущности, на пятачке, а за спиной безбрежное море. Но, выдержав в ноябре первые серьезные испытания, защитники Севастополя повеселели: отбились раз — отобьемся и в другой!

Люди убеждались, что и на пятачке не всегда одинаково жарко, что и тут бывает некоторое затишье. Боевая жизнь вдали от Большой земли входила в какие-то свои нормы, становилась привычной. А тем, кто помнил Одессу, было и не привыкать.

Размеренный распорядок работы установился на армейском КП и в штабе.

Давая отоспаться направленцам, которые весь день проводят в частях, майор Ковтун готов бодрствовать сам всю ночь, но обычно мы с ним ее делим: от полуночи до трех у телефонов сижу я, потом меня сменяет Ковтун. В шесть ноль-ноль он докладывает обстановку командарму, после чего генерал Петров уезжает до полудня в войска. После обеда, если не назначено какое-нибудь совещание и нет особо срочных дел в штабе, еду в другие соединения я. Вечером, перед докладом командующему СОР, подводим в «каюте» командарма или в моей итоги дня.

К этому времени приезжает на КП член Военного совета армии Михаил Георгиевич Кузнецов. Он, как и в Одессе, много занимается тылами, снабжением и всем, что связано непосредственно с городом.

Вообще-то это обязанности второго члена Военного совета, а Кузнецов у нас и второй, и первый — в одном лице. Крупный партийный работник и энергичный орга-

низатор, недавний секретарь Измаильского обкома, он до войны был мало знаком с армейскими делами, тем паче — с боевой деятельностью войск. И командарм не возражает против того, чтобы бригадный комиссар Кузнецов, бывая, разумеется, и во всех дивизиях, сосредоточивал основное внимание на том, что ему ближе — на работе наших тыловых служб. Они хоть и под боком у боевых частей, но там хватает своих специфических проблем и трудностей.

Военкомом штарма по-прежнему полковой комиссар Алексей Васильевич Глотов, мой сослуживец еще по Дунайскому укрепрайону. Душевный человек, всегда готовый о каждом позаботиться, каждому помочь, он, кажется, одним своим присутствием создает вокруг атмосферу отзывчивого товарищества. Под стать Глотову и батальонный комиссар И. Ф. Костенко, который, пробыв некоторое время в формировавшемся полку пограничников, возвращен поармом к нам в оперативный отдел.

Мы обжились в каземате армейского командного пункта. Мне, как и командарму, отведена «городская квартира» — комната для отдыха в одном из домиков на соседней улочке. Но туда заглядываю редко. Как ни хорош наверху свежий воздух, спится спокойнее в тесной рабочей «каюте». И не потому, что над головой толща бетона: тут рядом связь, оперативная карта, товарищи. И успел сложиться привычный быт, не лишенный даже некоторого уюта.

Ни с кем не уговариваясь, машинистка Люба Горбач, муж которой работает в нашем автобронетанковом отделе, взяла на себя на КП обязанности хозяйки. Она следит за чистотой помещения и за тем, чтобы никто не забыл побриться. Завела специальный кувшин, который наполняет рано утром горячей водой, заботится, чтобы и в ночь-полночь был для бодрствующих заваренный чай... Горбач спит в уголке каземата под звонки телефонов и гулко отдающиеся шаги, а стоит дежурному негромко сказать: «Люба, сводка!» — и через минуту она уже за машинкой.

Оперативный отдел — может быть, я к нему пристрастен — по-прежнему кажется мне самым дружным. И дело вряд ли только в том, что здесь почти все давно, с самого начала, воюют вместе. Отдел сплочен общей обостренной ответственностью за положение на переднем крае, за то, чтобы всегда все о нем знать, ничего не упустить, не прохлопать.

Но всем нужна хоть маленькая разрядка. Когда я, сняв со стола рабочую карту, зову направленцев попить у меня чаю, вступает в силу наше старое для таких случаев правило: сейчас о служебных делах не говорим. Если тут удалой капитан Харлашкин, или просто Костя, как зовут его все в эти минуты, то товарищам будет чему посмеяться: у него всегда в запасе что-нибудь веселое. Легко в этом кругу и поделиться тем, что тревожит, камнем лежит на сердце.

Многие из нас не получают никаких вестей от своих семей. Шестой месяц и я не знаю, где жена и дети, что сталось с ними после того, как 22 июня, в пограничном Болграде, мы наспех попрощались у набитой людьми полуторки, увозившей их к железной дороге, на станцию Раздельная. Если они живы, успели уехать в тыл, то, вероятно, тоже ничего не знают обо мне...

Успокаиваем друг друга тем, что, как видно, еще не наладилась работа военно-полевой почты, что письма не доходят из-за изменения адреса. Хорошо, если так.

Бывать на флагманском командном пункте флота — он же КП СОР, находящемся у Южной бухты, довольно далеко от нас, мне случается не часто. Когда командарм и член Военного совета отправляются туда с ежедневным докладом командованию оборонительного района, я остаюсь старшим на армейском КП. Штаб СОР, начальником которого я несколько дней числился и который теперь занимается практически делами чисто морскими, обычно требует от штарма лишь оперативные сводки и отчеты.

В Одессе отношения со штабистами-моряками были как-то ближе и теплее — такие, как здесь с Моргуновым и Кабалюком, с которыми мы и живем под одной крышей, и все, что целесообразно делать сообща, так и делаем.

Из ноябрьских боев, в целом успешных, напрашивались выводы о различных недостатках в организации обороны. Мы старались извлечь уроки, касающиеся действий армии. Но возникали и вопросы, решать которые следовало бы в вышестоящем, старшем в Севастополе, штабе. Соображения на этот счет с некоторыми практическими предложениями я изложил в докладной в штаб СОР. Составляя эту бумагу, ни о чем, кроме пользы дела, не думал.

Почему-то эта докладная попала к Ф. С. Октябрьскому, которому не адресовалась, и неожиданно вернулась ко мне с его резолюцией. Мне разъяснялось, что Севастопольским оборонительным районом командует он, и потому не моя забота делать столь обобщенные выводы, давать оценки состоянию обороны.

Оказывается, я вторгся куда не следует...

Всех нас, естественно, интересовали, волновали и морские дела, не отделимые в Севастополе от сухопутных уже потому, что от морских перевозок полностью зависела боеспособность армии.

Новости о том, что происходит на море и что оттуда ожидается, приносили с флагманского КП командарм и Кузнецов. О приходе кораблей, о прибывающих на них подкреплениях и воинских грузах извещал меня также начальник оперативного отдела штаба флота капитан 2 ранга О. С. Жуковский. Мы познакомились с ним в Одессе, когда готовилась ее эвакуация. Пока Жуковский находился в Севастополе, служба сводила меня с ним чаще, чем с кем-либо еще из флотского командования, за исключением береговиков.

Корабли приходили из портов Кавказа регулярно. Опасения насчет того, что присутствие неприятельской авиации на всех аэродромах Крыма сделает рейсы в Севастополь чрезмерно рискованными, к счастью, пока не оправдывались. После потопления «Армении» — транспорта, на котором в начале ноября погибли сотни эвакуируемых севастопольцев и ялтинцев, потерь на морском пути к Большой земле не было.

Для перевозок часто использовались крейсера и эсминцы, более быстроходные, чем транспорты, и менее уязвимые. Но благополучно доходили под охраной боевых кораблей и грузовые суда, танкеры с бензином для самолетов и автомашин.

Радуясь их появлению в бухтах, тревожась за них, когда к городу приближались вражеские самолеты, мы, конечно, сознавали, что провести сюда любой корабль из Новороссийска или Поти не легко.

Самыми трудными считались у моряков последние перед Севастополем мили. Здесь к угрозе атак с воздуха прибавлялась возможность обстрела дальнобойными батареями, и главное — мины. Как они сбрасываются фашистскими самолетами, иногда было видно даже с бруствера

над нашим КП: в луч прожектора, освещающего цель зенитчикам, попадал вдруг парашют, спускающийся с грузом где-то за Константиновским равелином, над внешним рейдом...

Каверзные магнитные и акустические мины немцев, о которых много приходилось слышать еще в Одессе, теперь, правда, были уже не так страшны нашим кораблям, как вначале. На вооружении появились размагничивающие защитные устройства и специальные тралы. Но полной гарантии безопасного плавания все это пока не давало. Тем более что противник вводил в действие новые образцы мин.

Вокруг находились также наши минные заграждения, поставленные в первые дни войны на случай, если бы враг попытался нанести по Севастополю удар с моря. Для своих судов были оставлены неширокие, обозначенные лишь на картах проходы — секретные военные фарватеры. Об их чистоте неустанно пеклись моряки из ОВРа — охраны водного района, которую возглавлял контр-адмирал В. Г. Фадеев, всем в главной базе флота известный.

Маленькие кораблики ОВРа — такие катера, как тот, на котором мне довелось идти в октябре из Одессы, и разные другие — встречали и провожали каждое приходящее в Севастополь судно. По ночам катера, а в тихую погоду и шлюпки расходились по фарватерам и караулили падение мин, чтобы поточнее обозначить буйками места, где они легли на дно.

Рассказывали, что, когда буйков выставлялось много, контр-адмирал Фадеев переходил со своего командного пункта в Стрелецкой бухте на рейдовый пост у Константиновского равелина и оттуда, имея все «поле боя» перед глазами, сам руководил обезвреживанием засеченных мин. Уничтожали их различными способами. Иногда пользовались и таким: сторожевой катер, на борту которого находились только добровольцы, маневрировал на больших ходах в районе падения мины, шумом винтов вызывая ее взрыв. Рассчитывали тут на то, что, приведя механизмы мины в действие, катер за остающиеся до взрыва секунды успеет отдалиться настолько, чтобы не погибнуть. И это действительно удавалось. Но сильнейшее сотрясение не проходило бесследно ни для механизмов, ни для людей. Нормальным считалось, если с катера, после того как опа-

дал скрывший его на мгновение столб воды, передавали на рейдовый пост: «Тяжелораненых нет, ход имею...»

Так расчищали путь большим кораблям скромные герои севастопольских фарватеров.

Все приходящие крейсера и эсминцы, даже если их стоянка ограничивалась несколькими часами, немедленно включались в общую систему артогня оборонительного района. Как только корабль ошвартуется, на борт передают специальный телефон, через который поступают целеуказания и корректура. Непосредственно управляет огнем кораблей флагманский артиллерист флота капитан 1 ранга А. А. Рулль. А распределение целей Рыжи и Ковтун обговаривают с Жуковским.

Нарком Военно-Морского Флота, как дошло до нас, потребовал от черноморцев использовать корабельную артиллерию под Севастополем шире. В частности — для уничтожения подтягиваемых к фронту, накапливаемых для нового наступления неприятельских резервов.

В одну из ночей в последних числах ноября из Поти пришел флагман Черноморского флота — линкор «Парижская коммуна». К этому времени разведка установила, что в ряде пунктов в районе Байдарской долины сосредоточиваются части новой, переброшенной из-под Харькова 24-й немецкой пехотной дивизии. Туда и решили направить огонь двенадцатидюймовых орудий линкора.

Стрелял он, не входя в бухту, с огневой позиции у мыса Феолент — от нашего КП по прямой километров пятнадцать, если не больше. Мы поднялись наверх, и картина стоила того. Хотя самого корабля видно не было, от могучих линкоровских залпов над морем вспыхивали грозные зарницы, потом докатывался басистый грохот выстрелов, и очень нескоро — слитный звук далеких разрывов.

Наверное, эту полуночную стрельбу видели или слышали все по обе стороны севастопольского фронта. Немцы на огонь не отвечали, притихли. Будь это днем, при летной погоде, подняли бы небось бомбардировщики со всего полуострова...

Во втором часу богатырская канонада смолкла, и линкор скрылся в ночной дали. Утром Николай Кирьякович Рыжи сообщил, что общий вес выпущенных кораблем снарядов около 80 тонн. О том, какой урон нанесен противнику, судить было пока трудно. Флотские корпосты раз-

местились в эту ночь на самых высоких из доступных нам вершин, полевые батареи помогали им осветительными снарядами. Тем не менее стрельба корректировалась лишь частично, а в основном велась по площадям.

Следующей ночью огонь по дальним целям вел крейсер «Красный Крым», много раз поддерживавший приморцев под Одессой. Его командир капитан 2 ранга А. И. Зубков искусственно накренил корабль, перекачав мазут из одних цистерн в другие, и увеличил этим угол возвышения орудий, что позволило бить дальше обычного.

Стрельбы крупных кораблей поднимали настроение и на переднем крае обороны, и в городе. Сам тот факт, что любые корабли могли прийти и приходили на помощь Севастополю, говорил людям убедительнее всяких слов: Черное море остается нашим, господствует на нем наш флот!

...Когда отмечалось 25-летие обороны Севастополя и мне была оказана честь сделать доклад на состоявшейся в городе военно-исторической конференции, я мог сказать, что у командования Приморской армии никогда не вызывали беспокойства фланги, упиравшиеся в море. Мы не опасались удара с моря в тыл нашим войскам...

ПЕРЕД ВТОРЫМ ШТУРМОМ

В журнале боевых действий армии появилась запись, не относящаяся к положению на нашем участке фронта:

«Командарм потребовал от всех командиров и комиссаров дивизий, бригад и полков, чтобы все до одного бойцы знали о разгроме немецко-фашистских войск под Ростовом».

Там, у ворот Кавказа, произошли знаменательные события. Гитлеровцы, захватившие Ростов, смогли продержаться в нем лишь неделю и были отброшены с огромными потерями на рубеж реки Миус.

А на другом конце фронта, вблизи Ленинграда, продолжается наше контрнаступление под Тихвином.

Люди живут этими радостными известиями, проникаются уже не надеждой, а уверенностью, что вот-вот, в самые ближайшие дни, наша возьмет и под Москвой, что иначе просто не может быть. Как хочется всем верить, что близится или уже настает общий решительный перелом в ходе войны!

Некоторые наши товарищи начинают даже сомневаться, будут ли фашисты еще раз наступать на Севастополь. До того ли, мол, теперь немцу?

Особой активности противник действительно не проявляет, ограничиваясь методическим обстрелом наших позиций и разведкой мелкими группами автоматчиков. Было даже, когда потери армии за сутки свелись к двум убитым и шести раненым. В отдельные дни над городом совсем не показываются вражеские самолеты. И не только из-за погоды. Наша разведка не обнаруживает их и на крымских аэродромах: должно быть, летают к Ростову...

Однако начальник разведотдела штарма майор В. С. Потапов абсолютно уверен: ни одной наземной части — пехотной, артиллерийской или иной — противник из-

под Севастополя не снял. Наоборот, на усиление сосредоточенной против нас группировки перебрасывается сюда из района Керчи еще по крайней мере одна пехотная дивизия, а возможно, и две. (Как потом подтвердилось, перебрасывались две — 73-я и 170-я, но первую Манштейну все-таки пришлось направить затем под Ростов.)

Мы, конечно, не могли знать, что Гитлер, вынужденный отдать в начале декабря приказ о переходе на востоке к стратегической обороне, одновременно потребовал от Манштейна взять Севастополь в кратчайший срок. Но понимали, что в создавшейся обстановке гитлеровское командование приложит все силы, чтобы поскорее высвободить свои войска, застрявшие в Крыму.

И все же противнику, по-видимому, приходилось откладывать новое наступление на Севастополь.

Мы ждали его еще 26 ноября, имея на то определенные основания, и принимали соответствующие меры, вплоть до выдвижения на танкоопасные направления некоторой части зенитных батарей — в качестве запасных противотанковых. Ждали затем 8 декабря, получив заслуживавшие доверия сведения. Но и этот день прошел спокойно.

Продлившуюся передышку стараемся должным образом использовать. Интенсивно идут фортификационные работы. Дополнительно минируются подступы к переднему краю (до тысячи мин в сутки, в основном противотанковых, поставляет городской спецкомбинат). Проверяем размещение артнаблюдателей и всю систему взаимодействия артиллерии с пехотой.

Во всех секторах организованы тренировки по вызову полком, батальоном, ротой огня не только тех батарей, которые их постоянно поддерживают, но и от соседей, а также артиллерии усиления. Чтобы результаты были виднее, на некоторые тренировки отпускаются по два-три боевых снаряда.

На случай нарушения централизованного управления артиллерией обеспечиваем дивизиям и бригадам прямую связь с армейскими артполками и береговыми батареями. С телефонным кабелем стало легче: вывезенная из Одессы мастерская (у начальника тыла она числится как «кабельный завод») заработала и дает 25 километров в сутки. В другой мастерской переделывают городские телефонные аппараты на полевые.

Наблюдать за противником и выявлять цели для артиллерии в глубине его позиций очень мешает то, что почти всюду командные высоты близ линии фронта не у нас. Но оказалось, что иногда возможно туда добраться и даже закрепиться там.

Самой высокой точкой, где мог поместить наблюдателей начарт второго сектора майор Золотов, была часовня Итальянского кладбища на Госфортовой горе. Однако оттуда не просматриваются глубокие лощины, по которым немцы подтягивают к передовой резервы. А напротив, по ту сторону фронта — гора повыше, причем не голая, как Госфортова, а заросшая густым лесом. Значит, думал, глядя на нее издали, Золотов, замаскироваться там можно...

За смелую идею начарта — выдвинуть пост артиллерийского наблюдения на территорию, занятую противником, в секторе ухватились. И вот полковник Ласкин доложил: артнаблюдатели на лесистой вершине сидят, им хорошо видны ближние тылы немцев на большом участке. Такие возможности бывают, наверное, только в горах!

Пост на этой высоте очень важен для нас. Приказано его по мелочам не использовать, беречь для управления огнем в серьезных боях.

Но то, что можем мы, может и противник. Характер местности заставляет вдвойне и втройне заботиться о надежности стыков между дивизиями и полками, к которым не случайно проявляют интерес немецкие разведгруппы, ищущие, где у нас слабина. На проверку стыков нацелены направленцы оперативного отдела. Иногда, если локтевого контакта не обнаруживается, им приходится «сводить» соседей по фронту.

За последние недели сильно обновился состав штабов, особенно полковых, там недостает опытных командиров, и это дает себя знать. Кое-кому не хватает умения (да и привычки) постоянно и настойчиво, без подталкивания, изучать противника.

Что и говорить, штабная культура приобретается нелегко. Но на войне учатся быстро. Отлично работает, например, капитан П. А. Бровчак, молодой начштаба 287-го стрелкового полка — того, которым под Одессой временно командовал, еще в звании капитана, наш Ковтун. Здесь и за стыками присмотрено, и с артиллеристами полное взаимопонимание, а о противнике доложат больше и

конкретнее, чем ожидаешь. Работу штаба этого полка с удовлетворением ставим в пример другим.

Инициативно ведет разведку на своем участке 8-я бригада морской пехоты, еще недавно имевшая меньше практического фронтового опыта, чем какая-либо часть под Севастополем. По просьбе командира бригады В. Л. Вильшанского начальником штаба туда переведен майор В. П. Сахаров, бывший начопер 95-й дивизии.

Командарм часто заезжает к Вильшанскому, поощряет его стремление быть в обороне активным, не давать врагу покоя. В конце ноября 8-я бригада вновь предприняла по собственному почину — конечно, с ведома штаба армии — разведку боем несколькими ротами, которая, как и в прошлый раз, использовалась для улучшения своих позиций. Морские пехотинцы доказывают, что последнее возможно и на таком участке фронта, где у противника весьма значительный перевес в силах.

К вылазкам моряков Вильшанского генерал Петров неоднократно возвращался в наших разговорах на КП.

— Очень хорошо, что они учатся наступать, — говорил Иван Ефимович. — Пора нам и в боевой подготовке уделить больше внимания активным действиям, найти возможность учить роту, батальон тактике наступления, стремительного продвижения вперед... Опыта в этом у приморцев, увы, нет. А понадобиться может раньше, чем мы думаем!

Данные разведок той же 8-й бригады и других частей подтверждают, однако, что и немцы готовятся наступать. Видимо, они чего-то выжидают; может быть, стабилизации положения под Ростовом, но чтобы они отказались еще от одной попытки овладеть Севастополем без каких-то новых, неблагоприятных для них событий на других фронтах, представить трудно. Уверен, что не допускал мысли об этом и Иван Ефимович.

В первых числах декабря я побывал на командном пункте и в штабе четвертого сектора у генерал-майора В. Ф. Воробьева, с которым не виделся с начала ноябрьских боев. Его КП за Братским кладбищем, в усадьбе совхоза имени Софьи Перовской, бывший директор которого В. В. Красников командует теперь партизанским отрядом в горах, поддерживая связь с нами.

Совхоз ближе к городу, чем к переднему краю, и ни один другой дивизионный командный пункт не расположен так далеко от своих частей. Но, разумеется, при выборе места руководило не желание отнести КП подальше от передовой, а педантичная приверженность к уставным рекомендациям: удаление от переднего края им соответствует. Тут, на северном направлении обороны, действительно еще хватает пространства, чтобы это соблюсти.

Недавно у немецкого офицера, убитого в стычке с нашим боевым охранением, причем именно в зоне четвертого сектора, была обнаружена карта, на которой обозначены, в частности, командные пункты обороняющих Севастополь дивизий. Всех, кроме дивизии Воробьева. Не потому ли, что ее КП тщетно пытались обнаружить где-то ближе к линии фронта?

Так или иначе, комдив 95-й мог быть удовлетворен. Вообще же осведомленность неприятельской разведки заставляет призадуматься. Тем более что мы такими сведениями о противостоящих немецких дивизиях похвастаться не можем.

С Василием Фроловичем Воробьевым, как обычно, говорили не только о служебных делах, которые меня к нему привели.

Вспомнили Гавриила Даниловича Шишенина, первого начальника штаба Приморской армии, а для Воробьева, кроме того, товарища по курсу в двух военных академиях. Повод для воспоминаний был невеселый. На днях до нас дошло, что генерал-майор Шишенин — он возглавлял в последнее время штаб 51-й армии П. И. Батова, обороняющей Кубань, — погиб где-то между Таманью и Краснодаром, далеко от фронта: прорвавшиеся «мессершмитты» перехватили У-2, на котором он возвращался из частей к себе в штаб. Крупный штабной работник, ветеран Красной Армии, прослуживший в ее рядах всю сознательную жизнь, отдавший все силы, чтобы справиться с неудачами тяжелого начала войны, оказался в числе уже многих-многих, кто, беззаветно веря в нашу победу, сам не увидел даже ее зари...

Василий Фролович рассказывал про свою семью: она в Москве, оттуда письма доходят, хотя и небыстро. Жену его, Серафиму Софроновну, активную общественницу, я помню по Дальнему Востоку. Мы с Воробьевым знакомы

с двадцатых годов по дорогой нам обоим 1-й Тихоокеанской дивизии. Я привык относиться к Василию Фроловичу, одному из первых моих наставников в штабной работе, с большим уважением: я знал его честность, преданность делу, широкую военную образованность. И не мог не уважать его еще больше после того, как он, давно уже служивший в крупных штабах и академиях, в самую трудную пору войны, в августе сорок первого, добился, видя в этом свой долг, чтобы его назначили в строй командиром отступавшей тогда стрелковой дивизии. Нашлись у него и твердость, и решительность, а высокая военная культура помогла осмысливать опыт боев. Дивизия его держалась на своих рубежах крепко, была в армии на лучшем счету.

А комдива почти всегда можно было застать на КП, оборудованном в его вкусе — с максимально возможными удобствами для работы и быта. В полки и батальоны он отлучался не часто, что не мешало ему хорошо знать положение во всей дивизионной полосе. Если, конечно, не подводила связь. Вопреки нараставшим трудностям обстановки, генералу Воробьеву в основном удавалось вести себя так, как он считал для командира дивизии нормальным.

Под Севастополем Василию Фроловичу не пришлось с ходу вводить свою дивизию в бой, как Ласкину или чапаевцам. После того как была отбита попытка врага прорваться к городу со стороны Дуванкоя, четвертый сектор, особенно его левый, приморский, фланг, надолго стал наиболее спокойным местом на фронте СОР. Тут имелось больше, чем где-либо, возможностей осмотреться и подготовиться к будущим боям.

И сделали здесь немало, прежде всего — по инженерному оборудованию рубежей. Генерал Воробьев гордился тем, что близко знал Д. М. Карбышева, выдающегося теоретика полевой фортификации, которую высоко ценил. По этой части он успел отдать несколько подробных приказов и пристально следил за их выполнением.

В дни Одесской обороны спорили, не лучше ли вместо обычных окопов отрывать индивидуальные ячейки (этим новшеством, некритически заимствованным из практики войны в Испании, увлекался тогда наш начинж Г. П. Кедринский, да и не только он). В Севастополе вопроса об этом уже не возникало. Традиционный русский окоп до-

казал всем, что он и надежнее, и выгоднее в смысле затраты труда.

Позиции дивизии выглядели хорошо обжитыми. Василий Фролович — в этом нельзя не отдать ему должного — не только сам любил устроиться поудобнее, но умел позаботиться о фронтовом быте бойцов. Землянки во взводах добротные, теплые. Если позволяет обстановка, ночью в окопах могут оставаться одни караулы с пулеметами. Для печурок организованно заготовляется топливо, в дивизионных тылах работают бани. Там же шьют из старых шинелей рукавицы и ушанки — тех, что доставляют армейские интенданты, не хватает.

Полки 95-й дивизии основательно пополнены (правда, далеко не до полного штата, как и остальные). Воробьева беспокоит, и это понятно, что полк Капитохина, взятый на правый фланг армии, все еще находится там. Василий Фролович согласен даже возвратить в армейский резерв бригаду Вильшанского, подчиненную ему как коменданту сектора, лишь бы вернули ему полк Капитохина, чтобы дивизия снова была в полном своем составе. Эту мысль он уже высказывал командарму и повторяет мне.

Затевать такую перегруппировку смысла мало, а полк командарм обещал Воробьеву вскоре вернуть и так. Но пока это откладывается. Иван Ефимович продолжает считать, что, когда противник перейдет в наступление, резервы нам понадобятся, вероятнее всего, у Ялтинского шоссе, как и в прошлый раз. В значительной мере он полагается на интуицию, ибо ясности насчет того, где планируют теперь немцы главный удар, у нас, к сожалению, нет.

Что касается четвертого сектора, то генерал Петров находит возможным при благоприятных условиях несколько расширить именно на этом направлении наш плацдарм наличными силами. Мыслится, что составной частью наступления с ограниченными целями на левом фланге явится высадка за Качей небольшого десанта с моря. Предварительные указания от командарма Воробьев уже получил и начал готовиться.

Сама мысль о наступательных действиях, пусть пока только для улучшения позиций, поднимает у людей дух. Едва заговорили об этом, воодушевился и Василий Фролович. Подойдя к карте, он размечтался о том, как можно

(если Южный фронт продвинется от Миуса дальше на запад, а Черноморский флот высадит десанты) окружить в Крыму всю армию Манштейна...

Всем хочется скорее поддержать удары, которые Красная Армия наносит врагу на других фронтах.

Передышка на фронте сразу сказалась на городе. Даже когда просто проезжаешь через него по пути в войска, нельзя не заметить, насколько оживленнее стало на улицах.

Переселение жителей Центрального района в подземные убежища не отменено, для этого нет оснований. Повсюду роют новые щели, чтобы укрытие всегда было близко, где бы ни застал человека воздушный налет или артиллерийский обстрел. Но завалов, возникших при больших ноябрьских бомбежках, уже почти не видно, воронки, мешавшие движению, засыпаны. Открылись многие магазины, парикмахерские. Только витрины заложены мешками с песком.

Однажды, проезжая центральными улицами, я увидел трамвайный вагон. Не стоящий с разбитыми стеклами под оборванными проводами, как было недавно, а двигающийся.

Что это значило тогда для горожан, мне, пожалуй, не передать, и потому позволю себе привести небольшой отрывок из воспоминаний Б. А. Борисова — первого секретаря Севастопольского горкома партии и председателя городского комитета обороны:

«Севастопольцы очень любили свой миниатюрный голубой трамвайчик... Мы, конечно, прекрасно понимали, что в условиях бомбежки и артиллерийского обстрела пуск трамвая не может иметь сколько-нибудь серьезного значения и принесет городу чистый убыток. Но зато в моральном отношении это сыграет большую роль: немцы под боком, а по улицам, как ни в чем не бывало, звеня и погромыхивая, снуют проворные вагончики.

Так мы и сказали руководителям городского трамвая товарищам М. М. Гурскому и Д. Г. Стукалову.

— Через три дня надо пустить трамвай, — уточнил председатель горисполкома Ефремов.

— А вы представляете себе, насколько разрушено наше хозяйство? — всполошился Гурский.— Вагоны искалечены, рельсовый путь поврежден, троллей порван.

А. И. Ковтун

Н. К. Рыжи

Командир пограничного полка Г. А. Рубцов ставит задачу разведчикам

Б. А. Борисов

В штольне спецкомбината № 1

И. М. Рупасов

А. В. Золотов

И. А. Ласкин (справа), П. Е. Солнцев

В. П. Симонок

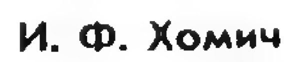

И. Ф. Кабалюк

Письмо северянам

И. Ф. Хомич

А. Ф. Хренов

А. А. Кургинян

Г. А. Александер

Дальномерщики бронепоезда «Железняков» за работой

Н. А. Остряков

Н. В. Богданов, А. С. Потапов, И. А. Слесарев на КП 79-й бригады

А. В. Глотов

В. П. Сахаров, С. И. Костяхин

— Поэтому вам и дается трехдневный срок,— отпарировал Ефремов.— Иначе мы сказали бы: завтра к утру! Сегодня у нас что? Вторник? В субботу ждем вашего доклада.

В субботу Гурский и Стукалов доложили: пустить трамвай не удалось. Накинули еще три дня. Связавшись со штабом МПВО, Ефремов попросил прислать на помощь трамвайщикам бойцов.

Во вторник, встретившись с Ефремовым в штольне КП, я спросил:

— Ну как? Пошел наконец?

— Пошел,— каким-то загадочным тоном ответил он.

...Оказалось, восстановлено было не все кольцо, а лишь отдельные небольшие участки, по которым, подобно челноку швейной машины, курсировало несколько вагончиков. Ефремов было рассердился на Гурского и Стукалова, но потом понял, что большего они и не смогли бы никак сделать... Несколько дней трамваи ходили необычным маршрутом. А вскоре стали бегать нормально по всему кольцу города.

С какой гордостью и умилением говорили севастопольцы о своем трамвае, как радовались ему бойцы, попадавшие в город!»

Конечно, с передовой в город могли попасть немногие. Но о том, как он живет, рассказывают фронтовикам и сами горожане. У соединений армии (так было и под Одессой) наладился обмен делегациями с предприятиями ближайшего городского района.

По старой привычке гостей из города называют в войсках шефами. Однако дружба, которая завязывалась в Севастополе между гражданскими и воинскими коллективами, шла куда дальше прежнего шефства, значила много больше. Потом в горячие дни обороны не раз бывало, что севастопольцы, пришедшие проведать подшефное подразделение на его рубеже, участвовали вместе с ним в бою, заменяли выбывших из строя стрелков, пулеметчиков, медсестер. Командир танкового батальона, посылая в ремонт поврежденную машину, мог запросто попросить, чтобы в мастерских подобрали и надежного парня на смену убитому или раненому механику-водителю.

А пока на передовой было не очень жарко, туда добирались и школьники — передать бойцам подарки, порадовать их самодеятельным концертом. Помню случай,

когда такой концерт, устроенный в сарайчике недалеко от передового рубежа, всполошил немцев. Бойцы, восторженно принимавшие выступления ребят, после какого-то номера программы грянули «ура», которое донеслось до вражеских позиций. Оттуда открыли наугад минометный огонь. К счастью, никто в сарайчике не пострадал.

Самые будничные факты из жизни Севастополя в осаде приобретают, доходя до войск (в этом неоднократно доводилось убеждаться), огромную агитационную силу. Да и на командном пункте армии известия из города, касающиеся чего-нибудь совершенно обыденного по прежним понятиям, часто вызывают восхищение и гордость, напоминают о нашей солдатской ответственности перед мирными людьми, живущими рядом.

— В Севастополе возобновляются занятия в школах! — сообщил кто-то в начале декабря.

Разве не говорила такая новость о том, как крепко надеются жители города на его защитников? И политотдел армии позаботился, чтобы агитаторы рассказали это всем бойцам.

Школьные занятия были прерваны месяц назад, когда враг оказался на подступах к городу, а Приморская армия еще пробивалась к нему через горы. Теперь городской комитет обороны решил открыть восемь школ в подготовленных для них подземных помещениях. Самая крупная — средняя школа № 13 открывалась на улице Ленина, в большом убежище, соединенном с глубокими подвалами соседних зданий. В этом месте потом часто можно было видеть ребят, выбегавших, если нет воздушной тревоги, наверх, на свежий воздух во время перемены...

А в здании, где помещалась одна из школ раньше, оборудовали мельницу, в которой очень нуждались и город, и армия: хлебный запас, созданный в Севастополе до осады, был в зерне. В это же время городской комитет обороны обеспечил пуск макаронной фабрики, и ее продукция также шла и населению, и войскам.

Много интересных городских новостей приносят на КП член Военного совета Михаил Георгиевич Кузнецов, постоянно поддерживающий связь с комитетом обороны и другими севастопольскими организациями, и комиссар штарма Алексей Васильевич Глотов. Но командарм и сам заезжает, возвращаясь из частей, то на спецкомбинаты,

то к железнодорожникам, то к рыбакам. Стремление Ивана Ефимовича Петрова как можно больше охватить собственным глазом на фронте и в тылах обороны распространяется и на город, где фактически каждый трудовой коллектив чем-то помогает армии.

Железнодорожники давно уже работают только для фронта. В их мастерских изготовляется и ремонтируется оружие. В ноябре единственным составом, уходившим со станции Севастополь, был бронепоезд «Железняков». Однако скоро сможет отправляться еще один — без пушек и брони, но тоже очень нужный: генерал Петров подал идею оборудовать для обслуживания фронтовиков поезд-баню, с тем чтобы подавать его (пути это позволяют) по ночам в войсковые тылы.

А в колхоз «Рыбацкая коммуна», расположенный в черте города, на Северной стороне, командарма в первый раз привела заявленная рыбаками претензия. Кто-то из наших тыловиков, не в меру разворотливый, употребил их сети для маскировки своих складов: все равно, мол, рыбу пока ловить не будете, никто вас из бухты, под огонь, не выпустит!

Рыбаки действительно с некоторых пор в море не выходили. Обычные их места лова — у Качи — стали недоступны: рядом враг. Но можно, утверждали они, найти другие, например, у Херсонеса. А рыба — большое подспорье и городу, и армии.

Снасти колхозу были, разумеется, возвращены. Рейдовая служба получила от адмирала Октябрьского приказание выпускать рыбацкие суда из бухты. Ну а рыбу рыбаки нашли. И стали добывать ее десятками и сотнями центнеров среди минных полей, нередко под артиллерийским обстрелом, а иногда подвергаясь и атакам «мессершмиттов» (генералу Острякову случалось специально для прикрытия баркасов «Рыбацкой коммуны», выбирающих сети с уловом, поднимать в воздух истребители).

Во время лова бывали и потери — убитые, раненые, как бывали они в Севастополе везде, кроме разве надежно укрытых подземных цехов. Но рыбаки уходили за камбалой и хамсой вновь и вновь, лишь бы позволяла погода. Этот коллектив мужественных людей, большей частью пожилых, возглавляли председатель колхоза И. Е. Евтушенко и парторг П. И. Котко, они же — руководители одного из участков МПВО Северной стороны.

Продолжала наперекор врагу заниматься своим делом и артель рыбаков, существовавшая в Балаклаве, — потомки описанных Куприным в его «Листригонах»... А там условия еще тяжелее.

Если подчас трудно провести границу между фронтом и тылом в Севастополе, то что сказать о Балаклаве? Улочки этого городка, прилепившиеся к уступам горы над маленькой бухточкой, немцы, захватив гребни соседних высот, могли обстреливать не из дальнобойных орудий, а из минометов, пулеметов, автоматов...

Без крайней необходимости в Балаклаву машины ходили лишь с наступлением темноты. Я, когда бывал в первом секторе обороны, видел ее обычно ночью. Но какова обстановка в городе днем, представить мог и невольно спрашивал себя: как же все-таки живут там люди, почему те, кто не связан с этим местом долгом службы, не переселятся хотя бы в Севастополь?

Не знаю точно, сколько жителей осталось в Балаклаве из прежних пяти-семи тысяч, но городок, простреливаемый оружием ближнего действия, обитаем. Остановились местные предприятия, вышел из строя водопровод, вместо улиц надо ходить по проложенным по дворам тропинкам и траншеям. Однако часть населения, несмотря ни на что, не покинула родного крова.

Рыба балаклавского улова (ловля ее тут сводится иногда к тому, что рыбаки после очередного минометного обстрела просто собирают оглушенную кефаль, которой богата их бухточка) доставляется и в Севастополь. А жены рыбаков, принося воду из далеких колодцев, куда можно дойти только в темноте, стирают белье бойцам рубцовского полка, занявшим оборону в нескольких сотнях метров от рыбацких домиков.

Обслуживает бойцов маленькая, защищенная скалой парикмахерская. Работают хлебопекарня, баня. И даже школа в Балаклаве действует в штольне рудоуправления. Там же, почти на линии фронта, открыта детская кухня... Это и по севастопольским меркам казалось чем-то исключительным. Но так было.

В подвале бывшего клуба Эпрона (до войны в Балаклаве находилась известная эпроновская школа водолазов) поместился гражданский штаб обороны, связанный полевым телефоном с командными пунктами ближайших батальонов. Штаб ведает в городе всем, заботится, чтобы

в нем могла продолжаться жизнь. И готов в любую минуту подать сигнал, по которому все, кто способен держать оружие, присоединятся к бойцам, а остальные должны будут покинуть Балаклаву.

В критические дни ноября до этого чуть не дошло. Но и без такого сигнала в боях участвовало немало жителей городка. Недаром в первых списках награжденных защитников Севастополя среди имен отличившихся командиров и бойцов стояло имя балаклавской комсомолки Любы Харитонской, удостоенной ордена Красного Знамени.

Севастополь узнал за эти недели многих женщин-героинь. В 25-ю дивизию вернулась из госпиталя и снова командует расчетом «максима» раненная под Одессой Нина Онилова — девушка, истребившая уже сотни фашистов, Анка-пулеметчица, как зовут ее чапаевцы, по имени персонажа из любимого фильма. Продолжает увеличивать личный счет уничтоженных врагов снайпер Людмила Павличенко. В бригаду Жидилова пришла начмедом врач с Корабельной стороны А. Я. Полисская. Отправив на Большую землю детей, она добилась назначения именно в эту часть, чтобы заменить мужа, военного врача, погибшего в боях на севере Крыма...

А на Историческом бульваре, возле Панорамы, занимаются по вечерам строевой и тактической подготовкой женские добровольческие роты — единственные подразделения городского ополчения, которые, несмотря на настойчивые просьбы их бойцов, не влиты пока в состав действующих частей. Можно не сомневаться: и эти севастопольские женщины, стремящиеся на фронт, будут, если понадобится, смелыми бойцами.

Но я говорю сейчас не о фронте, а о том, как жил, приспосабливаясь к условиям осады, город. Женщины составляли в то время бо́льшую часть его гражданского населения. Так что во всем, что в Севастополе делалось — и для поддержания жизни в нем самом, и в помощь обороне, — им принадлежала, без всякого преувеличения, решающая доля самоотверженного труда.

И среди женщин, не ставших пулеметчицами или снайперами, тоже появились настоящие героини.

В декабре мы узнали из местной газеты об Анастасии Чаус. Это была 25-летняя штамповщица консервного завода в Симферополе. Спасаясь от гитлеровцев, она до-

бралась до Севастополя, стала к станку, чтобы штамповать детали для гранат. Чуть не на следующий день, продолжая работу во время воздушного налета, была тяжело ранена осколком бомбы, в результате чего лишилась левой руки. Но, выйдя через четыре недели из больницы, Чаус наотрез отказалась эвакуироваться, уверяя всех, что лишней во фронтовом Севастополе не будет. Не без колебаний ее приняли на спецкомбинат на такую же работу — штамповать детали гранат. И по прошествии нескольких дней она выполнила за смену две нормы. Потом стала давать и по три...

Некоторое время спустя командарм Петров вручил Анастасии Кирилловне Чаус орден Красной Звезды. Трудовой подвиг этой работницы сделался как бы символом несгибаемой стойкости жителей Севастополя, мирных граждан, не уступающих в доблести бойцам.

И все же мы тогда, пожалуй, не представляли, что имена таких людей облетают весь мир, запоминаются в самых далеких его уголках.

После войны на одной из конференций, посвященных Севастопольской обороне, Антонина Алексеевна Сарина рассказала, как во время международного конгресса ее отыскала делегатка из Мексики. «Вы из Севастополя? — спросила взволнованная мексиканка. — Скажите, пожалуйста, где теперь Чаус? Мы так восхищались и ею, и Ниной Ониловой!..»

Не могу не вспомнить и тех женщин, чьи патриотические дела выглядели, может быть, более скромно, не приносили им такой широкой известности, но вызывали огромную признательность наших бойцов.

Чей это был почин, кто организовал в Севастополе первую женскую бригаду помощи фронту — назвать не берусь. Наверное, свои первые нашлись бы в каждом районе города, на каждой его окраине, откуда рукой подать до рубежей обороны. Эти бригады вызывала к жизни материнская забота о солдатах и матросах, которые совсем близко сражаются за Севастополь, которым нужно что-то постирать, починить, заштопать, сшить... Этим и занялись сотни немолодых женщин, кому не под силу было стать к станку или взять в руки оружие.

Домохозяйка из пригородной Буденновки Мария Лукьяновна Анисимова попросила красноармейцев вмазать у нее во дворике найденный ею где-то старый котел

и, подбив на доброе дело соседок, пустила в ход домашнюю прачечную, которая стала обслуживать несколько зенитных батарей.

На окраинной Керченской улице такой же котел установили во дворе у Марии Тимофеевны Тимченко — матери трех фронтовиков, внучки участника первой Севастопольской обороны. Здесь женщины со всей улицы стирали белье богдановцам. Они же, узнав, что тыловики не управляются заготавливать маскхалаты, взялись общими силами шить их для дивизии Ласкина, притащив два десятка швейных машинок в самый просторный подвал.

В другой самодеятельной мастерской, на квартире у Лидии Алексеевны Раковой, начали шить для бойцов теплые шапки, сперва из материала, раздобытого самими, а когда мастерскую признали интенданты, из казенного. Тот, кому доставалась сшитая тут ушанка, находил в ней записку: «Носи, дорогой, и будь невредим!» Где-то еще пряли шерсть (один старик изготовлял веретена), вязали варежки с двумя пальцами, как нужно для стрелков...

Бригады помощи фронту возникали во всех концах города, при каждом крупном убежище. Армейские хозяйственники стали обеспечивать швей тканью и прикладом, прачек — мылом. Из бани на Корабельной стороне, обслуживавшей по ночам фронтовиков, шоферы везли белье в стирку по знакомым уже адресам, забирая там чистое. Ни о какой плате за работу не было, разумеется, и речи.

— Слыхали, как называют бойцы женщин, которые их обстирывают и обшивают? — спросил как-то командарм.— Фронтовыми хозяйками! А их, добровольно работающих на нашу армию изо дня в день, как мне сказали в городском комитете обороны, уже не меньше полутора тысяч. Это войдет в историю, обязательно войдет!

Фронтовые хозяйки... Так, пожалуй, не назвали бы тех, кто хоть и много делает для бойцов, однако лично им незнаком. Женщины из бригад помощи фронту бывали на позициях батарей, в окопах, в дотах, чинили на месте порванное обмундирование, наводили уют в землянках, выспрашивали у солдат и старались заметить сами, в чем еще есть нужда. Главных хозяек, активисток этого замечательного движения, знали в своих частях едва ли не все поголовно. Как, например, Марию Тимофеевну Тимченко в 172-й дивизии.

Темпераментный комиссар Осман Асанович Караев с чувством, сам вновь это переживая, передавал мне, как комдив Ласкин представлял Марию Тимофеевну командирам полков и как выступала она у них в подразделениях 514-го стрелкового. О том, какое впечатление производили выступления Тимченко, слышал я и от артиллеристов-богдановцев. Эта домашняя хозяйка, вряд ли произносившая когда-нибудь публичные речи, говорила о войне, о Севастополе, о своей ненависти к врагу так, что ее негромкие слова зажигали бойцов. Подняв автоматы, они клялись ей: «Пока мы живы, мать, фашистским гадам в Севастополе не быть!»

Седая женщина, пришедшая к солдатам, чтобы поматерински их обласкать, облегчить их ратный труд и воодушевить на подвиги, становилась для них олицетворением самой Родины.

Большой популярностью пользовалась в частях также Александра Сергеевна Федоринчик, старейшая севастопольская учительница. У нее, как и у Тимченко, были на фронте три сына. Четвертого, еще подростка, она проводила в горы, в партизанский отряд. А сама возглавила многолюдную бригаду из педагогов, учеников и их родителей. За что только эта бригада не бралась! И белье стирала, и блиндажи строила, и выносить с передовой раненых помогала...

Позднее, весной сорок второго года, Федоринчик была делегирована в Москву на всесоюзный митинг участниц Отечественной войны. Оттуда разнеслись по радио ее слова, за которыми стояли доблестные дела всех патриоток осажденного города: «Советские женщины! Севастополь зовет вас к бою! Женщины всего мира! Севастополь показывает вам пример сопротивления в борьбе...»

Мои записки посвящены прежде всего действиям армии. Читатель не может ждать от них сколько-нибудь полного освещения того, как жил и трудился город. Все, что я рассказываю здесь о севастопольских женщинах, лишь маленькая частица их благородного подвига, совершавшегося у нас на глазах с первых дней обороны. Но хотелось бы передать, насколько действенной, близкой, ощутимой для каждого бойца была их помощь армии.

Еще несколько слов об одной фронтовой хозяйке.

На Малаховом кургане мы проверяли готовность к стрельбе новой батареи, орудия для которой сняли с «Чер-

воной Украины». Заглянули и в блиндажи артиллеристов, оборудованные вблизи орудийных двориков. А там внутри все побелено, как в хорошей хате. Видно, домовитый на батарее старшина! Но краснофлотцы внесли ясность: «Это хозяйка наша постаралась...»

Оказывается, эта женщина приходила на Малахов курган, потому что здесь дежурил ее муж, наблюдатель МПВО, носила ему еду. А когда на курган перебрались артиллеристы, помогала им устроиться, стала готовить обед, стирать белье. И не покидала своего добровольного поста ни при бомбежках, ни при обстреле, перевязывала раненых. Так она и хозяйничала тут всю оборону.

Эту женщину звали Александра Ивановна Вдовиченко. На историческом Малаховом кургане, твердыне первой обороны, она, быть может, ступала — в самом прямом смысле слова — по следам знаменитой Даши Севастопольской. В советском Севастополе появились тысячи неустрашимых Даш.

Делясь на КП мыслями об увиденном в городе — чаще всего за ночной кружкой чая,— мы иногда сравнивали Севастополь с Одессой. И там население самоотверженно, не считаясь ни с чем, помогало армии, как помогали войскам жители каждого прифронтового города. И там было множество примеров мужества и бесстрашия мирных людей, а подчас даже озорного, бесшабашного пренебрежения опасностью — дань веселому, задорному духу Одессы мирных дней...

Севастопольцы обычно держались перед лицом опасности сдержаннее, строже. Но самым характерным для них были особая организованность, умение соблюдать дисциплину. Причем иной раз казалось: трудности, заботы, обязанности, принесенные чрезвычайной обстановкой, для многих из них — не то чтобы привычны, но словно бы не неожиданны.

Когда у нас заходила об этом речь, знатоки и любители истории спешили напомнить о славных севастопольских традициях. Что и говорить, ими город был богат, а поддерживать их, безусловно, помогали его кровные, органические связи с военным флотом — Севастополь всегда являлся морской крепостью и базой.

Однако главное, наверное, заключалось все же не в

этом. В Севастополе уделялось много внимания тому, что потом стали называть гражданской обороной. Здесь настойчиво, последовательно готовили население к возможной войне, пусть представляя ее и не совсем такой, какой она сюда пришла.

Постепенно мы узнали об этом немало примечательного. Да и с самого начала сталкивались с фактами, свидетельствовавшими, если можно так выразиться, об оборонной предусмотрительности городских руководителей.

Для развертывания сети артиллерийских наблюдательных постов нам не хватило радистов. Узнав об этом, заведующий военным отделом горкома партии Иосиф Ионович Бакши сказал:

— Радистов найдем!

И прислал шестьдесят человек — больше, чем в тот момент было нужно, причем неплохо подготовленных. Произошло это много времени спустя после мобилизации запасников, уже после того как в наши соединения влились ополченцы и ушли в армию даже сами работники горвоенкомата (потому изыскивать дополнительные резервы мог только военный отдел горкома).

Или такой факт: Севастополь оказался в состоянии дать армии более восьмисот обученных медсестер, сотни санитаров.

Высокой подготовленностью отличался состав местной противовоздушной обороны, бойцами которой были около пяти тысяч рабочих, служащих, домашних хозяек. В учениях МПВО — а они в последние год-полтора перед войной устраивались тут часто — участвовало практически все население. Городская система МПВО включалась, помимо того, и в учения флота. Люди привыкали к тревогам. Генерал Моргунов, причастный ко всему этому по долгу начальника гарнизона, рассказывал, как заботился секретарь горкома Борисов о том, чтобы городские учения начинались внезапно, в том числе и для руководителей. И результаты сказались уже в ночь на 22 июня, при первом вражеском налете: команды МПВО быстро прибыли куда надо, знали, что им делать.

В городе, насчитывавшем немногим больше 100 тысяч жителей, было 50 тысяч осоавиахимовцев. Тут работали в мирное время школы и клубы, готовившие связистов, шоферов, снайперов, специалистов для флота, учившие защите от бомб и газов, тушению пожаров, оказанию пер-

вой помощи... Не нужно объяснять, как пригодились эти знания тем, кто ушел на фронт. А оставшиеся в Севастополе смогли увереннее чувствовать себя на дежурствах при воздушных налетах, в заводских и уличных группах самозащиты, в разных других отрядах и командах — гражданских, но с военной дисциплиной и частично находившихся на казарменном положении.

Понадобилась, например, команда по очистке города от неразорвавшихся авиабомб, и сразу нашлись гражданские люди, добровольцы, достаточно к этому делу подготовленные — команда инженера Козлова.

Неразорвавшихся бомб уже за ноябрь набралось довольно много, причем крупных, зарывшихся глубоко в землю. Подумали мы: может быть, они с песком, это помогают нам неведомые друзья во вражеском стане. Но, очевидно, бомбы не срабатывали просто из-за каких-то дефектов, а были и замедленного действия...

Откапывали их в нелетную погоду, когда не могла начаться бомбежка. Оповещенные жители окрестных кварталов уходили в убежища. Опасная работа завершалась тем, что машина со смертоносным грузом, предваряемая подвижным оцеплением милиционеров, медленно проходила — иногда через весь город — к оврагу за Воронцовой горой, где бомбу взрывали. Впоследствии самоотверженные люди из этой же команды стали разоружать отдельные бомбы, чтобы дать спецкомбинату взрывчатку для лишней партии гранат.

Героическое становилось в Севастополе будничным. Не допустить ни одного случая малодушия — это сделалось повседневной практической задачей, которая ставилась комитетом обороны перед всеми руководителями, перед партийным и комсомольским активом. А активистами считались все оставшиеся в городе коммунисты и комсомольцы. После того как все, кого было можно отпустить, ушли на фронт, их осталось немного. Из справки, лежащей передо мной, видно, что, например, в Корабельном районе, куда входили спецкомбинат № 1 и обе городские электростанции, состояло на учете 188 членов и кандидатов партии. До девяти человек был сведен штатный аппарат горкома (являвшийся одновременно аппаратом городского комитета обороны), по пять-шесть работников оставили в каждом из трех райкомов. Но как ни поредели ряды севастопольской парторганизации, она

находила и силы, и соответствовавшие обстановке формы работы, чтобы охватить своим влиянием все в городе.

Каждое убежище, куда переселились жители нескольких домов, рассматривалось не только как укрытие от бомб и снарядов, но и как место, где надо сколотить коллектив, способный стойко переносить осадные невзгоды, не чувствуя себя оторванным от остального города. Была создана деятельная комиссия по работе в убежищах во главе с одним из секретарей Северного райкома Е. П. Гырдымовой. В каждое из них назначались общественный комендант, политический руководитель, прикреплялся врач. Продумывалось, как создать на аварийный случай запас воды, как организовать выпечку лепешек, если опять выйдет из строя хлебозавод и придется какое-то время выдавать паек мукой...

А как были настроены севастопольцы, пережившие уже один штурм, переселявшиеся в ожидании второго в подземелья, красноречиво говорит тот факт, что и люди, непосредственно с обороной не связанные, те, кому находиться в осажденном городе не было необходимости, да и просто не следовало, покидали его, как правило, неохотно. Об этом часто рассказывали партийные работники, бывавшие у нас на КП.

В течение ноября все-таки было эвакуировано на Кавказ еще около 25 тысяч человек. Как утверждали моряки, корабли, приходившие за это время, могли бы взять больше. Уезжали главным образом жители других мест Крыма, нашедшие в Севастополе временный приют. Коренные севастопольцы нередко воспринимали предложение эвакуироваться как обиду, даже как незаслуженное недоверие к ним, спрашивали: «За что?»

От нашего начальника связи майора Л. В. Богомолова, имевшего дело с гражданскими связистами, я услышал о таком случае. Монтер телефонной станции снимал в какой-то освобождавшейся квартире аппарат и прихватил оставленную там банку варенья. Товарищи по работе, уличив его в этом, потребовали, чтобы провинившийся был удален из города. Они считали, что участвовать в обороне Севастополя или содействовать ей, работать в этом городе — честь, которой достоин лишь человек, ничем себя не запятнавший.

Иногда и городские руководители, давая кому-нибудь

то или иное задание, предупреждали: «Не справишься — отправим из Севастополя...»

Вот какая атмосфера была в городе. Таким был тот наш тыл, который умещался на одном с войсками плацдарме, отделенном от Большой земли сотнями миль морской дали. Вместе с нами этот тыл готовился к новым боям.

Пришли наконец радостные вести из-под Москвы. Поздно вечером 12 декабря по радио передали сообщение Совинформбюро о провале немецкого плана окружения и взятия советской столицы. Наши войска, перешедшие в контрнаступление, освободили под Москвой сотни населенных пунктов, в том числе Михайлов, Истру, Солнечногорск...

Радиоприемников в соединениях было немного, но в течение какого-нибудь часа волнующее известие облетело весь наш фронт: об этом позаботились политработники, коммунисты.

— Все знают и торжествуют! Никто не спит! — отвечали с командных пунктов, с которыми мы связывались после полуночи по телефону.

Поднимало настроение в войсках и прибытие подкреплений с Большой земли.

После того как СОР во второй половине ноября перешел в непосредственное подчинение Ставке, мы стали получать пополнения регулярно, все более значительные. 2 декабря высадил на севастопольскую землю тысячу бойцов крейсер «Красный Кавказ» (этим же рейсом он доставил полтораста тонн снарядов). За 3—5 декабря прибыло на разных судах еще восемь маршевых рот.

А в Поти, как мы уже знали, сосредоточивалась для погрузки на суда 388-я стрелковая дивизия, выделенная на усиление Приморской армии из состава Закавказского фронта. Для переброски ее флот направлял туда — в курсе этого меня держал капитан 2 ранга О. С. Жуковский — группу наиболее быстроходных транспортов и боевые корабли.

Разумеется, новую дивизию мы ожидали с огромным нетерпением. Тем более что, судя по данным, полученным моряками для перевозочных расчетов, она по числу штыков значительно превосходила любую из наших.

Иметь в армейском резерве дивизию почти полного состава (с одним артиллерийским полком) — это, надеялись мы, позволит, как бы ни складывалась обстановка, действовать на нашем плацдарме гораздо увереннее! Правда, кроме примерной численности дивизии, о ней не было известно ничего.

Полки 388-й стрелковой прибывали в течение нескольких дней. В это время стояла сплошная низкая облачность, так что неприятельская авиация помешать перевозке дивизии не могла. Единственным происшествием на ее пути в Севастополь явился взрыв немецкой мины недалеко от борта транспорта «Абхазия», на котором находилось свыше двух тысяч бойцов. Но и тут обошлось благополучно. От сотрясения пострадали лишь судовые приборы.

Однако сам переход морем дался людям, как видно, нелегко. Красноармейцы выглядели измотанными, вялыми. Значительная их часть была уже в годах. А многие командиры в ротах и взводах, наоборот, очень молоды (досрочно выпущенные курсанты Подольского военного училища).

Бросалось в глаза и другое: некоторые бойцы не очень хорошо понимали подаваемые при выгрузке команды. Их приходилось повторять, а потом отдельным красноармейцам еще что-то объясняли сержанты или их товарищи. Происходило это, оказывается, потому, что не все бойцы знали русский язык. Дивизия была укомплектована запасниками из глубинных районов Кавказа, людьми многих национальностей.

Комдив (полковник А. Д. Овсеенко) и военком (старший батальонный комиссар К. В. Штанев) доложили, что формирование соединения закончено около двух месяцев назад. Так что времени на организационное сколачивание и боевую подготовку было маловато. Русские командиры подразделений успели выучить некоторое количество слов из родного языка бойцов (у молодых лейтенантов это шло быстрее, чем у красноармейцев старшего возраста изучение русского), что, конечно, помогало делу.

Несколько месяцев спустя 388-я дивизия по своим боевым качествам сравнялась с кадровыми и смогла внести достойный вклад в оборону Севастополя в тяжелейшие ее дни. А тогда, в декабре, она представляла собою

соединение, в подготовку которого к боям требовалось вложить еще много труда. Но действительное состояние дивизии, степень ее подготовленности (в данном случае следовало бы сказать — неподготовленности) не оценишь по первым отрывочным впечатлениям. Встречая 388-ю стрелковую, мы не предвидели, какие осложнения она доставит нам в ближайшем будущем.

Бедой ее в то время — в этом мы разобрались несколько позже — явилось то, что многие бойцы, мобилизованные в самые трудные месяцы сорок первого года из глухих горных районов, где, как видно, не было недостатка в тревожных слухах о положении на фронте, и на самом деле тяжелом, не успели проникнуться уже характерной для наших фронтовиков уверенностью, что немца, как он ни силен, одолеть можно. Вдобавок их привезли на пятачок, вокруг которого с трех сторон враг, а с четвертой — море... Чтобы почувствовать, понять, как настроены здесь люди, как крепко держат оборону, тоже нужно было время.

Как бы там ни было, у нас прибавлялось десять с лишним тысяч бойцов (в маршевых ротах мы получили до этого около шести тысяч), 26 пушек и гаубиц, 150 минометов, дивизион зениток. А на то, что в резерве Закфронта найдется для нас кадровая дивизия с солдатами молодец к молодцу, такая, какую в сентябре Ставка прислала под Одессу, мы особенно не рассчитывали.

Штаб 388-й дивизии вместе с одним стрелковым полком разместили в Инкермане, два остальных — на Северной стороне, в Буденновке и Учкуевке, артиллерийский полк — близ станции Мекензиевы Горы. Такое рассредоточение стрелковых полков позволяло быстро поддержать ими прежде всего четвертый сектор, но также третий и второй. Артполк сразу же включался в общую систему огня.

После морского перехода личному составу дали отдохнуть. Затем предполагалось, оставив дивизию во втором эшелоне, развернуть в ней интенсивную боевую учебу — конечно, если позволит обстановка. Начальник поарма Л. П. Бочаров немедленно стал выяснять, каких политработников, знающих языки и обычаи народов Кавказа, можно перевести в новое соединение из других.

Надо сказать, что за недели передышки политотдел армии продуманно расставил наличный политсостав с

учетом состояния доукомплектованных и переформированных частей. Только что закончились сборы военкомов по секторам, семинар секретарей парторганизаций. Наши политотдельцы, находясь в основном в частях первого эшелона, сами очень много сделали для налаживания там боевой партийно-политической работы, подчиненной насущным задачам укрепления Севастопольской обороны, для воспитания нового актива.

Особое внимание тому, чтобы непосредственно на переднем крае находилось больше коммунистов, было уделено и в процессе проведенного сокращения армейских тылов. Специальная комиссия проверила все хозяйственные и обслуживающие подразделения, и люди, без которых там могли обойтись, пошли в строй. Как я уже говорил, при отходе с севера Крыма к приморцам примкнули обозы, отрезанные от 51-й армии. За счет этого у нас в тылах и образовались некоторые резервы, позволившие теперь уменьшить некомплект в боевых полках.

Вошли в число действующих все 8 стационарных батарей, оснащенные орудиями с «Червоной Украины» и поврежденных эсминцев. Эти корабельные пушки били на 20 километров. Новые батареи и артполк 388-й дивизии прибавили Севастополю четыре с лишним десятка стволов среднего и крупного калибра — по стволу на километр фронта.

А зенитной артиллерии, к сожалению, убавилось. Из трех находившихся в Севастополе флотских зенитно-артиллерийских полков два были отправлены на Кавказ прикрывать Новороссийск и другие порты, куда перебазировались черноморские корабли. В числе этих двух ушел 62-й полк, вооруженный новейшими, лучшими в то время 85-миллиметровыми орудиями. Так решило высшее военно-морское командование.

Не берусь судить, можно ли было как-то иначе обеспечить усиление противовоздушной обороны кавказских баз. Знаю только, что в Севастополе, хотя сюда и стянулись к началу его обороны подразделения зенитчиков, прикрывавшие раньше Евпаторию и флотские аэродромы в центре Крыма, ни одна батарея не являлась лишней.

Зенитная артиллерия служила на севастопольских рубежах не только средством ПВО, она часто вела огонь и по наземным целям. Батареи упомянутого 62-го полка не

раз выдвигались на передний край и помогали отражать атаки вражеской пехоты и танков.

Словом, отпускать зенитчиков на Большую землю было жалко.

Беспокоило положение с боеприпасами для полевой артиллерии. Ответственность за снабжение войск, обороняющих Севастополь, Ставка возложила в начале декабря на Закавказский фронт, который, как нас известили, должен был помимо отгрузки четырех боекомплектов, запланированных на текущую потребность Приморской армии в этом месяце, обеспечить создание у нас неснижаемого запаса (два с половиной — три боекомплекта) на случай перебоев в подвозе. Но создавался этот запас медленно. В поступающих партиях было мало снарядов 122- и 152-миллиметровых, что ограничивало возможности использования наиболее мощных полевых орудий.

Между тем противник — это явствовало из разведданных, которыми мы располагали,— подтягивал к Севастополю новые артиллерийские части. Поступали сведения о том, что у немцев появилась здесь не вводимая пока в действие артиллерия особой мощности.

Полной картины состава неприятельских сил и расстановки их вокруг Севастополя, особенно расположения вторых эшелонов и резервов, наша разведка в то время не давала. Исходя из сложившихся представлений о вероятном направлении главного удара при новом наступлении немцев, мы поддерживали наибольшую плотность обороны во втором секторе и на примыкающих к нему флангах первого и третьего.

Недостаточностью достоверных сведений о противнике объяснялось и существовавшее вплоть до середины декабря мнение, что немцы, хоть и подтягивают сюда новые части, к решительным действиям против нас, по-видимому, еще не готовы.

С 10 декабря во временное исполнение обязанностей командующего Севастопольским оборонительным районом вступил контр-адмирал Г. В. Жуков. Вице-адмирал Ф. С. Октябрьский ушел на крейсере в Новороссийск. Прощаясь на флагманском командном пункте, он, как передавали, произнес многозначительную фразу, смысл

которой сводился к тому, что скоро угроза с Севастополя будет снята.

Не знаю, был ли информирован наш командарм о том, что командующий СОР отбывает на Кавказ для подготовки десанта под Керчью и Феодосией. Лично мне об этом, как и о существовании плана крупной десантной операции, призванной положить начало освобождению Крыма, известно тогда не было.

16 декабря, вернувшись от контр-адмирала Жукова, генерал Петров объявил, что нам приказано подготовиться к наступлению в направлении Симферополя с задачей сковать силы противника и не допустить вывода его резервов на Керченский полуостров. Это неожиданное в тот момент приказание, конечно, заставило предположить: там, на Керченском полуострове, должно что-то произойти.

Однако приступить к подготовке наступления нам фактически не пришлось.

«БЫЛ, ЕСТЬ И БУДЕТ СОВЕТСКИМ»

Некоторое время спустя, в начале 1942 года, политотдел Приморской армии, который по мере накопления представляющих интерес трофейных документов, дневников и писем гитлеровцев издавал небольшие сборники под общим заглавием «Враги сознаются», смог поместить в очередной такой книжечке секретный приказ-воззвание фон Манштейна, датированный 15 декабря 1941 года.

«Солдаты 11-й армии! — говорилось в нем. — Время выжидания прошло! Для того чтобы обеспечить успех последнего большого наступления в этом году, было необходимо предпринять все нужные приготовления. Это основательно проделано. Я знаю, что могу положиться на мою пехоту, саперов и артиллеристов... Я также знаю, что все другие рода оружия, как и всегда, сделают все от них зависящее, чтобы проложить дорогу пехоте. Наша артиллерия стала сильней и лучше. Наша авиация опять на месте. Непоколебимая уверенность должна сопровождать нас в последнем сражении этого года. Севастополь падет!»

Тон приказа достаточно самонадеянный. Однако считать, что к «последнему большому наступлению года» проведена солидная подготовка, командующий 11-й немецкой армией имел основания.

Как ни туго стало у германского вермахта с резервами, Манштейн в дополнение к трем армейским корпусам, с которыми он вторгся в Крым, получил от Гитлера добавочные войска. Вокруг Севастополя сосредоточились шесть пехотных дивизий, доукомплектованных до полного штата. Седьмую, а также горнострелковые румынские бригады Манштейн имел в резерве. Развернутая против

нас группировка насчитывала до 900 орудий, свыше 150 танков, ее поддерживали более 200 самолетов.

Не все из этих цифр мы знали тогда с такой точностью, с какой узнали потом. Но что у врага гораздо больше, чем у нас, пехоты и артиллерии, а в танках и авиации у него абсолютное превосходство — это было ясно.

Только ведь цифры и их соотношение не всегда значат одно и то же. После того как Красная Армия отбросила ударные силы Гитлера сперва от Ростова, а затем от Москвы, потеснив фашистов также на ряде других участков фронта, сведения о численном перевесе противника, хотя их, разумеется, надо было трезво учитывать, уже не производили слишком большого впечатления. Изменение в нашу пользу общей обстановки на советско-германском фронте чувствовали в декабре сорок первого все — и генералы, и бывалые солдаты. В том, что не так страшен фашистский черт, как его малюют, убеждал защитников Севастополя и собственный ноябрьский опыт.

Что же касается приведенного приказа Манштейна, то, конечно, было бы не лишне заполучить его не неделю спустя, а до начала нового наступления, которое он возвещал. О том, что Манштейн назначил решительный штурм Севастополя на 17 декабря, мы накануне еще не знали.

Если обратиться к журналу боевых действий и оперативным сводкам за два-три предшествующих дня, в них можно найти свидетельства определенной активности противника. Отмечалось движение в глубине его порядков — перед фронтом и первого сектора, и четвертого. Группы немецких автоматчиков, в отдельных случаях переодетые в красноармейскую форму (прием, знакомый еще по Одессе), вновь и вновь пытались прощупывать стыки наших частей. Неприятельская артиллерия производила короткие огневые налеты по переднему краю, по позициям наших батарей. Один из этих налетов нанес нам существенный урон: на береговой батарее капитана Матушенко, сыгравшей важную роль в отражении первого вражеского натиска, самой близкой к линии фронта на левом фланге обороны, были повреждены три из ее четырех восьмидюймовых орудий.

Все это, безусловно, свидетельствовало, что немцы готовятся наступать. И именно так нами расценивалось.

Однако за три с половиной недели, прошедшие после того, как мы отбили первое наступление на Севастополь, противник принимался активничать не раз. Как я уже говорил, мы ждали новых атак 26 ноября (позже выяснилось, что Манштейн намечал наступление на 27—28 ноября, но вынужден был его отложить), ждали и 8 декабря...

А вообще были настороже каждый день, в том числе и 16-го. Хотя, повторяю, сведениями о том, что штурм должен начаться следующим утром, армейская разведка не располагала.

Где-то в середине ночи, оставив у телефонов в каземате майора Ковтуна, я поднялся наверх подышать перед сном свежим воздухом. Все вокруг окутывала холодная непроглядная мгла. Глаза с трудом различали крыши ближних домиков на уходящем вниз склоне, а остальной город и бухты были невидимы. Над головой — ни единой звездочки. Редкие вспышки орудийных выстрелов у линии фронта — и те доходили бледными, какими-то смазанными.

Шагая взад и вперед в темноте, я перебирал в памяти события истекших суток.

Прошлой ночью на Северной стороне похоронили артиллеристов с десятой батареи Матушенко, погибших, когда на нее обрушился внезапный и очень точный огневой налет из района Качи. За десятую рассчиталась с врагом мощная тридцатая, быстро подавив открывшую огонь немецкую батарею. А в момент похорон двенадцатидюймовые орудия тридцатой дали еще три выстрела. Ее грозный салют явился — так задумали комендант четвертого сектора и береговые артиллеристы — сигналом к удару, который группа наших батарей нанесла по разведанным и пристрелянным целям в глубине неприятельских позиций. На этот удар командарм разрешил израсходовать 500 снарядов.

К тому же часу в 90-м стрелковом полку дивизии Воробьева (им продолжал командовать майор Тимофей Денисович Белюга, удачно выдвинутый из хозяйственников в самую страдную пору одесских боев, когда у нас исчерпались все резервы строевого комсостава) приурочили очередную разведывательную вылазку. Участвовал целый

взвод. Разведгруппа вернулась с трофеями вплоть до легких минометов, добыла и кое-какие документы, в частности схему расположения немецких огневых средств на этом участке фронта.

Больше как будто ничего особенного за сутки не произошло. Корабли, доставившие с Кавказа последний эшелон 388-й дивизии, благополучно, незаметно для немцев, ушли. А в самой дивизии выявляются по мере ознакомления с нею разные нехватки и нужды, позаботиться о которых, казалось бы, проще было все-таки на Большой земле.

То, что дивизия прибыла без положенного автотранспорта, еще полбеды: концы у нас небольшие, подвоз текущего снабжения начальник армейского тыла как-нибудь обеспечит. Но вот во всех ее полках крайне мало шанцевого инструмента, и это уже гораздо хуже. Производство его в городе недавно наладили, да не в таких размерах, чтобы быстро наготовить на целое соединение.

Один артдивизион новой дивизии выдвинут по предложению Николая Кирьяковича Рыжи к переднему краю четвертого сектора на усиление артиллерии, прикрывающей участок у высот Азиз-Оба и Кара-Тау — наиболее танкоопасный по характеру местности на северном направлении. Позиции для дивизиона выбирал начарт сектора полковник Пискунов. Отмечая их на своей карте, я обратил внимание, что он поставил новый дивизион между двумя старыми, уже испытанными. Так необстрелянному подразделению легче принимать боевое крещение: бывалые товарищи и пример покажут, и огнем поддержат, пошефствуют над новичками.

Дмитрий Иванович Пискунов, всегда невозмутимо спокойный и неторопливый, на первый взгляд даже флегматичный, вообще все делает очень продуманно и предусмотрительно, ничего существенного не упустит. Под Одессой, управляя артиллерией западного сектора, он без особых на то указаний следил и за флангом восточного, был готов в любой момент помочь соседу огнем через Хаджибейский лиман. И вот уж кто умеет по-хозяйски использовать каждую поступившую в его распоряжение пушку!

Начальнику штаба не положено фантазировать, да и обстановка для этого неподходящая. Но как хотелось бы иметь возможность дать полковнику Пискунову не один

добавочный дивизион трехдюймовок, а еще два-три артполка!.. Разве лишними были бы они на 18-километровом фронте четвертого сектора?

Сейчас там 72 орудия, по четыре на километр. Это вместе с зенитной батареей, превращенной в полевую, вместе с дотами, которые расставлены не везде удачно и которые уже никуда не передвинешь. Словом, не густо.

Конечно, Пискунова могут поддержать и полевые батареи третьего сектора, и береговые, и богдановцы: на то у нас и существует централизованное управление всей артиллерией оборонительного района. Но если поддержка понадобится не одному, а двум или трем секторам одновременно, что вполне возможно, кулак огневых резервов придется разжимать, дробить, и сила удара будет уже не та. К тому же старые, открытого типа, береговые батареи при всей их мощи сами очень уязвимы. Повреждение десятой это подтверждает...

Привычные тревоги и заботы ненадолго оттесняет приятное воспоминание о том, как несколько часов назад вручались правительственные награды приморцам, отличившимся в ноябрьских боях. Это было первое в нашей армии награждение с начала войны (представления, посланные из Одессы кружными путями в Москву, как видно, еще не успели рассмотреть), и потому особенно радостное.

Запомнились сияющие лица бойцов-девушек. Среди первых орденоносцев армии были и они. Знаменитая пулеметчица из Чапаевской дивизии Нина Онилова, теперь уже старший сержант, получила орден Красного Знамени. А вместе с конниками Кудюрова, отечески подталкиваемая вперед усатыми буденновцами, подошла к командарму, вручившему ей орден Красной Звезды, худенькая, угловатая, хотя и рослая, девчушка — красноармеец Галина Маркова.

Марковой 16 лет. Она сирота, росла в симферопольском детдоме. Убежала на фронт, набрела на кавалерийский полк и уговорила взять ее медсестрой. А в горячем бою на Балаклавских высотах, где спешившиеся конники отбивали атаку за атакой, заменила убитого пулеметчика. К удивлению всех, она когда-то успела освоить это оружие. Находившийся на переднем крае комдив Кудюров увидел это и, ободряя, крикнул медсестре: «Давай,

дочка, давай!» Так и в 40-й кавдивизии появилась своя Анка-пулеметчица...

(Двадцать пять лет спустя в Севастополе, отмечавшем четвертьвековой юбилей обороны, в перерыве торжественного заседания в Матросском клубе ко мне подошла стройная женщина средних лет.

— Не узнаете, товарищ маршал? — спросила она. И, поняв, что не узнаю, не вспомнил, представилась: — Галина Маркова, гвардии старшина запаса.

Она прошла в боевом строю всю войну, участвовала в нескольких десантах, стала снайпером и разведчицей, шесть раз была ранена... А после победы поселилась навсегда в Севастополе — там, где в шестнадцать лет сделалась солдатом.)

...Как только спустился вниз, в каземат, улыбающийся майор Ковтун сообщил:

— Освобожден город Калинин. Это передали сейчас из нашей редакции, они приняли по радио для завтрашнего номера.

От такой новости сразу расхотелось спать. Решил заняться тем, что назначил себе на утро, — первоначальной наметкой плана нашего наступления в направлении Бахчисарай, Симферополь, предназначенного, как можно было понять, отвлечь внимание и силы противника от Керченского полуострова. Там, такая мысль напрашивалась сама собой, должно быть, предстояла высадка десанта, переправа через пролив.

Правда, что-то не очень верилось, что приказание готовить наступление с нашего плацдарма в глубь Крыма, отданное пока предварительно, без указания сроков, конечной и ближайшей целей, будет подтверждено. Хотя активные действия развертывались на многих фронтах, под Севастополем соотношение сил было пока слишком неблагоприятным для этого.

На наш подземный КП не мог донестись гром орудий, который в седьмом часу утра 17 декабря поднял на ноги всех на большей части фронта Севастопольской обороны. Но телефоны, соединяющие нас с командными пунктами секторов, заговорили чуть не все разом.

— Обстреливается участок Разинского полка и морского полка Гусарова,— доложил из третьего сектора нач-

штаба Чапаевской дивизии подполковник П. Г. Неустроев.

В четвертом секторе под огнем артиллерии и тяжелых минометов был весь фронт бригады Вильшанского и 241-го стрелкового полка. Об интенсивном обстреле (пока отдельных участков обороны) докладывали и из южных секторов.

Предположение, высказанное кем-то после первого доклада, что немцы задумали крупную разведку боем, тотчас же отпало. Противник вел артподготовку к наступлению, причем одновременно на нескольких направлениях, практически — по всему обводу оборонительного района.

В 7 часов 40 минут фашистская пехота пошла в атаку. Перед фронтом четвертого и третьего секторов, а также в Чернореченской долине во втором, словом, везде, где позволяла местность, появились и танки.

Еще до этого открыла огонь наша артиллерия. Вслед за полевой, сразу вступившей в бой на участках поддерживаемых стрелковых частей, Рыжи ввел в действие береговые батареи и полк Богданова. Генерал Остряков, несмотря на плохую погоду, поднял на штурмовку наступающих немецких войск и на прикрытие города все исправные самолеты.

В войска немедленно выехали находившиеся на КП направленцы. Командарм, не отходя от телефонов, продолжал сам выяснять обстановку. Иван Ефимович держался спокойно, не повышал голоса даже тогда, когда не мог добиться от кого-нибудь вразумительного ответа. Нельзя было, однако, не заметить, как тяжело ему сейчас сидеть в каземате, ничего не видя собственными глазами, как рвется он всем своим существом на поле боя.

Но бой шел и на севере — у горы Азиз-Оба и в долине Бельбека, и на востоке — у хутора Мекензия и под Чоргунем, и на балаклавской высоте 212,1. Где наносится главный удар, где главная опасность — понять было пока трудно.

И во всяком случае, до того, как это определится, командарм никуда отлучиться с КП не мог. В том числе и к контр-адмиралу Жукову, оставшемуся старшим начальником в СОР. По мере поступления новых данных о положении они переговаривались по прямому телефону. С Гавриилом Васильевичем Жуковым, человеком крутоватым, но прямым, у Петрова с Одессы сложились про-

стые и ясные товарищеские отношения, между ними всегда существовало большое взаимопонимание.

А Жукову очень везло на острую обстановку. Когда осенью немцы приблизились к Севастополю, именно ему пришлось вместе с Моргуновым выводить навстречу врагу силы гарнизона: Октябрьский находился в кавказских базах. И вот, стоило Жукову вновь остаться «старшим на рейде», как говорят моряки, и гитлеровцы опять пошли на штурм... Конечно, теперь положение принципиально иное. Создан крепкий фронт обороны, на севастопольских рубежах — Приморская армия. Но и противник накопил силы, несравнимые с теми, какими надеялся обойтись тогда.

От имени командарма я вызвал на КП командование нашего резерва — 40-й кавдивизии, 388-й стрелковой, местного стрелкового полка... Привести их в полную боевую готовность было приказано еще раньше.

Что армейский резерв понадобится вводить в бой, и очевидно, скоро, уже не подлежало сомнению. А как его использовать, где помощь окажется всего нужнее, должны были показать ближайшие часы. С решением этого непростительно было бы опоздать, но и чрезмерная торопливость могла привести к опасным просчетам.

Замысел Манштейна, в тот момент нам не известный, сводился в общих чертах к следующему.

Основная атакующая группировка — три-четыре пехотные дивизии 54-го корпуса, усиленные большей частью стянутой к Севастополю тяжелой артиллерией и танками, — должна была, нанося главный удар с северо-востока, на участке от горы Азиз-Оба до высоты Кая-Баш, то есть по правому флангу нашего четвертого сектора и левому третьего, прорвать фронт обороны вдоль возвышенности Кара-Тау и долины Бельбека. А затем выйти через станцию Мекензиевы Горы к оконечности Северной бухты.

Одновременно двумя дивизиями 30-го корпуса наносился вспомогательный удар с юго-востока — по долине реки Черная на Инкерман. Отвлекающие атаки планировались и на других участках, в том числе на приморских флангах.

Таким образом, ставилась задача расчленить наш фронт, с тем чтобы разгромить силы обороны по частям: сначала отрезанные на Северной стороне войска четвертого сектора, за ними — обойденные с флангов войска третьего... А главное — достичь Северной бухты, парализовать питающий оборону порт.

Не слишком полагаясь на общий численный перевес своей армии, Манштейн был озабочен тем, как помешать нам создать крепкий заслон на участке, который окажется решающим. «Необходимо было,— писал он впоследствии,— напасть на противника по возможности с нескольких направлений, чтобы не допустить концентрации его сил на одном...»

И 17 декабря, не располагая, к сожалению, достаточными разведданными, мы немало ломали голову над тем, какое из направлений вражеских атак следует считать главным. Вырисовывалось это постепенно.

К середине дня первый сектор уже особенно не тревожил. Там противник вклинился было метров на двести в нашу оборону в районе высоты 212,1. Но пограничники Рубцова контратаками отбрасывали его назад. Комендант сектора генерал-майор Новиков был уверен, что сегодня же восстановит положение полностью (и вечерняя сводка уже отразила это как совершившийся факт).

Во втором секторе, усиленном бригадой Жидилова, выдвинутой из резерва на передний край, тоже были настроены уверенно. После очень сильной артподготовки немцам удалось овладеть здесь лишь двумя незначительными высотками. Недавний начопер штарма, а теперь начштаба дивизии и сектора Михаил Юльевич Ларнер, оставшийся старшим на КП (полковник Ласкин находился на передовой), докладывал, что новые атаки в районе горы Госфорта успешно отражаются.

Я предупредил, чтобы происходящее у них не считали боями местного значения. По оценке обстановки на тот момент это направление — чоргуньско-чернореченское — определялось в штарме как одно из двух главных.

На другом из этих двух — бельбекском — положение было гораздо серьезнее.

Здесь противнику удалось в первые же часы наступления сдвинуть наш фронт. В его руках оказались Азиз-Оба и Кая-Баш — две горы с отлогими, как у курганов, скатами, между которыми лежит большой участок Бель-

бекской долины. Первую обороняли батальоны морской бригады Вильшанского, вторую — 287-й стрелковый полк чапаевцев.

Упрека в нестойкости эти части не заслужили. На них пришлись самые сильные в тот день вражеские удары. Со своих передовых позиций они были выбиты после рукопашных схваток в траншеях, понеся тяжелые потери. Сказался многократный численный и огневой перевес атакующего противника.

Нашу пехоту самоотверженно поддерживали находившиеся в ее боевых порядках артиллеристы. Батареи и дивизионы, продуманно расставленные Д. И. Пискуновым, а в третьем секторе — его начартом Ф. Ф. Гроссманом. били прямой наводкой по танкам, по цепям наступающих гитлеровцев. Били до последней возможности, иногда почти в упор, нередко с огневых позиций, уже окруженных врагом. Расчеты орудий, вышедших из строя или подорванных, когда не оставалось иного выхода, присоединялись к стрелковым подразделениям.

Так билась с врагом 227-я зенитная батарея, приданная бригаде Вильшанского в качестве противотанковой. Сражаясь до последней гранаты, истребляя наседавших фашистов врукопашную, пали у своих умолкших орудий несколько расчетов других батарей.

Несомненно, и немцы несли большие потери. Только на левом фланге Чапаевской дивизии было подбито и сожжено свыше десятка танков, а перед фронтом четвертого сектора гораздо больше. Но ни поддержка богдановским артполком и береговыми батареями, в том числе двенадцатидюймовой тридцатой, ни штурмовки с воздуха не помогли отбросить врага. Не считаясь с потерями, вводя в бой резервы, он вгрызался в нашу оборону.

Вынужденный отход батальонов бригады Вильшанского и 287-го полка поставил в тяжелое положение 241-й стрелковый полк капитана Н. А. Дьякончука, оборонявшийся между ними в Бельбекской долине. Глубоко обойденный с флангов, он вместе с поддерживающим его артиллерийским дивизионом оказался в полуокружении. Однако свои позиции полк продолжал удерживать. Молодой командир доносил, что перешел к круговой обороне.

Самым тревожным в положении, как оно сложилось через несколько часов после начала наступления, был наметившийся разрыв между войсками третьего и чет-

вертого секторов. Оба сектора нуждались в помощи из армейского резерва. Но прежде всего — четвертый, частям которого этот разрыв, если его не ликвидировать, угрожал быть отрезанными от остальных сил обороны.

К тому времени, когда на КП прибыл полковник Ф. Ф. Кудюров, командарм уже принял решение усилить кавалерийской дивизией участок бригады Вильшанского. Кроме того, коменданту четвертого сектора передавался один стрелковый полк 388-й дивизии, сосредоточенный в Учкуевке.

Напомню: 40-я кавдивизия была малочисленной (стрелковый полк, о котором я сейчас сказал, по числу бойцов намного превышал ее три, вместе взятые). Но в отличие от этого полка, необстрелянного, только что прибывшего с Кавказа, конники Кудюрова имели боевой опыт. Не впервой было им сражаться и в пешем строю.

Мы надеялись тогда, что ввод в бой этих частей, их совместная с 8-й бригадой морской пехоты контратака — она намечалась на следующее утро — позволят восстановить положение в районе горы Азиз-Оба и вызволить из вражеского охвата полк Дьякончука.

Остальные два полка 388-й дивизии, а также местный стрелковый направлялись в третий сектор. Эти резервы предназначались, в частности, для прикрытия района Камышловского оврага — большой, со многими ответвлениями, лощины, куда был нацелен один из неприятельских клиньев.

С наступлением темноты, в шестом часу вечера, атаки противника повсюду прекратились. Продолжался только обстрел наших позиций. Над всем обводом севастопольских рубежей непрерывно взлетали осветительные ракеты: по-видимому, немцы ждали ночью наших контратак.

Но предпринять их в сколько-нибудь крупных масштабах мы пока не могли. Из вводимого в действие резерва только полки Кудюрова еще засветло вышли на исходные рубежи. Части, которые провели день в боях, нуждались хотя бы в небольшой передышке для приведения себя в порядок. Да и в обстановке оставалось немало неясного, требовали уточнения данные о противнике, о наших потерях.

Чувствуя, что в донесениях из секторов не все точно, штаб армии потребовал от штадивов выслать в части своих представителей и на месте выяснить положение, прове-

рить связь с батальонами, доставку боеприпасов и эвакуацию раненых, удостовериться, что люди накормлены. Весь фронт обороны надо было подготовить к отражению новых атак, а на тех участках, где немцы нас потеснили, ставилась задача восстановить прежние позиции.

Около полуночи командарм вернулся с флагманского КП от контр-адмирала Жукова. Исполняющий обязанности командующего СОР донес в Ставку, что фашисты начали решительное наступление на Севастополь, и просил прислать подкрепление в четыре тысячи человек, а затем по четыре маршевых роты ежедневно для восполнения потерь. У командующего флотом Жуков просил крейсер для огневой поддержки войск (в Севастополе не было в это время ни одного корабля, кроме тральщиков и катеров ОВР).

В ту же ночь были отданы распоряжения о формировании резервных батальонов и рот для пополнения войск за счет тылов главной базы и вспомогательных подразделений береговой обороны, а внутри Приморской армии — из состава химслужбы и выздоравливающих раненых. Срок назначался к утру 19-го.

Выяснялось также, сколько еще людей может дать армии город.

Последующие трое суток как бы слились в памяти воедино. Подыматься наверх мне почти не приходилось. Обычный распорядок жизни на КП, с которым успели связаться представления о дне и ночи, больше не соблюдался.

О том, что снова настает вечер, напоминал главным образом узел связи: когда темнело, бои стихали и голоса в телефонных трубках начинали звучать спокойнее. А на бумажных лентах, стекающих с аппаратов полевого телеграфа, лаконичные, часто напряженно-тревожные донесения дневных часов сменялись более длинными и обстоятельными.

А приметами утра сделались доклады о возобновляющихся вражеских атаках.

Обстановка становилась все более сложной. Выполнить то, что было намечено на 18 декабря — восстановить и стабилизировать линию фронта в четвертом и третьем секторах, нам не удалось.

Готовившаяся крупная контратака не дала ожидаемых результатов. Морские пехотинцы Вильшанского и спешенные кавалеристы Кудюрова начали ее напористо. Но и немцы пошли в атаку: подтянув резервы, они спешили развить успех, достигнутый накануне. Завязался упорный встречный бой, в котором на стороне противника был большой численный перевес.

И все же на центральном участке четвертого сектора враг был на некоторое время остановлен, а местами немного оттеснен. Однако правее, где в контратаку должен был включиться полк из 388-й дивизии — 773-й стрелковый, положение ухудшилось. Полк этот замешкался с выходом на назначенный ему рубеж и, не успев еще развернуться, попал под огневой налет. Атакованный затем пехотой и танками, он начал отходить...

Продвижение противника было задержано переброской на этот участок последних резервов соседних частей и их тыловых подразделений. Но немцы успели завершить окружение полка капитана Дьякончука, державшегося на прежних позициях.

Неутешительными были итоги второго дня боев и в третьем секторе. Вражеский клин на его левом фланге углублялся. Это заставляло оттягивать с передового рубежа другие части: возникла угроза обхода их с тыла. Бои шли уже у Камышловского оврага, в шести километрах от Северной бухты.

У Ласкина, во втором секторе, разгорелась борьба за гору Госфорта — высоту с Итальянским кладбищем, господствующую над Черноречепской долиной. Склоны ее переходили из рук в руки.

На неровной, пересеченной местности, какая преобладает к востоку и северо-востоку от Севастополя, где заросшие мелким лесом горушки чередуются с идущими во всех направлениях лощинами и оврагами, трудно обеспечить, чтобы фронт — особенно если он пришел в движение — был абсолютно сплошным. А противник, не ослабляя лобового натиска, только и искал щелей для новых вклинений в нашу оборону.

Порою возникали весьма неприятные неожиданности. Командир бригады полковник Вильшанский, отправившись в ближние тылы, чтобы собрать подразделения приданного ему 773-го полка, внезапно обнаружил, что вернуться на свой командный пункт не может: тот

отрезан скрытно продвинувшимися по лощине гитлеровцами. Выбить их оттуда не удалось, и комбригу, оказавшемуся на некоторое время без связи, пришлось развертывать КП в новом месте. Остававшиеся на прежнем командном пункте командиры и бойцы во главе с начальником штаба майором Сахаровым организовали оборону и стойко отражали атаки врага, а ночью пробились к своим, вынеся с собой раненых.

За два дня боев части, обороняющиеся на направлении главного удара, сильно поредели. Вильшанский докладывал, что в его бригаде находятся в строю не более половины бойцов. Когда полк Дьякончука, получив приказ оставить занимаемые позиции, вышел из окружения, людей в нем едва набралось на две нормальные роты...

Общие наши потери убитыми и ранеными за 17 и 18 декабря составили около 3500 человек. Донося об этом в Генеральный штаб и Наркому Военно-Морского Флота, контр-адмирал Жуков просил ускорить отправку подкреплений.

Когда их ждать, мы не знали. Надо было думать, как подольше продержаться наличными силами. Пришлось сделать вывод, что задача, ставившаяся войскам до сих пор — вернуть все позиции, которые занимались до 17-го, стала в данный момент нереальной.

Тяжело вздохнув, Иван Ефимович Петров сказал:

— Продолжать контратаки ради восстановления прежнего положения пока не можем, не имеем права. Контратаковать будем только в случаях прорыва обороны, и резервы надо беречь для этого. Главное сейчас — закрепиться на нынешних рубежах.

В таком духе и был отдан в ночь на 19 декабря боевой приказ № 0012.

Возобновляя утром атаки, противник производил 15—20-минутную артподготовку. Сильными огневыми налетами предварялись также очередные броски пехоты и танков в течение дня.

В это время вступала в действие и наша артиллерия. Часть ее открывала огонь на подавление вражеских батарей, а остальная — по войскам, сосредоточившимся для атаки. Нанести противнику как можно больший урон в живой силе и технике еще на исходных позициях и тем

ослабить его натиск — в этом заключалась важнейшая задача наших артиллеристов. И от того, насколько это удавалось, в огромной мере зависело предотвращение прорывов фронта.

Все нити управления огневой силой Севастопольской обороны сходились на командном пункте начарта армии и в его штабе, которые помещались над нами, на «первом», верхнем этаже подземного убежища в Крепостном переулке.

Начарт полковник Рыжи, подобно командарму Петрову, испытывал потребность видеть боевые действия собственными глазами. Отдав необходимые распоряжения, он надолго уезжал в артиллерийские полки, на батареи. Но начальник штаба артиллерии Николай Александрович Васильев не мог сейчас отлучиться никуда. Он непрерывно находился на своем посту у телефонов и карты-схемы, которая показывала, какими дивизионами и батареями можно воздействовать на противника перед любым участком фронта.

Практические вопросы использования артиллерии мы обсуждали с Рыжи и Васильевым не раз на дню. Нередко поднимался к ним на «первый этаж» и командарм. Каждое изменение обстановки на фронте заставляло вносить поправки в планирование огня. И вызывало большое удовлетворение, что осуществлялось это быстро, гибко.

Уже отражение ноябрьского наступления подтвердило неоценимое в севастопольских условиях значение централизованного — так сказать, из одних рук — управления всеми видами артиллерии. А в декабрьскую боевую страду мы просто не сумели бы без такой системы полноценно использовать все имеющиеся огневые средства. И нельзя было не отдать должного штабу артиллерии армии, проделавшему вместе со штабом артиллерии береговой обороны огромную и кропотливую подготовительную работу; благодаря ей эта система могла действовать так четко.

Располагая сперва лишь старой картой-десятиверсткой, фактически уже непригодной для стрельб, майор Васильев планировал теперь огонь по единому в масштабе оборонительного района планшету, к которому «привязывались» все полевые и береговые батареи. Наблюдаемые с переднего края участки последовательного сосре-

доточения огня и неподвижного заградительного были заранее пристреляны, а для ненаблюдаемых сделаны расчеты. Имелись такие расчеты и для стрельбы по участкам, находившимся, когда все это готовилось, еще в ближайшей глубине нашей обороны,— предусмотрительность, оказавшаяся не лишней.

Конечно, во всем этом помог опыт Одессы. Однако там было проще: и рельеф в основном равнинный, и противник слабее, и масштабы не те. К одесскому опыту массирования огня добавилось под Севастополем немало нового. Насколько мне известно, еще нигде до того удары такого количества разнородной артиллерии не направлялись — притом в горно-лесистой пересеченной местности — из единого центра, с одного КП.

Помимо всего прочего, для этого, разумеется, требовалась надежная связь. Как уже говорилось, она была у артиллеристов собственной, автономной. Линии ее проходили и под землей, и под водой, и на столбах. Использовались даже старые провода англо-индийского телеграфа, пересекавшего некогда Крым. Вся эта сложная сеть, поддерживаемая заботами штабной батареи младшего лейтенанта Соина и связистов береговой обороны, работала действительно безотказно. Впоследствии случалось, что артиллерийской связью — при повреждениях нашей основной — пользовались и мы с командармом.

Больших усилий стоила контрбатарейная борьба. Она все время велась в невыгодных для нас условиях: местность позволяла противнику скрытно перемещать свою артиллерию вдоль фронта обороны. С началом декабрьского штурма эта борьба стала особенно напряженной.

Подтянутые немцами новые батареи, как правило, до штурма себя не обнаруживали. Да и в ходе его засечь многие из них было нелегко. Самолетов, оборудованных для аэрофотосъемки, как и воздушных корректировщиков, мы не имели. Определение координат вражеских огневых позиций возлагалось на ОРАД — отдельный разведывательный артдивизион майора Савченко. Посты звуковой разведки, располагавшиеся обычно на Мекензиевых горах и перебрасываемые по мере надобности на другие участки, давали довольно точные данные, когда стреляло не слишком много орудий одновременно. Неизмеримо сложнее было выявлять неизвестные огневые позиции в грохоте общей артподготовки.

И все-таки на армейскую карту-схему изо дня в день наносились, получая порядковые номера, новые цели. И немало неприятельских орудий, в том числе и на только что разведанных позициях, приводилось к молчанию.

Как всегда, отличались в этом богдановцы. А в береговой артиллерии, игравшей в контрбатарейной борьбе очень большую роль, с самого начала хорошо показал себя дивизион, вооруженный орудиями с вышедших из строя кораблей. Установленные на выгодных позициях — ближе к линии фронта, батареи этого дивизиона действовали против немецкой артиллерии весьма эффективно.

Но, говоря об успехах в подавлении батарей противника, я должен напомнить о сложившемся под Севастополем соотношении сил. На некоторых участках атакующие фашистские войска поддерживало по полсотни орудий на километр фронта. Мы же имели намного меньше и уже потому могли подавлять лишь какую-то часть вражеских.

Умолкали и наши орудия, некоторые надолго, а то и навсегда. К неизбежным боевым потерям и повреждениям техники прибавился, как назло, тяжелый аварийный случай: на 35-й береговой батарее (такой же, как 30-я) произошел взрыв в башне.

Но самой главной трудностью в планировании огня, заставлявшей остро ощущать нашу удаленность от тылов Большой земли, стала уже на второй день штурма необходимость жестко экономить снаряды. Ведь те запасные боекомплекты, о которых распорядилась Ставка, доставить нам Закавказский фронт так и не успел...

Контр-адмирал Жуков телеграфировал на Кавказ командующему флотом, что при таком расходе боеприпасов, на какой мы вынуждены были пойти 17 декабря, их остается на одни сутки. Он просил обеспечить доставку к полудню 19-го хотя бы шести тысяч снарядов и десяти тысяч мин (82-миллиметровые мины, самые нужные, были на исходе).

Комфлот ответил, что боеприпасы прибудут утром 20-го на транспорте «Чапаев» — 15 тысяч снарядов и 27 тысяч мин. Вслед за ним выйдет «Абхазия», на которой, кроме снарядов, отправляются полторы тысячи бойцов морской пехоты. Вице-адмирал Октябрьский предупреждал, что на эти два судна грузится весь боезапас, имеющийся сейчас на складах Новороссийской базы.

В ночь на 19 декабря мы с начальником отдела комплектования майором Семячкиным делили, как бывало в Одессе, между секторами и соединениями небольшие подкрепления, набранные за счет сокращения частей, находящихся не на переднем крае.

После того как распределение их утвердил командарм, я сообщил генералу Воробьеву, что к нему посылаются 300 краснофлотцев, высвобожденных на береговых батареях специально для пополнения бригады Вильшанского, и, кроме того, батальон саперов — в качестве стрелкового в резерв сектора. Генерал Коломиец получал две стрелковые и пулеметную роты, сформированные из бойцов ПВО.

Во второй сектор, в бригаду Жидилова, ведущую бои за гору Госфорта, отправлялся на машинах последний батальон, который смог сколотить уже много давший сухопутному фронту Черноморский флотский экипаж, с начальником строевой части капитаном Кагарлицким в качестве комбата. Еще один батальон для усиления этого направления мы снимали с рубежей первого сектора — единственного, где крупных боев не происходило.

Недостаточность этих подкреплений была очевидна. Тем более что приходилось ограничить поддержку войск артиллерией. В справке о наличии боезапаса, присланной майором Васильевым, значилось: в полку Богданова осталось 318 снарядов, в 69-м артполку Чапаевской дивизии — 600... В ближайшие часы должно было замолчать большинство минометов. Машины артснабженцев дежурили у штолен спецкомбината, ожидая заранее распределенные по частям мины, которые — не более тысячи штук — он мог изготовить в течение дня. А до прихода «Чапаева» оставались еще целые сутки.

Где-то в глубине сознания шевелилась надежда, что натиск врага начнет ослабевать. Взятые накануне пленные из 24-й пехотной и из 50-й дивизий немцев твердили о больших потерях в их частях, о вводе в бой последних резервов.

Просматривая сводку их показаний, составленную разведотдельцами, я на минуту вспомнил допрос пленного немца несколько недель назад — кажется, самого первого, захваченного под Севастополем. Наглый гитлеровец, лет двадцати, но уже с Железным крестом, побывавший в Голландии и Франции, повторял: «Германия победит

всех». И хвастался, что, если останется жив, еще получит в России землю...

Прошел какой-нибудь месяц, а пленные немцы запели уже иную песенку. Конечно, гонору им поубавила не только стойкость защитников Севастополя, а прежде всего изменение общего положения на Восточном фронте. Но чтобы иссяк наступательный порыв дивизий, брошенных Манштейном на штурм города, двух дней боев все-таки было мало.

На третий день артподготовка велась противником сильнее, чем накануне. При этом центр тяжести ее переместился на новые участки, в частности, на район Аранчи — на левом фланге бригады Вильшанского. Туда же был затем направлен — при возобновлении атак на всем фронте четвертого сектора — сосредоточенный удар пехотой и танками.

Наша оборона на этом участке, к сожалению, оказалась не самой устойчивой. Подразделения 8-й морской бригады, ослабленные двухдневными боями, натиска превосходящих сил противника не выдержали. Немцы захватили Аранчи, и несмотря на то, что полк майора Белюги, оборонявшийся еще левее, у моря, предпринял героические усилия, чтобы удержать стык с соседом, задержать вклинение врага в нашу оборону удалось лишь ненадолго.

Немного позже, после сильной неприятельской атаки на другом участке, выяснилось, что образовался разрыв также между 8-й бригадой и кавдивизией Кудюрова. На всем левом крыле севастопольского обвода создалось опасное положение, чреватое тяжелыми последствиями.

Огонь нашей артиллерии, штурмовки «илов» и «ястребков» (многие летчики севастопольской авиагруппы совершили в этот день по семь-восемь боевых вылетов) помогали сдерживать противника. Однако выправить положение уже нельзя было без дополнительного ввода в бой на этом направлении достаточно крупной, высокобоеспособной части.

В армейском резерве ее не было. Снятие же сколько-нибудь значительных сил с другого участка обороны, пусть в данный момент и не столь напряженного, командарм исключал: враг, быть может, только и ждал этого, чтобы обрушиться на ослабленный участок, так как имел сейчас возможность атаковать нас с любого направления.

Оставалось, следовательно, одно: отвести часть войск четвертого сектора — в полосе между Аранчи и взорванным Камышловским мостом — на запасные позиции. Во второй половине дня генералу Воробьеву был передан по телеграфу подписанный скрепя сердце приказ № 0013, разрешавший произвести такой отвод в темное время под прикрытием артиллерии. Это касалось бригады Вильшанского, кавполков и группы дотов и дзотов, которые приказывалось взорвать, а их личный состав включить в морскую бригаду.

Мы жертвовали узкой полоской, где не было ничего, кроме лесистых холмов и оврагов. На громадных пространствах главных фронтов такое выравнивание линии обороны даже не считалось бы отходом. Однако на нашем пятачке шла в счет каждая пядь земли. Крайний левый — приморский — участок обороны приобретал теперь невыгодную конфигурацию вытянутого выступа («Опять кишка», — сказал бы наш прежний командарм Георгий Павлович Софронов), и мириться с этим можно было лишь недолго.

Либо мы, получив подкрепления, вернем прежние позиции в центральной части четвертого сектора, либо... Но о том, что, может быть, придется отдать и этот выступ, не хотелось пока думать.

Там — все еще за рекой Кача, в пятнадцати километрах от центра города (нигде больше таких расстояний до фронта уже не существовало) — оборонялся полк майора Белюги, которому в этот день в журнале боевых действий армии была отведена всего одна, но красноречивая строка: «90 сп удерживает прежний рубеж, дважды отбив атаки противника».

Немолодой майор, не так давно ведавший в другом полку материально-техническим обеспечением, грубоватый, бесхитростный и очень решительный, оставался на своем отдаленном участке фронта хозяином положения. На его долю, правда, до сих пор приходились не самые яростные из вражеских атак, но все же довольно сильные. Уже в первые часы штурма тут были подбиты восемь танков, а полтора десятка других вынуждены повернуть назад вместе с остатками пехоты, которую они поддерживали. В таком духе закончились и несколько повторных попыток гитлеровцев вклиниться здесь в нашу оборону и оттеснить полк с его позиций.

Тимофей Денисович Белюга, обычно руководивший боем с переднего края, был опять ранен — в третий или четвертый раз за время командования полком. Но ранен, как и раньше, нетяжело и остался в строю. Общие потери полка были относительно невелики.

Словом, этот полк являлся в тот момент едва ли не самым благополучным — если, конечно, не брать первый сектор. Отвод соседей на новый рубеж несколько ухудшал позиции Белюги. Зато обеспечивалось восстановление нарушенных стыков, устранялась непосредственная опасность прорывов фронта.

Кроме северного направления немцы продвинулись 19 декабря также на юго-востоке. К исходу дня в их руках находились Нижний Чоргунь и высота с Итальянским кладбищем — за исключением западного, обращенного в нашу сторону склона, где продолжался бой.

Еще до передачи вечерней сводки из штаба второго сектора сообщили: разрывом немецкого снаряда у КП 7-й морской бригады убит ее начштаба майор А. К. Кернер, а комбриг Е. И. Жидилов серьезно ранен. В командование бригадой вступил комиссар Н. Е. Ехлаков.

Час спустя стало известно, что Жидилову сделана операция и жизнь его вне опасности. Медики обещали вернуть полковника в строй через три-четыре недели.

— Значит, и не нужно никого туда назначать,— сказал, услышав об этом, командарм. — Ехлаков справится. А начальника штаба пусть выдвигают из своих.

Генерал Петров, разбиравшийся в людях быстро, поверил в Ехлакова с первой встречи.

Потребуйся сейчас новый комбриг, подобрать достойного было бы нелегко... С трудом найдя замену командирам, павшим на севере Крыма, мы вновь понесли ощутимые потери в комсоставе уже в первые дни декабрьского штурма. Убиты командир кавполка Н. А. Обыденный, начальник оперативной части 8-й бригады Т. Н. Текучев, прекрасные командиры артиллерийских дивизионов Н. С. Артюх и Г. И. Наумов, герои одесских боев (оба пали, управляя огнем по наступающим танкам, не досказав последней боевой команды). А скольких комбатов, командиров рот, взводов недосчитывалась армия!..

Мы только что узнали о гибели Кернера и ранении Жидилова, когда оперативному дежурному сообщили с «верхнего этажа», что там «в обмороке или умер» начальник штаба артиллерии Васильев. Его обнаружили навалившимся ничком на стол со схемой огня, с зажатой в руке телефонной трубкой.

Вызванный наверх врач успокоил:

— Просто короткая потеря сознания от перенапряжения нервной системы. Ему надо обеспечить несколько часов сна.

Оказалось, майор Васильев не отдыхал ни часу с тех пор, как начался штурм. Почти трое суток! Военком штарма Глотов взялся выяснять, нет ли на КП таких еще. Действительно, нельзя было допускать, чтобы нужнейшие люди вот так сваливались с ног — вражеский штурм продолжался.

Основной итог трех дней напряженных боев заключался, конечно, в том, что врагу, как ни велики были введенные им в действие ударные силы, прорвать фронт обороны не удалось. Однако наши войска, встретившие противника на первом, передовом, рубеже, уже на очень многих участках были вынуждены отойти ко второму, главному. Севастопольский плацдарм сократился, передний край приблизился к бухтам и городу.

Но самым тревожным было даже не это, а положение с резервами и снарядами.

Приехав от контр-адмирала Жукова, Иван Ефимович Петров, когда мы остались вдвоем, сказал с горечью, что Октябрьский, находившийся на Кавказе, кажется, не представляет всей серьезности сложившейся у нас обстановки.

Жуков показал Петрову телеграмму Октябрьского, где говорилось, что корабли отряда поддержки (старые крейсера и эсминцы, которые в принципе должны были постоянно находиться в Севастополе) сейчас прислать сюда нельзя, так как это «грозило бы срывом самой ответственной задачи».

Задача, несомненно, имелась в виду та, из-за которой командующий Черноморским флотом и СОР отбыл на Большую землю. О том, что именно там готовится, мы официально информированы еще не были, хотя по разным признакам чувствовалось: предстоит операция, име-

ющая целью (или одной из целей) радикально помочь Севастополю.

Но как бы ни обстояло с этим, неотложно требовалась помощь обычная, прямая — подкреплениями, снарядами, огнем кораблей.

В ночь на 20 декабря контр-адмирал Жуков и член Военного совета флота дивизионный комиссар Кулаков послали телеграмму Верховному Главнокомандующему. В ней излагалось положение под Севастополем после трех дней наступления немцев, говорилось, что у нас нет снарядов наиболее нужных калибров, а остальной боезапас на исходе, израсходованы резервы, придется вводить в бой на фронте личный состав находящихся в базе кораблей, береговых и зенитных батарей, аэродромной службы.

Содержалась в телеграмме и такая фраза: «Если противник будет продолжать наступление в том же темпе, гарнизон Севастополя сможет продержаться не более трех суток».

Познакомиться с текстом этого документа мне довелось много времени спустя, после войны. Прочитав последнюю фразу, я подумал, что подписаться под нею, наверное, не смог бы. Не потому, что не разделял общей оценки положения, дававшейся в телеграмме. Оно, бесспорно, было тяжелым, грозным. Но вопрос, сколько еще суток мы сумеем продержаться, у меня просто не возникал.

Вопреки всем трудностям и потерям, вопреки тому, о чем говорила лежавшая передо мною рабочая карта, сама мысль, что Севастополь можно не удержать, тогда, после нашей победы под Москвой, как-то вообще не приходила в голову.

На крутом склоне у Исторического бульвара, увенчанного зданием Панорамы первой обороны, появилась надпись, выложенная трехметровыми буквами из плит инкерманского камня: «Севастополь был, есть и будет советским!»

Кажется, идею выложить лозунг, который читался бы «из города, с фронта и с неба», подал секретарь Крымского обкома партии Федор Дмитриевич Меньшиков (после захвата гитлеровцами Симферополя и остального Крыма обком со штатом, сокращенным до нескольких человек, находился в Севастополе, здесь же выходила вместо

городской областная газета). И громадные светлые буквы действительно различались и с Корабельной стороны, и с Северной. А с неба лозунг выглядел, наверное, особенно броско. Фашистские летчики даже специально его бомбили. Но за ночь поврежденные буквы восстанавливались. Говорили, что за ними следят по поручению городского комитета обороны какие-то старики из артели мраморщиков.

Лозунг, видимый тысячам севастопольцев, выражал общее настроение, общую уверенность, что новый натиск врага будет отбит, как и первый в ноябре. И настроение это претворялось в славные дела. Дни, о которых я веду сейчас речь, были насыщены подвигами. Их было так много, что далеко не все они немедленно попадали в политдонесения военкомов или в армейскую газету. О некоторых из них в силу обстоятельств мы вообще узнавали с большим опозданием.

Так получилось и с подвигом героев дзота № 11, памятник которым на откосе высоты 192,0, у селения Дальнее (раньше — Камышлы), посещают теперь экскурсанты, приезжающие в Севастополь со всех концов страны.

Двенадцать дзотов, составлявших пулеметную роту лейтенанта М. Н. Садовникова, растянулись редкой двойной цепочкой по склону долины Бельбека и в сторону от нее — по балке Темная. Главное оружие каждого дзота — «максим» на поворотном столике, обеспечивающем ведение огня через любую из трех амбразур. Боевой расчет — семь молодых краснофлотцев из учебного отряда флота. Все в роте были комсомольцами.

Когда начался декабрьский штурм, эти дзоты находились еще на запасном рубеже, пехота располагалась впереди. Но именно тут противник вклинился в нашу оборону, дзоты первой линии быстро оказались на переднем крае, а затем и в окружении. Приказа отходить пульроте не было: вражеский клин надеялись ликвидировать. И дзоты сражались, как маленькие осажденные крепости. Они могли выдержать попадание трехдюймового снаряда, боеприпасов имели порядочно: по 20 и больше тысяч патронов, по 200—300 гранат, много бутылок с горючей смесью.

Дзот № 11 вступил в бой под командой старшины 2-й статьи Сергея Раенко. В него перенесли потом еще

два пулемета, «гарнизон» огневой точки увеличился до десяти бойцов. С этой горсткой севастопольцев гитлеровцы не могли справиться около трех суток. На дзот ходила в атаку не одна фашистская рота, на него пикировали самолеты, убит был первый командир, убит и тот, кто его заменил... Но пулеметы вновь и вновь открывали огонь, из амбразур опять летели в приближавшихся врагов гранаты.

Когда несколько дней спустя высоту 192,0 отбили у противника, вокруг разбитого дзота еще лежали десятки неубранных трупов немецких солдат. А в противогазной сумке краснофлотца Алексея Калюжного, который, вероятно, дольше всех из героического расчета оставался в живых и вел бой, нашли предсмертную записку — волнующее свидетельство силы духа защитников Севастополя:

«Родина моя! Земля русская!.. Я, сын ленинского комсомола, его воспитанник, дрался так, как подсказывало мне мое сердце. Я умираю, но знаю, что мы победим... Держитесь крепче, уничтожайте фашистских бешеных собак. Клятву воина я сдержал. Калюжный».

Подробности длительного неравного боя этого дзота выяснились после того, как обнаружился уцелевший боец из его расчета: он получил приказание прорваться с донесением на командный пункт, по пути был тяжело ранен и подобран людьми из другой части, а в своей долго считался погибшим.

Камышловский дзот № 11 вошел в историю. Надо, однако, сказать, что такую же стойкость проявили комсомольские расчеты и остальных огневых точек этой пулеметной роты. В дзоте № 12 старшины 2-й статьи Ивана Пампухи погибли все до единого. Дзот почти четыре дня служил опорой стрелковым подразделениям, не дававшим немцам продвигаться на этом участке Бельбекской долины. Дзот № 15 — он стоял над Симферопольским шоссе — действовал и тогда, когда у двух последних его бойцов, тяжело раненных, не было сил метнуть гранату. Слыша, как подползают гитлеровцы, эти краснофлотцы просто выталкивали гранаты из амбразур, взрывая врагов у самых стен дзота...

У нас — этого я уже касался — возникало немало претензий к строителям севастопольских дотов и дзотов, расставленных не наилучшим образом. Многие из них в декабрьских боях никак не могли быть использованы и

держались в консервации. Но во всех, которые оказались на линии фронта, расчеты стояли насмерть, сражались до последнего человека, исполненные сознания, что отходить им нельзя.

На огневых точках, прикрывавших стык третьего и четвертого секторов, куда противник направил в декабре главный удар, бойцы называли себя жигачевцами — в знак любви и уважения к своему комбату И. Ф. Жигачеву. Уважали этого командира и во взаимодействующих с его дзотами армейских подразделениях. Старший лейтенант по званию, но уже не молодой, в прошлом — кузнец судостроительного завода, этот сильный, мужественный человек как бы олицетворял собою надежность и прочность маленьких бастионов, которыми командовал. И людей своих он подготовил к боевым испытаниям достойно.

Рассказать обо всем героическом, ознаменовавшем первые дни отражения декабрьского штурма, я не в состоянии. Даже простое перечисление фактов, воплотивших в себе беззаветную отвагу, беспредельную самоотверженность наших бойцов и командиров, составило бы целую книгу. То, что говорится здесь об отдельных частях и подразделениях, может быть отнесено и ко многим другим.

Помню, как командарм, выслушав по телефону доклад о том, что с помощью артиллерии выведены из окружения остатки полка капитана Дьякончука, с чувством сказал коменданту сектора:

— Передайте им, что они герои!

Окружен был не только полк в целом. Разобщенными, отрезанными друг от друга и от командного пункта оказались многие его роты, взводы, даже отделения. Бой не раз доходил до рукопашной, наседающих врагов брали в штыки, били саперными лопатками, касками... Но все подразделения держались на назначенном им рубеже, хотя там были не доты, а просто окопы. Имей мы резервы для мощных контратак на соседних участках, доблестный 241-й полк устоял бы на старых позициях!

Но то, что их пришлось оставить, не делало стойкость полка напрасной: упорная оборона в долине Бельбека задержала и ослабила натиск врага у Камышловского оврага, помешала ему продвинуться дальше. А бойцы Дьякончука вышли из окружения даже с трофеями — с не-

мецкими минометами, пулеметами, автоматами. Сведенные до первого маршевого пополнения в две роты (которые продолжали именоваться полком), бойцы 241-го стрелкового так же стойко оборонялись на новом рубеже.

Николай Кирьякович Рыжи, ухитрявшийся побывать за день чуть не во всех артполках, действующих на главных направлениях, воодушевленно рассказывал о делах своих артиллеристов.

На участках, где создавалось тяжелое положение, некоторые дивизионы и батареи оказывались без пехотного прикрытия, лицом к лицу с наступающим врагом. Чтобы не допустить захвата орудий, не быть вынужденными их взрывать, батарейцы сами ходили в контратаки.

Такая обстановка сложилась, в частности, в районе Камышловского моста: потеснив нашу пехоту, немцы прорвались к командному пункту 397-го артполка майора П. И. Полякова, к огневым позициям одного из его дивизионов. Отвести дивизион было уже нельзя, и артиллеристы заняли круговую оборону. Пока расчеты выкатывали часть орудий на открытую позицию для стрельбы прямой наводкой, бойцы обслуживающих подразделений во главе с секретарем полкового патрбюро Казиновым и пропагандистом Илюченко контратаковали фашистских автоматчиков. Когда Илюченко был убит, а Казинов ранен, контратаку возглавил завделопроизводством штаба полка... Артиллеристы отстояли свои орудия, отбросили прорвавшихся гитлеровцев и даже захватили (не частый в артиллерии случай!) несколько пленных.

Геройски дрались конники полковника Кудюрова, получившие трудный участок обороны на возвышенности Кара-Тау. Не так рассчитывали мы, сложись обстоятельства более благоприятно, использовать единственную в Приморской армии кавалерийскую дивизию. Но сейчас требовалась пехота, других резервов не было, и кавалеристы показали, что, раз надо, они могут быть стойкой пехотой. Ни танками, ни бешеным минометным огнем, ни бомбежками с воздуха врагу не удавалось смять спешенные эскадроны. Они отходили на новый рубеж только по приказу, когда это, как было 19 декабря, становилось необходимым по общей обстановке. Особую стойкость, как и в ноябре под Балаклавой, проявил 149-й кавполк Леонида Георгиевича Калужского. Через штаб сектора к нам доходили его краткие, уверенные донесения:

«Все в порядке, держусь прочно». А в строю полка было уже меньше двухсот бойцов...

Пока на севастопольских рубежах стояли такие части, нас было не сломить!

Несокрушимой опорей войскам, отражающим атаки врага, служил сам Севастополь.

Очень верно написал потом Борис Алексеевич Борисов: «Второй штурм город встретил, как старый, закаленный в бою солдат».

18 декабря, когда не оставалось уже сомнений в том, что противник ведет решительное наступление, рассчитанное на захват города, комитет обороны экстренно собрал партийный актив — руководителей районов, директоров предприятий, секретарей парторганизаций. С сообщением, ориентирующим в обстановке, выступил от имени командования оборонительного района генерал П. А. Моргунов.

Во что бы то ни стало увеличить производство оружия и боеприпасов, обеспечить срочный ремонт поврежденной боевой техники, выделить максимум рабочих рук на строительство дополнительных укреплений — вот о чем в первую очередь шла на активе речь.

Не могу ручаться, что в решениях именно этого совещания было записано: «Все население считать мобилизованным». Может быть, и не совсем такая была формулировка. Но суть принятых решений сводилась к этому. Перед лицом вновь резко обострившейся опасности для города севастопольская партийная организация, комитет обороны мобилизовали на непосредственную помощь фронту всех, кто был способен что-то для него сделать.

Летучие ремонтные бригады из лучших оружейников стали выезжать на огневые позиции батарей, чтобы там, на поле боя, устранять повреждения орудий и минометов. Все предприятия и цехи, выпускающие военную продукцию, перешли на непрерывную работу. Людей не хватало: сотни севастопольцев, еще вчера стоявших у станков, влились в войска. Но те, кто был оставлен на производстве, не покидали своих трудовых постов и после двенадцатичасовой смены. Основная часть рабочих переводилась на казарменное положение в убежищах.

В те дни родилось движение двухсотников, трехсотников, а затем и пятисотников. Две, три... пять норм выполнялись под землей на стареньких станках, перенесенных в штольни из фабрично-заводских училищ. В цехах, остававшихся на поверхности (там находился, например, литейный цех спецкомбината № 1), работа не прекращалась и во время воздушных тревог.

Рабочие знали: все сделанное ими сегодня будет решать исход завтрашних боев за Севастополь. Перед этим отступали и опасности, и усталость. А если в цеху появлялся фронтовик и рассказывал, как изготовленным здесь оружием бьют врага, или зачитывалась записка комиссара части, присланная с доставляющим боеприпасы на фронт шофером — благодарность за боевую продукцию, люди готовы были вовсе забыть об отдыхе и сне.

Не так уж много оружия могло быть изготовлено в осажденном городе. Но мы очень ощутили, что выпуск ручных гранат на спецкомбинате, не превышавший в начале декабря двухсот штук в сутки, стал приближаться к тысяче. Так же росло производство мин. Где только не собирали взрослые и дети металл для их корпусов, а «начинку», если не хватало другой, все чаще добывали, рискуя жизнью, из невзорвавшихся немецких бомб.

На том же подземном комбинате в Троицкой балке осваивали производство малых авиабомб для севастопольских летчиков. Возникло было осложнение: порох, закладываемый в запалы, требовалось насыпать в мешочки из натурального шелка, а его не нашлось ни метра на всех складах в пределах города. Но проблему решили сами работницы комбината: они принесли и раскроили на пороховые мешочки свои выходные платья.

От жителей города не скрывали серьезности положения. В местной сводке «На подступах к Севастополю» говорилось прямо: враг пытается прорвать нашу оборону. И это касалось уже не передового рубежа, а главного, проходящего в пяти-шести километрах от оконечности Северной бухты и окраин Корабельной стороны.

Там, как и в Инкермане, в поселках за Северной стороной, приближение фронта не могли не ощущать по тому, насколько явственнее доносились звуки боя. Был продлен комендантский час: движение по улицам без особых пропусков разрешалось теперь с пяти утра до восьми вечера.

Но военных, появлявшихся на предприятиях или в убежищах, никто нигде не спрашивал, будет ли удержан город. В это верили беззаветно.

Как на фронте, на предприятиях и других жизненно важных городских объектах назначали дежурных связных для передачи донесений в комитет обороны, если разрыв бомбы перебьет телефонные провода. Как на фронте, парткабинет горкома, работавший круглые сутки, выпускал боевые листки с последними военными и городскими новостями. Они разносились по цехам и убежищам, чтобы люди не оставались без информации, если обстоятельства задержат выход газеты и окажется поврежденной радиотрансляционная сеть. Но и повреждения устранялись по-фронтовому, в немыслимые, по прежним понятиям, сроки.

Крупная бомба попала в недавно пущенную макаронную фабрику, снабжавшую население и войска. Пострадали здание и оборудование, убит был директор. Городской комитет обороны назначил вместо него одну из работниц-коммунисток, обязав ее возобновить выпуск продукции в течение трех суток. И в назначенный срок фабрика заработала. А бригада женщин с соседних улиц перебрала по штучке десятки тонн готовых макарон, перемешанных со стеклом из выбитых окон.

Все это — лишь отдельные детали севастопольской жизни тех дней. Но, мне кажется, каждая такая деталь отражает самые характерные ее черты — высокое мужество мирных советских людей, оказавшихся на переднем крае войны, замечательную их организованность.

Приведу еще один факт, в котором слились трагическое и жизнеутверждающее, горе и надежда.

Началось с того, что на командный пункт МПВО принесли двухлетнюю девочку — единственное живое существо, извлеченное спасательной командой из завала на месте разрушенного бомбой дома. Наведенные справки подтвердили: родных у ребенка больше нет.

Подобные случаи в городе уже бывали. Осиротевших ребят куда-то временно пристраивали, а те, кто постарше, чаще всего находили приют в какой-нибудь воинской части, становились «сыновьями полка». Но случай с малышкой, спасенной из-под развалин, дал толчок к тому, чтобы вопрос о таких детях обсудил наряду с самыми срочными делами городской комитет обороны. Он пору-

чил гороно немедленно организовать для них специальный интернат.

Это детское учреждение, размещенное в одном из убежищ на улице Карла Маркса, существовало почти до конца Севастопольской обороны, принимая все новых питомцев — от грудных до пятнадцатилетних. Мы отдали распоряжение в части отправлять в интернат мальчишек, успевших пробраться на фронт, где им было все-таки не место. Этих приводили уже в форме: кого в сухопутной, кого в морской. Многие из них пытались убегать обратно в войска. Некоторым это удавалось...

Если бы кто-нибудь взялся проследить судьбу этих ребят, навéрное, выяснилось бы немало волнующего и интересного. Я же могу сказать о них лишь то, что всех воспитанников интерната осадный Севастополь сумел уберечь. Все они — несколькими группами, в разные сроки — были потом переправлены на Большую землю.

В час тридцать ночи 20 декабря в Северной бухте ошвартовался «Чапаев», доставивший из Новороссийска боеприпасы. Он пришел на несколько часов раньше, чем было обещано. Это позволяло подать снаряды на огневые позиции еще до рассвета.

Правда, пополнить боезапас смогли не все батареи. Снарядов для 107-миллиметровых пушек и для гаубиц на этом транспорте не оказалось. Мины прибыли только 50-миллиметровые. Но мы радовались и тому, что привезено: с этим можно было увереннее начинать новый боевой день.

А незадолго до того, как на фронте должны были возобновиться вражеские атаки, ко мне вошел начальник разведотдела Потапов. Несколько смущенный — таким он обычно бывал, когда считал, что докладывает что-то существенное позже, чем следовало бы, Василий Степанович положил на стол лист бумаги.

— Показания одного пленного,— пояснил он.— Полагаю, что сроки, которые тут называются, заслуживают внимания...

Пленный из 47-го немецкого пехотного полка заявил на допросе, что, как ему известно, наступающие на Севастополь войска имеют задачу овладеть городом в течение четырех суток, то есть 21 декабря.

«Ну и что?» — хотелось мне сказать в первое мгновение. Ведь в том, что Манштейн рассчитывал завершить нынешнее наступление в короткие сроки, сомневаться и так не приходилось. Однако Потапов, конечно, был прав: показания пленного заслуживали внимания. Они, если немец не лгал, как-никак приоткрывали действующую плановую таблицу противника, точнее — ее последнюю графу. А такими сведениями не пренебрегают. Особенно когда речь идет о завтрашнем дне.

Показания пленного были доложены командарму.

— Что ж, чего-то в этом роде и следовало ожидать,— сказал Иван Ефимович.— Но значит, это задумано не только как рождественский подарок Германии. Хотят отметить Севастополем полгода войны с нами... — Помолчав, генерал Петров добавил: — Из своего графика они уже основательно выбились. Но сегодня еще могут попытаться в него войти. Во всяком случае, коменданты секторов должны об этом сроке знать.

...В час рассвета о начавшихся атаках противника доложили из всех секторов. Даже из первого, где накануне было тихо. Впрочем, там, на правом фланге обороны, немцы атаковали не столь активно, очевидно, лишь с целью сковывания наших сил, как и 17-го, при начале штурма.

На левом фланге, в четвертом секторе, явно пошло на пользу вчерашнее выравнивание фронта. Утренние атаки отбивались там успешно, где-либо вклиниться или потеснить нас врагу пока не удавалось. Постепенно почувствовалось, что главный его натиск смещается вправо, в третий сектор. Еще до полудня группы фашистских автоматчиков, прикрываемые танками, стали прорываться в стыках полков Чапаевской дивизии.

Намечалась угроза продвижения противника в направлении Северной бухты через кордон Мекензи № 1 и Мартыновский овраг. Между тем комендант третьего сектора имел в резерве лишь батальон ПВО. И хотя о помощи генерал Коломиец не просил, он вряд ли мог восстановить положение одними своими силами.

К фронтовым событиям этого дня мне еще придется вернуться. Но он памятен не только тем, что происходило на переднем крае обороны.

Несколькими страницами раньше я говорил о телеграмме, посланной в ночь на 20 декабря контр-адмиралом Жуковым и дивизионным комиссаром Кулаковым от имени Военного совета Черноморского флота Верховному Главнокомандующему.

О содержании телеграммы я знал тогда со слов Ивана Ефимовича Петрова лишь в общих чертах. Мне не подумалось, что на нее уже мог последовать какой-то ответ, когда днем 20-го, после короткого телефонного разговора с Жуковым, командарм сообщил, что едет с членом Военного совета армии Кузнецовым на командный пункт СОР.

Вернулись они довольно скоро, оба радостно возбужденные, хотя на фронте за это время, как мне было точно известно, ничего утешительного не произошло. Скорее, наоборот, особенно в третьем секторе...

— Есть важные новости,— улыбнулся Иван Ефимович, проходя к себе.— Зовите Рыжи и Ковтуна, расскажу всем вам сразу.

Новости были действительно поважнее тех местных, о которых я приготовился доложить командарму. Контр-адмирал Жуков, оказывается, вызывал Петрова и Кузнецова, чтобы познакомить с только что принятой директивой Ставки, целиком относившейся к Севастополю.

Ставка приказала командующему Закавказским фронтом (это был не первый пункт, но в тот момент самый для нас главный, и генерал Петров с него начал) немедленно отправить в Севастополь стрелковую дивизию или две стрелковые бригады и еще не менее трех тысяч человек пополнения, а также снаряды необходимых калибров, помочь нам авиацией. Вице-адмиралу Октябрьскому предписывалось вернуться с Кавказа в Севастополь. Севастопольский оборонительный район подчинялся во всех отношениях Закфронту.

Почти каждая фраза директивы содержала слово «немедленно». И требования Ставки начали выполняться на Кавказе (вероятно, там получили директиву немного раньше, чем ее передали в Севастополь) с поразившей нас тогда быстротой.

Еще до конца дня мы узнали, что в Приморскую армию передаются из состава 44-й армии Закавказского фронта 345-я стрелковая дивизия, 79-я стрелковая бригада, отдельный танковый батальон... Кроме того, мы дол-

жны в течение трех дней получить десять маршевых рот.

А вечером стало известно: из Новороссийска уже вышел в Севастополь отряд боевых кораблей — два крейсера и эсминцы — под флагом командующего флотом. На борту кораблей, как радировал вице-адмирал Октябрьский контр-адмиралу Жукову, находилась хорошо вооруженная стрелковая бригада.

В фильме, посвященном обороне Севастополя, о котором я уже упоминал, есть такая сцена: услышав эту новость, мы на командном пункте кричим «ура». Пусть на самом деле было немножко не так. Факт выхода с Кавказа группы кораблей представлял такую тайну, что тем, кому следовало ее знать, это сообщалось шепотом. Но к автору фильма Л. Н. Саакову у меня тут претензий нет, ибо по смыслу своему эта сцена правдива: крикнуть «ура» действительно хотелось. И наверное, не мне одному.

Помощь шла как нельзя более вовремя. Обстановка под Севастополем приближалась к тому состоянию, которое называют критическим.

НАША ВЗЯЛА!

В какой-то мере повторялось пережитое три месяца назад в Одессе. Тогда тоже, из того же Новороссийска, посылалась по указанию Ставки Верховного Главнокомандования срочная помощь нашей армии — дивизия полковника Томилова. И тоже, пока эта помощь шла, развитие событий приобретало такой характер, что имел значение каждый час.

Но теперь казалось, что в сентябре под Одессой было все-таки легче. Да и не только казалось: наступавший противник был не так силен, не так упорен и в тот момент еще нигде не находился ближе десяти-двенадцати километров от города.

А под Севастополем 20 декабря потребовалось спешно создать заслон на запасном рубеже вблизи Восточного Инкерманского маяка, еще никогда до того не упоминавшегося в оперативных сводках, — менее чем в четырех километрах от Северной бухты. К Мартыновскому оврагу выдвигались в качестве противотанковых снятые со своих позиций зенитные батареи со строжайшим наказом не открывать огня по самолетам, дабы преждевременно себя не обнаружить.

После моего доклада об обстановке на 14 часов командарм приказал передать коменданту третьего сектора генералу Коломийцу наш единственный танковый батальон и стрелковый батальон береговой обороны — последний армейский резерв. Они предназначались вместе с небольшими резервами сектора для контратак, необходимых, чтобы пресечь вклинивание врага в глубину обороны.

Задача проложить путь к Северной бухте с востока (в то время как другие соединения пробивались к ней с севера) возлагалась немецким командованием на 24-ю пехотную дивизию. Вскоре мы располагали тек-

стом приказа, полученного ее командиром из штаба 54-го корпуса: «К исходу четвертого дня боев, используя все возможности, прорваться к крепости Севастополь и немедленно доложить о достижении цели». Таким образом, показания пленного из 47-го полка подтвердились: Манштейн планировал взять город не позже 21 декабря.

В полосе наступления этой дивизии оборонялись 54-й Разинский стрелковый полк майора Н. М. Матусевича и 3-й морской подполковника С. Р. Гусарова. За первые три дня штурма они не дали противнику продвинуться ни на шаг. Фашистскую пехоту подпускали на полтораста-двести метров и встречали сосредоточенным точным огнем, которого та не выдерживала. Гранатометчики, сидевшие в ячейках впереди траншей, имели приказ не расходовать гранаты, пока немцы не подойдут на пятьдесят метров. И атаки захлебывались. Трупы своих солдат, сотнями лежавшие в ничейной полосе, гитлеровцы не пытались выносить даже ночью. Комендант сектора считал, что 24-я немецкая дивизия потеряла в эти дни не меньше трети своего состава.

И все же два стойко державшихся полка не уберегли свой стык. Нажав на этом участке, прикрывая группы автоматчиков танками, противник врезался между ними. Из нескольких клиньев, которые гитлеровцам удалось образовать в тот день, этот был наиболее опасен.

Прорвавшиеся подразделения врага могли повернуть на командный пункт Чапаевской дивизии (где он находится, немцы почти наверняка знали), однако даже это их не соблазнило. Пренебрегая тем, что окажутся в мешке, если мы заткнем пробитую брешь, они упорно лезли дальше в сторону Северной бухты. Очевидно, им было приказано продвигаться туда любой ценой — срок, данный командиру 24-й дивизии, истекал...

Генерал Коломиец принимал энергичные меры для восстановления стыков. Разинцы, чтобы соединиться с полком Гусарова, пошли в штыковую атаку. Но ликвидировать разрыв между двумя полками, достигший нескольких сот метров, а может быть и километра, было уже не так-то просто.

В дополнение к тому, что передавалось в третий сектор из армейского резерва, мы перебросили туда для ликвидации мелких групп гитлеровцев, просочившихся на левом фланге, роту автоматчиков из 773-го полка, дейст-

вовавшего в четвертом секторе. (Позже в тот же день командарм решил для удобства боевого управления переподчинить генералу Воробьеву и два остальных полка 388-й дивизии, которые занимали оборону вдоль Камышловского оврага, с оставлением их на тех же позициях. Тем самым с Коломийца ответственность за этот участок снималась, а фронт четвертого сектора на время расширялся вправо.)

Там, в четвертом, тоже продолжались ожесточенные бои, и самые тяжелые — опять на участке Кудюрова. Проводная связь с кавдивизией прервалась. Командарм передал на ее КП по радио: «Сдерживать противника сколько можно, использовать выгодные рубежи. Утром 21-го ожидайте поддержку. Пока помогу самолетами». По радио же была передана благодарность Военного совета армии 149-му кавполку Калужского за особую стойкость, и отдельно — эскадрону младшего лейтенанта Ткаченко.

Полк этот по числу бойцов соответствовал теперь почти что роте, эскадрон — взводу, но прорвать здесь нашу оборону вражеские танки и пехота по-прежнему не могли. А комэск Ткаченко со своими бойцами сумел захватить при ночной вылазке немецкую противотанковую пушку со снарядами. Присоединенная к нашим, она тоже била по наседающим гитлеровцам.

Остатки кавдивизии давно следовало бы отвести с переднего края, однако заменить их было пока нечем. Да и нужны были эти несгибаемые ветераны, сколько бы их ни осталось в строю, сейчас именно на передовой. Ценя их как костяк, способный цементировать оборону, мы пошли на то, что временно присоединили к 154-му кавполку подполковника А. К. Макаренко, у которого своих людей оставалось всего несколько десятков, соседний 773-й стрелковый полк, потерявший в бою только что назначенного нового командира капитана Е. И. Леонова, вчерашнего комбата из 8-й бригады морской пехоты.

Среди фронтовых событий дня было и отрадное: части второго сектора вновь заняли высоту с Итальянским кладбищем. Но восстановить положение на участках 3-го морского и Разинского полков до вечера не удалось.

В отличие от прошлых суток активность противника не прекращалась и с наступлением темноты. Из двух секторов сообщили, что немецкие солдаты — этого в декабре

еще не бывало — идут в атаку без шинелей, в одних мундирчиках.

Мороз ослабел, но все же форма была не по погоде. Когда несколько полузамерзших немцев сдались в плен, мы узнали, что шинели у них отобрали перед атакой, причем было сказано: «Получите в Севастополе». В Севастополе обещали и обед. Командиры фашистских дивизий делали отчаянные попытки выполнить срывавшийся план, уложиться в назначенные Манштейном, а может быть и кем-то выше, сроки.

К тому часу, когда мы обычно подводили итоги дня, этот боевой день еще не кончился и положение оставалось весьма напряженным. Единственное, что можно было сказать: наш фронт не прорван. Вклинивания, которые произошли в третьем секторе, прорыва обороны еще не означали.

Мелкие группы противника, оказавшиеся у нас в тылах, в основном были уже ликвидированы. Однако группа, что прорвалась между полками Матусевича и Гусарова (батальон или больше), закрепилась на двух безымянных высотках и в примыкающих к ним лощинах Мекензиевых гор. И поскольку разрыв в линии фронта еще не был полностью перекрыт, она могла даже получить подкрепление.

Покончить с этими гитлеровцами, засевшими очень близко от бухты и города и, несомненно, имевшими задачу облегчить прорыв сюда всей 24-й дивизии, которая по замыслу врага, очевидно, должна была где-то соединиться с передовыми частями 132-й пехотной, атакующими с другого направления, следовало побыстрее. Характер местности не позволял надеяться, что здесь справятся одни артиллеристы и летчики. Но о том, чтобы генерал Коломиец снял какие-либо подразделения у себя с фронта, не могло быть речи.

Словом, позарез требовался резервный ударный батальон — 500—600 смелых бойцов с грамотным и решительным командиром. Командарм переговорил с контр-адмиралом Жуковым, и Гавриил Васильевич обещал, что людей найдет: в большом хозяйстве возглавляемой им военно-морской базы, должно быть, еще оставались известные ему резервы.

А дать в батальон командира должен был штаб армии. Перебрав по памяти возможных кандидатов, мы остано-

вились на майоре-пограничнике Шейкине как на самом надежном. Он формировал наш пограничный полк, а затем, передав его Рубцову, стал у него заместителем.

Я знал Касьяна Савельевича Шейкина по Одессе. Там его батальон отличался не раз, а однажды перебрасывался на прорывный участок фронта, где помог восстановить положение. Из разговора с Шейкиным запомнилось: на военной службе он, как и я, с девятьсот девятнадцатого года, в Красную Армию пришел с Путиловского завода...

Получив по телефону приказание явиться на КП армии, Шейкин прибыл из-под Балаклавы так быстро, что было ясно — на сборы не потратил и пяти минут. Он предстал передо мною в безупречно сидящей, перетянутой ремнями шинели с зелеными петлицами пограничника, на груди — автомат и бинокль, на боку — полевая сумка.

Я объявил майору приказ: вступить в командование батальоном моряков, который только что сформирован и перебрасывается на машинах в район кордона Мекензи № 1, куда доставят сейчас и его. Сколько будет бойцов, выяснится на месте. Командиры рот назначены с батарей береговой обороны, батальону придаются три танкетки.

Вошел командарм и сам объяснил Шейкину остальное.

— Представитель штаба сектора встретит вас у кордона Мекензи и уточнит задачу и обстановку, — закончил он. — Запомните одно: немцы, прорвавшиеся в наши тылы, должны быть уничтожены.

Вопросов майор не задавал: детали виднее вблизи, а главное и так ясно. Если бы самого Шейкина спросить, имей мы на это время, как он смотрит на неожиданное задание, он, наверное, сказал бы, что трудно вести в бой совсем незнакомых людей: у пограничников командиры, как нигде, привыкли знать каждого бойца.

Новый батальон вряд ли мог начать действия раньше утра, но все равно у Шейкина оставались на знакомство с подчиненными и подготовку их к бою считанные часы. Однако в таком же положении оказался бы и любой другой комбат: батальон был сборный, люди из разных подразделений.

Командарм и я крепко пожали майору руку, пожелали боевой удачи. Наверху его уже ждала машина.

Отряд кораблей вышел из Новороссийска с таким расчетом, чтобы быть в Севастополе ранним утром, еще до рассвета, 21 декабря. Но его задержал сперва шторм, не дававший идти полным ходом, а затем густой зимний туман у берегов Крыма, крайне затруднявший выход на пролегающие среди минных полей севастопольские фарватеры — радиолокаторов флот в ту пору еще не имел.

Прошло утро, вступил в свои права день, а кораблей все еще не было. Чувствовалось, как у севастопольских моряков нарастает тревога за них, передававшаяся и нам. А мы еще не знали, что корабли, маневрирующие где-то в тумане и, очевидно, соблюдающие радиомолчание, не удалось обнаружить высланному им навстречу тральщику и летавшим далеко над морем самолетам.

Над городом ни тумана, ни значительной облачности не было. В таких условиях среди бела дня в Севастополь уже давно не входил ни один корабль. Обеспечение подхода к осажденному городу отряда в составе двух крейсеров, лидера и двух эсминцев превращалось в целую операцию. Береговые батареи и тяжелые армейские артполки получили приказ всей силой огня подавлять вражескую дальнобойную артиллерию, как только она начнет обстреливать фарватеры. Севастопольская авиагруппа, оказывавшая все эти дни очень действенную помощь нашей пехоте бомбоштурмовыми ударами по атакующему противнику, сейчас держала большинство самолетов на аэродромах в готовности прикрывать корабли.

А бои на суше становились тем временем все ожесточеннее. Из четвертого сектора еще рано утром доложили: на правом фланге немцы в первую же атаку пехоты ввели группы танков. Это был признак того, что враг, не добившись решающего успеха в полосе третьего сектора, по-видимому, опять перемещает центр тяжести главного удара.

Однако третий сектор был оставлен в покое ненадолго. Сильные атаки на всем его фронте возобновились после полудня (возможно, немецкое командование рассчитывало, что к этому времени мы ослабим там оборону, передвинув какие-то части на смежный фланг четверто-

го, но маневрировать нам было нечем). В стык разинцев и Гусарова, где накануне прорвался батальон, теперь окруженный, но еще не уничтоженный, ломились два фашистских полка...

На правом крыле севастопольского обвода, во втором секторе, гитлеровцы тем временем ввели в наступление свежую 170-ю пехотную дивизию. Переброску ее с Керченского полуострова наши разведчики установили давно, но в боях, во всяком случае в полном составе, она участвовала впервые.

Итак, Манштейн бросил на штурм Севастополя шестую по счету дивизию (не считая румынских частей) — последнюю, которую сейчас тут имел. Это подтверждало, что враг идет на все, чтобы добиться цели.

В этот же день был отмечен обстрел наших позиций и тылов орудиями более крупного калибра, чем до сих пор: двенадцати- или четырнадцатидюймовыми.

О состоянии наших войск в боевом донесении, подготовленном в штарме утром 21-го, говорилось следующее: «За четверо суток армия потеряла убитыми и ранеными свыше 5 тысяч человек. В стрелковых батальонах в среднем осталось по 200—300 бойцов... Резервов нет, все введены в бой».

Главные события дня были, однако, еще впереди.

В четвертом секторе, на его правом фланге, на участке, прикрытом, казалось, не хуже, чем соседние, не устояли под вражеским натиском два полка дивизии Овсеенко.

Продвинувшись здесь, противник овладел, в частности, двумя небольшими (отметки — 64,4, 57,8), однако очень важными высотками, запиравшими, пока они находились в наших руках, выход из Бельбекской долины. Заняв их, немцы получали возможность подтягивать силы в направлении станции Мекензиевы Горы, создавая в то же время угрозу тылам третьего сектора.

Ухудшение положения на этом участке было слишком серьезным, чтобы откладывать бой за возвращение утраченных позиций до того, как в строй армии вступит прибывающее с Большой земли подкрепление. Командарм надеялся, что, пока немцы не закрепились на захваченных высотах, их удастся выбить оттуда наличными силами, и потребовал немедленно организовать контратаку.

Вернуть прежний рубеж поручалось тем же двум полкам Овсеенко, усиленным саперным батальоном и еще некоторыми подразделениями. Одновременно принимались меры, чтобы не дать противнику продвинуться на соседних участках.

Но контратака успеха не имела.

Привязанный напряженностью обстановки к средствам штабной связи, то и дело получая доклады, на которые требовалось немедленно реагировать, я не смог подняться наверх, когда корабли с войсками входили, а точнее — прорывались, в севастопольские бухты. Тем более что командарм уехал встречать командующего СОР и прибывающую бригаду.

Корабли подошли к Севастополю около часу дня.

После того как не состоялась их встреча с тральщиком, который вывел бы отряд на нужный фарватер (туман над морем все еще не рассеялся), вице-адмирал Октябрьский принял решение приблизиться к берегу Крыма южнее Севастополя, ориентируясь по приметному, не закрытому туманом гористому мысу. А затем выйти — вдоль побережья, занятого противником, но зато при хорошей видимости, полным ходом — на запасной фарватер.

Этот маневр оправдал себя. Вынырнув из тумана, корабли появились вблизи берега неожиданно, а Севастополь был уже близко. Организовать массированный удар с воздуха немцы не успели.

Первые группы бомбардировщиков настигли отряд, когда до порта оставалось несколько миль. И наши «ястребки» — все, сколько их было, уже вступили в охранение кораблей.

Как потом я узнал, в воздухе находился и сам генерал Остряков. Перед вылетом он наказал своим летчикам: сегодня в бои с «мессерами» не ввязываться, за «юнкерсами» тоже не гоняться, а сосредоточиться на одном — разбивать строй бомбардировщиков, не дать им сбрасывать бомбы на корабли.

На этих последних перед Севастополем милях кораблям угрожала и вражеская артиллерия. Ее позиции проштурмовали «илы». По немецким батареям открыли огонь наши. И все же снаряды падали и рвались вокруг кораблей. А узость стиснутого минными полями фарвате-

ра лишала моряков свободы маневра, не позволяла применять зигзаг, уменьшающий вероятность попаданий. Оставалось одно — выжимать из машин всю возможную скорость.

С бруствера над КП наши товарищи видели грозную картину: море, испещренное белопенными фонтанами от бомб и снарядов, схватки десятков самолетов над ним. И колонну кораблей, прорывающуюся на внутренний рейд, в бухты сквозь огонь, в грохоте боя...

Глядя издали, трудно было поверить, что корабли останутся невредимыми. Особенно — концевой, который отстал от других (это был «Незаможник», старый эсминец, имевший меньшую скорость, чем остальные корабли отряда).

Однако, как вскоре стало известно, корабли, да и то не все, получили лишь незначительные повреждения палубных надстроек осколками. Потерь в людях не было. Смелый прорыв удался вполне! И как ни много сделали для его успеха севастопольские летчики и артиллеристы, следовало отдать должное прежде всего мужеству и мастерству моряков, командиров крейсеров и эсминцев А. М. Гущина, А. И. Зубкова, П. А. Мельникова, П. А. Бобровникова, В. М. Митина.

В бухтах, которые тоже обстреливались, отряд стремительно рассредоточился. Крейсер «Красный Крым» вошел в Южную, остальные корабли повернули в Северную. «Красный Кавказ» — он имел на борту штаб бригады и наибольшее количество бойцов и техники — ошвартовался в Сухарной балке.

Это место высадки давало сейчас двойную выгоду. Во-первых, Сухарная балка благодаря конфигурации ее обрывистых склонов представляла собой мертвое пространство для неприятельской артиллерии, и те же скалы, нависающие над причалом, затрудняли фашистским самолетам прицельную бомбежку. А во-вторых — обстоятельство, в той обстановке немаловажное, — войска высаживались в непосредственной близости к самому напряженному участку фронта.

В соседней Клеопальной балке разгружался лидер «Харьков». Высадка людей, выгрузка техники шли в высоком темпе. Представители штарма, встречавшие под-

крепление, рассказывали, как бойцы с полной выкладкой прямо ссыпались по корабельным трапам, все команды выполняли бегом — любо посмотреть...

Так прибыла на защиту Севастополя 79-я стрелковая бригада, насчитывавшая около четырех тысяч бойцов. Треть их составляли моряки. Это была одна из бригад, которые по решению Государственного Комитета Обороны, принятому в октябре 1941 года, формировались из личного состава Военно-Морского Флота (иногда полностью, а иногда, как в данном случае, только с «прослойкой» моряков) для боевых действий на сухопутных фронтах.

Эта часть всегда оставалась в Приморской армии олицетворением боевого братства матросов и солдат, сухопутных и флотских командиров.

Командовал бригадой полковник Алексей Степанович Потапов, известный приморцам по Одессе.

Там он (еще в звании майора) возглавлял первый присланный из Севастополя отряд моряков-добровольцев, с которым однажды в ходе жарких боев в западном секторе прорвался в неприятельские тылы и совершил по ним на свой страх и риск дерзкий рейд, вызвав в стане врага немалый переполох. За такое партизанство он заслуживал строгого внушения, однако достоин был и награды за нанесенный противнику урон. И надо сказать, получил и то, и другое.

В той вылазке ярко проявилась натура Потапова — командира не очень расчетливого, увлекающегося, но смелого, решительного, способного с верой в успех идти напролом.

Старым знакомым оказался и военком бригады полковой комиссар Иван Андреевич Слесарев: в сентябре, когда под Одессой наносился контрудар, он был комиссаром морского полка, высадившегося у Григорьевки.

79-я бригада должна была в составе 44-й армии Закавказского фронта участвовать в Керченско-Феодосийской десантной операции и, кажется, предназначалась для первого броска в Феодосию, для захвата порта. Не имея права до последнего момента (который так и не наступил) объявить это подчиненным, Потапов и Слесарев тем не менее сумели подготовить бригаду как ударную часть, где весь личный состав считал, что будет выполнять какое-то особо ответственное задание. С этим внутренним

зарядом потаповцы — так они себя называли — и прибыли в Севастополь. Командарм Петров сразу заметил и оценил высокий боевой настрой этой части.

Встретившись с А. С. Потаповым, с начальником штаба майором И. А. Морозовым и другими командирами бригады немного позже, я тоже не мог не ощутить их боевого духа. Производила впечатление общая убежденность командного состава, что бойцы бригады — это герои-богатыри, которым любая задача по плечу.

Потапов, как и большинство окружавших его командиров, был в морской форме. От Одессы у Алексея Степановича осталась памятка: плохо двигалась левая рука, раненная в той самой вылазке. Потапов как-то посуровел лицом и выглядел теперь лет на пять старше. Очевидно, наложили свой отпечаток и госпиталь, где он вряд ли пробыл положенный срок, и ответственность за доверенную крупную часть. Да и понимал, конечно, что раз бригаду отстранили от операции, к которой она специально готовилась, и так спешно перебросили сюда, то, значит, жди задачу еще потруднее...

В некоторых работах об обороне Севастополя можно прочесть, будто бригада Потапова сразу после высадки, чуть не прямо с причалов, пошла в контратаку. Но чего не было, того не было. При всей серьезности положения мы все же обошлись без того, чтобы бросать драгоценное подкрепление в бой без элементарно необходимой подготовки.

Верно, однако, что батальоны 79-й бригады немедленно начали выдвигаться к исходным позициям, с которых должны были совместно с другими частями контратаковать противника на следующее утро.

Под КП бригады отвели домик дорожного мастера в километре южнее кордона Мекензи № 1, по соседству с передовым армейским наблюдательным пунктом. Как-то сразу его начали называть домиком Потапова (это не забылось даже много лет спустя, в чем я убеждался, бывая в Севастополе после войны).

Как свидетельствует журнал боевых действий, в этом домике в 18 часов 45 минут 21 декабря командарм отдал полковнику Потапову первое боевое распоряжение: к 6.00 22-го сосредоточить бригаду в районе кордон Мекензи — станция Мекензиевы Горы и быть к 8.00 в готовности атаковать врага.

Зимний день короток. Светлого времени на рекогносцировку уже не оставалось. Но в каждую роту бригады дали проводников, хорошо знающих местность, — командиров подразделений из богдановского полка, из батальона дотов и других частей.

Прежде чем говорить о дальнейших событиях, доскажу то, к чему потом уже трудно было бы вернуться.

21 декабря достиг своей кульминации подвиг сражавшихся за Бельбекской долиной спешенных конников, которых в оперативных документах все еще называли 40-й кавалерийской дивизией.

Конники стояли насмерть. Каждое из их подразделений, совершенно условно именовавшихся полками, за этот день вновь отбило по несколько атак немецких танков и пехоты. «Держимся и будем держаться», — передал около 16 часов командир 149-го кавполка. Это было его последнее донесение: через несколько минут подполковник Л. Г. Калужский пал смертью героя, руководя отражением новой танковой атаки.

Бой разгорелся вслед за тем у командного пункта дивизии. В 17 часов младший лейтенант Сапожников доложил оттуда по телефону в штаб сектора:

— Полковник Кудюров убит. Танки противника у нашего КП. Больше говорить не могу, ликвидируйте мои позывные...

Подробности стали известны немного позже. Командир дивизии Филипп Федорович Кудюров, заменив убитого наводчика, встал к противотанковой пушке. Погиб он при прямом попадании танкового снаряда в это орудие.

Танки прорвались у командного пункта комдива и в стыке двух кавполков (в одном из них к этому часу насчитывалось 80 бойцов, а в другом лишь немногим больше). Но бойцы остались на своем рубеже, сумели огнем отсечь от танков наступавшую за ними пехоту, и атака в целом успеха не имела. Переброской на этот участок разведбата 95-й дивизии и саперного батальона положение на нем было окончательно восстановлено. В командование остатками кавдивизии (вскоре отсюда отведенными) вступил начальник ее штаба И. С. Стройло.

Гибель Кудюрова, ветерана гражданской войны, тяжело пережил генерал Петров.

— Похороним Филиппа Федоровича на Малаховом кургане, — решил командарм.

Это была высшая посмертная почесть, какую мы могли оказать геройскому комдиву. Впоследствии, после войны, прах его перенесли на севастопольское Кладбище коммунаров.

Храбрые конники дорого отдавали свои жизни. По самым скромным и, вероятно, неполным подсчетам, они уничтожили в декабрьских боях до полутора тысяч гитлеровцев, надолго задержали на своем участке продвижение врага.

Стойкость была на севастопольских рубежах правилом, нормой, нестойкость — исключением из правила. Именно потому гитлеровцы, хотя они вновь завладели такой важной позицией на главном оборонительном рубеже, как высота 192 у селения Камышлы, не смогли до исхода дня существенно развить свой успех. Выстоял, заняв еще раз круговую оборону, малочисленный полк Дьякончука, отбили все атаки на своих участках 8-я бригада морской пехоты и полк Белюги, не дали немцам обойти свой фланг чапаевцы.

...Докончу и о майоре Шейкине, которому в ночь на 21-е было приказано возглавить батальон моряков и уничтожить закрепившийся в тылах третьего сектора неприятельский отряд неизвестной численности — авангард 24-й немецкой дивизии.

Когда пишут или рассказывают про этот батальон, обязательно вспоминают курьезную, позабавившую всех деталь: часть краснофлотцев, доставленных на машинах в исходный район, имела при себе, кроме оружия и боевого снаряжения, скатанные валиками пробковые матрацы. Это, конечно, удивило как Шейкина, так и коменданта сектора генерала Коломийца, лично прибывшего к кордону Мекензи встретить моряков и объяснить им задачу. А те отвечали, что матрацы, мол, казенное имущество, бросать которое не положено.

В подразделениях, где спешно набрали этих краснофлотцев, могли не знать, куда они посылаются, и хозяйственные старшины велели им взять к новому месту службы свернутые, как принято на флоте, матросские

койки. Кто-то снабдил их даже культинвентарем — гитарами, балалайками...

Большинство краснофлотцев до этой ночи друг друга не видели. Но моряки знакомятся быстро. Хуже было то, что они никогда не воевали на суше. А бой предстоял с опытным противником, и вдобавок в горно-лесистой местности, где много значит подготовленность самых мелких подразделений к самостоятельным действиям. Майор Шейкин рассказывал потом, как угнетало его, что нет хотя бы дня на тактические занятия.

Комбат, комиссар батальона старший политрук Шмидт и начальник штаба старший лейтенант Алексеев (они тоже встретились впервые) разбили краснофлотцев, которых набралось до пятисот человек, на три роты. И распределились сами — кому с какой ротой идти в бой.

Начарт сектора организовал артиллерийскую подготовку и обеспечил огневую поддержку по ходу атаки.

Бой был тяжелым. Приданные три танкетки оказались бесполезными: они застревали в чащобе и на пнях. Противник, очевидно поддерживавший со своим окруженным отрядом радиосвязь, пытался помочь ему сильным артиллерийским огнем, а отряд имел минометы.

Рота, которую вел начштаба батальона, полегла почти целиком, погиб и старший лейтенант Алексеев, артиллерист с береговой батареи. Не раз сам майор Шейкин возглавлял атаки, ложился к пулемету. Краснофлотцы били фашистов гранатами и штыком, пускали в дело только что захваченные немецкие автоматы.

Как заявил комендант сектора, результаты их действий превзошли все его ожидания. Ударный отряд гитлеровцев, прокладывавший путь своей дивизии, был разгромлен. Там, где прошел наш сборный батальон, остались несколько сот убитых немецких солдат и офицеров, все их оружие. Десятка два уцелевших фашистов сдались в плен. Если кому и удалось уйти по заросшим кустарником балкам, то только единицам.

Словом, батальон Шейкина выполнил свою задачу до конца. Войдя в азарт, моряки вырвались даже за линию фронта, существовавшую до начала штурма, побывали в немецких окопах, а затем вернулись в прежние наши, окончательно перекрыв разрыв, возникший между двумя полками третьего сектора.

И выбить их оттуда врагу уже не удалось.

«Рубеж, которым овладел батальон Касьяна Шейкина в трудные декабрьские дни, — свидетельствует генерал Трофим Калинович Коломиец, — оставался в наших руках вплоть до последнего, июньского штурма города».

Батальон понес немалые потери. Точных сведений о них мы, правда, не получили. Сомкнув собою разобщенные врагом полки, моряки вливались в тот и в другой. В той обстановке это было естественно: роты и взводы, потерявшие в бою командиров, подчиняла себе соседняя часть, ибо в пополнении нуждались все.

Остался в третьем секторе и майор-пограничник Касьян Савельевич Шейкин. Ему суждено было стать чапаевцем, начальником штаба 54-го Разинского полка.

А героический бой батальона, существовавшего как отдельная часть меньше двух суток, не успевшего получить никакого номера или названия, вошел пусть короткой, но яркой страницей в летопись Севастопольской обороны.

К ночи на 22 декабря положение под Севастополем определялось прежде всего тем, что противник, преодолев Камышловский овраг, непосредственно угрожал станции Мекензиевы Горы — ключевой позиции на подступах к Северной бухте. Возрастала также опасность прорыва гитлеровцев к Инкерману.

Осложнилась обстановка и у Ялтинского шоссе, в долине реки Черная: введенная здесь в бой свежая немецкая дивизия ценою больших потерь захватила Верхний и Нижний Чоргунь.

Окажись враг на этих рубежах двумя сутками раньше, наши дела были бы совсем плохи. По уточненным данным, потери защитников Севастополя с начала штурма составляли уже около шести тысяч ранеными и не менее двух тысяч убитыми. Вышло из строя 22 полевых и 15 береговых орудий... Но срочные меры, которые приняла Ставка, давали уверенность, что ход событий может быть повернут в нашу пользу.

Вслед за кораблями, доставившими бригаду Потапова, прибыл из Поти лидер «Ташкент» со снарядами самых нужных калибров. В бухтах, еще прошлой ночью пустынных, сосредоточился отряд кораблей, артиллерия которых — около пятидесяти дальнобойных орудий —

могла поддержать утром действия наших войск. Крейсер «Красный Кавказ» вел огонь по позициям противника и ночью.

А в Туапсе уже грузилась на суда 345-я стрелковая дивизия. Транспорт «Жан Жорес» шел в Севастополь с батальоном танков.

Мы знали, что и войска, и корабли, посылаемые к нам, отрываются от наступательной операции, готовящейся на востоке Крыма (с прибытием многих предполагавшихся ее участников о ней стало кое-что известно). И это еще раз подтверждало, какое значение придает удержанию Севастополя Верховное Главнокомандование. А та операция, как можно было понять, хотя и откладывалась, но, видимо, ненадолго.

...Во втором часу ночи закончилось планирование утренней большой контратаки. Документы напоминают, что тогда мы называли ее контрударом. В случае полного успеха он мог закончиться разгромом камышловской группировки противника — частей, вклинившихся в нашу оборону в районе Камышловского оврага. Но важнее всего было вернуть позиции на главном оборонительном рубеже, утраченные накануне.

Как основная ударная сила рассматривалась, конечно, бригада Потапова. Справа от нее предстояло наступать 287-му полку Чапаевской дивизии, слева — двум полкам 388-й. Подготовке последних было уделено особое внимание. Оперативные работники штарма и политотдельцы провели ночь в их подразделениях, старались ободрить людей.

Понеся значительные потери, дивизия Овсеенко все-таки насчитывала не меньше штыков, чем свежая 79-я бригада. Как же было не принимать ее в расчет? К тому же двум ее полкам не ставилась больше задача отбить прежние позиции одними своими силами, надо было лишь поддержать потаповцев.

Однако на участке этих двух полков контратака фактически не началась. Немцы возобновили здесь наступление раньше.

Так наступил момент, когда положение фронта за Северной бухтой стало в еще большей степени зависеть от бригады Потапова. Только ее удар по флангу камыш-

ловской группировки мог предотвратить новый прорыв врага, гораздо более опасный, чем вчерашний.

К счастью, первые впечатления о 79-й бригаде вполне оправдались. Во встречном бою, с которого ей пришлось начинать, она пересилила, подавила своим напором натиск противника. И, развивая успех, расширяя в ходе боя фронт контратаки, двумя эшелонами двинулась вперед — вдоль шоссе на Бельбек.

Не отставал и наступавший правее полк чапаевцев. Контратаку поддерживали артиллерийские части двух секторов, богдановцы, крейсера и эсминцы из бухты (только корабли выпустили в этот день около ста тонн снарядов).

К вечеру потаповцы достигли высот перед Камышловским оврагом. Прежняя линия фронта на этом участке была восстановлена почти полностью. Вышел из окружения (вторично в нем оказавшийся) полк капитана Дьякончука.

Сплоченная, уверенно управляемая, 79-я бригада в первый же день участия в боях показала себя отлично.

Но по-настоящему порадоваться ее успеху, которым уже снималась угроза району Инкермана, мешало то, что происходило левее: ведь перекрыть весь участок прорыва потаповцы все-таки не могли.

Командарм, встревоженный телеграфным разговором с генералом Воробьевым (комендант четвертого сектора не мог доложить точного положения частей 388-й дивизии, еще не выяснив этого сам), спешно выехал на Северную сторону. Петров взял с собой состоявшего в его распоряжении комбрига С. Ф. Монахова, бывшего командира 421-й дивизии и начальника Одесского гарнизона.

Новая опасность заключалась в том, что противник продвинулся к стоящей у моря Любимовке, угрожая отсечь наши войска, обороняющиеся за Бельбеком. По данным, которыми штарм располагал в тот момент, немцы находились от Любимовки километрах в четырех-четырех с половиной.

Какое решение примет командарм, уточнив обстановку на месте? Думая об этом над картой, я приходил к выводу, что северным приморским выступом севастопольского плацдарма, очевидно, придется пожертвовать: удержать его в создавшихся условиях не хватит сил.

И потому не удивился, когда приехавший через несколько часов Петров объявил:

— Воробьеву даны предварительные указания об отводе левофланговых частей к Бельбеку сегодня ночью. Если этого не сделать, они будут окружены. А сокращение фронта, надеюсь, поможет его стабилизировать.

Монахов с Петровым не вернулся. Командарм приказал ему вступить в командование 388-й дивизией. После того что произошло в этот день, оставлять ее под началом прежнего командира было нельзя.

С решением отвести войска на левом фланге согласилось командование СОР, и во второй половине ночи оно было осуществлено. Это касалось в первую очередь полка майора Белюги, продолжавшего удерживать прежний передний край за Качей, конников и морской бригады полковника Вильшанского (теперь на нее возлагалось прикрытие подступов к станции Мекензиевы Горы). Отвод означал ликвидацию 10-й береговой батареи капитана Матушенко, но на ней к этому моменту действовало лишь одно орудие.

Таким образом, с 23 декабря наш левый фланг должен был опираться на третий, тыловой, оборонительный рубеж и из самого отдаленного от города участка фронта стать одним из самых близких. Правда, не к центру, а к Северной стороне, за которой еще лежала широкая бухта. Любимовка становилась прифронтовой. Воробьев получил разрешение перенести свой командный пункт из совхоза имени Перовской ближе к бухте, в казематы Северного укрепления, оставшегося от первой обороны. Передний край приближался к 30-й батарее, что очень тревожило Моргунова и Кабалюка.

На сократившемся фронте четвертого сектора были уплотнены боевые порядки. Появилась даже возможность создать кое-какой резерв. Части и подразделения, наиболее измотанные в последних боях, мы рассчитывали постепенно выводить на переформирование.

А прежде всего выводились из района боев подразделения 388-й дивизии. Тогда, в декабре, не все ее полки были одинаковы. Выделялся с лучшей стороны 778-й; во всяком случае, до тех пор, пока не выбыл из строя из-за тяжелого ранения его первый командир майор И. Ф. Волков. Отличилась при отражении вражеских атак полковая школа под командой лейтенанта Жуковского.

Через несколько дней, после переформирования и укрепления командно-политическим составом за счет других частей (последнее было необходимо уже потому, что много командиров и политработников пали в боях), стрелковые полки 388-й дивизии заняли позиции во втором эшелоне южных секторов, где имелась возможность продолжать их доукомплектование и боевую подготовку.

23 декабря, на седьмой день с начала штурма и через двое суток по истечении срока, который немцы назначили себе для взятия Севастополя, наступило нечто вроде передышки. Вражеские атаки на разных участках от Чоргуня до устья Бельбека продолжались, но совсем не такие, как все эти дни,— редко где силами больше батальона.

Их успешно отражали и во втором секторе, и в четвертом, где к утру был закончен отвод наших войск из приморского выступа и ликвидированы в процессе сокращения фронта все образовавшиеся в нем бреши. А на левом фланге третьего, в состав которого вошла теперь бригада Потапова, вновь контратаковали мы.

Здесь удалось вернуть еще ряд высот у Камышловского оврага. Но некоторые пришлось за одни сутки занимать повторно: потаповцы, неотразимые в атаке, в броске, не очень умели закрепляться на отвоеванном рубеже.

Не могу не сказать, что 79-ю бригаду исключительно активно поддерживал правый сосед — 287-й стрелковый полк чапаевцев. В этот день его командир подполковник Н. В. Захаров по собственной инициативе, не упустив благоприятный момент, нанес противнику, связанному боем с потаповцами, крепкий удар во фланг, что в конечном счете и обеспечило бригаде и полку возможность продвинуться вперед, сбить врага с выгодных позиций. Имей сектор сильный резерв, этот успех можно было бы развить...

Пауза в штурме Севастополя означала, конечно, перегруппировку неприятельских войск для нового натиска. Атаками фашистских батальонов на отдельных участках, несомненно, прикрывалось выдвижение к фронту вторых эшелонов, подтягивание свежих сил.

Большие потери противника подтверждались многим. Среди пленных, взятых накануне 79-й бригадой, как и

среди убитых немцев, оставшихся там, где она прошла, попадались брошенные в бой саперы, солдаты из дорожно-строительных подразделений... Но мы не обольщались тем, что Манштейн уже исчерпал свои резервы.

Сведений о конкретных намерениях врага, о передвижении войск в его тылах было пока маловато. Низкая облачность затрудняла воздушную разведку. Не могло быть, впрочем, двух мнений насчет того, что северное направление в целом, где немцам удалось основательно нас потеснить, останется главным.

Тем важнее, считал командарм, разобраться в наших неудачах в четвертом секторе обороны. Списывать все происшедшее там на численный перевес противника он не хотел.

Войскам этого сектора, особенно правофланговым его частям, как и левому флангу третьего, выпали за минувшую неделю тяжелые испытания. И кто посмел бы упрекнуть полки 95-й дивизии или батальоны 8-й бригады в том, что, отбивая сильнейшие вражеские атаки, они не проявили мужества и стойкости! Как геройски дрались переброшенные сюда конники, как держался, не отходя без приказа ни на шаг, полк капитана Дьякончука, я уже говорил. Умело использовались, самоотверженно поддерживали пехоту артиллерийские части.

Но что касается общего боевого управления войсками в создавшейся сложной обстановке, то командование и штаб сектора оказывались порой не на высоте положения — так, во всяком случае, представлялось с армейского КП. Мы сталкивались с тем, что они запаздывают с принятием вполне осуществимых мер, проявляют недостаточно инициативы, предусмотрительности. Думалось, даже дивизию Овсеенко, хоть она и оказалась слабой подмогой, все-таки можно было использовать лучше, крепче держать в руках.

Вероятно, у генерала Петрова уже складывалось мнение, что в руководстве левым флангом обороны нужна замена, но слишком спешить с выводами он не хотел: должно быть, опасался поддаться субъективным ощущениям, проявить несправедливость. Решили, что в четвертом секторе поработает группа командиров штарма, сочетая проверку с практической помощью, а при первой возможности командарм и я побываем там вместе.

Нелетная погода благоприятствовала спокойной, без вражеских атак с воздуха, переброске с Большой земли частей 345-й стрелковой дивизии. Ее девять с половиной тысяч бойцов шли в Севастополь на четырех транспортах и нескольких военных кораблях.

Мы ожидали новую дивизию с некоторой настороженностью: было известно, что она не кадровая, сформирована недавно. И в то же время возлагали на нее большие надежды. Планы существовали такие: эту дивизию и ту, которая должна прибыть вслед за ней, — последнюю из подкрепления, выделенного нам Закавказским фронтом, постараться сохранить в резерве армии до момента, когда штурмующие Севастополь вражеские войска будут достаточно измотаны. А тогда ввести эти соединения в бой для восстановления севастопольского плацдарма в прежних границах.

Скажу сразу, что обстановка заставила использовать 345-ю дивизию иначе. Опасения же, не окажется ли она слабой по боевым качествам, оказались напрасными.

Из песни слова не выкинешь...

24 декабря 1941 года приказом по Приморской армии было объявлено, что в командование ею вступил генерал-лейтенант Степан Иванович Черняк, а генерал-майор И. Е. Петров, впредь до получения другого назначения, является его заместителем.

Два дня спустя, 26 декабря, последовал приказ о вступлении в командование войсками армии генерала Петрова и убытии генерала Черняка к новому месту службы.

Эти перемещения, естественно, нуждаются в пояснениях.

Незнакомый генерал, прибывший в Севастополь без всякого предупреждения на каком-то попутном корабле, появился у нас на КП на исходе ночи. На фронте все еще не происходило крупных событий, поэтому Петров и я спали. Бодрствовал майор Ковтун. Ему первому прибывший назвался новым командующим армией.

Огорошенный Ковтун разбудил Ивана Ефимовича и меня. Быстро встав, мы застали генерала за просмотром оперсводок. Он предъявил Петрову документ, подписанный командующим Закавказским фронтом.

Все это было как снег на голову.

Держался Черняк корректно, по отношению к Петрову, да и ко всем нам — уважительно. Петров, проявив огромную выдержку, ничем не выдавал своих переживаний. Не раз потом доводилось мне видеть военачальников, внезапно узнававших о своем смещении, но мало кто был в состоянии встретить это так, как тогда Иван Ефимович.

Над развернутой картой начался деловой разговор о состоянии фронта. Затем новый и старый командующие отправились вместе в войска.

Выдержка генерала Петрова послужила всем на КП примером. Взбудораженные новостью работники штарма занялись своими делами. Но общее недоумение, понятно, не рассеивалось. И ни я, ни комиссар штаба Глотов не могли этому помочь. Приходившие к нам товарищи не скрывали чувства горечи. Люди, близко соприкасавшиеся с Иваном Ефимовичем Петровым, глубоко уважали и любили его.

О генерале Черняке известно было мало. Кто-то из служивших у нас участников войны с белофиннами рассказал, что он командовал дивизией, отличившейся при прорыве линии Маннергейма, за что был удостоен звания Героя Советского Союза

В первые часы генерал-лейтенант Черняк вел себя, скорее, как представитель вышестоящего штаба, знакомящийся с положением дел в армии: всем интересовался, но ни во что не вмешивался.

Однако намерения нового командующего оказались не менее неожиданными, чем само его прибытие. Официально вступив в должность, он объявил, что принимает решение перейти частью сил армии в наступление на северном — северо-восточном направлении. Участвовать в нем должны были прибывающая 345-я дивизия, бригада Потапова, пополненные бригада Вильшанского и полк Дьякончука. Наступление назначалось на утро 27-го, точный час — по особому указанию...

Трудно допустить, чтобы подобное решение возникло в результате ознакомления нового командарма с тогдашней севастопольской обстановкой. Да и не мог еще он успеть в должной мере с ней познакомиться. Очевидно, такую задачу поставили перед ним в далеком Тбилиси, где находился штаб Закавказского фронта.

Приказ есть приказ, но план этого наступления мы с Ковтуном разрабатывали с тяжелым сердцем. Хотя задачи ставились ограниченные, представлялось оно преждевременным. Главная опасность виделась в том, что в условиях, когда противник не исчерпал своих возможностей продолжать штурм и сохраняет численный перевес, мы без крайней необходимости введем в бой единственное резервное соединение. Прорвись где-то враг, и серьезной силы, чтобы его остановить, у нас уже не останется.

В ночь на 26 декабря оперативные документы на наступление, включая плановую таблицу, были готовы. К этому времени немцы возобновили атаки на фронте четвертого сектора — в направлении станции Мекензиевы Горы и овладели высотами перед нею. Трудно было предвидеть, какие еще осложнения обстановки могут произойти, пока мы начнем наступать.

Конечно, командующий Севастопольским оборонительным районом мог вмешаться в чрезмерно рискованные действия своего нового заместителя по сухопутным войскам. Но вице-адмирал Октябрьский и Военный совет Черноморского флота стремились решить вопрос более радикально.

Вот какая телеграмма была отправлена из Севастополя в 13 часов 24 декабря, через несколько часов после прибытия к нам генерала Черняка:

«Экстренно. Москва. Тов. Сталину.

По неизвестным для нас причинам и без нашего мнения командующий Закфронтом, лично совершенно не зная командующего Приморской армией генерал-майора Петрова И. Е., снял его с должности. Генерал Петров толковый, преданный командир, ни в чем не повинен, чтобы его снимать. Военный совет флота, работая с генералом Петровым под Одессой и сейчас под Севастополем, убедился в его высоких боевых качествах и просит Вас, тов. Сталин, присвоить Петрову И. Е. звание генерал-лейтенанта, чего он, безусловно, заслуживает, и оставить его в должности командующего Приморской армией. Ждем Ваших решений. Октябрьский, Кулаков».

Решение Ставки Верховного Главнокомандования последовало через сутки с небольшим. Каким оно было, читателю ясно из сказанного выше.

Генерал-лейтенантом Иван Ефимович Петров тогда не стал, но нашим командармом остался. С. И. Черняк был вскоре отозван из Севастополя.

Я сознательно привожу полный текст телеграммы, которую мог бы пересказать короче. Добавлю, что оригинал ее, хранящийся в архиве, написан рукой Ф. С. Октябрьского. Упоминаю об этом, дабы отдать должное покойному Филиппу Сергеевичу. Отношения у него с И. Е. Петровым были сложными, срабатывались они не легко. Но этот документ — свидетельство того, как ценили Петрова и Октябрьский, и Кулаков.

Генерал Петров, человек самобытный и талантливый, бесспорно, принадлежит к выдающимся полководцам Великой Отечественной войны. Немногим больше года спустя после описываемых событий он командовал Северо-Кавказским фронтом. У Петрова бывали, в том числе и в севастопольский период, ошибки, просчеты. У кого из военачальников их не было!.. А одной из сильных его сторон являлась теснейшая связь с войсками, умение чувствовать их настроение и влиять на него. В этом смысле Петров превосходно сочетал в себе командира и комиссара. В свое время, в начале гражданской войны, он, кстати, и был комиссаром кавалерийской бригады.

В самые трудные дни Севастопольской обороны Иван Ефимович возвращался из частей воодушевленным. Стойкость, мужество бойцов и командиров заряжали его новой энергией. И, должно быть, часто помогали как бы иными глазами взглянуть на оперативную карту, когда обстановка на ней сама по себе выглядела малоутешительно. Фронт для него всегда был не линией на карте, а прежде всего сплоченной массой живых людей. В командарме, которого под Севастополем редкий солдат не знал в лицо, как бы концентрировались их воля, твердость духа, общая решимость одолеть врага.

Известие о том, что нашим командующим остается генерал Петров, встретили на командных пунктах соединений как большую радость. О штабе армии нечего и говорить. Все стало на свое место так быстро, что в некоторых подразделениях узнать о двойной смене командармов даже не успели.

Приказ на готовившееся наступление был отменен. Нереальность ставившихся в нем задач сделалась к тому времени очевидной. Противник возобновил штурм, сосре-

доточив на 9-километровом участке северного направления части трех пехотных дивизий — 22, 24 и 132-й (туда же вскоре была переброшена еще и 50-я).

Майор Потапов доложил, что, по полученным разведотделом сведениям, Манштейн назначил новый срок взятия Севастополя — 28 декабря.

Продолжать наступление с юго-востока, вдоль реки Черная, у немцев все-таки не хватило сил. Свежая 170-я дивизия, которую они ввели там в бой, потеснила нас у Чоргуня и на горе Госфорта, однако дальше продвинуться не смогла. Как утверждали пленные, она потеряла до половины личного состава. Войска второго сектора, возглавляемые полковником Ласкиным, остановили врага перед главным оборонительным рубежом, а кое-где и на передовом. Они не пустили гитлеровцев в Инкерманскую долину, не дали существенно приблизиться к Севастополю вдоль Ялтинского шоссе.

Это сделали немногочисленные, но стойкие полки Тарана, Шашло, Мухомедьярова, Горпищенко, 7-я бригада морской пехоты, которой после ранения Жидилова командовал комиссар Ехлаков. Только перед ее фронтом фашисты оставили тысячи трупов своих солдат.

Как известно всем, кто интересовался историей Севастопольской обороны, чоргуньско-черноречeнское направление осталось в декабрьском штурме вспомогательным. Но если бы гитлеровцы добились на нем большего успеха, оно запросто могло превратиться в направление главного удара. Местность тут позволяла шире, чем на Мекензиевых горах, использовать танки. Они, конечно, были бы введены в первый же прорыв. Но ни одного прорыва в своем секторе Иван Андреевич Ласкин не допустил.

Отлично поработали артиллеристы второго сектора (получая, когда требовалось, поддержку от соседей и береговых батарей). Кстати, сослужил службу пост артнаблюдения, который был по инициативе майора Золотова скрытно размещен на лесистой высоте за нашим передним краем: огневые налеты, направляемые оттуда, не раз накрывали скопления войск противника в его ближних тылах. А самого Алексея Васильевича Золотова, ветерана Приморской армии, уже не было в живых: на пути к одной из батарей начарт попал под разрыв немецкой мины...

После 24 декабря вражеские атаки, хоть и повторялись время от времени на этом направлении и иногда были довольно сильными, имели все-таки только отвлекающий характер.

А с севера враг нажимал все сильнее. От бухты его отделяло уже меньшее расстояние, чем было пройдено с 17 декабря. В штабе Манштейна, должно быть, считали: для достижения цели теперь достаточно одного хорошего рывка...

Но мы верили, что сумеем такой рывок пресечь.

Центром событий окончательно сделался район кордона Мекензи и пригородной станции Мекензиевы Горы. Борьба за эти подступы к Севастополю — уже не ближние, а ближайшие — становилась такой ожесточенной, какой не была еще нигде.

Станция Мекензиевы Горы представляла собой платформу с небольшим поселком. Она расположена в низинке, за туннелем, где часто укрывался наш бронепоезд. Из низинки не видны ни город, ни Северная бухта, но стоит подняться на соседнюю высотку с отметкой 60 — и все это как на ладони. До бухты отсюда меньше часа пешего хода. Здесь, судя по всему, и наметило немецкое командование к ней прорваться.

Как ни пополняли мы маршевыми батальонами части, прикрывающие центральный участок северного направления, скоро стало ясно, что без новой, резервной, дивизии здесь не обойтись.

От первоначального плана — сберечь 345-ю стрелковую в полном составе для будущего контрудара — пришлось отступить, собственно, еще до того как вся дивизия выгрузилась с транспортов. Полк, прибывший раньше других, попал, как говорили потом, с корабля на бал: надо было немедленно перекрыть опасный разрыв, возникший в стыке с третьим сектором. А кроме этого полка — нечем.

Это был 1165-й стрелковый полк майора Н. Л. Петрова. По тому, как он выполнил первую свою боевую задачу, сразу определилось, какую дивизию мы получили: хоть и необстрелянную, сформированную всего три месяца назад, но уже крепкую, попавшую, как видно, с самого начала в хорошие командирские руки. Вступив в бой с ходу, полк контратаковал гитлеровцев, наступавших на кордон Мекензи, отбросил их почти на полтора

километра и закрепился к вечеру на выгодном рубеже, закрыв образовавшуюся брешь.

Дался этот успех нелегко. Я знал еще только общую цифру потерь, когда ночью приехал с передовой начальник поарма Бочаров. Машинально достав записную книжку, куда он заносил необходимые сведения о политработниках армии (вплоть до политруков рот), но не раскрыв ее, Леонид Порфирьевич с горечью произнес:

— С комиссаром полка Александром Тимофеевичем Грудевым познакомиться не успел... Командир говорит, что был на редкость скромный человек, работал до войны секретарем горкома в Иванове. Погиб, ведя в контратаку батальон. Беспокоился, наверное, как бы не оплошали люди в первом своем бою...

Все бойцы в 345-й дивизии из запаса. Но в основном первоочередники, еще молодые. А начсостав кадровый, немало участников гражданской войны.

Комдив подполковник Николай Олимпиевич Гузь при встрече сказал о себе: «Я старый русский солдат». Как потом выяснилось, он получил в первую мировую два Георгиевских креста. Военком — старший батальонный комиссар Афанасий Маркович Пичугин тоже провел на военной службе почти всю сознательную жизнь. С комдивом они, это нетрудно было заметить, работали дружно.

Знакомство с начальником штаба дивизии полковником Иваном Федоровичем Хомичем началось у меня заочно: связисты соединили нас, как только он сошел на причал. От телефонного разговора осталось впечатление, что это человек энергичный, собранный и высококультурный. Таким он и оказался. Перед войной Хомич преподавал в академии, однако по натуре отнюдь не принадлежал к людям кабинетного склада, был волевым, решительным командиром (особенно это чувствовалось, когда начальник штаба оставался за комдива).

27 декабря понадобилось ввести в бой уже все три стрелковых полка Гузя. Оставив дивизию в непосредственном своем подчинении (мы надеялись потом вновь вывести ее в резерв), командарм возложил на нее оборону района станции Мекензиевы Горы. 345-я дивизия сменяла тут ослабленную тяжелыми потерями бригаду Вильшанского, полк Дьякончука, от которого осталось 30 человек, и приданные им подразделения, также предельно измотанные.

В связи с этой заменой осуществилось наше с Иваном Ефимовичем намерение, возникшее совсем по другому поводу,— вместе побывать за Северной бухтой.

Там все гремело. Пока добрались куда надо, пришлось полежать в кювете: пикировщики «Ю-87», вырываясь группами из-за облаков, штурмовали шоссе и соседние позиции, а дорогу впереди еще требовалось расчистить: ее перегородили упавшие столбы, клубки сорванных и спутавшихся проводов.

Участок и задачу каждого полка дивизии Гузя определили на месте. В домике Потапова, полюбившемся командарму, был составлен и подписан частный боевой приказ.

Петров сказал Гузю:

— Этого ни в каком уставе нет, но на ближайшее время примите к исполнению такую схему: от командира роты до бойцов в передовом окопе — сорок шагов, от командира полка — четыреста, ну а от вас — максимум 800—900. Иначе в такой обстановке и на такой местности управлять дивизией не сможете.

Между стрелковыми полками поделили — каждому по роте — прибывший одновременно с этой дивизией танковый батальон майора Юдина. Танки были не бог весть какие — Т-26, с легкой броней, но ни одна из наших дивизий, кроме Чапаевской, не имела и таких.

Как всегда, мы возлагали особые надежды на артиллерию. Вместе с дивизией Гузя на северном направлении прибавился еще один артполк, кстати сказать, хорошо подготовленный (командир майор И. П. Веденеев). Войска, оборонявшиеся здесь, поддерживали пять береговых батарей и все находящиеся в Севастополе корабли. Кроме того, решено было временно подчинить начарту четвертого сектора Пискунову армейский полк ПВО.

Зенитчики давно сделались у нас естественным резервом полевой артиллерии. Они ставили заградительный огонь перед пехотой и танками, успешно поражали самые различные наземные цели, особенно хорошо — прямой наводкой.

А одна зенитная батарея — 365-я младшего лейтенанта Николая Воробьева, впоследствии широко известная, начала досаждать гитлеровцам так, что в те дни привлекла особое внимание фашистского командования.

Она стояла на высоте 60, о которой я уже упоминал, имела четыре стационарных 76-миллиметровых орудия и входила в систему ПВО главной базы флота. С приближением линии фронта батарея все чаще вела огонь не по самолетам, а по наземным целям, причем весьма эффективно. Зенитчики взаимодействовали, в частности, с кавалеристами нашего Кудюрова. Рассказывали, что кто-то из командиров-конников в знак благодарности за огневую поддержку подарил младшему лейтенанту Воробьеву свой клинок.

Когда бои придвинулись к станции Мекензиевы Горы, значение батареи еще более возросло. Высота 60 — неприметный издали, заросший кустарником продолговатый бугор. Но орудия, стоящие на ней, могли поражать прямой наводкой любую цель в пристанционной низинке. Пока батарея действовала, наступающий противник попадал тут как бы в тупик.

И, не заняв еще станцию, немцы забеспокоились, что зенитчики не дадут им продвинуться дальше. 28 декабря наши разведчики перехватили переданное открытом текстом — возможно, с подвижной рации, из машины — распоряжение: «Ударом с воздуха и с земли уничтожить батарею противника на отметке 60». По мнению майора Потапова, доложившего радиоперехват начарту армии и мне, приказание могло исходить от самого Манштейна.

Меры для срыва этого замысла, в том числе для предотвращения обхода высоты с флангов, были приняты.

«К выполнению поставленной задачи, — вспоминает полковник Д. И. Пискунов,— начарт армии разрешил мне дополнительно привлечь гаубичный полк Чапаевской дивизии и полк Богданова в полном составе. Он предоставил мне также право в случае необходимости подать сигнал об открытии огня всей артиллерией, способной поддержать наш сектор. Высоту и батарею Воробьева защитим,— заверил я полковника Рыжи».

На востоке Крыма уже началась — высадкой первых отрядов со стороны Азовского моря — Керченско-Феодосийская десантная операция. Но о том, что там происходит, мы еще почти ничего не знали, и под Севастополем это пока никак не сказывалось.

Должно быть, Манштейн и его старшие начальники считали себя на нашем участке фронта настолько близкими к цели, что надеялись успеть перебросить подкрепления на Керченский полуостров после взятия Севастополя. (Даже 30 декабря, когда наши десантники высадились в Феодосии, начальник генштаба германских сухопутных войск Гальдер, констатировав в своем дневнике затруднительность положения, создавшегося для немцев в Крыму, далее писал: «Несмотря на это, группа армий решила продолжать наступление на Севастополь».)

С 28 декабря — к этому дню противник завершил перегруппировку, предназначенную обеспечить ему окончательный успех,— за Северной бухтой на нескольких километрах фронта действовали четыре немецкие дивизии.

Еще более возросший численный и огневой перевес врага давал себя знать. Усиливая натиск на станцию Мекензиевы Горы и кордон Мекензи, он одновременно атаковал наш приморский фланг и вклинился там, продвигаясь к Любимовке и совхозу имени Софьи Перовской.

Возникла непосредственная угроза 30-й береговой батарее.

Какую роль играла она с первых дней Севастопольской обороны, я говорил. Недаром немцы столько раз пытались вывести ее из строя — то тысячекилограммовыми бомбами, то обстрелом самой тяжелой своей артиллерией. Однако и для того и для другого тридцатая была малоуязвима. Громады поднимавшихся над складками местности двенадцатидюймовых орудийных башен защищала крепкая броня. Под командный пункт батареи была, как рассказывал Иван Филиппович Кабалюк, использована боевая рубка разобранного в свое время линейного крейсера, бронированная не менее надежно. А все остальное хозяйство артиллеристов — глубоко под землею и бетоном.

Но вести ближний бой такая батарея не приспособлена. И если враг достигает не простреливаемого ее орудиями пространства, помешать ему подойти к башням и подорвать их могут только другие артиллерийские части и пехота.

Из-за необходимости сосредоточить силы на правом фланге четвертого сектора, где все время назревали прорывы фронта, приморский край держал один полк майора Белюги, давно не пополнявшийся.

— Чем мы можем быстро прикрыть подступы к батарее? — спросил командарм, когда мы обсуждали создавшееся положение.

— Быстро — только бригадой Вильшанского, — ответил я.

Иван Ефимович задумался. 8-я бригада морской пехоты, много дней не выходившая из боев, была двадцать часов тому назад в составе двух неполных батальонов отведена в казармы на окраине города на отдых и переформирование.

— Ничего не поделаешь, придется вернуть ее на передовую такой, какая есть,— сказал, вздохнув, Петров.— Поднимайте бригаду по тревоге. Через час я буду на Северной и на месте поставлю Вильшанскому задачу. Подумайте, чем можно ее усилить.

Задача, поставленная Вильшанскому, с которым командарм встретился в условленном месте, у Братского кладбища, заключалась в том, чтобы любой ценой воспрепятствовать захвату тридцатой врагом.

В подкрепление бригаде я смог послать батальон, сформированный из выздоровевших раненых,— 250 бойцов (если в резервном подразделении набиралось больше 200 штыков, мы называли его в те дни батальоном). Под начало полковника Вильшанского поступали также две роты из личного состава самой 30-й батареи. И еще одна условная рота — люди с не существовавшей больше десятой, которых ее командир капитан Матушенко привел сюда берегом моря.

Эти роты еще раньше заняли на подступах к тридцатой круговую оборону. По склону, обращенному в сторону врага, артиллеристы выложили крупными камнями надпись на немецком языке: «Смерть Гитлеру!» И кто-то подсчитал, что фашисты, разъяренные этим лозунгом, выпустили по нему за день свыше двухсот пятидесяти снарядов. Батарейцы были довольны: заставили фрицев стрелять по пустому месту...

Манштейн, как признается он в своих мемуарах, уже оценил выгоды, которые получит, овладев «фортом «Максим Горький». Так называли немцы 30-ю батарею. Но командование СОР не допускало мысли, что она может оказаться в руках врага. Не допускали такой возможности и сами артиллеристы. Командир батареи капитан Александер, с которым генерал Моргунов имел прямую

связь по телефону, заверил коменданта береговой обороны, что личный состав настроен твердо и сумеет выполнить свой долг при любых обстоятельствах.

Командир тридцатой мог, укрыв людей в потернах, вызвать на нее огонь других береговых батарей. Такое решение Вильшанский и Александер предусматривали на тот крайний случай, если бы не удалось остановить противника за пределами батарейной позиции.

До этого, однако, не дошло. Огневой налет группы батарей, а затем бомбоштурмовой удар наших самолетов понадобилось вызвать лишь на пустой казарменный городок артиллеристов, куда ворвались гитлеровцы. Не дав опомниться фашистам, подразделения, объединенные под командой полковника Вильшанского, выбили их из развалин городка.

Бои на приморском участке четвертого сектора на этом не закончились. Но уверенность, что до башен тридцатой враг не дойдет, окрепла. А полк Белюги успешно отбивал атаки на Любимовку.

Тем временем на центральном участке северного направления положение ухудшилось.

Командарм, который фактически лично руководил боем на этом участке, в середине дня 28-го приказал комдиву 345-й контратаковать противника вторыми эшелонами полков. Но к вечеру два полка дивизии Гузя, понеся тяжелые потери, были отжаты к самой станции Мекензиевы Горы. Немецкий батальон с танками продвинулся в обход ее в сторону кордона Мекензи. Вдобавок образовался разрыв между частями Гузя и бригадой Потапова, отошедшей левым флангом на пятьсот-шестьсот метров. Натиск врага там был бешеным. Однако сказалось, видимо, и то, что потаповцы опять плоховато закрепились на отвоеванном контратаками рубеже: окапываться, как положено пехоте, они еще не привыкли.

К исходу дня многие детали обстановки оставались не вполне ясными для штарма из-за перебоев в связи. Но и без этих деталей было очевидно, что наша система жесткой обороны, особенно в стыке третьего и четвертого секторов, серьезно нарушена. Фронт здесь за последние часы перестал быть сплошным.

С наступлением темноты стали обнаруживаться, подчас довольно далеко от передовой, проникшие в глубину нашей обороны группы фашистских автоматчиков. Они

обстреляли несколько машин на дорогах, нарушили кое-где связь, но никакого замешательства нигде не вызвали. Ликвидацией их занялись отряды добровольцев, быстро сформированные в дивизионных тылах. Была выставлена охрана у госпиталей. На Северной и Корабельной стороне городской комитет обороны привел в боевую готовность рабочие дружины, команды МПВО.

Весь наш оперативный отдел с майором Ковтуном во главе помогал штабам секторов уточнять фактическое положение войск, восстанавливать локтевой контакт фронтовых соседей. По мере получения необходимых данных командарм подписывал частные боевые приказы. Задачи, ставившиеся в них, сводились к возвращению утраченных за этот тяжелый день рубежей.

Времени до рассвета оставалось уже немного, и генерал Петров не успел бы побывать во всех частях, которых эти приказы касались. Но в эту ночь на 30 декабря он ощущал особую необходимость подкрепить заочную постановку боевой задачи личным разговором с теми командирами, от которых особенно много зависело, почувствовать их настроение.

И хотя по обстановке было как будто не до совещаний, командарм приказал командирам и военкомам 95-й и 345-й дивизий (а также двух стрелковых полков последней) и 79-й бригады собраться в находившемся уже почти на переднем крае «домике Потапова». Вместе с Иваном Ефимовичем туда поехали генерал Моргунов и капитан Безгинов.

Краткая запись об этом совещании в штабных документах зафиксировала, между прочим, такую подробность: подполковник Гузь и старший батальонный комиссар Пичугин — командир и военком 345-й дивизии, прибыли с опозданием из-за того, что на пути от своего КП к Потапову вступали в бой с немецкими автоматчиками.

Командарм приказал всем поочередно доложить о состоянии вверенных им частей и причинах отхода с рубежей, занимаемых прошлым утром. Вопросы он задавал подчас неожиданные, не в порядке уточнения фактических данных, а такие, чтобы уловить из ответа нечто более важное: можно ли сейчас на этого командира положиться, сознает ли человек, в какой мере сегодня зависит лично от него судьба Севастополя, что значит удер-

жать или не удержать, вернуть или не вернуть назначенную ему позицию?

Потом говорил Петров. Он сурово, с резкостью, обычно ему не свойственной, оценил проявленную кое-кем нераспорядительность, командирскую неумелость, строго предупредил о последствиях, которые при создавшихся чрезвычайных обстоятельствах имели бы повторение таких промахов. Однако слушавшим командарма особенно запомнилось не это.

Больше всего запомнились — не только по смыслу, но и по тому, как были сказаны,— горячие, взволнованные слова Ивана Ефимовича о том, что настал решающий момент в обороне Севастополя, что судьба его — в мужестве и стойкости наших бойцов и командиров и что выдерживать такой натиск врага осталось уже недолго. Если теперь не выдержим — Родина не простит...

Последние, заключительные слова Петрова один из присутствовавших командиров записал по памяти так:

— Дороги назад нет! Я прыгать в море не хочу, но, если придется, прыгнем вместе. Только пусть все помнят: на дне моря сидеть будем, раков кормить будем, но трусливых, малодушных, тех, кто не сумел выстоять, осудим и там беспощадным презрением!.. Нет у нас права не выстоять — нам доверен Севастополь, и о нас помнят!.. Ну, товарищи мои дорогие, от чистого сердца желаю боевой удачи!

Зная эмоциональную натуру Ивана Ефимовича, я представляю, как это прозвучало, как должно было врезаться в душу тем, на кого к концу декабрьских боев за Севастополь легла тяжелая ответственность за решающие участки обороны.

...Командарм еще не вернулся на КП, когда фронт услышал громоподобные раскаты орудийных залпов, разносившиеся, казалось, из самого центра города.

Это открыл огонь по долине Бельбека главным калибром линкор «Парижская коммуна», вошедший после полуночи в Южную бухту.

Крейсера из отряда поддержки были заняты у Феодосии, и черноморцы ввели в бой за Севастополь свой флагманский корабль. Ввели смело, пожалуй, даже дерзко. Он стрелял не издалека, маневрируя в море, как в

тот раз, когда приходил в конце ноября, а почти из центра города, пришвартованный к железным бочкам напротив Холодильника, вблизи железнодорожного вокзала.

Линкор находился километрах в семи от линии фронта и стоял неподвижно. Вероятно, это противоречило принятым правилам использования таких кораблей. Зато занятая позиция обеспечивала большую точность огня. Утром береговые корпосты стали направлять его на видимые с высот группы вражеских танков, на колонны машин, подвозивших боеприпасы.

Вслед за линкором пришел один из новейших черноморских крейсеров — «Молотов». На рассвете он произвел из Северной бухты огневой налет по скоплениям немецкой пехоты, готовившейся к атаке.

Оба корабля доставили с Кавказа снаряды.

Станцию Мекензиевы Горы враг все-таки занял. Это произошло вечером 29 декабря, после дня тяжелейших боев, зачастую встречных: наши контратаки, начатые с утра для восстановления утраченных накануне позиций, сталкивались с атаками рвавшихся вперед гитлеровцев.

Не раз перевес был на нашей стороне. С утра, контратакуя от кордона Мекензи, продвинулся вперед 1165-й стрелковый полк. Оттесняли немцев и на соседних участках. Сводка, составленная в 17 часов, зафиксировала, что наши позиции проходят в 600 метрах севернее станционной платформы. Но закрепиться на достигнутых рубежах противник не давал. Бросая в бой резервы, может быть последние, однако еще значительные, он опять захватывал отвоеванное у него пространство.

К наступлению темноты наши части, прикрывавшие станцию, оказались на утренних исходных позициях, а затем не удержались и на них. Гитлеровцы были остановлены лишь на южной окраине станционного поселка, перед высотой 60.

Глубина нашей обороны на этом участке сократилась до критического предела. Передний край проходил уже не по тыловому обводу, последнему из трех укрепленных рубежей, а позади него. И хотя нацеленный к бухте вражеский клин был пока узким, мы не могли наперед знать, что у немцев уже не хватит сил ни существенно расширить его, ни существенно продвинуть дальше.

Линия фронта никогда не подходила к Севастополю так близко. Но в этот день, впервые за последние месяцы, в черте города не упало после полудня ни одного вражеского снаряда.

Утром немецкая тяжелая батарея из-за Дуванкоя открыла было огонь. Но артиллеристы «Парижской коммуны», получив от корректировщиков координаты батареи, буквально разнесли ее несколькими залпами. И уже никакая другая до конца дня не посмела обстреливать ни бухту, ни город...

Ночью, простояв в Севастополе сутки, линкор ушел. Моряки, очевидно, считали, что нельзя чрезмерно искушать судьбу. И действительно, погода менялась: вновь стало подмораживать, редели облака. А защитить от массированного налета бомбардировщиков такой корабль, лишенный в узкой бухте маневра,— это не то, что отгонять от него одиночные «юнкерсы», вырывавшиеся иногда из-за облаков.

Перед уходом линкор принял на борт более тысячи тяжелораненых (из трех с половиной тысяч, нуждавшихся к этому моменту в эвакуации). А за эти сутки он, по донесениям наших корпостов, уничтожил не менее 13 фашистских танков, 8 тяжелых орудий и еще много другого, что трудно учесть.

Для жителей города, наверное, немало значило уже то, что главный корабль Черноморского флота, известный тут каждому мальчишке, стоял целый день у всего Севастополя на виду — впервые с тех пор, как он в начале ноября покинул свою базу. Хочу добавить: командовал линкором «Парижская коммуна» капитан 1 ранга Ф. И. Кравченко, а огнем артиллерии корабля управлял капитан-лейтенант М. М. Баканов.

Зенитки, стянутые к Южной бухте для прикрытия линкора, сразу же начали выдвигаться на передний край. Большинство подвижных батарей флотского зенитно-артиллерийского полка вслед за армейским полком ПВО временно передавалось в распоряжение начарта четвертого сектора в качестве полевых, противотанковых. Это была единственная возможность чем-то еще усилить непосредственную огневую поддержку войск на самых трудных участках.

Той же ночью Военный совет армии пришел к выводу, что нельзя более медлить с заменой коменданта четвер-

того сектора. Последние дни подтвердили: на этом посту нужен сейчас командир более инициативный и волевой, с живой организаторской стрункой, способный лучше обеспечивать выполнение собственных приказов.

Из возможных кандидатов командарм считал наиболее подходящим полковника И. А. Ласкина. Но тот не знал северного направления обороны, и это сковывало бы его на первых порах. Было решено вверить 95-ю стрелковую дивизию и четвертый сектор обороны полковнику А. Г. Капитохину, командиру 161-го полка (того, который перебрасывался в ноябре под Балаклаву, а теперь снова действовал в составе своей дивизии за Северной бухтой).

Командование СОР утвердило это решение, и полевой телеграф отстукал соответствующий приказ. Командарм, соединившись с Капитохиным, дал ему первоочередные указания и обещал вскоре быть у него сам.

Василий Фролович Воробьев отзывался в распоряжение штаба армии.

...На исходе ночи, заполненной заботами о подготовке фронта к новому, может быть решающему, боевому дню, я узнал неожиданную новость, которая — так, во всяком случае, показалось в первый момент — не имела ко всему этому никакого отношения.

Заканчивая короткое оперативное совещание, Иван Ефимович Петров вдруг улыбнулся и, глядя на меня, объявил:

— Как нам только что сообщили, постановлением Совета Народных Комиссаров от двадцать седьмого декабря полковнику Крылову Николаю Ивановичу присвоено звание генерал-майора...

Товарищи, обступив меня, сердечно поздравляли. Военком штаба Глотов принес откуда-то металлические звездочки и стал прикреплять к петлицам моей гимнастерки, по две к каждой, вместо отколотых «шпал».

— Пока хоть так! — приговаривал Алексей Васильевич.

Полная генеральская форма завелась у меня нескоро: было не до того.

Бывают на войне, в тяжелой боевой обстановке, дни, которые, несмотря на то что пока еще ничего не изме-

нилось, предопределяют близящийся перелом. Правда, сознаешь это обычно только потом. Таким днем, мне кажется, было под Севастополем тридцатое декабря.

Манштейн, конечно, отдавал себе отчет в том, что он вот-вот будет вынужден (или получит прямой приказ) перебросить часть войск из-под Севастополя к Керчи. Одной немецкой дивизии, оставленной там (как после выяснилось, ее командир, некий граф Шпонек, впал в панику, был смещен и отдан под суд), было не задержать высаживавшиеся широким фронтом десантные части. И командующий 11-й немецкой армией предпринимал отчаянные усилия, чтобы сломить нашу оборону, пока под Севастополем находятся еще почти все его силы. Он назначил, как дознались разведчики, еще один «окончательный» срок овладения городом — к Новому году.

Как спешат немцы, как подгоняют командиры солдат, чувствовалось даже по сократившимся интервалам между вражескими атаками, по общему их числу — на некоторых участках до двенадцати, одна за другой...

Направление атак на самом близком к Северной бухте участке фронта показывало: от станции Мекензиевы Горы противник пробивает себе путь к Братскому кладбищу и через высоту 60. Одновременно продолжались попытки прорваться правее, у кордона Мекензи.

Борьба шла за такие позиции, утрата которых нами поставила бы в тяжелейшее положение весь фронт Севастопольской обороны. И отпор наседающим гитлеровцам поднимался до того наивысшего напряжения, на какое способны советские бойцы, когда знают, что у них нет иного выхода, кроме как остановить и уничтожить врага вот здесь, вот сейчас. «Отступать некуда — позади бухты!» — эти слова, исполненные беспощадной правды, стали за Северной чем-то вроде общего сурового девиза.

На яростные атаки немцев наши части отвечали героическими контратаками — ротой, батальоном, полком.

Близ кордона Мекензи, у шоссе, повел батальон в контратаку военком 1163-го стрелкового полка старший политрук Василий Максимович Сонин. Молодой комиссар был убит (второй комиссар полка в этой дивизии за четыре дня), контратака вообще обошлась полку дорого, но продвинуться вперед фашистам не дали.

Не одно подразделение лишилось своего командира. Но прежде чем успевали назначить нового, обычно выяснялось, что бойцами, продолжающими выполнять поставленную задачу, уверенно командует умелый сержант, а иногда бывалый, инициативный рядовой.

Старшина-разведчик коммунист Вениамин Тимофеев возглавил две роты, причем даже не своей, а соседней части, которые, потеряв в бою весь командный состав, дрогнули было под натиском врага. Поверив в нового командира, подчиняясь его призыву и приказу, они удержали свои позиции. Для Тимофеева этот бой определил дальнейшее его место в армии — штатное командирское.

Так было и с другими. Командиром одного взвода утвердили фактически управлявшего им бойца — комсомольца Синькова. Подвозчик боеприпасов из хозяйственной команды Дмитрий Тесленко, ринувшийся в гущу боя и подорвавший гранатами фашистский танк, остался в этом батальоне комсоргом...

Вот уж когда проверялось до конца, на что способен каждый. И прежде всего — каждый командир. В 345-й дивизии пришлось отстранить от командования одного майора. Он неплохо показал себя накануне, тоже в трудных условиях, однако теперь оказался не в состоянии твердо держать в руках свою часть. Но он был единственным, кого в этот грозный день потребовалось заменить на командном посту не потому, что человек убит или тяжело ранен.

Не могу не сказать здесь о командире-артиллеристе из 265-го — богдановского — полка капитане Борисе Бундиче, который со своими подчиненными спас положение на целом участке фронта.

Дивизион Бундича сам оказался в опасности. Немцам еще раз удалось вклиниться в стыке секторов, между потаповцами и правофланговым полком дивизии Гузя. Огневые позиции 107-миллиметровых батарей находились на пути прорывающегося врага. Причем батареи остались без пехотного прикрытия...

Для всей нашей артиллерии, включая тяжелую армейскую, предусматривалась возможность стрельб прямой наводкой. Были и у дивизиона Бундича рядом с основной, укрытой, позицией подготовленные места, куда тяга-

чи могли быстро выдвинуть орудия на случай прорыва в глубину нашей обороны вражеских танков. Но все осложнилось тем, что прямо на батареи, мешая открыть огонь прямой наводкой вовремя, отходили преследуемые гитлеровцами наши люди — остатки стрелкового подразделения, выбитого со своего рубежа.

Двенадцать расчетов стояли у заряженных орудий, к которым с каждым мгновением приближались опьяненные успехом фашисты. Когда командир смог наконец подать команду «Огонь», не опасаясь поразить своих, немцы были в каких-нибудь тридцати метрах. Орудия ударили по ним почти в упор, скосив передние шеренги. Следующие залпы разметали остальных фашистов.

Пусть не типичен этот эпизод для боевых действий армейского артполка, изо дня в день вносившего свой вклад в Севастопольскую оборону поражением дальних целей в глубине позиций противника, в его тылах. Но такого не забудешь. И еще раз блестяще подтвердилось: люди у Богданова подготовлены к самому неожиданному, ко всему, что может произойти на войне.

А несколькими днями раньше, когда враг теснил нас у Бельбека, случилось так, что фашистские автоматчики, поддерживаемые танками, обошли оставшийся без прикрытия наблюдательный пункт Богданова.

Командир полка имел со своими дивизионами связь по радио. Артиллеристы были готовы прикрыть полковой НП заградительным огнем, который сумели бы поставить точно. Однако передать последнюю команду Богданову мешало то, что рядом с окружавшими его наблюдательный пункт немцами находились наши бойцы. И командир тяжелого артполка, взяв автомат и гранаты, повел навстречу врагу личный состав штабной батареи.

Горстка артиллеристов, обрастая примыкавшими к ней пехотинцами, сумела задержать врага. Затем, как только представилась возможность, сюда был вызван огонь орудий — и своего полка, и от соседей-чапаевцев. Богдановцы отстояли НП, причем на подступах к нему осталось несколько подбитых фашистских танков.

Среди тех, кто пал в этом бою, был военком артиллерийского полка, старый соратник и друг Богданова батальонный комиссар Яков Данилович Иващенко. Успев

подорвать гранатами гусеницу танка, он попал под пулеметную очередь из башни.

Вернемся, однако, к тридцатому декабря.

В течение этого дня станция Мекензиевы Горы неоднократно переходила из рук в руки. Части Николая Олимпиевича Гузя, самоотверженно поддерживаемые артиллеристами и танковыми ротами (они сражались геройски, не выходя из боя даже тогда, когда в пробитой снарядами машине все были ранены; из 26 действовавших тут танков мы за день потеряли 13), не раз овладевали низинкой с платформой и станционным поселком. Однако закрепиться на станции, выйти на гряду холмов за нею никак не удавалось.

К вечеру станция, как и утром, была у немцев. Они немного приблизились к высоте 60, где стойко держалась батарея Воробьева, немного продвинулись в направлении к Братскому — дальше их не пустил сосредоточенный огонь нашей артиллерии и тяжелых минометов, которые полковник Пискунов расставил вдоль кладбищенской ограды.

То, что противник ничего больше не добился и в основном положение осталось без перемен, и сделало день 30 декабря в своем роде решающим. Враг проигрывал во времени, работавшем теперь на нас.

Поздно вечером с флагманского командного пункта флота поступило сообщение, передававшееся во все соединения СОР:

«Войска Закавказского фронта и корабли Черноморского флота захватили города Керчь и Феодосию. Операции продолжаются... Наши части выходят в тыл противнику, осаждающему Севастополь».

Несколькими часами раньше, когда никто еще не мог наверняка сказать, чем кончится день на Керченском полуострове и у нас, на КП армии прибыл вице-адмирал Октябрьский.

Перед руководителями Севастопольской обороны не мог не встать вопрос: как действовать, если немцы все-таки выйдут к Северной бухте?

Всякое дальнейшее продвижение врага означало бы непосредственную угрозу и складам боеприпасов в Сухарной балке, и нашему крупнейшему подземному госпиталю, переполненному ранеными. Не приходилось закры-

вать глаза и на опасности еще более серьезные: противник был очень близок к позициям, откуда обычная полевая артиллерия могла вести прицельный огонь по центру города и закрыть Северную, а значит и Южную, бухгу для наших кораблей.

Не знаю, о чем говорили Октябрьский и Петров, пока оставались вдвоем. После того как они пригласили к себе меня, полковника Рыжи и кого-то еще из штабных командиров, предметом обсуждения стало следующее: насколько прочной могла бы быть — если не удержим высоту 60, кордон Мекензи и Братское — линия обороны, частично проходящая по северной окраине города.

Рубеж этот представлялся малонадежным, особенно для сколько-нибудь длительной обороны. Очень решительно высказался в этом смысле Николай Кирьякович Рыжи. Кажется, и у Ивана Ефимовича Петрова поколебалась прежняя убежденность в том, что можно держаться достаточно долго, владея пространством между Балаклавой и Северной бухтой. Филипп Сергеевич Октябрьский, не выразив своего мнения более прямо, сказал, что в крайнем случае корабли могут разгружаться в Камышовой и Казачьей бухтах, где оборудуются временные причалы.

Никакого решения о запасном рубеже не принималось. Разговор перешел на то, как удержаться на нынешнем рубеже, с тем чтобы при первой возможности восстановить оборону по Бельбеку. Полковник Рыжи, полный, как всегда, горячей веры в свое оружие и получивший за последние дни порядочно боеприпасов, стал излагать свои предложения, уже детально им и Васильевым продуманные, об организации огня на завтра.

А у нас были основания ожидать, что немцы (и в том случае, если они сегодня приблизятся к Северной бухте, и в том, если это им не удастся) предпримут завтра, в канун Нового года, «последний решительный штурм». Причем, возможно, не только с севера.

Мы не могли знать, что где-то в высших звеньях гитлеровской военной машины уже подготовлена директива о переходе под Севастополем к обороне и тем самым признан провал двухнедельного декабрьского наступления. Не знали мы и про полученное командующим 11-й немецкой армией в тот день или накануне указание из штаба группы «Юг»: если невозможно сейчас овладеть городом,

то надлежит по крайней мере достигнуть бухты и закрепиться на ее берегу...

Но если бы даже знали то и другое, вряд ли поверили бы, что Манштейн, потерявший под Севастополем много тысяч солдат, откажется от новых попыток взять осажденный город. Честолюбивого фашистского генерала должна была еще больше подхлестывать надежда преподнести фюреру, давно не получавшему победных реляций, такой подарок к Новому году.

Радостное сообщение о нашем крупном боевом успехе на Керченском полуострове — с каким восторгом встретили это известие в Севастополе, трудно и передать! — тоже не означало, что уже завтра нам станет легче.

Одно стало ясно всем: раз в Крыму открылся «второй фронт», долго штурмовать нас так, как сейчас, немцы не смогут. И надо напрячь все силы, чтобы не оплошать напоследок.

...Ночь прошла за проверкой готовности фронта обороны к любым неожиданностям. Работники штаба и политотдела армии разъехались по частям. Тыловики обеспечивали доставку на огневые позиции увеличенной нормы боеприпасов. В соответствии с утвержденным командармом планом производилась частичная перегруппировка артиллерии. На поддержку войск северного направления поворачивались (оставаясь на своих позициях в южных секторах) артиллерийские полки майора А. П. Бабушкина и подполковника И. И. Хаханова, а также восемь береговых батарей.

Полоса фронта, где противник преодолел главный, а местами и тыловой рубеж обороны, составляла в ширину около десяти километров. Но самым опасным мы считали примерно трехкилометровый участок — правый фланг четвертого сектора и стык его с третьим. Здесь и создавалась на 31 декабря небывалая под Севастополем плотность нашей артиллерии: на три километра — 240 орудий, считая зенитные и корабельные.

А если бы враг попытался прорваться в каком-то другом месте, штаб артиллерии был готов перенести массированный огонь туда. Возможные варианты Рыжи и Васильев детально проработали с начартами секторов.

Когда утверждались схема огня и расход боеприпасов, командарм сказал полковнику Рыжи:

— Нашим артиллеристам предстоит решить самую ответственную задачу из всех, какие им до сих пор выпадали. Прошу вас, Николай Кирьякович, объяснить это через командиров артчастей всему личному составу.

Если наш огневой удар рассчитан правильно, артиллерия должна была нанести противнику такие потери, которые уже предопределили бы срыв его завтрашних замыслов. Но предопределили, конечно, не в том смысле, что отбивать атаки пехоте будет легко, на это надеяться не приходилось.

Направление главного удара прикрывали полки 95-й и 345-й дивизий, бригада Потапова, чапаевцы. Новый комендант четвертого сектора полковник Капитохин расположил свой командный пункт на южном склоне высоты 60 — в центре решающего участка фронта.

Возвращавшиеся из войск штабники, доложив о выполненных заданиях, рассказывали, что настроение в частях боевое. За ночь во многих подразделениях — везде, где позволила обстановка, прошли короткие партийные собрания. Их решения, умещавшиеся в две-три фразы, звучали как клятва: «Будем стоять насмерть. Рубеж удержим любой ценой. Фашистов в Севастополь не пустим».

Рано утром московское радио передавало предновогоднюю передовую «Правды». В ней говорилось и о нас:

«Несокрушимой стеной стоит Севастополь, этот страж Советской Родины на Черном море... Беззаветная отвага его защитников, их железная решимость и стойкость явились той несокрушимой стеной, о которую разбились бесчисленные яростные вражеские атаки. Привет славным защитникам Севастополя! Родина знает ваши подвиги, Родина ценит их, Родина никогда их не забудет!»

Если бы могли услышать эти слова прямо из Москвы все наши бойцы и командиры!..

Над севастопольским плацдармом уже гремела канонада. Ее начал в этот день не противник — мы. Артиллерийские полки из всех секторов, береговые батареи, стоящие к северу и югу от города, корабли из бухт наносили упреждающий удар по исходным районам вчерашних атак врага, откуда он, как подтверждала ночная разведка, готовился атаковать и сегодня.

Артиллерийская контрподготовка продолжалась двадцать минут. Наблюдать, как ложатся снаряды, возможности не представилось: Мекензиевы горы окутывал туман. Но в штабе артиллерии не сомневались в проверенных многими стрельбами расчетах.

Немцы открыли ответный огонь, пытаясь подавить некоторые наши батареи. А по другим за эти двадцать минут не сделали ни одного выстрела: поворот их на северное направление, должно быть, оказался для противника неожиданным.

Потом все стихло. Ни артподготовки к атакам, ни атак, начинавшихся изо дня в день около восьми часов, в обычное время не последовало.

Прошел час, еще полчаса... Из соединений докладывали:

— Редкий минометный огонь, больше ничего. Видимость улучшается.

— Обстановка без изменений. Мы наготове.

Время текло тревожно. Не замыслили ли гитлеровцы что-то такое, чего мы не смогли разгадать? Только ли из-за нашей контрподготовки они, вынужденные приводить войска в порядок или подтягивать резервы, до сих пор не атакуют? Может быть, просто пережидают туман?

Но товарищи, побывавшие наверху, сообщили, что горизонт уже чист, проглянуло солнце.

Немецкая артподготовка началась лишь в десять. Началась мощно, причем группа батарей оказалась выдвинутой вперед. Часть их богдановцы довольно быстро привели к молчанию, и вражеский огонь несколько ослабел. И как-никак два с лишним часа мы уже выиграли!

Но первая атака, хоть и запоздавшая, была очень сильной. Впереди неприятельской пехоты двигались танки...

Зенитные орудия, перемещенные на передний край, били по ним прямой наводкой. Другая артиллерия ставила заградительный огонь, отсекая от танков пехоту. А тяжелая ударила уже по глубине вражеских боевых порядков.

Все наши батареи действовали по основному варианту сегодняшнего плана. Менять в нем ничего не пришлось: Манштейну было не до того, чтобы куда-то переносить свой главный удар, искать в нашей обороне более уязвимые места, он не имел на это времени. И мы не просчи-

тались, нацелив на трехкилометровый отрезок фронта более трех четвертей наличных орудий.

Враг стремился продвинуться там, где был остановлен вчера. Он рвался к Братскому кладбищу и Буденновке, штурмовал высоту 60, атаковал у кордона Мекензи. На этих смежных участках обороны разгорелся жестокий бой. С наблюдательных пунктов докладывали, что дым и пыль от разрывов снарядов и мин уже затрудняют прицельный огонь.

А около 11 часов из четвертого сектора сообщили: к нашим позициям пополз густой серо-зеленый дым, не похожий на обычный.

От фашистов можно ждать всего, тем более в такой день. В окопах, куда ветер нес эту ядовито клубящуюся пелену, на ближайших батареях раздалась команда, которую до тех пор слышали только на учениях: «Газы!» Противогазы имели все, за этим в частях следили.

Сообщение о том, что противник предположительно применил на Мекензиевых горах отравляющие вещества, требовало проверки. Но его сразу передали комендантам других секторов и в береговую оборону — чтобы были настороже. Через несколько минут должно было выясниться, с чем мы имеем дело.

Оказалось, это все-таки не газ, а дымовая завеса какой-то необычной, непривычной окраски. Немцы, используя потянувший с их стороны ветер, поставили ее в расчете прикрыть новый бросок атаки, ослепить наших артиллеристов и стрелков.

Дым, однако, не помог: вторая атака, как и первая, захлебнулась. Не дрогнули бойцы и в те минуты, когда казалось, что к ним приближается газовое облако. Один командир, находившийся в тот момент на переднем крае, потом, уже в спокойной обстановке, рассказывал:

— Вспомнился почему-то лозунг со старого осоавиахимовского плаката, и я крикнул: «Не страшен газ, если есть противогаз!» Смотрю: люди уже приободрились, натянули маски и опять за оружие. Ну а как разобрались, что немец просто напустил вонючего дыма, ребята совсем повеселели. Без очков, говорят, воевать уже легче!

Тяжелее всего пришлось все-таки 345-й дивизии. И не только стрелковым ее частям. Начальник штадива Иван Федорович Хомич вспоминал после, как командир артиллерийского полка Веденеев доложил по телефону, что

опасается захвата орудий противником: слишком близко тот подступил. Он просил разрешения отвести батареи, пока не поздно, на другую огневую позицию. Командир полка был опытный и не трус. Будь позади, между фронтом и бухтой, хоть немного больше пространства, начштаба, наверное, признал бы за благо удовлетворить его просьбу: дивизионной артиллерией без крайности не рискуют. Но теперь Хомич ответил:

— Выкатывайте пушки на открытое место и бейте прямой наводкой. Отходить вам некуда. Если отходит пехота, подчиняйте ее себе и остановите!

Батареи остались на прежней позиции, и враг их не захватил.

На прямую наводку переходили и другие артиллерийские части. А расчеты зенитчиков находились прямо в боевых порядках пехоты. Погода позволила активно действовать летчикам. Генерал Остряков, получая от нас координаты целей, группу за группой посылал на штурмовку вражеских войск «илы» и «ястребки» (немецких самолетов в воздухе было мало: видно, их уже оттянула Керчь). Но при всей этой поддержке огнем на центральном участке атаки гитлеровцев отбивались уже из последних сил.

Настал момент, когда подполковник Гузь вызвал огонь артиллерии на свои передовые траншеи на флангах двух полков: там уже были немцы... Батарейцы Воробьева на высоте 60 вели бой на собственной огневой позиции, обойденной врагом с двух сторон.

К полудню четко определились несколько новых вклинивании в наши рубежи — пока неглубоких... Но в продолжающемся нажиме врага ощущалась вместо характерной для немцев методичности какая-то лихорадочная отчаянность.

Генерал Петров, с утра очень взволнованный, становился все спокойнее. Когда на фронте не произошло еще никакого перелома, Иван Ефимович, постояв над своей картой, сказал почти весело:

— Нет, не выйти им к бухте. Теперь уже не выйти!

Во второй половине дня атаки немцев внезапно прекратились. Неужели всё?.. Нет, не может быть. Светлого времени оставалось довольно много, и противник почти наверняка должен был предпринять новую сильную атаку, по крайней мере еще одну. Так считали и на команд-

ных пунктах соединений, с которыми мы непрерывно держали связь. Поднимать наши войска в контратаку было рано: встречного боя уставшие части могли не выдержать.

Командарм вызвал полковника Рыжи, и мы обсудили, как использовать в ближайшие часы артиллерию. Огневые налеты по образовавшимся неприятельским клиньям были подготовлены, но Николай Кирьякович советовал объединить их с новым массированным ударом всей артиллерией, который начать как только немцы опять проявят активность. Этот удар — скажем, 15-минутный — он предлагал направить сперва на передний край противника, а затем обработать береговыми батареями, гаубицами и корабельной артиллерией ближние тылы — вплоть до Бельбекской долины.

Петров согласился, и Рыжи поспешил к себе. Он и Васильев все это уже спланировали, но надо было успеть передать артчастям окончательные указания.

Впрочем, в нашем распоряжении оказался час с лишним. Немцы снова пошли в атаку там же, где наступали и несколько продвинулись утром.

Наш новый огневой налет всеми видами артиллерии сделал свое дело, ослабил этот отчаянный, действительно уже последний натиск врага. И все-таки, чтобы он окончательно захлебнулся, потребовалось еще несколько десятков минут вести тяжелый бой нашей пехоте.

Больше немцы не выдержали. До бухты оставалось около двух километров, но приблизиться к ней еще хотя бы на сотню шагов они не могли и стали откатываться назад.

Это был кризис декабрьского штурма, его конец.

Наша контратака кое-где началась почти стихийно: почувствовав, что враг выдыхается, бойцы устремлялись вперед, не ожидая команд.

Командарм приказал Капитохину, Гузю, Потапову готовить и по обстановке вводить в бой ударные группы преследования. Когда это передавалось по телефону, кое-кто переспрашивал, просил повторить: слово «преследование» звучало слишком непривычно, люди еще не успели осознать, что штурм Севастополя отбит.

Генеральный штурм — так вскоре стали его называть в отличие от ноябрьского, не такого сильного. А что будет еще июньский, кто мог тогда знать!..

В часы, когда на фронте назревал перелом, штарм подготовил боевой приказ, в котором определялась ближайшая задача армии: «Не допустить дальнейшего продвижения противника. Частными контратаками, уничтожая вклинившиеся в боевые порядки части противника, восстановить оставленные позиции путем последовательного захвата отдельных высот и рубежей». Комендантам секторов указывались рубежи, на которые их войска должны выйти в течение завтрашнего дня.

Подписав этот приказ, командарм выехал на северное направление.

Там в эти последние часы сорок первого года защитники Севастополя совершали новый массовый подвиг. Части, только что отбившие бешеный натиск врага, понесшие сегодня, как и вчера, тяжелые потери (только ранеными — опять более полутора тысяч человек за неполные сутки), нашли в себе силы сразу же, без передышки, атаковать дрогнувших гитлеровцев, не давая им опомниться.

Наступательный порыв захватывал всех. В поредевшие стрелковые батальоны вливались команды тыловых служб. В дивизии Гузя, сложив свои трубы и взяв винтовки и гранаты, пошли в бой и музыканты оркестра.

Такие подробности узнавались, конечно, после. Но волнующе-красноречивыми становились даже самые короткие донесения. Всё новые отметки, появлявшиеся на моей рабочей карте, отражали быстро изменяющуюся обстановку.

Противник был не такой, чтобы даже после крупной неудачи обратиться в бегство. Оправляясь от недолгого замешательства (да и не везде оно было), он оказывал все более сильное сопротивление. И все же на центральном участке мы за считанные часы вернули многое из потерянного за несколько дней.

Еще в старом году была очищена от врага станция Мекензиевы Горы, а затем и первые высоты за нею. Здесь дивизию Гузя хорошо поддержали два полка 95-й дивизии, особенно 161-й стрелковый, которым до вчерашнего дня командовал Капитохин, а теперь капитан Дацко. По уцелевшим путям на станцию ворвался, громя фашистов огнем в упор, бронепоезд «Железняков».

А у моря, от Любимовки и выстоявшей 30-й батареи, медленно, но настойчиво продвигались, отвоевывая у врага сотню за сотней метров, батальоны 8-й бригады морской пехоты (их повели в контратаку военком Ефименко и начальник штаба Сахаров), полк Белюги и сводный отряд, собранный из остатков кавдивизии.

В долине Черной речки, где части второго сектора начали наступательные действия несколькими часами раньше, 7-я бригада морпехоты и полк Мухомедьярова отбили у гитлеровцев Нижний Чоргунь, полностью овладели горой Госфорта.

В потоке донесений, принимаемых штабным узлом связи, поступило, не помню уж от кого, и такое: «Взят в плен немецкий майор, назначенный комендантом Севастополя. Вместе с ним захвачена комендантская команда». Попал-таки «комендант» в город!..

Так заканчивались сутки, месяц и год...

В последний его час в домике Потапова вновь состоялось короткое заседание Военного совета армии с участием командиров и военкомов соединений и некоторых частей северного направления. Теперь речь шла уже не о том, как удержать Севастополь, а о развитии первых успехов контратаки, перераставшей в контрудар: командарм пришел к выводу, что задачи, поставленные войскам на завтрашний день, в значительной мере могут быть выполнены еще в течение ночи.

Я оставался на командном пункте армии. Минут за десять до полуночи генерал Петров соединился со мной по телефону с того берега Северной бухты:

— С наступающим, Николай Иванович! Поздравьте от меня всех, кто рядом с вами. Я у Николая Васильевича, от него двинусь дальше налево. Что там у нас хорошего?

У Николая Васильевича означало — у Богданова. Артиллеристы были героями дня, и командующий армией, очевидно, решил встретить Новый год на КП нашего главного артполка.

Минуты, когда один год сменяется другим, всегда кажутся особенными, где бы они тебя ни застали. Хочется и оглянуться назад, и представить будущее, в мыслях переплетаются большое, общее и самое сокровенное твое...

Севастопольцев враг не одолел. На других фронтах

советские войска тоже дали фашистам жару. Крепла вера в то, что наши военные дела теперь вообще пойдут лучше. Но насколько легче было бы на душе, знай я хоть что-нибудь о жене и детях. Хотя бы одно то, что они живы!

Недели три назад отправился на Большую землю мой адъютант лейтенант Петр Белоусов, получивший отпуск по болезни. Я просил его навести справки в наркомате обороны: может быть, там что-то известно о семьях начсостава, эвакуированных из Болграда в первый день войны... А теперь стал надеяться, что весточкой обо мне послужит для жены, где бы она ни находилась, присвоение мне генеральского звания — постановление Совнаркома должно было появиться в газетах.

На КП приехал Михаил Георгиевич Кузнецов. Не раздеваясь, он вошел ко мне, заполнив своей огромной фигурой чуть не половину моей «каюты». Бригадный комиссар сел, положил на колени шапку, улыбнулся устало и облегченно.

Мы не виделись часов шесть-семь, а сколько за это время произошло событий!

— Хорошо встретили Новый год! — сказал Михаил Георгиевич.— Наша взяла!

Он стал рассказывать о заседании Военного совета, на котором я не был, об обстановке у переднего края. Потом, весь просияв, сообщил:

— А знаешь, что я еще видел? Новогоднюю елку!

— Какую елку? — не понял я.

— Да обыкновенную. Был вечером в городском комитете обороны, и там, когда уже уходил, мне посоветовали: «Если есть десяток минут, загляните в одно убежище, тут рядом, на улице Карла Маркса, не пожалеете!» Заинтриговали, пошел. А там елка... Ну, не совсем, конечно, елка — крымская сосна. Но украшена, как полагается, разноцветные фонарики горят. И человек сто девчонок и мальчишек хоровод водят. От такой картины меня прямо слеза проняла. Стою у порога и думаю: ведь на этой улице только что снаряд грохнулся, а немцы еще сегодня утром рассчитывали, что вечером будут по ней маршировать... И вот что интересно: откуда взялась елка? На нашей-то территории, как известно, хвойного леса нет. Он пока что по ту сторону фронта. Так, оказывается, оттуда, от немцев, и принесли ее разведчики из полка

Горпищенко по особому, понимаешь, секретному уговору с горкомом комсомола. И не одну ту, которую я видел, а чуть не дюжину приволокли! И на Корабельной, и в Инкермане, где до фронта совсем рукой подать, зажглись для ребят елки. Несмотря ни на что... зажглись! А ты, начальник штаба, сидишь тут и таких вещей не знаешь!..

Кузнецов засмеялся, и лицо его уже не казалось усталым.

На северном направлении продолжался бой. Тесня противника, наши войска продвигались к долине Бельбека.

ОСАДА ОСТАЕТСЯ ОСАДОЙ

Первым, что командование Приморской армии осуществило в наступившем 1942 году, была переброска на северное направление, в четвертый сектор, 172-й стрелковой дивизии полковника Ласкина.

Как ни стремились вперед части, перешедшие там в общую контратаку сразу после отражения последнего натиска врага, им — даже для того, чтобы только вернуть позиции на Бельбеке,— требовалось достаточно сильное подкрепление.

В Севастополь прибывала еще одна дивизия, выделенная нам Кавказским (так стал называться бывший Закавказский) фронтом, — 386-я стрелковая. Ее полки выгружались с судов под гул недалекого боя и сосредоточивались под Сапун-горой и у Максимовой дачи. Дивизией командовал полковник Николай Филиппович Скутельник. При знакомстве выяснилось, что он из красных конников гражданской войны, служил в бригаде Котовского. Вроде бы армия получала как раз ко времени тот резерв, который поможет отбросить противника до прежних границ севастопольского плацдарма.

Однако мы остереглись с ходу вводить в бой дивизию, не только необстрелянную, но и, как оказалось, недостаточно сколоченную и обученную и слабовато вооруженную. Слишком дорого стоил севастопольцам декабрьский боевой успех и слишком много значил, чтобы рисковать его результатами.

— На северный участок,— сказал командарм,— сейчас надо выдвинуть соединение, уже испытанное. Такое, как дивизия Ласкина или Новикова. А новую поставить вместо той в оборону, на обжитые позиции.

Заменять дивизию Новикова было сложнее: в первом секторе, на правом фланге, очень специфическая мест-

ность — балаклавские горные кручи, к которым хорошо приспособился, крепко в них врос полк пограничников. Поэтому решили взять из второго сектора дивизию И. А. Ласкина.

Иван Андреевич был вызван на КП армии еще до того, как наступило новогоднее утро. Вернувшийся с передовой командарм, поблагодарив Ласкина за стойкую оборону ялтинского направления, устно отдал приказ: в ночь на 2 января передать занимаемые позиции частям полковника Скутельника и скрытно вывести дивизию к Инкерману. А затем во взаимодействии с другими нашими войсками завершить разгром противника на Мекензиевых горах.

Петров отметил на карте Ласкина участок Бельбекской долины, еще занятый немцами, выход на который становился ближайшей задачей дивизии. И пообещал:

— Через два-три дня обязательно у вас тут побываю!

Я уже достаточно знал полковника Ласкина, но, присутствуя при этом, невольно им любовался. Радостно, когда командир, получая новую, в данном случае — совершенно неожиданную, боевую задачу, весь загорается ею, а ты, глядя на него, ощущаешь, как он мгновенно подчиняет ее выполнению все свои внутренние силы, волю, ум.

Чтобы сразу решить, какая артиллерия будет поддерживать Ласкина, командарм пригласил Николая Кирьяковича Рыжи. Было также решено, что 172-я дивизия, все еще имевшая только два стрелковых полка, временно возьмет с собой на новое направление приданный ей в ноябре 31-й Пугачевский полк чапаевцев.

Смена войск у Ялтинского шоссе, контролируемая представителями штарма, прошла, по-видимому, незаметно для противника. Он уже отводил некоторые свои части к Керчи и на этом участке притих.

Освобождение Керчи и Феодосии резко меняло обстановку в Крыму. Все мы видели в этом начало полного и, казалось, скорого очищения полуострова от фашистских захватчиков.

Да и само немецкое командование, как теперь известно, довольно пессимистически оценивало ситуацию, в

которой оказались его войска в Крыму. «Судьба 11-й армии висела на волоске»,— писал впоследствии Манштейн. Он опасался, что советские войска, наступающие с Керченского полуострова, быстро отрежут его армию от перешейка. Да так оно и должно было бы быть.

Но все это происходило на том этапе войны, когда нашим военачальникам и штабам, в том числе и фронтового масштаба, еще не хватало опыта крупных наступательных операций. Глядя на минувшее с высоты нынешнего дня, видишь и упускавшиеся возможности, и то, как иной раз желаемое принималось за совершившийся факт...

Впрочем, и тогда, в начале января сорок второго года, севастопольцев удивляло, почему после блестящего успеха смелой десантной операции, имея перед собой, особенно на первых порах, относительно немного войск противника, армии Кавказского фронта вдруг задержались у Владиславовки и Коктебеля и не продвигаются дальше в глубь Крыма.

В то же время чувствовалось, что в штабе фронта представляют в слишком уж радужном свете положение севастопольского плацдарма после отражения декабрьского штурма. Из донесений воздушной разведки, отмечавшей передвижение немецких войск в сторону Керчи, или по каким-то еще данным делались поспешные, не соответствовавшие действительности выводы, будто из-под Севастополя отходят основные силы штурмовавшей его неприятельской группировки. И от нас стали требовать решительного наступления на всем фронте СОР.

Признаться, я был тогда рад, что мы подчинены фронтовому начальству все-таки не непосредственно, а через командование Севастопольского оборонительного района. Ему и досталась нелегкая миссия объяснять штабу фронта истинное положение вещей и наши реальные возможности.

Приморская армия, доносил на Кавказ командующий СОР Ф. С. Октябрьский, понесла в декабрьских боях тяжелые потери и в данный момент перейти в решительное наступление не может. «В 79-й стрелковой бригаде,— уточнял он,— осталось около 1200 бойцов, а в 345-й стрелковой дивизии — до 2 тысяч...»

40-ю кавдивизию мы вывели из боев в составе 540 человек. В 8-й бригаде морской пехоты не насчитывалось

и этого, и вопрос мог стоять не о доукомплектовании ее, а лишь о формировании заново. В двух наших танковых батальонах имелось семь исправных машин. Вдобавок опять стало туго с боеприпасами: почти все доставленные за последнее время снаряды армия израсходовала, отражая двухнедельный штурм.

Прошло сколько-то дней, прежде чем было наконец признано и подтверждено: основной задачей приморцев остается пока оборона главной базы Черноморского флота. Вместе с тем надлежало готовиться к последующему наступлению, к участию вместе с армиями Кавказского фронта в освобождении Крыма.

Должен сказать, что и в те дни, когда фронт требовал от приморцев невыполнимого, а командование СОР старалось доказать это фронту, мы вели — прежде всего на северном направлении — наступательные действия, стремясь вернуть, где можно, рубежи, с которых враг оттеснил нас в декабре. Но восстановить севастопольский плацдарм в прежних границах сил не хватало.

Дивизии Капитохина и Ласкина достигли Бельбека, а местами пересекли долину, проложенную мелкой, но бурливой в зимнее время рекой, закрепившись на некоторых высотах ее правого, северного берега.

Позиции на Бельбеке вообще-то неплохи. В этом я лишний раз убедился, побывав на «новоселье» у полковника Ласкина. Обрывистый южный склон долины представлял выгодный естественный рубеж. Редко где под Севастополем имели такой, как отсюда, обзор артиллерийские наблюдатели. И отрадно было сознавать, что все-таки это Бельбек. А станция Мекензиевы Горы, где меньше недели назад сидели немцы,— позади, опять у нас в тылу, на таком же примерно расстоянии от сегодняшнего переднего края, как от нее до бухты.

Но у немцев оставались Мамашай, Аранчи, гора Азиз-Оба... Селение Бельбек, раскинувшееся посреди долины, оказалось в ничейной полосе. Ласкин рассказал, что там живут в подвалах несколько стариков, и красноармейцы из боевого охранения, заходя в селение ночью, делятся с ними харчем и табаком.

На правом фланге фронт Севастопольской обороны проходил почти как прежде. В центральной части обвода он тоже сдвинулся не намного, продолжая опираться на главный рубеж. А здесь, на северном фасе, стал на шесть-

семь километров ближе к городу, чем было до 17 декабря. И хочешь не хочешь, приходилось на какое-то время — так тогда думалось — принять это как неприятный, но непреложный факт.

Шок, хвативший гитлеровцев под Новый год, когда они надорвались в своей последней, отчаянной попытке пробиться к бухте и заметно дрогнули, прошел. Перейдя к обороне, противник интенсивно вел инженерные работы, ставил минные и проволочные заграждения, строил доты.

С иллюзиями насчет того, будто немцы теперь сами уберутся из-под Севастополя, оставив лишь небольшие заслоны (греха таить нечего — так представлялось в определенный момент не только некоторым товарищам на Кавказе, а и кое-кому у нас), пора было расстаться.

На фронте СОР, сократившемся с 46 до 35—36 километров, нам противостояло не меньше четырех немецких дивизий — это мы уже знали точно, не будучи пока уверенны лишь в присутствии пятой. Эти дивизии по-прежнему имели очень много огневых средств, что подтверждалось каждым соприкосновением с врагом, каждой разведкой.

Никуда не делась и неприятельская дальнобойная артиллерия: об этом напоминала она сама, методически обстреливая дороги в наших тылах и город. В бухте, попав под огневой налет, получил повреждения пришедший из Батуми танкер.

И хотя никто тогда не думал, что оборонять Севастополь потребуется еще долго, и из штаба Кавказского фронта поступали новые директивы о подготовке к наступлению (уже не всей армией, а частью сил и с ограниченными целями, в порядке поддержки наступления с Керченского полуострова, которое все откладывалось), надо было браться за укрепление тех позиций, которые наши войска фактически занимали.

Что севастопольские оборонительные рубежи еще могут понадобиться и их следует усиливать, дало нам понять и Верховное Главнокомандование.

Причем — не директивой, не телеграммой, а практической помощью: в Севастополь прибыла из Москвы особая оперативная группа по инженерным заграждениям во

главе с генерал-майором Иваном Павловичем Галицким, начальником штаба инженерных войск Красной Армии.

Мы очень обрадовались этим московским гостям. Тем более что группа, состоявшая из 60 военных инженеров и курсантов, прибыла не с пустыми руками. Она привезла с собой около 45 тысяч противотанковых и противопехотных мин (примерно столько было уже поставлено под Севастополем с начала обороны) и 200 тонн дефицитной у нас взрывчатки.

Все это погрузили под Москвой в специальный эшелон, который по «зеленой улице», за три или четыре дня (с высокой для дорог того времени скоростью) дошел до Новороссийска. А там эти взрывоопасные грузы уже ожидал крейсер.

Как мы узнали, группа Галицкого в том же составе занималась оборудованием инженерных заграждений на Западном фронте, на подступах к столице. Это был коллектив энтузиастов своего дела, сплоченных выполнением срочных и ответственных заданий, умевших работать целеустремленно, напористо. Они и в дороге не теряли времени даром, успев по картам детально изучить местность вокруг Севастополя.

Получив от меня последние данные о том, как проходит линия фронта, генерал Галицкий и начальник штаба группы полковник Леошеня к исходу того же дня представили Военному совету план первоочередных работ по укреплению позиций армии взрывными заграждениями, согласованный с генералом Хреновым.

При обсуждении плана немного поспорили, надо ли минировать сейчас те участки обороны в четвертом и третьем секторах, где мы надеялись в ближайшее время продвинуться вперед. Однако решили — надо: продвинемся — будем минировать дальше, а эти заграждения останутся запасными, второй линией.

Когда план был утвержден, командарм спросил, скоро ли можно приступать к его реализации.

— Сегодня же ночью,— доложил начинж армии полковник Кедринский.— Инструкторский состав московской группы распределен по участкам и ознакомился с ними, команды саперов выделены. Подвезти необходимое количество мин успеем.

Работы велись каждую ночь, нередко под вражеским огнем силами армейских саперов, только что вернувших-

ся к своему прямому делу (еще несколько дней назад, в декабрьских боях, они сражались в боевом строю пехоты). Руководили инструкторы-москвичи. Одновременно Галицкий, Леошеня, Хренов, Кедринский и их помощники готовили план инженерно-заградительных мероприятий второй и третьей очереди. Он предусматривал создание плотных минных полей на всех танкоопасных направлениях и прикрытие противопехотными препятствиями всего переднего края, кроме участков, которые сама природа защитила крутыми каменными откосами. Намечалось также поставить взрывные заграждения перед ключевыми позициями в глубине обороны — на инкерманских высотах, у Сапун-горы.

Этот расширенный план, правда, уже не обеспечивался имевшимися минами и другими инженерными средствами и зависел от дальнейшего поступления их с Большой земли или увеличения местного производства. (Забегая вперед, добавлю, что значительно раньше, чем все намеченное могло быть осуществлено, московская группа из Севастополя отбыла — штаб фронта добился переброски ее на Керченский полуостров для укрепления ак-монайских позиций.)

Приезд группы Галицкого, помимо всего прочего, помог поддержать в наших войсках рвение к оборудованию новых позиций. Оно начало было ослабевать не только в морских бригадах, но и у «коренной пехоты». Отрывать окопы полного профиля и ходы сообщения в твердой крымской земле — труд нелегкий. А что он так уж необходим после побед под Керчью и Феодосией, бойцам — да и многим командирам — не очень верилось: теперь, мол, сидеть в обороне недолго! Однако появление на переднем крае специалистов по оборонительным заграждениям и развернутая ими работа, которую все видели, заставляли людей призадуматься, вспомнить, что на войне бывает всяко.

Руководители групп были очень загружены: ночью — с саперами на передовой, днем — там же на рекогносцировках или за расчетами над картой. В штарме они появлялись ненадолго, и все же крупные военные инженеры, многое видевшие и знавшие, вносили в жизнь на армейском КП заметную свежую струйку.

На наш изолированный плацдарм нескоро доходила информация о подробностях боевых действий на главных

фронтах. А эти товарищи только что участвовали в организации обороны Москвы. Послушать их даже накоротке было интересно и полезно.

Иногда командарм специально отводил на это минут тридцать-сорок после очередного (происходившего обычно в начале ночи) доклада генерала Галицкого о работах по постановке заграждений. Иван Ефимович задавал много вопросов, очевидно накапливавшихся у него постепенно, в том числе и сугубо инженерных.

Впоследствии генерал Е. В. Леошеня (тогда полковник, начштаба московской группы) написал воспоминания о своих встречах с И. Е. Петровым, где отмечал: «Широта его инженерных познаний казалась просто удивительной для общевойскового командира. Он прекрасно знал и отечественную, и немецкую инженерную технику, был весьма эрудирован в вопросах фортификации. Сперва я просто не мог себе представить, когда и как успел он все это изучить...»

О чем бы, однако, ни заходила речь, возвращались к своему, севастопольскому. Из услышанного о боях на других фронтах Петров быстро делал выводы для нас.

Однажды Иван Павлович Галицкий рассказал как под Москвой взаимоусиливали друг друга минные заграждения и соответствующим образом расставленная противотанковая артиллерия.

— Здесь у нас в большинстве случаев выгоднее прикрывать минные поля дотами,— сказал, подумав, Иван Ефимович.

Этот разговор вылился в обсуждение дополнительных мер по защите Инкерманской долины. Стали выяснять, можно ли расширить налаженное к тому времени в Севастополе производство бетонных блоков для сборных дотов, которые монтировались в нужном месте за одну ночь.

Общение с москвичами доставляло большое удовольствие Василию Фроловичу Воробьеву: и Галицкого, и Леошеню он знал по военным академиям, а вопросами инженерного обеспечения боя немало занимался сам.

Генерал-майор Воробьев теперь жил в каземате армейского КП рядом со мной, став начальником оперативного отдела штарма. Майор Ковтун, исполнявший последнее время эту должность, стал его заместителем.

Василий Фролович Воробьев получил знакомую, привычную работу, а в штабе, как ни говори, самую ответ-

ственную. И то, что у начопера к большому штабному опыту прибавился фронтовой командный, здесь могло очень пригодиться.

Командарм часто наведывался к заменившему Воробьева в 95-й дивизии Капитохину. Утром спрашивал:

— С Александром Григорьевичем давно говорили? Что там у него?

Капитохина выдвинули в горячее время, когда долго раздумывать было некогда, и, как бывает в таких случаях, порой тревожились: не ошиблись ли в выборе? Как-никак вверили дивизию и сектор полковнику из запаса, который с гражданской войны до июля сорок первого видел армию только на сборах. А северное направление, хотя противник сейчас не наступал, а оборонялся, оставалось самым боевым.

Но претензий к Капитохину набиралось не так уж много. Спокойный и рассудительный, с достаточно твердым характером, но не страдающий самонадеянностью, он обычно сам чувствовал, о чем следует посоветоваться, прежде чем действовать. Причем советы усваивал накрепко. Вот уже кому не приходилось ни о чем говорить дважды.

Петрова немного беспокоило, как сработается Капитохин с прибывшим в его сектор Ласкиным, который моложе годами, но в военном отношении опытнее: возглавлял с начала обороны второй сектор. Будь эти два полковника иными по личным качествам, тут действительно могли возникнуть трения. Однако оба проявляли столько взаимного такта и истинного боевого товарищества, что это вызывало к тому и к другому еще большее уважение.

8 января 1942 года на фронте под Севастополем не происходило крупных событий.

Утром позвонил корреспондент «Красной звезды» Лев Иш: ему стало известно, что еще 4-го напечатана моя статья (написанная под его активным нажимом и переданная в редакцию радиотелеграфом).

Статья называлась «Два месяца обороны Севастополя», но речь в ней шла главным образом об отражении декабрьского штурма. Раз уж пришлось об этом писать, хотелось прежде всего показать активный характер обо-

роны: как-никак за две недели, несмотря на трудности с резервами, только контратак силами от батальона до дивизии и больше было сорок восемь (цифра, впрочем, в газету тогда не попала). Хотелось также отметить особую роль, сыгранную артиллерией, рассказать, как помогало срывать вражеские планы теснейшее боевое содружество армии и флота.

Не знаю, насколько все это удалось. Та статья явилась моим первым в жизни выступлением в печати. А услышав о ее выходе в свет, я вновь, как и после получения генеральского звания, с надеждой подумал: может, хоть эта газета где-то попала в руки Насте — жене... Тогда она и ребята уже знают, что я жив и нахожусь в Севастополе.

С флагманского командного пункта флота приехал переговорить по разным текущим делам капитан 2 ранга Жуковский. Вид у него был мрачный.

— В Евпатории все кончено,— тихо сказал он.— Разведчики, высаженные с подводной лодки, подтверждают...

Это был небольшой десант, о котором в армии мало кто знал, одна из высадок, предпринятых флотом, оперативно подчиненным Кавказскому фронту, для отвлечения сил противника от Керченского полуострова и захвата в Крыму новых плацдармов. Если бы евпаторийский десант удался, туда, очевидно, направили бы войска для наступления на Симферополь с запада, по ровной степи, а может быть, для удара прямо на Ишунь.

Сперва все шло как будто успешно. Высадившийся с тральщика и катеров батальон морской пехоты захватил причалы и завязал бои в городе. Были сведения, что к десантникам присоединяются скрывавшиеся в оккупированной Евпатории бойцы из остатков 321-й дивизии, которая осенью в стадии формирования попала там в окружение. Мы с командармом, стоя у карты, переживали, что не можем (этого никто от нас и не требовал) быстро соединиться с десантом. Для приморцев оставался очень трудной задачей выход на Качу, а от Качи до Евпатории — еще десятки километров.

Тем временем, как установили разведчики, Манштейн повернул к Евпатории полк, который на машинах двигался из-под Балаклавы в сторону Феодосии. А на море разыгрался шторм, как назло — затяжной, и высадка подкреплений на евпаторийский берег стала невозможной.

Новый десантный батальон, дважды выходивший в море и дважды возвращавшийся, возглавлял майор Н. Н. Таран.

В тот же день, о котором я рассказываю, 8 января, Москва сообщила командованию СОР радиоперехват из официальной берлинской сводки: «В Крыму уничтожены силы противника, высадившиеся на побережье Евпатории. Эти силы уничтожены в упорной борьбе за каждый дом».

Да, противник перед нами был такой, что его не пронять мелкими разобщенными ударами...

Командарм, вызванный на флагманский КП, вернулся от командующего СОР с выписками из новой директивы фронта. В ней подтверждалась задача, уже поставленная Приморской армии раньше: одновременно с наступлением 51-й и 44-й армий с Керченского полуострова наносить нашим левым флангом удар в направлении Дуванкоя, а в дальнейшем — на Бахчисарай. Общее наступление в Крыму назначалось на 12 января (потом фронт опять его отложил), нам планировалось к исходу третьего дня выйти на Качу.

Войска, которым предстояло наступать, за последние два дня вновь улучшили свои позиции. Сейчас им было приказано закрепиться на достигнутых рубежах, пополнить боевые подразделения за счет собственных тылов, привести все у себя в порядок. И — на это штаб армии особенно нажимал — активно вести разведку. Мы еще не все знали о том, как расставил перешедший к обороне противник свои огневые средства, какие успел создать опорные пункты.

В соединениях работали все направленцы, но перед новыми боями я хотел своими глазами получше рассмотреть наш передний край: если не представляешь его в натуре, трудно думать над картой.

У Капитохина, Ласкина, Гузя я за последние дни побывал, а сегодня командарм разрешил съездить после обеда к Потапову и чапаевцам. Там мне, помимо прочего, хотелось удостовериться в надежности стыков: на этом, самом «диком» по рельефу, участке Мекензиевых гор немцы не раз находили для себя лазейки.

— Да,— вспомнил Петров, когда я уже собрался

ехать,— Харлашкин-то у нас в войсках. Возьмите Кохарова, он мне сейчас не понадобится.

Иван Ефимович не любил отпускать меня одного. С тех пор как заболел Белоусов, со мной чаще всего ездил капитан Харлашкин, а иногда адъютант командующего Кохаров.

День стоял хотя и пасмурный, но не сумрачный. Снег, которого столько навалило в декабре, уже исчез, и сразу стало похоже на весну.

— У нас в Ташкенте, наверное, тепло, только ночью мороз. Скоро урюк цвести будет...— мечтательно произнес Кохаров, устраиваясь на заднем сиденье эмки у меня за спиной.

Почему-то захотелось побольше проехать городом. Перед кольцом центральных улиц, откуда нам надо было повернуть на спуск к Южной бухте, я сказал водителю Володе Ковтуну:

— Давай через центр, крюк невелик... И не гони, посмотрим, как тут теперь.

Разрушенных и поврежденных зданий прибавилось. Впрочем, не так уж много прибавилось, могло быть хуже. (Всего за ноябрь и декабрь бомбы и снаряды разрушили в Севастополе 235 домов.) И главные изменения заключались не в этом. Больше стало на улицах людей, гораздо больше — вот что бросалось в глаза! Город сделался оживленнее, как-то веселее.

Он оставался под артиллерийским обстрелом. Даже за самые спокойные сутки в городской черте падали десятки снарядов. Линия фронта, хоть и отодвинулась по сравнению с недавними критическими днями, проходила за Северной бухтой, ближе чем месяц назад. Но севастопольцы уже привыкли к обстрелам.

Вспомнилось, как приезжавший накануне на КП Борис Алексеевич Борисов говорил, что многие семьи возвращаются из убежищ в свои квартиры.

— Готовим,— увлеченно рассказывал секретарь горкома,— развернутое решение о восстановлении промышленных предприятий, городского хозяйства, культурных учреждений. Будем, разумеется, прежде всего расширять военное производство, но пора заняться и многим другим. Нужно больше магазинов, нужен трамвай на Корабельной стороне. Открываем центральную библиотеку, думаем открыть и кинотеатр «Ударник»...

На стенах домов, рядом с лозунгами, призывавшими к отпору врагу, появился новый — «Восстановим родной город!»

А у Приморского бульвара, перед площадью, где с памятника простер к городу руку Ильич, на меня вдруг глянуло знакомое худощавое лицо Николая Васильевича Богданова, командира нашего знаменитого артполка: огромный его портрет возвышался на щите над тротуаром. Дальше — другие портреты: армейцы, моряки, летчики, прославившиеся в декабрьских боях. Появись кто из них здесь — каждый узнает героя. Что ж, по делам и честь!

Когда мы пересекали площадь, в бухту, синеющую за колоннами Графской пристани, плюхнулся, взметнув высокий всплеск, немецкий снаряд. И еще один... В поле моего зрения было несколько прохожих, почти все — женщины. Они оглянулись на звук разрыва, ускорили шаг. Но никто не шарахнулся, не побежал. Снаряды ложились в стороне, в нескольких сотнях метров, и люди на улице уже отдали себе отчет: им эти разрывы не страшны. Мирные жители города стали вести себя, как бывалые, обстрелянные солдаты, которые умеют мгновенно оценить степень конкретной опасности, не кланяются каждому снаряду...

Это вызывало уважение к ним и одновременно чувство горечи. Сколько же надо было испытать осадного лиха, чтобы в родном доме, на своей улице стар и млад приобретали фронтовые привычки!..

В бригаде Потапова я выполнил свой план: обошел по первой траншее весь передний край. И, как водится, чем дальше шел, тем больше накапливалось замечаний к разговору с комбригом и начальником штаба.

Народ в бригаде золотой. Но вот надежно окапываться, оборудовать занятые позиции так, чтобы были хороши не только как исходные для движения вперед, а и для упорной обороны, этих удальцов все еще не приучили. А ведь случалось уже в декабре некоторым их батальонам оставлять рубежи, ради которых ходили в геройские контратаки...

«Взять бы да сводить, будь на это время, весь начсостав, вплоть до отделенных, в бригаду Жидилова, — размышлял я. — Там моряков куда больше. А как умеют

зарыться в землю! Побывали под Ишунью, и там, в степи, наверное, навсегда поняли, что значит окопаться или не окопаться по-настоящему».

И со стыками оказалось не все ладно. Тут уж я не успокоился, пока при мне не сомкнулись теснее подразделения смежных батальонов, пока правый фланг бригады и ее сосед — чапаевцы — не подали друг другу огонь, подтвердив локтевой контакт.

Удовлетворенный тем, что успел сделать, и заключительным разговором на бригадном КП, я не жалел, что задержался у Потапова несколько дольше намеченного. Пора было, однако, пока не начало темнеть, двигаться к чапаевцам.

По пути, еще на участке 79-й бригады, завернул на заросшую кустарником высотку: хотелось взглянуть на отрог Камышловского оврага, плохо просматривавшийся из траншей. Со мной шли Кохаров и командир — моряк из штаба Потапова. Внизу, на дороге, ждал Володя Ковтун с машиной.

Высотка оказалась что надо: видны и интересовавший меня отрог и главная выемка Камышловского оврага (кто только окрестил оврагом эту живописную, резко очерченную долину!) на всю километровую ширь. Косые лучи предзакатного солнца, пробившиеся сквозь облака, хорошо освещали восточный, занятый противником склон.

Но осматриваться довелось недолго. Провизжав у нас над головой, разорвалась где-то позади крупнокалиберная мина. А через несколько секунд другая — впереди. Вот тебе на, попали в вилку!..

Следующая мина упала совсем близко. Меня обдало сзади жаром и сильно ударило под лопатку будто горячим кирпичом (в голове мелькнуло: отскочил камень). Устояв на ногах, я обернулся и увидел неподвижно лежащего Кохарова. Моряк из штаба тоже упал, но старался встать.

Откуда-то мгновенно появились несколько бойцов. Я приказал им нести моряка и Кохарова к машине и передать водителю, чтобы вез в медсанбат, меня не ждал.

Выбираясь следом за ними из кустарника, услышал чьи-то слова: «Старший лейтенант мертвый». Понял, что это про Кохарова. Как в тумане увидел уходящую эмку.

«Контузило меня, что ли? — с досадой думал я, чувствуя нарастающую противную слабость. — Сейчас это должно пройти».

Однако передвигать ноги становилось все тяжелее. На мое счастье, на дороге показалась полуторка, очевидно доставлявшая боеприпасы.

Сев в кабину, вновь попытался дать себе отчет в своем состоянии, но разобраться в нем почему-то не удавалось. Попробовал закурить — не получилось и это, что-то мешало. Когда въехали в город, уже сознавал, что в наше подземелье по крутой лестнице, пожалуй, не спущусь. Велел шоферу повернуть к домику, где «стоял на квартире» и иногда отдыхал — там был телефон.

И только вылезая из машины, заметил на себе кровь — она текла из рукава бекеши и по ноге. Сил хватило ровно на то, чтобы войти в свою комнату, опуститься на диванчик, снять трубку и соединиться со штабом. Услышав голос майора Ковтуна, попросил его подняться ко мне наверх. Положить трубку на аппарат, как потом выяснилось, уже не сумел.

К сознанию меня вернули Ковтун и начсанарм Соколовский, когда стаскивали намокшую бекешу.

— Счастлив ваш бог! — воскликнул Давид Григорьевич, ощупывая мою спину.

Поняв это в том смысле, что ранение легкое, и услышав затем что-то про госпиталь, я невпопад возразил:

— Может быть, ограничимся перевязкой?

В следующий раз очнулся под ярким светом направленных на меня ламп уже на операционном столе. Ощутив на ногах, накрытых белым, не снятые почему-то сапоги (не сняли их просто в спешке), хотел о них напомнить, но решил, что, наверно, так надо — врачам виднее. Да и некогда уже было, меня начинали усыплять...

Подробности происшедшего в тот день стали известны мне значительно позже.

В меня попали три осколка разорвавшейся сзади мины. Самый крупный, с половину спичечного коробка, пробив лопатку и раздробив ребро, не дошел одного сантиметра до сердца. А слова Соколовского «Счастлив ваш бог!» относились к тому, что в рану втянуло, плотно ее заткнув, ткань и вату, вырванные из бекеши. Случайный

тампон предотвратил слишком большую потерю крови. Очевидно, благодаря ему я смог даже без перевязки некоторое время оставаться на ногах.

Чтобы добраться до этого осколка, пришлось делать разрезы между ребрами. Одной операцией дело не ограничилось. Возникли осложнения, понадобилась вторая: давал о себе знать другой осколок, который сразу не нашли, а может, решили пока не трогать.

Но это уже было потом. А сколько-то дней я провел совсем выключенным из окружающей жизни. Приходя время от времени в полусознание, плохо представлял, где нахожусь: как и куда везли, не помнил.

Заметив как-то, что я приоткрыл глаза и всматриваюсь в темноватое окно (его закрывала глухая стена соседнего здания), дежурная сестра успокаивающе зашептала:

— В Севастополе вы, товарищ генерал, в Севастополе. В самом центре, на горе... Тут Первая совбольница помещалась, а теперь наш госпиталь, пэ-пэ-ге двести шестьдесят восемь...

Когда смог наконец сознательно познакомиться со своим лечащим врачем Семеном Давыдовичем Литваком — главным хирургом госпиталя, услышал от него, что сюда каждый день приезжает командарм. Ко мне генерала Петрова не пускали, но он все ездил, чтобы поговорить с врачами.

Я считался пока нетранспортабельным, однако по всем медицинским показателям подлежал, как только немного окрепну, эвакуации на Большую землю. Но командующий, как я потом узнал, заранее распорядился никуда меня не отправлять. В штаб фронта немного погодя сообщили: «Оставлен на излечение при армии и в ближайшее время, видимо, возвратится к исполнению службы».

Милый Семен Давыдович, старательно меня обманывая, называл заниженную температуру, объяснял своей «неловкостью», за которую постоянно извинялся, мучительную болезненность перевязок с выпусканием накапливавшегося в ране гноя. Но командарму он, надо полагать, докладывал о моем состоянии то, что есть. Как я был благодарен Ивану Ефимовичу, продолжавшему верить в мои силы!

Во второй раз меня оперировал Валентин Соломонович Кофман.

Об этом одесском профессоре, ставшем, когда началась оборона его родного города, армейским хирургом, мне много рассказывал начсанарм Соколовский. Я знал, что в первую мировую войну Кофман гимназистом убежал на турецкий фронт помогать отцу, врачу кавалерийской бригады. Он участвовал в революции, в гражданскую был комиссаром. В институт поступил уже не юнцом, но в тридцать с чем-то лет стал доктором медицинских наук. Быстро освоившись у нас в армии, этот редкостно энергичный и работоспособный человек успевал на войне быть не только организатором и хирургом-практиком, а и педагогом, ученым.

За три дня до того, как приморцам пришлось оставить Одессу, в типографии армейской газеты были отпечатаны триста экземпляров его научной работы, задуманной как пособие для медиков, призванных из запаса. В ней обобщался опыт обработки раненых в войсковом районе. А в Севастополе под руководством Кофмана уже создавался коллективный труд по полевой хирургии. Многие врачи готовили по заданиям профессора рефераты, в медсанбатах, как только позволяла обстановка, проводились научные конференции...

У Валентина Соломоновича было запоминающееся лицо: очень бледное, почти белое, с крупными, выразительными чертами. В ярком освещении операционной оно выглядело еще внушительнее. В движениях Кофмана, в манере держаться сквозила покоряющая уверенность, голос звучал громко, резко.

Операция делалась под местным наркозом. Когда я зашевелился от внезапной боли, грозный армхирург прикрикнул:

— Что, кончается наркоз? Знаю, терпите! Сейчас я его ухвачу!..

Тут же я ощутил, как где-то во мне металл задел за металл. И Кофман торжествующе объявил:

— Готово, вытащил! Теперь все пойдет на лад. Вот, держите на память! — Он сунул в мою обессилевшую руку острый кусочек железа.

(Третий осколок, который в тот раз признали за благо оставить в покое, начал беспокоить только два года спустя, что привело меня снова в госпиталь в последнюю военную зиму в Восточной Пруссии. Там я попал в отделение военврача Александры Анохиной. Когда уже вы-

писывался, вдруг выяснилось, что она жена нашего Капитохина. Этого я так и не узнал бы, если бы именно в тот час сам Александр Григорьевич, ставший генералом и воевавший в тех же краях, не заехал в госпиталь навестить жену.)

Слова Кофмана оправдывались: я пошел на поправку. Только очень уж медленно, «со скрипом». Медики говорят, что именно тогда, когда кого-то хотят быстрее поставить на ноги, чаще всего возникают разные казусы. Так, наверное, получилось и со мной: к незажившим ранам прибавилось воспаление легких. Минули недели, прежде чем я начал осторожно, держась за спинку койки и стену, ходить по палате. Как события ждал первого выхода с палочкой в коридор...

Не стану, впрочем, вдаваться в то, что знакомо каждому, кто был на войне серьезно ранен. Но не могу не сказать о самоотверженных людях, которые заботливо и терпеливо меня выхаживали.

Немало забот доставил я терапевту Нине Федоровне Харламовой. А сколько раз на дню склонялась надо мною старшая сестра Ирина Котляревская, зоркий и умелый помощник лечащих врачей! Она была «морячка» — из флотского госпиталя. Военфельдшер Муся Кондуфорова и медсестра Тося Чабан, сменяя друг друга, следили ночами, чтобы я лежал приподнято (чуть сползу с подушек — начинал задыхаться, а приподняться сам не мог). Никогда не забуду, как радовались эти добрые девушки — кажется, больше меня самого — всякому признаку моей поправки.

Впереди у севастопольцев были тяжелые дни. Несколько месяцев спустя погибли и доктор Литвак, и профессор Кофман, успевший закончить и отправить на Большую землю свой последний научный труд.

Два года назад, в юбилей Победы, я получил письмо из Кишинева от Муси Кондуфоровой, ныне Марии Ивановны Штырбул.

Она была в Севастополе до конца. И не только ухаживала за ранеными, но и сражалась с оружием в руках. Пережила гибель многих своих товарищей... «Теперь все это далеко позади,— писала Мария Ивановна.— У меня уже выросли три сына-коммуниста. Мой муж — тоже севастополец, бывший начштаба медсанбата. А я работаю все фельдшером, в клинической больнице...»

Отрадно узнавать хорошее о людях, испытавших на войне много тяжелого. Думается, такие люди, как никто другой, способны ценить простые радости мирной жизни!

...Когда врачи позволили меня навещать, первыми приехали командарм Иван Ефимович Петров и член Военного совета Михаил Георгиевич Кузнецов. Они посидели пять-шесть минут, улыбались, рассказывали о каких-то пустяках. У меня светлело на душе от одного того, что снова вижу их лица. Но, конечно, очень хотелось что-нибудь услышать о фронтовых делах. Однако говорить со мной об этом, как видно, было запрещено.

— За Приморскую армию можете быть спокойны,— сказал на прощание Иван Ефимович.— А познакомиться с деталями обстановки успеете.

Еще раньше, перед повторной операцией, судьба одарила меня великим, неоценимым подарком: отыскались живыми и невредимыми жена и вся моя семья — два сына и дочь, о которых я не имел вестей с первого дня войны.

Белоусов выяснил-таки, что из Болграда они попали на Волгу, в Камышин, разузнал у кого-то, что жена поступила там на работу в госпиталь, сообщил адрес. Но не успел я распорядиться о высылке туда денежного аттестата (семья уехала без него), как из штаба доставили письмо Насти, оказавшейся с ребятами уже в Казахстане, в Джамбуле. В письме пришла даже последняя фотография Борьки — моего младшего, семилетнего, сына...

Ко мне стали прорываться Рыжи, Моргунов, Глотов, Ковтун... По их рассказам, сперва вынужденно кратким (засиживаться гостям не давали) постепенно складывалось представление о том, что успело произойти без меня. Правда, до некоторых пор картина получалась довольно однобокой: мне старались сообщать только хорошие новости.

Лишь в середине февраля я узнал, что немцы 18 января вновь овладели Феодосией. Еще позже — о том, что через неделю после меня (при схожих обстоятельствах и тоже на Мекензиевых горах) был ранен осколком мины и прожил после этого всего несколько часов Гавриил Павлович Кедринский, наш боевой начинж (по введенной незадолго до того новой организации инженерных войск он

стал также заместителем командующего армией). Похоронили его на Малаховом, рядом с Кудюровым...

Фронт наш назывался уже не Кавказским, а Крымским, штаб находился в Керчи. Командовать фронтом продолжал генерал-лейтенант Д. Т. Козлов, при котором находился в качестве представителя Ставки Л. З. Мехлис.

А две армии, сосредоточенные на Керченском полуострове, оказывается, так и не вышли за его пределы. Как получилось, что войска, переправившиеся через пролив ради решительного наступления в глубь Крыма, все еще не развернули это наступление, я долго не мог уразуметь.

— Не ломайте, Николай Иванович, над этим голову, на войне чего не бывает! — уговаривали мои гости. Они уже не рады были, что нарушили запрет разговаривать на служебные темы.

Раз не приближался к нам фронт, созданный на востоке Крыма, было естественно, что особенно не продвинулись и приморцы: наступление с севастопольского плацдарма могло быть только вспомогательным. На ряде участков северного направления наши части вернули еще кое-что из оставленного в декабре. Однако до Качи по-прежнему было далеко.

— Кажется, мне легко будет возвращаться к работе,— пошутил я при очередной встрече с Иваном Ефимовичем.— Изменений как будто немного...

— К сожалению, немного,— согласился Петров.— Все зависит от Керчи, от того, когда там начнут по-настоящему. Пока наша задача — прочно удерживать занимаемые рубежи и быть в готовности частью сил наступать в направлении Бахчисарая. Словом, задача вам знакомая.

Севастополь оставался в осаде. И если в первые дни января казалось, что это уже ненадолго, что оборона города в основном позади, то теперь, чувствовалось, многие смотрели на положение в Крыму иначе.

Несколько позже меня навестил генерал Воробьев. (Он вступил во временное исполнение обязанностей начальника штаба армии, и, как я знал по себе, отлучаться с командного пункта ему было нелегко.)

— Что Севастополь придется оборонять еще долго и упорно,— сказал, помню, Василий Фролович,— мне стало ясно после того, как немцам удалось снова занять Фео-

досию. А наши бойцы, которые, кстати, про Феодосию пока не знают (об ее оставлении широко не объявлялось), поняли это, думается, уже по тому, как ожесточенно сопротивляется противник, когда мы пытаемся где-либо его потеснить. Так что из госпиталя можете не спешить, к наступлению, полагаю, не опоздаете... И обороны на вас еще хватит...

В этих своих прогнозах Воробьев, увы, оказался прав.

В один из февральских дней в палату нежданно ввалился почти весь оперативный отдел с Ковтуном и Костенко во главе. Семен Давыдович, вошедший вместе с моими сослуживцами, предупредил:

— Такую делегацию пускаю в виде особого исключения.— И многозначительно добавил: — Сегодня для этого есть основания.

Оказывается, товарищи пришли поздравить меня с награждением орденом Красного Знамени — первым моим орденом в жизни.

А я, как выяснилось, мог поздравить с такой же наградой Андрея Игнатьевича Ковтуна. И передать поздравления многим-многим другим. В указах Президиума Верховного Совета, занявших не одну страницу в центральных газетах, стояли фамилии более чем двух тысяч приморцев.

Это было награждение еще за оборону Одессы. В Севастополе представления на отличившихся бойцов и командиров стали рассматриваться на месте, и дело пошло быстрее. А одесские наградные листы посылались в наркомат, причем мы долго не были уверены, дошли ли они туда. Но, как видно, всему свой срок.

Оставшись один, я долго перечитывал столбцы указов, находя новые и новые знакомые имена, вспоминая связанные с ними события, бои.

Четырнадцать приморцев стали Героями Советского Союза. Про большинство их, правда, уже следовало сказать — бывших приморцев. Двенадцать — летчики 69-го истребительного авиаполка майора Льва Львовича Шестакова (сам он тоже получил Героя), который после переброски в Крым выбыл из состава нашей армии и действовал теперь где-то на Кавказе. А молодой комбат из 95-й дивизии Яков Бреус, представленный к Золотой Звезде после памятного августовского боя у станции Карпово, когда его батальон остановил полк вражеской пехоты

с танками, был эвакуирован из Одессы раненым и в Приморскую армию не вернулся.

Только один из этих четырнадцати оставался у нас — командир минометной роты 31-го стрелкового полка Чапаевской дивизии лейтенант Владимир Поликарпович Симонок. К его одесским заслугам (о них говорилось в первой моей книге) успели прибавиться новые. При отражении декабрьского штурма Севастополя его минометная рота мастерски отсекала неприятельскую пехоту от танков и, как считал командир полка К. М. Мухомедьяров, сорвала не меньше десятка фашистских атак.

Симонок — из запаса, до войны руководил колхозом на Украине. И вот стал Героем, гордостью страны. Я представлял, как рады за него чапаевцы.

Среди удостоенных ордена Ленина были главный одесский и севастопольский фортификатор генерал-майор инженерных войск А. Ф. Хренов, полковник С. И. Серебров — геройский командир 161-го стрелкового, отправленный после тяжелого ранения в тыловой госпиталь, подполковник А. О. Кургинян, для которого награда оказалась посмертной...

Многие из новых орденоносцев с тех пор, как на них послали в Москву наградные листы, изрядно выросли. Старший лейтенант Дацко и капитан Петраш представлялись к ордену Красного Знамени, когда первый был оператором штадива, а второй комбатом. Теперь оба командовали полками. А Николай Кирьякович Рыжи, также награжденный орденом Красного Знамени, узнал, что он — генерал-майор артиллерии, и в следующий раз явился ко мне в генеральской форме.

Артиллеристы помимо многих личных наград получили почетную для всей армии коллективную: артполк майора Богданова стал Краснознаменным. Это было уже не только за Одессу, но также и за Севастополь!

Как только оставались позади каждодневные утренние неприятности — перевязка и прочие процедуры, я начинал с нетерпением ждать прихода кого-нибудь из сослуживцев. Мысли тем временем возвращались к новостям, дошедшим до меня накануне.

Я радовался выделенному нашей армии дивизиону гвардейских минометов (вот бы иметь их в декабре!).

Или тому, что с Большой земли прибыли еще два десятка Т-26: значит, наши танковые батальоны, пополнившись этими машинами, опять станут реальной боевой силой. Приняв к сведению, что полк Мухомедьярова, который был временно придан дивизии Ласкина, возвращается наконец в свою Чапаевскую, перемещал его из четвертого сектора обороны в третий...

Врачебный запрет на служебные разговоры постепенно отпал сам собой. Мне стали приносить для прочтения кое-какие документы. Вводил меня в курс событий и генерал Петров, хотя и старался оберегать от преждевременных забот. Проводив командарма до моей койки, доктор Литвак тактично удалялся. Иван Ефимович присаживался поближе, и мы могли беседовать, о чем хотели: в палате я лежал один.

На КП, где нам постоянно надо было обсуждать что-то связанное с происходящими или готовящимися действиями армии, не часто выдавалось время поговорить о том, что уже позади. Здесь же Петров любил, отключаясь ненадолго от сегодняшних дел, размышлять вслух о вчерашних — что удалось, что нет... Вероятно, он испытывал потребность осмысливать это для себя. А я, слушая его, уяснял обстановку пропущенных недель и дней и все лучше разбирался в том, как складывается она сейчас.

В описаниях обороны Севастополя первые месяцы 1942 года обычно называют периодом затишья, и, в общем, это правильно. Но частные наступательные операции, предпринимавшиеся с севастопольского плацдарма и в январе, и в феврале, и в марте, стоили приморцам большого напряжения сил.

Каждый из этих ударов тщательно готовился. Все участвующие полки проверял сам командарм, а направленцы штарма не пропускали ни одной роты. На узких участках фронта сосредоточивался огонь многих десятков орудий. Если позволяла погода, наступающие части поддерживала и авиация. Наиболее значительная из этих операций была предпринята 27 февраля. Главная роль в ней отводилась частям дивизии Гузя и чапаевцам, а бригада Потапова им содействовала.

Однако результаты оказывались скромными, сводились к улучшению позиций, к занятию отдельных высот.

Сопротивление противника возрастало, часто он переходил в контратаки.

— Немцы укрепились, имеют много огневых средств,— говорил Иван Ефимович.— Чтобы проломить их оборону, нужно гораздо больше боеприпасов, чем мы в состоянии расходовать сейчас...

Положение с артиллерийскими снарядами оставалось трудным. Почти все наличные черноморские суда перевозили военные грузы с Кавказа в Керчь. Для снабжения Севастополя выделили четыре транспорта, но иногда и их брали на керченскую линию.

Конечно, общий итог активных действий Приморской армии, возобновлявшихся по требованию фронта каждые полторы-две недели, измерялся не только отбитыми у врага высотами. Приморцы продвинулись мало, свой плацдарм существенно не расширили, однако крупная неприятельская группировка сковывалась под Севастополем прочно, и Манштейн не мог ничего больше взять отсюда на керченское направление. А там должно же было когда-то начаться решительное наступление Крымского фронта!

Но чем дольше оно не развертывалось, тем сильнее тревожило командарма, что наши отвлекающие удары обходятся дорого. После них армейские запасы снарядов снижались до опасного в нашем положении предела. Атакующие части несли немалые потери.

Бои охватывали лесистый лабиринт Мекензиевых гор, пересеченных извилистыми расщелинами и балками. Иногда какое-нибудь подразделение прорывалось по одной из этих теснин в глубину обороны противника. Он перекрывал узкую брешь, а продвинуться вперед по всему фронту атак не удавалось. Отрезанные от своих, бойцы заносились в число пропавших без вести...

Именно к этим боям имеет отношение история, которую я много лет спустя узнал от Н. Е. Ехлакова, бывшего военкома 7-й бригады морской пехоты. Ныне полковник в отставке, он навсегда поселился в Севастополе и отдает весь жар своей нестареющей комиссарской души пропаганде славных традиций города-героя.

В 1964 году, рассказывал Николай Евдокимович, в Бахчисарайском районе, в местах, отстоявших в сорок втором примерно на десять километров от нашего переднего края, школьники из селения Фронтовое (в войну —

Биюк-Отаркой) обнаружили последнюю позицию взвода приморцев. Как дошел сюда взвод и сколько врагов уничтожил на своем пути, теперь уже не выяснить. Вероятно, он, не имея возможности соединиться со своей частью, пытался пробиться дальше в горы, к партизанам. А по тому, как лежали останки бойцов у краев небольшой котловинки, успевшей зарости молодым леском, было видно, что им пришлось занять здесь круговую оборону. И каждый остался там, где дрался, до конца...

По обрывкам документов и полуистлевшим предсмертным запискам, найденным в винтовочных гильзах, юные следопыты с помощью работников Музея обороны и освобождения Севастополя установили время боя, номер части, фамилии некоторых бойцов. Героев похоронили с воинскими почестями на высоте над селением. Ко многим памятникам, стоящим у севастопольских рубежей, прибавился скромный обелиск, надпись на котором гласит:

«Железовский И. А., Сидоров Ф. Д., Бетрозов М. X., Кунинов Айтколи, Абдулов и 45 неизвестных воинов из 345-й стрелковой дивизии, погибших при обороне Севастополя в феврале 1942 года».

Ехлаков, бывавший там много раз, говорил, что ребята Фронтового обсадили обелиск цветами, носят на крутую гору воду, чтобы их поливать. А 23 февраля и 9 мая, какая бы ни была погода, с утра до вечерней зари стоят у братской могилы пятидесяти приморцев в почетном карауле. Здесь, как и у других памятников Севастопольской обороны, вручаются пионерские галстуки, комсомольские билеты.

В местах, где сражался до последнего солдата «пропавший без вести» взвод из дивизии подполковника Гузя, я бывал в самом начале боев за Севастополь, когда на дуванкойском направлении отражались первые попытки гитлеровцев прорваться к городу. Запомнилось, как расступаются там невысокие горы, пропуская бурливый Бельбек, как с каждой вершинки открываются глазу широкие дали...

После декабрьского штурма это уже были неприятельские тылы. И о бое, происшедшем далеко за линией фронта, мы тогда не знали. Но он может служить еще одним свидетельством того, с каким упорством изматывали севастопольцы блокировавшие город вражеские силы в «спокойные» месяцы обороны. И гитлеровское

командование вскоре решило, что четырех дивизий, оставленных для осады Севастополя, недостаточно.

Как-то генерал Петров, войдя ко мне в палату, сел рядом и заговорил хрипловато, отрывисто:

— Был сейчас в чапаевском медсанбате, попрощался с Ниной Ониловой... Ранена осколком в грудь неделю назад, когда Разинский полк продвигался вперед, а потом вернулся на исходные. Была со своим пулеметом в группе прикрытия... И вот... умирает, врачи сделали все, что могли... Какая нелепость, ей же двадцать лет!..

Петров порывисто встал и, протирая платком пенсне, отошел к окну.

Мне так и не привелось встретиться с храброй Анкой-пулеметчицей, истребившей под Одессой и Севастополем сотни гитлеровцев. Некоторое время спустя я прочел в армейской газете отрывки из ее дневника и невольно поразился глубине и какой-то особой цельности мыслей, которые юная одесская работница, ставшая бесстрашным бойцом, поверяла своей заветной тетради. Вот несколько строк оттуда:

«Не надо думать о смерти, тогда очень легко бороться. Надо понять, зачем ты жертвуешь своей жизнью. Если для красоты подвига и славы — это очень плохо. Только тот подвиг красив, который совершается во имя народа и Родины. Думай о том, что борешься за свою жизнь, за свою страну, и тебе будет очень легко. Подвиг и слава сами придут к тебе...»

Наверное, дневник Ониловой прочли в нашей армии все. Десятки медсестер, связисток, девушек-писарей ответили на ее гибель рапортами о переводе в строй. В одной только Чапаевской дивизии потребовалось организовать несколько учебных групп по подготовке пулеметчиц — пока запасных. Многие из них отличились потом в боях.

Родина посмертно удостоила Нину Онилову звания Героя Советского Союза. Ее могила на Кладбище коммунаров сделалась одной из севастопольских святынь.

В госпитале у меня было вдоволь времени для раздумий.

Нередко вспоминались события первой Севастопольской обороны, и каждый раз возникало ощущение, что

они как бы соприкасаются с происходящими теперь. Думалось о знаменательной исторической судьбе города, который вновь, как и в прошлом столетии, олицетворял русскую стойкость, русскую доблесть.

Газеты приводят слова Льва Толстого: «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...» Это казалось написанным про наши дни.

Наверное, как и многие, кому представилась такая возможность, я перечитал в госпитале толстовские рассказы, написанные почти девяносто лет назад. И невольно задержался на фразе, которой начинается у Льва Николаевича «Севастополь в мае»: «Уже шесть месяцев прошло с тех пор, как просвистело первое ядро с бастионов Севастополя...»

Бросилось в глаза совпадение сроков — и сейчас к маю должно было исполниться полгода с того дня, когда на подступах к городу прогремели первые орудийные выстрелы. Продлится ли вражеская осада до мая?.. В январе я, вероятно, сказал бы, что весь Крым будет освобожден гораздо раньше. Да пожалуй, и такой вопрос не мог тогда возникнуть. А в марте я затруднялся ответить на него. Надеялся, что все станет яснее, когда выберусь из госпиталя, вернусь в строй.

Армиям, стоявшим на Керченском полуострове, продвинуться дальше Ак-Монайского перешейка все еще не удалось. Теперь, как говорили, их задерживала весенняя распутица в крымских степях. Когда она, эта распутица, тут кончается? Должно быть, не позже апреля. Если так, то как раз к маю могли развернуться решающие бои.

Навещавшие меня сослуживцы делились своими заботами, связанными с ожидавшимся — когда настанет для этого момент — переходом в наступление. Ковтун рассказывал, какие принимаются меры, чтобы получить недостающие транспортные средства — автомашины, тягачи, повозки, коней. А Николай Кирьякович Рыжи сообщил как-то, что они с начальником штаба артиллерии Васильевым обсуждали возможность передвижения на новые позиции, которые армия займет, корабельных орудий, стоявших с декабря на Малаховом кургане, у Максимовой дачи и в других местах и служивших хорошей подмогой нашей полевой артиллерии. Только вот, сомневался

начарт, даст ли флот взять эти батареи от Севастополя?

Надежда на то, что Приморская армия скоро соединится где-нибудь у Бахчисарая или на внешнем обводе севастопольских рубежей с войсками Крымского фронта, приглушала постоянные тревоги за положение со снарядами, продовольствием, горючим. Ограниченные морские перевозки едва покрывали текущий расход всего этого. Создать на нашем плацдарме страховочный осадный НЗ — хотя бы боеприпасов — никак не удавалось. Но теперь уж, думалось, продержимся, сколько осталось, и без него.

И все же после стольких неудач с наступлением со стороны Керчи уверенности, что оно начнется, как только подсохнет степь, не было. Противник имел сейчас в Крыму больше сил, чем в январе, и весенняя пауза на других фронтах, естественно, облегчала ему переброску новых подкреплений. А в том, что гитлеровцы будут зубами держаться за Крымский полуостров, сомневаться не приходилось. И конечно, Манштейн мог попытаться опять захватить инициативу. Следовало полагать, наше командование в Керчи это учитывает...

Не знаю, как вели себя в это время немцы там, перед ак-монайскими позициями, а под Севастополем они, судя по многому, что до меня доходило, вновь начали активничать. В январе было лишь упорное сопротивление нашим атакам да методический обстрел. Теперь же противник сам завязывал то на одном, то на другом участке местные, прощупывающие бои и иногда даже вклинивался в нашу оборону. Перед фронтом СОР все чаще отмечались действия неприятельских разведгрупп.

А что вновь усиливаются удары по городу, можно было заметить, не выходя из палаты. Правда, вражеские снаряды в эту часть Севастополя не залетали, но бомбы часто падали вблизи госпиталя. Однажды здание тряхнуло так, что сперва подумалось: прямое попадание. Однако прямого все-таки не было. Бомба разорвалась в нескольких метрах от стены противоположного крыла, повредив угол, выбив окна.

После этого случая начсанарм Соколовский долго уговаривал меня перебраться в инкерманский подземный госпиталь, обещая там покой и тишину. Я решительно отказался, считая ППГ-268 самым лучшим для себя уже потому, что он ближе других к штабу. Тут меня могли регулярно навещать товарищи, а чувствовать их рядом,

жить хоть в какой-то мере тем, чем живут они, было важнее всего.

В марте наш разведотдел получил сведения, будто немцы готовятся выбросить под Севастополем воздушный десант. После того как врагу не удалось прорвать севастопольские рубежи двумя длительными штурмами, мысль о десанте позади них, в тылах обороны, представлялась, в общем, логичной. И можно было даже без карты назвать по крайней мере два-три места на нашем плацдарме, наиболее уязвимых в этом отношении.

Командование армии срочно разместило в этих районах некоторые части из второго эшелона. Майор Ковтун засел за разработку инструкции, где определялось — исходя из опыта войны и местных условий, как должны действовать в случае выброски десанта наши войска. До тех пор мы такого документа не имели. Проект инструкции обсудили у меня в палате.

Предчувствие надвигающихся событий делало пребывание в госпитале, и без того опостылевшее, все более тягостным. Ходил я еще не слишком твердо, досаждала одышка, но сидеть мог, голова была ясной. Начал доказывать врачам, что для штабной работы уже годен и, значит, пора выписываться.

Убедить в этом Валентина Соломоновича Кофмана (дать «добро» должен был он) удалось лишь к концу марта. Возражать против такой формальности, как назначение мне трехнедельного отпуска, я уж не стал: какие там отпуска в Севастополе! Однако пришлось спорить еще и с командармом: узнав заключение медицинской комиссии, Иван Ефимович склонен был отнестись к отпуску вполне серьезно.

Помирились на том, что я несколько дней поживу «на городской квартире», в домике-мазанке по соседству с КП и буду исподволь входить в дела.

ГРОЗОВАЯ ВЕСНА

Никогда еще с начала обороны я не видел Севастополя таким, как в тот день, когда, распрощавшись наконец с госпиталем, ехал на машине к нашему КП.

Город заливало весеннее солнце. Ослепительно искрилась просвечивающая между зданиями голубизна бухт. А улицы казались прибранными, словно перед праздником: чисто выметена мостовая, побелены стволы деревьев, свежей краской блестят скамейки в скверах.

Обгоняя шагающих по тротуарам пешеходов, весело позванивали аккуратные маленькие трамвайчики. Мелькнула афиша кинотеатра. На бульваре женщины высаживали цветы. Около них, на дорожке, посыпанной ярким желтым песком, играли дети...

Если бы не фанерные щиты, которые маскировали поврежденные фасады домов и закрывали выбитые окна, если бы не доносящиеся время от времени раскаты орудийных выстрелов, то на этих опрятных, спокойных на вид улицах, пожалуй, можно было забыть, что фронт рядом, а город уже пять месяцев в осаде. Какие же, думалось мне, понадобились усилия, чтобы при непрекращающихся бомбежках, под артиллерийским обстрелом навести вот такой, прямо-таки сверкающий порядок! И какое желание его поддерживать!

Впечатлениями об увиденном по пути из госпиталя я смог сразу же поделиться с военкомом штарма Глотовым — улыбающийся Алексей Васильевич встретил меня у калитки домика в Крепостном переулке, где я, как обещал командарму, должен был немного пожить, не впрягаясь в работу.

— Да, Севастополь, несмотря ни на что, все хорошеет,— подтвердил Глотов, когда мы уселись в моей комнате на том самом диване, с которого в январе Соколов-

ский увез меня на операционный стол.— Не удивительно, что и вы поразились с непривычки. А в войсках командиры говорят: «Отпустишь бойца в город на три-четыре часа, и он живет этим месяц!» Что бы ни услышал красноармеец от товарищей, от шефов, разве рассчитывает он увидеть в десяти километрах от передовой чистенькие людные улицы, обычную городскую жизнь? В парикмахерской его без очереди в кресло усадят, настоящим одеколоном освежат. Хочешь сфотографироваться на память — пожалуйста в фотоателье. Можно даже, как до войны, сапоги почистить у чистильщика. Уже появились эти усатые старикашы в тихих уголках. И таблички повесили: «Фронтовикам — бесплатно». Да мало ли еще нового! Давно «Панораму» для публики открыли. На улице Карла Маркса с самого утра работает подземный кинотеатр. Хотели открыть и обыкновенный, на поверхности, да в него, едва успели отремонтировать, опять бомба попала, хорошо, что в пустой... А в помещении Картинной галереи теперь Музей второй Севастопольской обороны — история не отстает от жизни. Из частей по возможности организуют туда экскурсии.

Оказывается, я не знал многих городских новостей. В госпитале свой особый мирок, и туда не все доходит. А с навещавшими меня сослуживцами не хватало времени наговориться о фронтовых делах.

То, что рассказывал Глотов, было интересно и, конечно, радовало. Но весенние севастопольские улицы с побеленными деревьями и вскопанными клумбами, еще стоявшие у меня перед глазами, вызывали и щемящее чувство тревоги. Ведь все это — пока что на пятачке, обстреливаемом вражеской артиллерией...

— Алексей Васильевич, а сколько сейчас в городе гражданского населения? — спросил я.

— Как говорил недавно предгорисполкома Ефремов, на март выдано шестьдесят две тысячи продовольственных карточек. В том числе около шестнадцати тысяч детских... Эвакуация что-то застопорилась, никто не хочет уезжать. Иные даже ухитрились вернуться. А между тем на днях пришлось, одновременно с сокращением пайка гарнизону, урезать хлебную норму для всех граждан. Запасы ведь не ахти какие, а с подвозом стало трудно. Моряки вам расскажут, какая там у них на море обстановка.

Я не ожидал, что в Севастополе еще столько детей — больше четверти всего населения. Понять, конечно, можно: оставались матери — остались и дети. И все-таки для осажденного города многовато...

— А как школы? Их не поторопились перевести наверх?

— Нет, — успокоил Глотов. — Из убежищ выбрались только разные учреждения. Все школы оставлены, пока не отодвинется фронт, под землей. Как и спецкомбинаты.

Вскоре мне довелось увидеться с городскими руководителями — Б. А. Борисовым и В. П. Ефремовым и узнать о севастопольской жизни больше. За последние месяцы, говорили они, люди успокоились: знают, что фронт держится прочно. А к бомбежкам и обстрелу притерпелись, научились разумно остерегаться. Хотя, понятно, без жертв в городе не обходится.

Мне рассказали о хозяйственных трудностях, нараставших из-за долгого отрыва от Большой земли.

Иссякли запасы угля... Электростанцию заблаговременно перевели на жидкое топливо. Его доставляет танкер «Москва». А некоторые предприятия, в том числе хлебозавод, чуть было не остановились. Пока выручает угольная пыль, накопившаяся за годы у железнодорожного депо, на Морзаводе, на складах. Два старых мастера попробовали засыпать ею котел для варки асфальта, добавили туда песку, глины, поколдовали над этой смесью, и получилось тесто, из которого можно прессовать горючие брикеты. Рецепт передали нескольким предприятиям, и они теперь сами изготовляют «севастопольский антрацит».

По всему городу приходится искать подходящее сырье для спецкомбината № 1, где делают оружие. Используются и обломки разбомбленного на Северной стороне ангара, и старые консервные банки. Специальную калиброванную проволоку для деталей гранат удалось заменить стальным морским тросом, расщепленным на нити и термически обработанным. Трудно со взрывчаткой. Но при всех нехватках мартовская продукция комбината составит 65 тысяч гранат, тысяч 70 мин, свыше полутора сот минометов.

— Когда поедете в сторону Балаклавы, — перешел Василий Петрович Ефремов на другое,— обратите вни-

мание на полевые работы. Совхозы наводят весенний порядок на виноградниках. Начнется минометный обстрел — люди пережидают, отлеживаются в канавах... Ну а огороды женщины копают везде, где только найдут землю помягче. Брошен лозунг: «Каждому двору — огородную гряду!» Овощными семенами обеспечили краснодарцы — прислали в подарок.

В госпитале меня уже угощали редиской, выращенной в парниках совхоза имени Софьи Перовской, вблизи линии фронта. А теперь севастопольцы, оказывается, собирались порадовать свежей зеленью не только раненых, но и бойцов на передовой.

Среди последних решений городского комитета обороны, с которыми меня познакомили, было и такое: продлить на месяц занятия в школах ввиду вынужденных перерывов во время двух штурмов города. Решение естественное: учебные планы надо выполнять. Но после этого естественным казалось уже и то, что в осажденном, обстреливаемом городе подметают улицы, высаживают на бульварах цветы. Севастополь держал марку в большом и малом. Впрочем, можно ли считать малым самое обыденное, будничное, если оно поднимает у людей дух, поддерживает решимость выстоять?

Когда разговор шел о весеннем благоустройстве города, Борис Алексеевич Борисов, помню, пошутил:

— Все-таки обнаружилась в этом хорошем деле своя обратная сторона: убедить кого-нибудь эвакуироваться стало совсем трудно! — И закончил уже без улыбки: — А продолжать эвакуацию матерей с детьми и стариков надо. В постановлении комитета обороны о введении новых продовольственных норм мы записали, что необходимо ее усилить.

Раз приходится повременить с выездами в войска, решил я, познакомлюсь пока с тем, что нового у противника. Я попросил зайти ко мне начальника разведотдела штарма Потапова, которого, кстати, очень давно не видел.

Василий Степанович получил за это время звание подполковника. Очень худой всегда, сколько я его знал, он осунулся еще больше — забот, конечно, хватало. Раз-

вернув свою карту, Потапов помедлил, соображая, должно быть, с чего начать.

— Считайте, что мне сейчас неизвестно ничего, — посоветовал я,— иначе пропустим что-нибудь существенное.

И начальник разведки начал «от печки»:

— Под Севастополем действуют 22, 24, 50, 72-я пехотные дивизии немцев, 1-я горнострелковая бригада румын...

Все это были старые знакомые. Значит, отмечал я про себя, из группировки, штурмовавшей нас в декабре, все-таки выпали 132-я и 170-я немецкие дивизии. Но с выводами я поспешил...

— Двадцать второго марта,— продолжал Потапов,— наши разведчики добыли документы, подтверждающие сведения о том, что перед фронтом второго сектора обороны, в районе Итальянского кладбища, появился один полк 170-й немецкой дивизии...

Вот оно как... 170-я пехотная возвращается на тот же участок, где вводилась в бой в декабре! И, разумеется, доукомплектованная: тогда мы здорово ее потрепали.

Имелись также данные о том, что противник накапливает резервы в своих тылах. Отмечалось, хотя это нуждалось еще в подтверждении, появление новых частей дальнобойной артиллерии. Во второй половине марта усилился по сравнению с первой обстрел непосредственно города: в среднем за сутки около тридцати снарядов вместо двадцати. На ближайших аэродромах — в Сарабузе, Симферополе, Саках — наблюдалось больше фашистских бомбардировщиков и истребителей. На отдельных участках фронта немцы продолжали совершенствовать свою оборону...

— Какие выводы делает разведотдел о намерениях противника? — спросил я, выслушав ряд других сведений.

— Считаем, что противник начал подготовку к весеннему наступлению на Севастополь.

— А на Керченском полуострове?

— Там, насколько мне известно, готовится наше наступление,— уклончиво ответил Потапов.

«Готовиться-то, очевидно, готовится,— думалось мне,— да очень уж долго. Не опередил бы Манштейн, как в январе под Феодосией... Если сейчас дело в грунте, в дорогах, то они ведь подсыхают и для немцев».

Когда меня навестил командарм, я высказал эти свои опасения ему. И сразу почувствовал, что коснулся больного места.

— Ох уж это керченское сидение! — с горечью произнес Иван Ефимович и возбужденно заходил по комнате. — Нам приказано оборонять Севастополь, прочно оборонять, и мы это делаем. А им было приказано наступать!.. На армейской конференции снайперов, которую мы тут без вас проводили, адмирал Октябрьский объявил во всеуслышание: «Освобождение Крыма возложено на войска Крымского фронта, действующие на керченском направлении». Да и так каждому понятно, для чего они там высаживались, накапливали силы. Где ни заговоришь с людьми по душам — первый вопрос: «Не скажете, товарищ командующий, почему наши на Керченском полуострове остановились?» И вполне естественно, что это всех волнует. Вот поедете в войска — и вас спросят!

От севастопольского плацдарма до ак-монайских позиций — каких-нибудь 160—170 километров, а порой возникало ощущение, будто Крымский фронт где-то очень далеко. С ним нельзя было связаться ни по телефону, ни по прямому телеграфному проводу. Штаб фронта не имел в Севастополе своих представителей. И если обстановку на востоке Крыма мы плохо знали в январе, то такое же положение я застал и на исходе марта.

Но через день или два, после того как я вышел из госпиталя, прибыл из Керчи через Новороссийск дивизионный комиссар Иван Филиппович Чухнов. Правда, еще десять дней назад он находился на Ленинградском фронте. Оттуда был вызван в Керчь к Л. З. Мехлису и получил назначение в Приморскую армию первым членом Военного совета, которого у нас после Одессы не было.

Пробыв под Керчью недолго, Чухнов тем не менее вынес впечатление, что войск и техники там много и подготовка к большому наступлению идет. Мехлис на прощанье обещал ему вместе встретить Первое мая в Симферополе...

Напутствуя нового члена Военного совета нашей армии, Л. З. Мехлис и командующий фронтом Д. Т. Козлов подтвердили прежние задачи приморцев: стойко оборонять Севастополь, сковывать силы противника, не давая уводить их к Керчи, и в то же время быть готовыми к наступлению. Если же враг начнет отходить — пресле-

довать его. (Почему-то беспокоились, как бы мы этот момент не упустили.) Командующий фронтом передал устное указание: держать дивизию, а лучше — две, в резерве для будущих наступательных действий.

— А как ведут себя на керченском направлении немцы? — спросил я Чухнова.

— На фронте сейчас ничего особенного, кажется, не происходит,— сказал он.— А на город изо дня в день сильные налеты. Я сам, едва прилетев, попал под бомбежку. В Севастополе в этом смысле как будто потише...

Иван Филиппович рассказал немного про Москву, где останавливался проездом: улицы столицы в снегу, в учреждениях и гостинице холодно, бывают воздушные тревоги, но разрушений совсем незаметно, в городе кипит жизнь, народ бодрый, подвижный — это ему особенно бросилось в глаза после Ленинграда. Он и о Севастополе говорил: «У вас тоже блокада, и Большая земля дальше, да люди-то, сразу видно, не голодные!»

Что пережил за ту зиму Ленинград, на юге еще не вполне представляли. А в Севастополе и после недавнего сокращения норм рабочие получали по шестьсот граммов хлеба, служащие — по четыреста.

Дивизионный комиссар Чухнов мне понравился: спокойный, вдумчивый, держится просто. Как и наш Кузнецов, он могучего сложения, хотя и ниже ростом. А характером более живой. И в отличие от Кузнецова, остававшегося по натуре и привычкам человеком глубоко штатским, — кадровый военный. Причем до того, как стал политработником, окончил Военно-химическую академию. (В конце войны генерал И. Ф. Чухнов, вернувшись к прежней своей специальности, возглавлял Главное военно-химическое управление Красной Армии.)

В такой должности, на какую его назначили к нам, Иван Филиппович уже бывал. Начав знакомиться с Приморской армией, он прежде всего пришел в оперативный отдел штарма, чего там не ожидали: Кузнецов, а раньше Воронин к направленцам не заглядывали. Скоро нового члена Военного совета узнали во всех боевых частях. А бригадный комиссар Кузнецов смог всецело сосредоточиться на более близком ему тыловом хозяйстве.

Каждый день у меня бывали, чтобы что-то обсудить, чем-нибудь поделиться, Рыжи, Ковтун, Глотов. Командарм, выслушав на КП вернувшихся из частей направ-

ленцев — Безгинова, Шевцова, Харлашкина (все три боевых капитана стали майорами), отсылал их повторить доклады мне. А они умели подмечать такие детали обстановки, что я будто своими глазами видел пока недоступный мне передний край.

И казалось, прибывает сил от одного того, что снова вижу своих сослуживцев в полевом снаряжении, а не в больничных халатах, в которые им приходилось облачаться, навещая меня в госпитале.

Форма, как всегда, особенно ладно, красиво сидела на статном Харлашкине. Но лицо этого бесшабашного храбреца уже не озарялось белозубой улыбкой. Меня предупредили, что у Константина Ивановича большое горе: в тылу, в эвакуации, погибла жена...

В город, где это случилось, командировали сержанта из выздоравливающих раненых с письмом к местным властям. Генерал Петров просил их позаботиться о детях командира-севастопольца. Отпустить сейчас в далекую Среднюю Азию самого Харлашкина командарм не мог. Константин Иванович понимал это и ни о каком отпуске не помышлял. Он оставался подтянутым, собранным, делал все, как прежде. Только угасла его улыбка, никто больше не слышал его шуток.

Штаб армии готовил перегруппировку войск в целях обеспечения более устойчивой обороны и для создания резервов.

Боевой приказ о перегруппировке, датированный 30 марта, был подписан и мною. На этом настоял Иван Ефимович Петров, хотя я, собственно, еще лишь знакомился, да и то пока заочно, с состоянием фронта, с происшедшими там переменами. Но в этот день уже побывал на армейском КП, не без труда спустившись в подземный каземат. Очутиться снова в своей тесной «каюте», окунуться в привычную атмосферу напряженно работающего штаба, почувствовать, что я снова к ней причастен, было великой радостью.

Приказ, о котором я говорю, имел значение не только организационное. Он ориентировал командиров на то, что оборона Севастополя — базы Черноморского флота остается главной задачей Приморской армии. Командиры предупреждались, что противник, блокирующий город, уси-

ливает и пополняет свои части, и возможен переход его в наступление.

«Я решил,— говорилось затем в приказе командарма,— оборонять подступы к Севастополю на занимаемых позициях». И это означало: сейчас надо думать не о расширении плацдарма, не о выходе на Качу, а прежде всего о том, как сделать неприступными для врага те рубежи, на которых приморцы фактически стоят.

Исходя из главной задачи армии, определялось и основное назначение создаваемого резерва: парировать возможные удары противника, быть в готовности к нанесению контрударов. В армейский резерв выводилась вся 345-я дивизия Н. О. Гузя и еще восемь стрелковых батальонов из других соединений, причем — из лучших.

Поскольку производить значительные перегруппировки до июньских боев уже не приходилось, расскажу, как были к началу апреля расставлены по фронту обороны наши войска.

На правом фланге, в первом секторе, который попрежнему возглавлял генерал-майор П. Г. Новиков, кроме его 109-й дивизии находилась 388-я под командованием С. Ф. Монахова. Укрепленная командными кадрами, она проходила в эти месяцы боевую подготовку во втором эшелоне и теперь могла быть выдвинута на передний край. Это позволяло высвободить для резерва значительную часть дивизии Новикова.

Во втором секторе, где в декабрьские дни показали отменную стойкость дивизия И. А. Ласкина и бригада Е. И. Жидилова (измотав врага перед главным рубежом обороны, они заставили его прекратить штурм на этом направлении), состав войск порядком обновился.

Сюда, как уже говорилось, была поставлена 386-я стрелковая дивизия — последняя прибывшая с Кавказа, и ее командир полковник Н. Ф. Скутельник стал комендантом сектора. Здесь же занимала теперь оборону 8-я бригада морской пехоты. Но не та, что действовала на северном направлении: ту, понесшую невосполнимо большие потери, командованию СОР пришлось в январе расформировать, а совершенно новая, унаследовавшая от прежней лишь наименование. Она возникла на основе 1-го Севастопольского полка П. Ф. Горпищенко, которого и назначили комбригом. 7-я бригада Жидилова была па старом своем участке, включавшем гору Госфорта с Италь-

янским кладбищем (как ни силились гитлеровцы утвердиться на ней, гора осталась у нас), и сам Евгений Иванович, раненный в декабре, давно вернулся в строй.

Силы третьего сектора состояли из Чапаевской дивизии с приданными ей двумя морскими полками и 79-й бригады А. С. Потапова (она именовалась уже курсантской). Комендантом там, естественно, оставался комдив Чапаевской генерал-майор Т. К. Коломиец.

А в левофланговом четвертом, возглавляемом полковником А. Г. Капитохиным, держали оборону 95-я и 172-я дивизии. До декабрьских боев этот сектор имел наибольшую из всех линию фронта — 18 километров, а сейчас всего около восьми.

Ряд наших полков получил в начале 1942 года новые номера. Сводный полк НКВД, или пограничный, как мы его обычно называли, стал 456-м стрелковым, 1330-й стрелковый, бывший осиповский — 381-м, 52-й артполк А. П. Бабушкина — 404-м, а 52-й И. И. Хаханова — 101-м.

Общий перечень соединений и частей выглядел внушительно: семь дивизий, три бригады да еще отдельные полки... Мы, однако, предпочли бы иметь их числом поменьше, но укомплектованными ближе к штатным нормам.

Еще будучи в госпитале, я знал, что командарм Петров предлагал расформировать две из имевшихся стрелковых дивизий, чтобы за их счет пополнить остальные. Но этого нам не разрешили. Пришел лишь приказ о расформировании 40-й кавдивизии, которая фактически перестала существовать как соединение уже давно. Все настоящие конники из ее состава (вместе с выздоравливающими ранеными — несколько сот человек) подлежали отправке на Большую землю: их решили вернуть в действующую кавалерию.

К апрелю некомплект не уменьшился, так как зимние наступательные бои обошлись недешево, а маршевое пополнение в марте почти не поступало. Требовалось постоянно помнить, что такая-то дивизия состоит из семи батальонов, такая-то из шести. В оперативном отделе уже привыкли вести общий счет нашим силам не по дивизиям или полкам, а по батальонам. Так было удобнее и точнее.

В Севастопольской обороне батальон вообще был величиной весомой, значительной. Еще в самом начале боев

за город, да и потом, судьба его не раз решалась на батальонных участках. И хоть число дивизий, а значит, и командного состава возросло, генерал Петров, как и раньше, хорошо знал всех комбатов. Многих из них он даже за глаза называл не иначе как по имени-отчеству. Были у Ивана Ефимовича и любимые комбаты — те, в которых он подметил и старался разжечь огонек военного дарования, что обязательно означало особую к ним взыскательность. Так относился Петров, например, к капитану Антону Александровичу Бондаренко из бригады Жидилова.

Каждый батальон командарм держал на учете и при мартовской перегруппировке, включавшей также ряд перестановок внутри секторов (кое-где изменялись и разграничительные линии между ними). Предварительные соображения обо всем этом коменданты и начальники штабов докладывали лично командующему. Большая трудность заключалась в том, чтобы и после выделения резерва иметь на всех участках две занятые войсками линии обороны, обеспечить планомерную смену подразделений на первой линии для отдыха и учебы.

Штаб артиллерии вносил тем временем необходимые коррективы в распределение поддерживающих пехоту огневых средств.

За зиму артиллерии у нас прибавилось, и она основательно обновилась. В последнем была большая нужда: материальная часть, переработавшая все нормы, износилась настолько, что в декабре на нескольких орудиях, сделавших по 10—12 тысяч выстрелов, разорвало стволы. Не поддавались ремонту и многие из пушек, поврежденные вражеским огнем. Из-за потерь в технике пришлось слить два артиллерийских полка 95-й дивизии в один (по два артполка, как положено, имела только эта дивизия и Чапаевская).

Но в январе в Севастополь было доставлено тридцать два новых полевых орудия разных калибров, в феврале — пятьдесят, а в марте еще больше. К весне Приморская армия пополнилась двумя отдельными противотанковыми полками РГК. Мы имели теперь пять армейских артполков (правда, почти все неполного состава) и восемь дивизионных. Если считать появившиеся у нас тяжелые минометы — 107- и 120-миллиметровые, то число стволов

на километр фронта по сравнению с началом обороны увеличилось более чем вдвое.

Я не мог не порадоваться и тому, что 50-миллиметровые ротные минометы постепенно заменялись 82-миллиметровыми (в основном — севастопольского производства). 50-миллиметровый миномет, казавшийся в мирное время неплохим оружием, на войне себя не оправдал: мала дальнобойность, не та ударная сила. Иное дело 82-миллиметровый: оставаясь компактным, легко переносимый с места на место, он уверенно поражает цели за три с лишним километра. Если таких минометов в части много, они могут в известной мере восполнить некомплект полковых и батальонных пушек.

Я не сказал еще о «главном калибре» севастопольской артиллерии — береговых батареях. В последние, относительно спокойные месяцы только часть их открывала огонь, да и то довольно редко. На остальных передышка была использована для восстановления их полной боевой мощи. С этим обстоятельно познакомил меня при первой нашей встрече начальник штаба береговой обороны полковник Кабалюк.

— Как вам известно,— напомнил он,— самые мощные батареи — тридцатая и тридцать пятая в декабре расстреляли свои орудия до такой степени, что фактически вышли из строя. Вдобавок на тридцать пятой произошел злополучный взрыв в башне... В общем, помимо прочих работ требовалось заменить в четырех башнях все восемь стволов. Дело нешуточное: каждый ствол весит пятьдесят две тонны — три тысячи двести пудов! По техническим нормам на замену стволов одной батареи полагается шестьдесят суток. И это при условии, если используется специальный кран. А какой там кран, если от тридцатой полтора километра до переднего края, и все надо делать так, чтобы немец ничего не заметил!.. Когда Военный совет отпустил нам на работы тридцать суток, насчет реальности этого срока возникали, признаться, серьезные сомнения. Однако вместо тридцати справились за шестнадцать — и без крана. Если бы услышал что-либо подобное в мирное время, просто не поверил бы...

На войне наши люди делали без громких слов немало такого, что раньше показалось бы невозможным. И Кабалюку, хотя он и сам удивлялся тому, как все удалось

на 30-й батарее (на 35-й было уже проще: она далеко от передовой), не приходило в голову назвать это подвигом — словом, которое в Севастополе вообще произносилось редко и только в связи с какими-то исключительными проявлениями героизма непосредственно в бою.

И все-таки то, о чем он говорил, тоже было подвигом.

Я представлял гряду высот перед устьем Бельбека с врезавшимися в нее громадами орудийных башен, вспоминал лозунг «Смерть Гитлеру!», выложенный из камней по склону, когда сюда почти вплотную подступил враг. От батареи тогда гитлеровцев оттеснили, но ненамного. Ее позиция оставалась под минометным обстрелом. Этот обстрел мог вызвать ночью даже огонек цигарки, мелькнувший у башен сквозь маскировочную сетку. И в таких условиях незаметно снять, пользуясь только домкратами и талями, тяжеленные стволы и установить новые, которые еще надо было так же скрытно туда подвезти!..

Оригинальный проект работ, составленный военинженером 1 ранга А. А. Алексеевым из артотдела флотского тыла, обсуждался под руководством генерала П. А. Моргунова на самой батарее. Ее личный состав помог усовершенствовать этот проект. А самые существенные предложения, позволившие обойтись без съемки броневых крышек башен и выиграть много времени, внес старый мастер с портового артремонтного завода Семен Иванович Прокуда. Его бригада и производила вместе с батарейцами замену орудийных стволов.

— Работали по двадцать часов в сутки,— рассказывал Кабалюк.— Но снаружи, на поверхности, конечно, только ночью, в самые темные часы. Совсем впотьмах было бы трудно, да немцы, не догадываясь о том, сами малость подсвечивали: они же всю ночь жгут ракеты над своим передним краем. Ну а шумы заглушало море, январь — месяц штормов. Если ветер был подходящего направления, ребята даже «Дубинушку» затягивали вполголоса, чтоб легче шло!

Только раз за время этих работ, в ту ночь, когда меняли последний — четвертый — ствол, враг что-то заподозрил и открыл по позиции тридцатой минометный, а затем и артиллерийский огонь. Загорелась маскировочная сетка, были потери в людях. Но наши батареи, дер-

жавшиеся начеку, подавили неприятельские, и работа продолжалась. А что именно делалось у орудийных башен, немцы, кажется, так и не поняли.

— Теперь тридцатая стоит с новенькими стволами в полной боевой готовности, — закончил Кабалюк. — Командир ее капитан Александер только что произведен в майоры. Все отличившиеся на работах награждены. Мастер Прокуда — орденом Ленина. Но в действие батарею пока не вводили. Пусть фашисты подольше думают, что в декабре они ее доконали!

(Как подтвердили впоследствии трофейные документы, противник действительно приписывал молчание «форта Максим Горький» результатам своих бомбежек и обстрелов во время декабрьского штурма. Когда же из-за устья Бельбека опять ударили двенадцатидюймовые орудия, немцы доносили начальству, что тяжелая батарея в этом районе «по-видимому, установлена русскими заново».)

Стволы или лейнера заменяли и на ряде батарей меньшего калибра. Те корабельные орудия, которые сперва для быстроты ставили — на Малаховом кургане и в других местах — на временные деревянные основания, закрепили на бетоне, чем повышалась точность их стрельбы. А из четырех шестидюймовок балаклавской батареи капитана Драпушко, разбитых прямыми попаданиями, ремонтникам удалось заново собрать две. Было введено в строй также учебное 180-миллиметровое орудие на территории артиллерийской школы.

Словом, шла борьба за каждый лишний ствол. По завершении ремонтно-восстановительных работ, близившихся уже к концу, береговая артиллерия Севастополя должна была иметь 51 действующее стационарное орудие.

На фронте вот уже полмесяца было тихо (отвлекающие наступательные бои в интересах Крымского фронта в последний раз велись на левом фланге СОР 15—17 марта). Перечень событий в утренней или вечерней оперативной сводке укладывался в несколько строк: артобстрел таких-то участков обороны, столько-то снарядов выпущено по городу, нами подавлены батареи противника там-то и там-то...

К этому прибавлялась обязательная теперь строка, которой раньше в оперсводках не было,— о том, сколько неприятельских солдат и офицеров истреблено нашими снайперами.

Два-три месяца назад настоящих снайперов в Приморской армии насчитывались единицы. Но за последнее время этих «стахановцев фронта» — так называли их в армейской газете — значительно прибавилось. В конце марта — начале апреля они выводили из строя за день тридцать-сорок гитлеровцев, в отдельные дни — свыше полусотни.

Мне принесли интересный отчет о конференции снайперов, которую провел Военный совет. В ней участвовало около двухсот пятидесяти бойцов и младших командиров, овладевших искусством сверхметкого выстрела, как правило, по собственной инициативе. В списке делегатов встречались уже известные в армии имена: старший сержант Людмила Павличенко из Чапаевской дивизии, уничтожившая под Одессой и Севастополем две с лишним сотни гитлеровцев, сержант-пограничник Иван Лёвкин и старшина Ной Адамия из морской пехоты, тоже имевшие солидный боевой счет... Но большинство лишь недавно его открыло.

Конференцию задумали не только для обмена опытом, хотя и это было важно. На нее пригласили командиров, комиссаров, начальников штабов дивизий, бригад, многих полков. Надо было привлечь внимание к движению снайперов во всех частях, покончить с кустарничеством в использовании этой серьезной боевой силы.

Снайперов у нас должно стать больше, сказал в своем выступлении командарм Петров, но даже те, которые уже есть, могли бы при надлежащей организации их боевой работы ежедневно истреблять до батальона гитлеровцев. А восполнять под Севастополем такие потери оказалось бы для противника весьма затруднительным...

Итогам конференции был посвящен специальный приказ по армии. Он требовал завести в штабах частей персональный учет снайперов, обеспечить пребывание их на огневых позициях с рассвета до темноты и отдых ночью, освободив от нарядов, караулов и других обязанностей. В дивизиях, бригадах и полках вводились инструкторы по снайперскому делу. Им ставилась на ближайшее время задача — подготовить не менее шести снайперов в каж-

дой роте. Учреждался диплом снайпера-истребителя, вручаемый от имени Военного совета.

Эти меры (принять их нам, наверное, следовало бы еще раньше) стали давать ощутимые результаты. Несколько недель спустя, в мае, были уже не редкостью дни, когда меткие одиночные выстрелы выводили в расход если не батальон, то, во всяком случае, роту фашистов. И это несмотря на то, что далеко не каждый снайпер имел оружие с оптическим прицелом, многие пользовались обычными винтовками, отобранными по кучности боя.

Снайперы держали врага в постоянном напряжении. Командиры частей отмечали, что немцы не решаются даже ползать в светлое время там, где не так давно расхаживали во весь рост. Настойчиво велась охота за неприятельскими наблюдателями, корректировщиками. Особенно успешно обнаруживали и убирали их стрелки из пограничного полка Рубцова в балаклавских скалах.

Замаскированные позиции снайперов обычно располагались впереди окопов, в ничейной полосе. Не трудно представить, сколько требовалось выдержки, чтобы пролежать там, не выдав себя лишним движением, пятнадцать-семнадцать часов и не пропустить той секунды, может быть единственной за день, когда в секторе обстрела появится цель. Иногда снайпер возвращался вечером, не сделав ни одного выстрела, а уставал так, что не хватало сил дойти до своей землянки, и он засыпал в первой попавшейся. Выходных дней не имел никто, однако для снайперов разрядка была необходима. Их стали раз в неделю отпускать в город, и это окупалось сторицей.

Под Севастополем действовали и немецкие снайперы — не очень много, но зато прошедшие длительную подготовку в специальных школах. Борьба с ними была, пожалуй, самым серьезным испытанием для наших, доморощенных. Снайперские дуэли, сопровождавшиеся бесчисленными хитростями и уловками с обеих сторон, иногда продолжались по несколько дней. И, конечно, мы несли в этой борьбе потери. Но все же гораздо чаще дело кончалось тем, что наш стрелок уничтожал вражеского.

Я останавливаюсь на этом так подробно, потому что снайперы были героями тех затишных дней и недель, когда на севастопольских рубежах не происходило круп-

ных событий. Их общий боевой счет за истекшие сутки и последние цифры личного счета многих из них знали и в войсках, и в городе. Лучших снайперов знали и в лицо — по портретам в газетах и на щитах у Приморского бульвара, где постоянно пополнялась галерея передовиков обороны.

О популярности «стахановцев фронта» напоминает трогательный экспонат, поныне хранящийся в Музее Черноморского флота,— обыкновенная рогатка для стрельбы камешками, которую севастопольские мальчишки подарили Людмиле Павличенко, повстречав ее на улице. Они считали, что хорошая рогатка пригодится для тренировки — поможет сэкономить патроны...

Должен сказать, что снайперское движение дало новый толчок совершенствованию воинского мастерства в широком смысле слова. Сверхметким стрелкам из винтовки стали подражать и артиллеристы, и минометчики; у них развернулась борьба за снайперские расчеты.

Во вторых эшелонах дивизий, в двух-трех километрах от переднего края, продолжалась, пока позволяла обстановка, боевая учеба рот, батальонов, а иногда и целых полков. В одном из прифронтовых оврагов осваивали новый вид военной техники — противотанковое ружье. При отражении декабрьского штурма приморцы еще не имели этого оружия. Первую партию — 44 штуки — доставили с Кавказа в феврале. Но бронебойщиков подготовили уже значительно больше, рассчитывая скоро получить «пэтээры» еще.

Наши армейские тылы были весьма относительными тылами, вражеский снаряд мог в любую минуту упасть везде. Но к этому привыкли, и все, что обычно делается в тыловом районе армии, стоящей в обороне, когда фронт стабилизировался и удерживается прочно, делалось той весной и у нас.

Поарм проводил смотр красноармейской художественной самодеятельности. Хор из дивизии Ласкина, певцы и танцоры из богдановского полка и других частей выступали и в городе — в клубах, на спецкомбинатах. А по секторам обороны разъезжали армейский ансамбль и прибывшая с Большой земли фронтовая бригада Мосэстрады.

Спрос на москвичей был, конечно, огромный. Заполучить их к себе с концертом, и поскорее, хотели в каждом полку, а заполучив, не знали, как отблагодарить за до-

ставленную радость. Помню, кто-то рассказал, как в одной части бойцы украдкой выползли в заминированную ничейную полосу, чтобы нарвать для артистов подснежников — первых крымских цветов...

Генерал Петров радовался, что есть возможность отметить как следует юбилей Чапаевской дивизии, которой он сам недавно командовал. Ей, одной из старейших в Красной Армии, созданной на заре Советской власти, исполнялось двадцать четыре года.

Немного поколебавшись, командарм разрешил провести, кроме праздничного вечера в инкерманских штольнях, военный парад в полосе обороны дивизии, в Мартыновском овраге. Для участия в нем были выделены подразделения от всех полков Чапаевской. Артиллерия сектора и воздушный барраж истребителей обеспечивали прикрытие, но оно не понадобилось: немцы ничего не заметили.

Иван Ефимович с воодушевлением рассказывал:

— Такого парада не принимал с гражданской войны! Враг рядом — каких-нибудь полтора километра. А тут гремит под скалою оркестр, развернуты знамена... Бойцы вышли на торжественный марш чуть ли не прямо из окопов, в касках и ватниках, обвешанные гранатами. И с какой великолепной уверенностью в себе прошли, с какой гордостью! Смотрел на них и думал о неповторимом пути дивизии — Уфа, Уральск, освобождение от белополяков Киева... А сколько испытаний выдержано уже в эту войну! И все это — не просто история, это остается и живет в солдатах, как бы они ни менялись. А ведь есть в дивизии и такие, кто видел живого Чапаева. Перед войной не было, а теперь есть! Про пулеметчика Ямщикова не слышали? Он дрался в Пугачевском полку против Колчака и в тот же полк вернулся добровольцем бить фашистов, воюет вместе с сыном. Интересный человек... и между прочим тезка Чапаева: тоже Василий Иванович...

Память у Петрова на имена, на лица была завидная. И он любил рассказывать о людях, привлекших чем-то его внимание.

В остальных соединениях юбилею чапаевцев посвящались доклады, беседы. В двух или трех местах, где могли собрать побольше народу, выступил сам коман-

дарм. Его заботило, чтобы годовщина знаменитой дивизии была хорошо использована для ознакомления всех приморцев с ее историческими заслугами, и особенно с ее делами в Отечественную войну.

Состав армии все время обновлялся. Пожалуй, даже среди начсостава других наших дивизий уже немногие достоверно знали о том, как в июне — июле 25-я Чапаевская четыре недели удерживала 60-километровую полосу государственной границы и только по приказу отошла к Днестру. Или как под Одессой она отбивала атаки многократно превосходящих вражеских сил.

Да и взять декабрьские бои, как будто совсем недавние, когда чапаевцы выстояли на Мекензиевых горах. Все ли в армии сейчас представляли, как это было, чего стоило? Ведь и дивизия Скутельника, и новые артиллерийские полки, и тысячи бойцов маршевого пополнения прибыли на наш плацдарм, стали защитниками Севастополя уже после. И все, что помогало приобщать их к боевой славе товарищей, к сложившимся традициям, действительно было очень важным. Тем более, если передышка, как видно, подходила к концу.

На войне люди, с которыми ты связан службой, постоянно меняются. Кто-то выбывает из строя — временно или навсегда, кого-то перемещают — большей частью тоже из-за гибели или ранения другого... К неизбежности этих перемен вокруг тебя привыкаешь. Но в госпитале до меня доходило не все, и я, оказывается, долго ошибался, мысленно видя в какой-нибудь дивизии или полку тех, кого там уже нет.

Вот уж не думал, что 90-м стрелковым полком не командует больше майор Тимофей Денисович Белюга! Этот железный человек, будучи на моей памяти ранен несколько раз, никогда не давал увезти себя дальше медсанбата, откуда если не в тот же день, так на следующий возвращался в полк. Его привыкли видеть на КП и в батальонах замотанным бинтами, а то и в гипсе, но вывести майора Белюгу из строя, казалось, так же невозможно, как сбить с занимаемого рубежа его полк, крепко державший наш левый приморский фланг.

И все-таки вывели... Пройдя через два штурма, он в спокойный январский день получил такую рану, залечивать которую потребовалось на Большой земле. Полком

вместо него командовал незнакомый еще мне майор Г. А. Смышляев.

Новый командир — призванный из запаса комбриг Б. М. Дворкин — был и в соседнем 241-м полку, который все это время оставался для меня полком геройского капитана Дьякончука. К счастью, с Николаем Артемовичем Дьякончуком ничего худого не стряслось. Теперь уже майор, он возглавлял армейские курсы младших лейтенантов. Командарм счел полезным, чтобы школой, где за предельно короткий срок готовились командиры взводов, руководил человек с таким, как у Дьякончука, личным боевым опытом.

Трех недель не дослужил, не дожил до юбилея Чапаевской дивизии один из ее ветеранов — начальник политотдела Николай Алексеевич Бердовский. Он попал под внезапно начавшийся огневой налет, когда вручал у переднего края партийные документы новым коммунистам. Мне рассказали, что сержант, только что принявший из рук Бердовского партбилет, остался невредим. В этом было что-то символическое: на место большевика, до конца выполнившего свой долг, тотчас же стал в строй ленинской партии другой боец за ее великое дело...

Не довелось мне больше увидеть и начальника штаба 79-й бригады майора Морозова, с которым распрощались — думалось, ненадолго — у его блиндажа перед тем, как меня ранило. В феврале в блиндаж, вероятно в тот же самый, попал немецкий снаряд, и Морозова не стало. Начальником штаба к Потапову направили майора В. П. Сахарова. Он был на такой же должности в морской бригаде Вильшанского, а после ее расформирования некоторое время работал в оперативном отделе штарма.

И это были еще далеко не все перемены в старшем командном и штабном звене, о которых я не знал.

Одна новость оказалась радостной неожиданностью. Просматривая список начсостава дивизии Ласкина, я вдруг прочел: «Командир 514 сп — подполковник Устинов Иван Филиппович».

С досадой подумал: да это же старый список! Устинов командовал 514-м стрелковым полком в ноябре, привел его в Севастополь через горы одним из первых, но с тяжелыми потерями, в очень малом составе и, чувствуя себя без вины виноватым, стеснялся, помню, называть то, что привел, полком, когда явился с докладом на

армейский КП. Через несколько дней его полк, уже пополненный, остановил немцев, рвавшихся к Севастополю вдоль Ялтинского шоссе, контратакой выбивал их из селения Камары. Подполковник Устинов показал себя храбрым командиром и отличным организатором боя, сделался одним из героев отражения первого штурма. А затем — тяжелое ранение и эвакуация на Кавказ, в тыл. Наверно, до сих пор где-то лечится...

Но список не был старым. И значившийся в нем командир полка был не однофамильцем прежнего (на мгновение мне пришло в голову и это), а им самим, нашим Устиновым! Вылечившись, он добился — в подобных случаях это удавалось немногим — возвращения в Приморскую армию, в осажденный Севастополь. А тут уж полковник Ласкин не успокоился, пока Устинова не назначили в его старый полк — 514-й стрелковый, державший теперь оборону на Бельбеке.

Мне очень захотелось поскорее увидеть Ивана Филипповича Устинова. А навстречу какой трудной и славной военной судьбе он шел, возвращаясь к нам с Большой земли, еще предстоит рассказать.

За перегороженным бонами входом в бухты — он был хорошо виден от нашего КП,— за приземистой башней Константиновского равелина широко расстилалось море. По утрам часто скрытое туманом (весенние туманы, возникающие у берегов Крыма от резкой разницы температур воздуха и воды, были после необычно холодной зимы очень густыми), днем оно сияло нежной голубизной, сливаясь у горизонта с таким же голубым небом.

Но вряд ли кто в Севастополе мог в ту весну просто любоваться солнечными морскими далями, не думая о протянувшемся по ним длинном и зыбком пути к Большой земле.

Вот уже полгода по этому пути сообщались мы с остальной страной. И вопреки опасениям, возникавшим с самого начала, вопреки всем трудностям морская дорога вплоть до последнего времени действовала довольно исправно, потери на ней были в общем невелики.

Однако с недавних пор положение на коммуникации Кавказ — Севастополь стало осложняться. Все в осажденном городе — и бойцы, и гражданское население —

почувствовали это уже по произведенному в конце марта сокращению продовольственного пайка.

Как бывало и раньше, наиболее обстоятельную информацию об обстановке на море я получил, когда повидался с начальником оперативного отдела штаба флота капитаном 2 ранга О. С. Жуковским. Главные изменения, происшедшие в «морском секторе», он охарактеризовал примерно так:

— Определив полную зависимость Севастопольской обороны от морских перевозок, противник пытается сорвать снабжение города. Специально для этого сейчас используются, не считая других средств, по меньшей мере сто бомбардировщиков и торпедоносцев...

После того как борьба за Крым затянулась, этого и следовало ожидать. Из провала двух штурмов Севастополя, в течение которых мы регулярно получали подкрепления и боеприпасы, неприятельское командование, очевидно, сделало логичный вывод, что нашу оборону на суше не сломить, пока город не блокирован с моря.

Возросшая активность врага на море уже привела к увеличению потерь судов. В марте на переходе с Кавказа были потоплены два транспорта. Часть людей удалось спасти, но свыше двух рот маршевого пополнения погибло. Не дошли до нас тридцать орудий, более тысячи тонн снарядов. А потеря любого крупного судна была в сложившихся на Черном море условиях невосполнимой и ограничивала дальнейшие возможности флота.

— С начала войны потоплено уже немало наших транспортов, — говорил Жуковский. — Из них бóльшая часть у Керчи и Феодосии. Сейчас мы располагаем на весь театр шестнадцатью грузовыми судами, не считая санитарных и тех, что стоят в ремонте.

Моряки усиливали, как только могли, охранение транспортов. Я видел, как входил в бухту не очень большой, изящный теплоход «Сванетия», обслуживавший до войны заграничную пассажирскую линию, его сопровождали лидер, два эсминца, катера-охотники... Сами транспортные суда — они продолжали плавать со своими прежними, гражданскими, экипажами — были снабжены зенитными орудиями.

Все эти меры не гарантировали, однако, безопасности рейсов. Жуковский рассказывал, что особенно трудно от-

ражать внезапные атаки торпедоносцев, которые в штилевую погоду подкарауливают суда, сидя на воде, и совершенно неразличимы в утренних или вечерних сумерках, а тем более ночью. Моряки удивлялись, как уцелел в двух последних рейсах транспорт «Львов»: в одном по нему было выпущено четыре торпеды, в другом — десять, но опытнейший капитан В. Н. Ушаков сумел сманеврировать так, что все они прошли мимо.

Служба конвоирования судов становилась настолько сложной, что вскоре последовал приказ Наркома Военно-Морского Флота: каждую проводку транспортов в Севастополь и обратно планировать как самостоятельную операцию. Для рейсов сюда отныне признавались годными лишь достаточно быстроходные суда. Решено было шире использовать для перевозки не только войск, но и грузов боевое ядро флота, в том числе крейсера.

От Жуковского я узнал также, что к транспортировке с Большой земли боеприпасов и других особо ценных грузов готовится группа подводных лодок. Это было совершенно новым делом, почти не имевшим примеров в морской практике. Грузоподъемность самых крупных подлодок — всего несколько десятков тонн, но пренебрегать не приходилось и этим. Как показало ближайшее будущее, подготовкой столь необычных транспортных средств черноморцы занялись весьма вовремя.

Как-то я уже упоминал о том, что на большом пути от кавказских баз самым трудным считался у моряков последний участок — непосредственные подходы к Севастополю: здесь кроме атак с воздуха кораблям угрожали и артиллерийский обстрел и мины.

В декабре немцы прекратили минирование севастопольских фарватеров,— должно быть, потому, что рассчитывали вот-вот овладеть портом. По каким-то причинам оно не возобновлялось в январе и феврале (это не означало, впрочем, что минная опасность отпала — в районе фарватеров оставалось немало старых мин). А с марта мины стали сбрасываться фашистскими самолетами опять. И притом нового типа, не поддававшиеся обезвреживанию освоенными приемами и средствами.

Наблюдателям ОВРа, непрерывно следившим за фарватерами и рейдом, как правило, удавалось засекать места их приводнения. Однако, сколько ни ходили потом вокруг обвехованных мест катера, сколько ни бросали там

глубинных бомб, новые мины уже не взрывались от этого, как прежние,— они имели какое-то еще неизвестное, очевидно многоимпульсное, устройство и какую-то особую защиту от детонации.

Никто не знал, когда и отчего та или иная мина взорвется. И это создавало напряженнейшую навигационную обстановку в узких проходах между засеченными вражескими минами и собственными минными полями, особенно на инкерманском створе, по которому корабли поворачивали в бухты.

Чтобы минно-тральная лаборатория, созданная в Севастополе еще в начале войны (в ней некоторое время работал замечательный советский ученый, будущий академик И. В. Курчатов), могла предложить способы борьбы с новыми минами, надо было овладеть их секретом. Иными словами — разоружить хотя бы одну такую мину.

Забегая немного вперед (дело завершилось к концу апреля или началу мая), я не могу не рассказать, хотя бы вкратце, связанную с этим героическую историю, главным действующим лицом которой явился помощник флагманского минера Черноморского флота капитан-лейтенант Г. Н. Охрименко.

Первая его попытка извлечь со дна незнакомую мину закончилась тем, что она, когда ее осторожно подтягивали к берегу на пеньковом тросе, без всякой видимой причины взорвалась, как только оказалась на меньшей глубине. Охрименко понял: мина снабжена предохранителем, срабатывающим от спада водяного давления и не позволяющим поднять ее на поверхность. Оставалось одно — следующую мину разоружать под водой, там, где она лежит, примерно на двадцатиметровой глубине.

И минер превратился в водолаза. Причем работать ему предстояло на рейде, находящемся под обстрелом вражеских батарей, внимание которых не могло не привлечь появление там водолазного бота...

Охрименко спускался на дно много раз. Сначала — только чтобы осмотреть, ощупать снаружи большую цилиндрообразную мину и сделать слепки с ее горловины, гаек и болтов для изготовления специального немагнитного инструмента. Затем он приступил к вскрытию мины. Риск был отчаянный, а капитан-лейтенант знал, что уже несколько его товарищей погибло, разоружая менее сложные мины и в более удобных условиях — на суше.

Дважды Охрименко оглушали разрывы падавших в воду снарядов, каждое мгновение мог быть перебит шланг, подающий воздух. Однажды чуть не затонул от осколочных пробоин бот... И все же упорный капитан-лейтенант вывернул запальный стакан, после чего, сумев обезвредить еще ряд защитных ловушек, закончил разоружение мины уже на берегу.

Тайна хитрого магнитно-акустического взрывного механизма с усовершенствованным 15-импульсным прибором кратности (пропустив над собой четырнадцать судов, мина взрывалась под пятнадцатым) была раскрыта. После этого нашли и действенное средство против немецкой новинки — комбинированное воздействие на мину магнитным и акустическим полями.

О том, как Охрименко «расколдовал» зловредную фашистскую мину, знали тогда у нас в армии (да, вероятно, и на флоте) лишь немногие — такие вещи, естественно, держались в строгом секрете. А значение сделанного им было очень велико: ведь с помощью новых, «неуязвимых» мин враг рассчитывал уже в апреле — мае наглухо закупорить севастопольские бухты...

Хочется добавить, что в конце войны, когда советские войска освобождали от гитлеровского ига Балканы, тот же Григорий Николаевич Охрименко отличился при расчистке фарватеров Дуная, засоренного не только немецкими, но и английскими минами, за что был удостоен звания народного Героя Югославии.

22 апреля мы узнали о существенных, во всяком случае для нас, изменениях в управлении боевыми силами, действующими на Юге. Ставка образовала Северо-Кавказское направление, и его главкому — маршалу С. М. Буденному, штаб которого развертывался в Краснодаре, отныне непосредственно подчинялись и Крымский фронт, и Черноморский флот, и Севастопольский оборонительный район.

Таким образом, из подчинения Крымскому фронту мы вышли. Оно всегда представлялось чем-то искусственным да и было, в сущности, формальным. Хотелось надеяться на более быстрое решение при новом начальстве остро стоявших вопросов снабжения, доукомплектования. Многие в штарме высказывали также мысль, что перестройка

командования, надо полагать, обеспечит наконец переход в наступление армий, сосредоточенных на Керченском полуострове.

Под Севастополем продолжалось настороженное затишье, нарушаемое лишь огневыми налетами да вылазками разведывательных групп.

Запомнился незначительный сам по себе, но характерный для тех дней факт. Из Новороссийска пришли два корабля, доставившие маршевое пополнение. Уходя обратно, они, как обычно, приняли на борт раненых. И начсанарм Соколовский потом доложил:

— Погружено восемьдесят человек. Раненых, подлежащих эвакуации, больше нет.

Несколько недель спустя уже трудно было представить, что так могло быть...

Мы продолжали укреплять оборонительные рубежи, одновременно готовясь поддержать наступление наших товарищей от Керчи. И все чаще говорили в своем кругу, что если оно еще на какое-то время оттянется, то большие весенние бои в Крыму начнет Манштейн — это чувствовалось по многому.

В конце апреля усилились удары неприятельской артиллерии и авиации. Они нацеливались то на отдельные участки переднего края, то на причалы и другие портовые сооружения, то на наши аэродромы. Правда, потери и повреждения обычно оказывались небольшими, а иногда вообще обходилось без них. Наша тяжелая артиллерия успешно вела контрбатарейную борьбу, севастопольские «ястребки», быстро поднимаясь в воздух, мешали вести прицельную бомбежку «юнкерсам» и «хейнкелям».

Но выпадали и черные дни. Таким было 24 апреля. Не хотелось верить, когда после полудня, вслед за докладом из штаба ПВО о том, что группа «юнкерсов» сбросила бомбы на авиаремонтные мастерские у Круглой бухты, позвонил кто-то с командного пункта ВВС и сдавленным голосом произнес:

— Убит генерал Остряков...

Сколько раз отчитывал вице-адмирал Октябрьский командующего военно-воздушными силами флота за то, что он сам летает на разведку, ввязывается в воздушные бои! Только два дня назад я услышал о том, как в паре с другим летчиком Остряков сбил еще один фашистский самолет.

Но погиб он не в воздухе, а на земле. И, быть может, потому, что пренебрег возможностью укрыться в убежище, когда начался налет... Рядом с ним был сражен осколком бомбы прибывший из Москвы заместитель командующего морской авиацией страны генерал Ф. Г. Коробков, товарищ Острякова по боям в Испании. Они вместе осматривали хозяйство севастопольской авиагруппы, в том числе ремонтные мастерские, где и попали под вражеский удар.

В начале этой книги я уже делился впечатлениями о Николае Алексеевиче Острякове, человеке храбром, скромном и, безусловно, очень одаренном. Стремительно, за несколько лет, прошел он путь от водителя автобуса в Москве и осоавиахимовского учлета до крупного авиационного начальника. И исключительный его авторитет среди флотских летчиков, конечно же, определялся не одним только высоким служебным положением, а в огромной мере — личными качествами. В лице тридцатилетнего командующего ВВС Черноморского флота советская военная авиация потеряла одного из своих способнейших командиров.

Острякова знали, любили и жители Севастополя. Несмотря на то что о его гибели, а тем более о времени похорон, не было никаких извещений, на Кладбище коммунаров собралось множество людей. Когда гроб опускали в могилу, с рубежей обороны донесся традиционный боевой салют: севастопольская артиллерия произвела мощный залп по разведанным целям.

В командование черноморской авиацией вступил генерал-майор В. В. Ермаченков. Хотя штаб ВВС и основные соединения находились на Кавказе, он, как и его предшественник, проводил много времени в Севастополе.

Еще до Острякова, при другом воздушном налете, мы потеряли военкома оперативного и разведывательного отделов штарма батальонного комиссара И. Ф. Костенко, чудесного боевого товарища. Как последний знак его дружеского внимания, у меня остался томик «Севастопольской страды» Сергеева-Ценского, принесенный заботливым Иваном Федоровичем еще в госпиталь.

Осколок фашистской бомбы настиг Костенко в нескольких десятках шагов от армейского КП. Они с майором Ковтуном откуда-то возвращались и, не успев при

появлении самолетов добраться до ближайшей щели, легли у каменной ограды. Ковтун остался невредим.

Мы долго имели основания считать, что расположение командного пункта армии, неподалеку от которого размещались также многие отделы штарма, противнику неизвестно: ни бомбы, ни снаряды в районе Крепостного переулка, как правило, не падали.

Однако в последнее время налеты на эту малонаселенную севастопольскую окраину, застроенную неприметными одноэтажными домиками, стали довольно регулярными, что нельзя было объяснить простой случайностью. В середине апреля бомба разнесла домик, где «стоял на квартире» — отдыхал, а в спокойное время иногда и ночевал наш командарм. К счастью, в этот момент там никого не было.

Я не сказал еще, что с весны вместе с Иваном Ефимовичем в Севастополе находились, а точнее — служили, воевали, его жена и сын. Зоя Павловна Петрова, старший лейтенант медицинской службы, переведенная сюда из какого-то тылового лечебного учреждения, работала теперь в том самом госпитале, где недавно лежал я. А Юрий Петров, принятый в армию добровольцем семнадцати лет, заменил погибшего в январе адъютанта командующего — Кохарова. В войсках, впрочем, мало кто знал, кем приходится генералу Петрову сопровождающий его молоденький лейтенант: по их отношениям, строго официальным во всем, что касалось службы, догадаться об этом было невозможно.

С «городскими квартирами», даже как с местом кратковременного отдыха, пришлось распрощаться. И поскольку не оставалось больше сомнений, что враг засек наш КП, было признано целесообразным перенести его в штольни за чертой города, вблизи древнего Херсонеса, сделав прежний запасным.

Перебирались на новоселье постепенно, стараясь не привлечь к этому лишнего внимания. Оперативный отдел и я — последними, когда там были полностью развернуты и введены в действие все средства связи.

Как ни тесен был наш первый севастопольский каземат, расставаться с ним, честно говоря, не хотелось. Человек привыкает, привязывается и к временному фронтовому жилищу, стены которого напоминают о неповторимых событиях, о хороших и уже навсегда ушедших людях...

Что ждало нас на новом КП, с чем свяжется он в памяти,— этого никто не знал.

Опираясь на осточертевшую, но все еще необходимую мне палку, я вошел через защищенную бетонной плитой массивную железную дверь в довольно широкий коридор, прорубленный в толще каменистой породы. Для меня было хорошо, что не надо никуда спускаться: идешь по ровному полу и незаметно оказываешься в глубине горы. Зато губы сразу ощутили привкус растворенной в сухом воздухе мельчайшей пыли известняка (скоро всем нам пришлось обзавестись очками, чтобы защищать от нее глаза).

Эти подземные коридоры прокладывались для различных складов и давно были оборудованы вентиляцией, электропроводкой. Теперь в них поставили дощатые перегородки, и получились небольшие комнатки для работы и жилья. Рядом со мной поместили начальника оперативного отдела, и мы решили сделать в перегородке окошечко, чтобы было удобно переговариваться и передавать документы. Это понравилось командарму, кабинетик которого находился по другую сторону от моего, и между нами тоже прорезали такое окошечко.

В той же штольне разместились член Военного совета Чухнов, весь оперативный отдел, разведчики, в соседней — штаб артиллерии, дальше — остальная часть штарма и политотдел.

Совсем близко от входов в штольни синела небольшая бухточка. К ней подступали херсонесские руины — одинокие мраморные колонны, остатки строений, возведенных в далекие века. А если подняться немного выше, открывалась широкая панорама Севастополя.

Город выглядел величаво, разрушения издали были мало заметны. Тогда еще вряд ли кто из нас мог представить, что через несколько недель он будет казаться отсюда огромным Херсонесом...

Посмотреть, как мы устроились, приехал вице-адмирал Ф. С. Октябрьский. Он только что вернулся с Кавказа, где как раз застал реорганизацию командования: вызывался еще в Керчь, к командующему Крымским фронтом, а оттуда попал в Краснодар, где представлялся главкому Северо-Кавказского направления С. М. Буденному.

О содержании своих разговоров со старшими началь-

никами Филипп Сергеевич особенно не распространялся; во всяком случае, при мне. Только много лет спустя, на одной из военно-исторических конференций, посвященных Севастопольской обороне, он рассказал, как, будучи у командующего Крымским фронтом Д. Т. Козлова, доложил суммированные разведотделом флота данные о готовящемся в Крыму наступлении противника. Генерал Козлов, по словам Октябрьского, отнесся к этим сведениям недоверчиво и заявил, что в начале мая перейдет в наступление его фронт и Крым будет освобожден...

Пока гитлеровцы продолжали наращивать удары по морским путям, связывающим нас с Большой землей. Возвращаясь из Севастополя на Кавказ, погибла «Сванетия». Она подверглась массированным атакам торпедоносцев, отразить которые корабли охранения не смогли. На борту теплохода, как обычно, находились раненые; лишь незначительную их часть удалось спасти. Не повезло и конникам-кудюровцам: именно этим рейсом, пользуясь тем, что раненых было немного, мы, во исполнение упоминавшегося мною приказа, отправили на Кавказ остатки расформированной кавдивизии.

В следующий раз боеприпасы и продовольствие доставили крейсера. Отбив в море несколько атак вражеских самолетов, они и в бухту входили с боем под огнем немецких тяжелых батарей, обстреливавших фарватер из-за Качи.

На этих кораблях прибыло также свыше трех тысяч бойцов пополнения, а через день на лидере «Ташкент» — еще полторы тысячи. Такого подкрепления мы не получали давно. И уже то, что новые защитники города батальон за батальоном появлялись на его улицах, следуя с причалов в секторы обороны, поднимало у севастопольцев настроение.

Это происходило перед Первым мая. Праздника, такого, как до войны, конечно, не было, но все же его старались отметить. На зданиях вывешивались красные флаги. Транспарант у Приморского бульвара сообщал результаты предмайского соревнования снайперов. За первую декаду апреля они истребили 245 фашистов, за вторую — 566, за третью — 681... На спецкомбинатах чествовали стахановцев военного производства. Многим из них, как и бойцам на передовой, вручались правительственные награды.

В канун Первомая в ярко-зеленой Инкерманской долине состоялось воинское торжество по случаю преобразования 265-го армейского артполка — славного богдановского — в 18-й гвардейский. Преклонив колено, Николай Васильевич Богданов, недавний майор, а теперь гвардии полковник, принял от командующего СОР новое, гвардейское, полковое знамя.

Мы надеялись, что в этот знаменательный для него день Богданов сможет получить также Золотую Звезду, к которой он был представлен за героизм и боевое мастерство, в том числе за подвиг, совершенный в декабре, когда командир тяжелого артполка сам повел личный состав штабной батареи навстречу фашистским танкам, прорывавшимся к его наблюдательному пункту. Представление, очевидно, не успели рассмотреть, и Героем Советского Союза Николай Васильевич стал несколько месяцев спустя, командуя уже крупным артиллерийским соединением на другом фронте. Но заслужил он это звание еще под Одессой и Севастополем.

О Богданове, замечательном командире, которого гитлеровцы боялись так, что назначили специальную награду за его голову, можно рассказывать много. Хочу, однако, подчеркнуть очень важное условие неизменно успешных действий его полка: к войне со всеми ее неожиданностями Богданов сумел отлично подготовить своих артиллеристов еще в мирное время, заложив прочную основу для наращивания и совершенствования их боевого опыта. И его часть — первая в Приморской армии Краснознаменная — по праву стала и первой гвардейской.

Когда богдановцы проходили по прифронтовой долине торжественным маршем, в памяти возникали их боевые дела, свидетелем которых я был, начиная с точных, уверенных огневых ударов по врагу еще у государственной границы.

Вспоминалось, как, заняв с ходу позиции на Мекензиевых горах, батареи полка четыре дня почти непрерывно били по дорогам между Севастополем и Бахчисараем, и корректировщики все требовали: «Если можете, прибавьте огня — идут новые колонны...» Кто подсчитает, какие потери понес тогда противник на этих дорогах и насколько ослабило это его первый натиск на севастопольские рубежи! И кто знает, как обернулись бы события в один из критических моментов декабрьского штур-

ма, если бы участок прорыва перед Северной бухтой не перекрыл шквальным огнем прямой наводкой дивизион Бундича!..

Лица артиллеристов в строю были строгими и счастливыми. Многих я знал уже давно: батальонный комиссар Праворный, начальник штаба полка майор Фролов, комдивы Гончар и Бундич, командир батареи Минаков, комвзвода разведки лейтенант Леонтьев с Золотой Звездой Героя, полученной еще на Финском фронте...

А где-то в строю прошел Василий Ревякин, познакомиться с которым мне не привелось. Скромный старшина Ревякин, чье имя навсегда вошло в историю Севастополя. Это он, оказавшись потом в захваченном фашистами городе, возглавил героическую группу подпольщиков, которая производила во вражеском тылу дерзкие диверсии, организовала на Корабельной стороне типографию, выпускала листовки и газету, называвшуюся так же, как наша армейская — «За Родину». Доблестный богдановец погиб от руки гитлеровских палачей незадолго до освобождения Севастополя и посмертно стал Героем Советского Союза. Он был, между прочим, моим земляком, до призыва в армию учительствовал в знакомом мне с детства приволжском городе Балашове. Но и это я узнал уже гораздо позже.

...Там же, в Инкерманской долине, после того как получили награды богдановцы, вице-адмирал Октябрьский вручил ордена Красного Знамени Ивану Ефимовичу Петрову и мне (мне — тот, которым я был награжден в феврале за Одессу). От артиллеристов командарм и Чухнов поехали по дивизиям поздравить приморцев с наступающим праздником.

Незадолго до этого командарм предложил отпечатать на хорошей бумаге специальную почетную грамоту, с тем чтобы Первого мая ее получили ветераны нашей армии, участвовавшие в отражении двух штурмов и зимних боях. В тексте грамоты говорилось, что ею свидетельствуется проявленная воином-приморцем боевая доблесть, выражалась уверенность в том, что он и впредь будет мужественно сражаться с врагом. Грамот понадобилось более десяти тысяч. Каждую командующий, оба члена Военного совета и начальник штаба подписали собственноручно — тут уж пришлось поработать!

Уверен, грамоты, доставленные в ночь под праздник во все подразделения, сыграли свою роль: помогли бывалым солдатам, этому костяку армии, сильнее проникнуться и законной гордостью за все сделанное до сих пор, и чувством ответственности за бои, ждавшие нас впереди. Знаю, что многие приморцы отсылали свои грамоты домой, семьям.

В штарме командарм одному из первых вручил ветеранскую грамоту генерал-майору В. Ф. Воробьеву, служившему в Приморской армии с самого ее образования. Только что стало известно, что Василий Фролович отзывается в распоряжение Крымского фронта. Он намечался начальником штаба 44-й армии, находившейся на Керченском полуострове. Оперативный отдел нашего штарма предстояло вновь возглавить майору Ковтуну.

Как и следовало ожидать, Первомай «отметили» и гитлеровцы — более интенсивным, чем обычно, обстрелом города. На его улицах и в бухтах разорвался за день 141 артиллерийский снаряд. Но группу самолетов, пытавшихся прорваться к центру Севастополя, наши истребители рассеяли, заставив сбросить бомбы куда попало. Один «юнкерс» на глазах у следивших за воздушным боем горожан, задымив, рухнул в море недалеко за бонами.

Ко всему этому севастопольцы привыкли, и, в общем, считалось, что день прошел нормально. Еще один день напряженной, но все же размеренной, устоявшейся жизни в осаде при стабильном фронте и без особо значительных событий...

Через какую-нибудь неделю общая обстановка в Крыму резко обострилась. Начало мая явилось тем памятным рубежом, за которым осталась выпавшая нам передышка.

8 мая, в шестом часу утра, командарм, приоткрыв прорезанное между нашими комнатками окошечко, как обычно, позвал к себе пить чай.

Так повелось с самого начала на новом, херсонесском, КП, после переселения на который у Ивана Ефимовича, как и у всех нас, уже не было «городской квартиры». Позавтракать вместе генерал Петров приглашал и Чухнова, а также Воробьева или Ковтуна, иногда приходил из соседней штольни Рыжи. В тесном кабинетике коман-

дующего, пожалуй, больше уже никто бы не поместился. За чаем обсуждались текущие дела, задачи дня.

В то утро, наверное, все мы проснулись с мыслью о Керченском полуострове. Накануне разведчики имели сведения, правда не очень определенные, что там что-то происходит, — может быть, крупная разведка боем. И всем хотелось надеяться, что это перерастет в долгожданное наступление армий Крымского фронта. Василий Фролович Воробьев, уже имевший назначение туда, нервничал из-за вынужденной задержки с отбытием — не было морской оказии. Между тем никаких приказаний о поддерживающих или отвлекающих действиях нам пока не поступало.

Едва мы собрались у командарма, как дежурная служба ПВО доложила, что к району Севастополя приближается группа вражеских бомбардировщиков. Их налет, как бывало не раз, мог предварять затеваемую противником на каком-нибудь участке атаку наземными войсками. Об этом сейчас же предупредили сектора обороны, была объявлена готовность номер один всей артиллерии.

Бомбардировщики, пройдя на большой высоте над рубежами СОР, нанесли удар лишь по нашим аэродромам. Существенного урона они при этом не причинили: самолеты, не поднятые в воздух, находились в укрытиях. Налеты на севастопольские аэродромы за последние недели были нередки. Но обстоятельства этого налета, в частности необычно ранний час, наводили на мысль, что в данном случае преследовалась какая-то особая цель.

Через некоторое время наши связисты перехватили радиосообщения немцев, где говорилось о начавшемся наступлении их на керченском направлении, а затем о том, что оборона советских войск на левом фланге акмонайских позиций прорвана. Последнему мы не поверили. А тот бомбовый удар по аэродромам расценили как некую предохранительную меру гитлеровского командования: хотя севастопольская авиагруппа насчитывала всего около сотни самолетов и совсем уж немного с относительно большим радиусом действия, Манштейн, предпринимая наступление в другом конце Крыма, как видно, не сбрасывал со счета и их.

Официальной информации об обстановке под Керчью мы не имели и на следующий день. И генерал Воробьев отправился туда на попутной подводной лодке, не подо-

зревая, что вступить в должность начальника штаба 44-й армии ему не суждено.

Как известно, именно в полосе этой армии, которой командовал генерал С. И. Черняк, на узком участке у побережья Феодосийского залива противник начал натиск на позиции Крымского фронта, и две дивизии, оборонявшиеся в первом эшелоне, своего рубежа не удержали...

В мою задачу не входит разбор трагических майских событий на Керченском полуострове. Я касаюсь их лишь в той мере, в какой это необходимо, чтобы были ясны последствия происшедшего там для нас.

Решив высвободить для действий на главных фронтах свою 11-ю армию, сковываемую в Крыму уже более полугода, гитлеровцы, как и можно было предположить, наметили ликвидировать в первую очередь не севастопольский плацдарм, у которого их заведомо ждал сильнейший отпор, а керченский, где они рассчитывали встретить хуже организованную оборону, в чем, к сожалению, не ошиблись.

Располагая к весне тринадцатью пехотными, одной танковой и одной кавалерийской дивизиями, Манштейн вынужден был почти половину их с многочисленными частями усиления держать под Севастополем. Ударная группировка, сосредоточенная противником перед ак-монайскими позициями, отнюдь не имела численного превосходства над армиями Крымского фронта. Это, казалось бы, давало (состав неприятельских сил был известен довольно точно) основания не сомневаться, что победа в решительной схватке, когда она там завяжется, будет нашей.

Но руководившие Крымским фронтом Д. Т. Козлов и Л. З. Мехлис проявили пренебрежение к реальным возможностям врага. Долго готовясь наступать, они не позаботились о достаточно прочной обороне, и немцы нашли в ней уязвимое место, сумев вдобавок обеспечить себе преимущество внезапного удара.

Прорыв на левом фланге создал угрозу центральному участку фронта, его тылам. И хуже всего было то, что Козлов и его штаб, попав неожиданно для себя в очень тяжелое положение, начали терять управление своими силами, к слову сказать, немалыми. Об этом свидетельствовали даже те отрывочные донесения и запросы, все чаще передававшиеся открытым текстом, которые записывали наши радисты.

Командование Крымского фронта не сумело выполнить требование Ставки — организованно отвести войска на линию Турецкого вала, с тем чтобы задержать противника на этом запасном рубеже, оказалось не в состоянии нанести эффективные контрудары. 10 мая в штабе СОР стало известно, что моряки Керченской базы занимают оборону на окраинах города. Вслед за тем началась по приказу маршала Буденного эвакуация войск из Керчи. Выправить там положение было, по-видимому, уже невозможно.

Через несколько дней Крымского фронта фактически не существовало. 19 мая он был расформирован официально.

Севастопольцы снова остались в Крыму одни, как в ноябре сорок первого. Только наш пятачок был теперь меньше, теснее, а соотношение сил еще менее благоприятно, как и обстановка на море, связывающем нас с Большой землей. И уже не могло быть никаких сомнений в том, что впереди новый, решающий штурм Севастополя.

Не буду говорить, как переживалась быстротечная керченская катастрофа. Это понятно и так. Просто не укладывалось в сознании, что пошли прахом усилия, затраченные, чтобы создать на востоке Крыма фронт, с которым связывалось столько надежд. Туда направлялось многое, в чем мы очень нуждались — и людские подкрепления, и новая техника, вплоть до мощных танков КВ, а иногда, как доходило до нас, переадресовывалось и то, что было предназначено Севастополю. На Керчь работали основные транспортные средства флота... И все это воспринималось как должное: оттуда готовился удар, призванный снять с Севастополя осаду, обеспечить освобождение всего Крыма.

Было, однако, не время давать волю чувству горечи. На это мы просто не имели права.

Самым важным командарм считал поддержать у защитников Севастополя веру в свои силы. «Про Керчь говорить правду, только правду,— требовал он от командиров и политработников,— но так, чтобы люди не упали духом».

Все прекрасно понимали, что означают лаконичные фразы в сообщениях Совинформбюро о тяжелых боях западнее Керчи, а затем в районе Керчи. И кто под Севастополем не сознавал: после того как там все закончится,

враг навалится на нас... Упиваясь своей керченской победой — первой за много месяцев не только на Юге, немцы крутили у себя в окопах пластинки с бравурными маршами. Над нашими позициями разбрасывались с самолетов наглые, хвастливые листовки.

Но генерал Петров (каждый день он успевал побывать не на одном участке обороны) возвращался из войск успокоенным. Его радовало настроение бойцов и командиров на переднем крае, и в этом он, как всегда, черпал собственную уверенность, энергию.

С 10 мая соединения Севастопольского оборонительного района были переведены на повышенную боевую готовность. Еще до того, в качестве самой первой меры, продиктованной событиями на Керченском полуострове, командарм отдал приказание: всемерно беречь, жестко экономить снаряды.

В мае крымская весна незаметно переходит в лето. Дни стояли ослепительно солнечные и уже довольно жаркие. Яркая зелень украсила севастопольские бульвары, преобразила все высотки и лощины Мекензиевых гор. И выдавалось еще немало тихих, без орудийного грохота, часов, когда люди могли ощутить праздничное великолепие щедрой южной природы, расцветающей в свои сроки, несмотря ни на какую войну.

Но теперь это замечалось только мимоходом, как что-то постороннее и далекое... Было не до того.

— Эх, хороша сегодня Бельбекская долина! — вздохнул, вернувшись из четвертого сектора, дивизионный комиссар Чухнов.— Ничейная полоса — сплошной цветущий сад...

И, махнув рукой, решительно оборвал себя, заговорил о фортификационных работах, проверять которые ездил туда вместе с подполковником К. И. Грабарчуком, ставшим после гибели Кедринского начинжем армии.

Нового члена Военного совета, только в марте прибывшего, чуть было от нас не отозвали: где-то вспомнили, что по образованию Чухнов химик, и решили перевести его комиссаром Главного военно-химического управления. Однако командарм Петров и командование СОР сумели доказать, что сейчас целесообразнее оставить его в При-

морской армии, чем сам Чухнов был заметно удовлетворен.

Много лет спустя, уже после смерти Ивана Филипповича, мне представилась возможность прочесть его севастопольские дневниковые записи, и там были подтверждающие это чудесные слова: «Какая радость! Получен ответ — я остаюсь здесь». Радовались этому и все мы. Быстро освоившись в Севастополе, Чухнов стал очень нужным тут человеком, особенно в такое напряженное время.

Как и командарм, Чухнов проводил целые дни, иногда и ночи, в войсках, на месте решая практические вопросы укрепления обороны, которые приобрели безотлагательную срочность, потому что никто не знал, сколько остается до решительной схватки с врагом. Я тоже ездил в дивизии, но гораздо реже, чем они. Последствия ранения сказывались уже меньше. Я мог обходиться без палочки, однако обязанности начальника штарма, как обычно, привязывали меня к командному пункту. Да и Иван Ефимович Петров настойчиво повторял, что может спокойно работать в частях, только если я сижу тут.

Противник торопился: как докладывал начальник разведотдела Потапов, немцы еще до окончательного оставления нами Керченского полуострова начали перебрасывать высвобождавшиеся там силы к Севастополю.

Оттуда следовало ожидать 132, 46, 28-ю пехотные дивизии, всю 170-ю, один полк которой уже находился тут, и очевидно, кое-что еще. Штаб Севкавфронта (19 мая Северо-Кавказское направление было преобразовано в одноименный фронт с оставлением Севастопольского оборонительного района в его подчинении) сообщал, что, по его разведданным, в ближайшее время под Севастополем может прибавиться до шести неприятельских дивизий.

В директиве командующего фронтом С. М. Буденного, полученной немного позже, говорилось: «Предупредить весь командный, начальствующий, красноармейский и краснофлотский состав, что Севастополь должен быть удержан любой ценой...»

Что переправа — эвакуация, которую и из Керчи-то, отделенной от материка неширокиим проливом, удалось провести с большим трудом, из Севастополя будет еще сложнее, это было совершенно ясно. Но о ней вряд ли

кто и помышлял. Вот уж о чем я не слышал ни слова даже в самых откровенных разговорах со старыми товарищами. Наши люди безраздельно связывали свою судьбу с судьбой Севастополя. И несмотря на все происшедшее под Керчью, мы верили, что сможем его удержать. Если только не прервется снабжение...

Исходя из сложившейся обстановки, штарм подготовил директиву на оборону (командарм и члены Военного совета подписали ее утром 24 мая). В ней давалась оценка противостоящих сил врага, назывались вероятные направления его ударов, ставились конкретные задачи войскам.

Общая задача армии определялась так: всемерно укрепив свои рубежи средствами противотанковой обороны и инженерного усиления на всю глубину боевых порядков войск, разбить противника перед передним краем занимаемого передового рубежа. А в случае прорыва его на одном из направлений удерживать и уничтожать силами вторых эшелонов и резервов.

Бои предстояли тяжелые, командиров соединений и частей предупреждали, что при возможных нарушениях связи они должны быть готовы, в соответствии с поставленными задачами и обстановкой, действовать самостоятельно. Командирам всех степеней предлагалось немедленно назначить себе по два заместителя. Одновременно командарм Петров объявлял, что его заместителями являются генерал-майоры Крылов и Рыжи.

В директиве точно, с учетом реальных возможностей, указывалось, какие участки фронта надлежит дооборудовать в инженерном отношении, где и чем дополнительно усилить противотанковую, противодесантную оборону. На наиболее важных направлениях планировалось, в частности, выставить еще около тридцати тысяч мин, соорудить несколько десятков новых дотов и дзотов (что и было выполнено).

В мае инженерными работами занимался весь личный состав второго эшелона и резервных частей. Но это было уже завершением того, что делалось все месяцы после декабрьского штурма, и особенно интенсивно — с конца марта.

Помню, когда я впервые после большого перерыва попал на передовую, к чапаевцам, то едва узнавал знако-

мые позиции. Траншеи, ходы сообщения стали такими, о каких в декабре можно было только мечтать!

А как укрепила за это время свой передний край над Камышловским оврагом бригада Потапова! Теперь на ее позициях трудно было к чему-нибудь придраться. А ведь грунт там почти сплошной камень, вгрызались в него в основном киркой да лопатой...

Перед новым натиском врага севастопольский плацдарм имел по всему фронту, в том числе и на северном направлении, где мы лишились основной части первоначально созданных укреплений, три оборонительные полосы общей глубиной до 12—13 километров. Они охватывали фактически все пространство от переднего края до окраин города.

Первый рубеж — передовой, теперь, по существу, главный, проходил от Балаклавы через Камары, Верхний Чоргунь, Камышлы и затем по Бельбеку. Тут были отнюдь не какие-то крепостные сооружения, но как-никак имелись три, а местами и четыре линии добротных траншей плюс система минных полей, противотанковых ежей, проволочных заграждений и других препятствий.

Окопы снабжены перекрытиями, защищающими от осколков, и убежищами, где можно переждать сильную бомбежку. Хороши были и глубокие, надежные ходы сообщения. Они позволяли, не выходя на поверхность, пересечь из конца в конец полосу обороны целого соединения и перейти на участок соседа. Не могу не привести одной показательной цифры: при 36-километровом фронте обороны общая длина окопов и ходов сообщения только в пределах первого рубежа достигла в мае 350 километров.

Конечно, я говорю сейчас об очень простых вещах. Окопы есть окопы, без них какая же оборона! Но пусть все-таки постарается представить читатель, как тверда и неподатлива земля крымского предгорья — иначе не оценить огромный, выполненный исключительно ручными средствами (ни одного окопокопателя или экскаватора мы не имели) солдатский труд, который потребовался, чтобы должным образом подготовить поле решающих боев за Севастополь, придать нашей обороне еще бо́льшую устойчивость.

Думается, важен был тут и, так сказать, психологический результат сделанного: люди поняли, что в таких

траншеях им непосредственно угрожает только прямое попадание бомбы или снаряда, а это, как мог засвидетельствовать всякий бывалый солдат, случается нечасто. К фактически новым, но уже обжитым окопам бойцы относились по-хозяйски любовно. Не без гордости показывали они детали своего полевого хозяйства: где удобно устроенную нишу для гранат, где искусно замаскированный ход к вынесенной вперед ячейке истребителей танков.

Я же, знакомясь с позициями, так основательно улучшенными, а где и созданными заново, испытывал удовлетворение еще вот по какому поводу.

Под Одессой не всегда удавалось добиться настоящего взаимопонимания между командирами стрелковых частей и не подчиненными им инженерными начальниками. Возникало немало споров и претензий, например, насчет того, где располагать запасные, промежуточные линии окопов. Нередко они оказывались дальше, чем нужно. Иногда, чтобы не отдать врагу лишнюю сотню метров земли, приходилось в ходе боя, под огнем, отрывать новые окопы, пренебрегая остающимися за спиной готовыми. Под Севастополем, во всяком случае, на этом этапе его обороны, все делалось уже более рационально. Слов нет — быть расчетливее тут заставляли сами размеры тесного плацдарма. Но многое упростило и облегчило то, что полевые укрепления, на которых был встречен третий штурм, строила вместе с инженерными частями, используя передышку в боях, по существу, вся армия. Да иначе и не успели бы сделать того, что сделали.

Второй рубеж обороны включил в себя бóльшую часть прежнего главного (кроме, разумеется, северного направления, где он прошел гораздо ближе к городу — через станцию Мекензиевы Горы и совхоз имени Софьи Перовской). В глубине этой оборонительной полосы находились высоты Карагач, Сапун-гора и гора Суздальская — ключевые позиции на подступах к Севастополю с юга и запада, куда, как подчеркивалось в упомянутой директиве командарма, нельзя было допускать выхода противника ни при каких условиях.

В результате развития второго рубежа в глубину он на ряде участков сливался с третьим, тыловым. Здесь с самого начала, когда последняя перед городом оборонительная полоса еще называлась «рубежом прикрытия эвакуации», было много укрепленных артиллерийских и пу-

леметных огневых точек. За зиму и весну их прибавилось на всех рубежах.

Всего у нас числилось теперь свыше пятисот дотов и дзотов, но в глубине обороны большинство их пока пустовало: наличное вооружение требовалось держать ближе к переднему краю. Заселить все доты и дзоты можно было, только если получим (этого добивался командующий СОР) укомплектованный на Большой земле «укрепрайон» — несколько пулеметных батальонов.

Определенные силы и средства пришлось выделить для противодесантной обороны береговой линии. Лично мне серьезный морской десант под Севастополем всегда представлялся маловероятным: немцы должны были учитывать огневую мощь хорошо расставленных береговых батарей. Однако моряки считали его все-таки возможным, особенно в связи с появлением у противника значительного числа самоходных, вооруженных артиллерией барж, спущенных на Черное море по Дунаю.

В мае побережье СОР было разделено на четыре участка противодесантной обороны. За два из них, примыкавших к флангам сухопутного фронта, отвечали по приказу вице-адмирала Октябрьского коменданты первого и четвертого секторов и персонально командарм Петров, за два остальных — комендант береговой обороны и командир ОВРа.

Продолжала отрабатываться и созданная в апреле система обороны всей территории севастопольского плацдарма от воздушных десантов. Проводились учебные тревоги с экстренной переброской резервных частей на машинах к участкам высадки, с вызовом огня. Обстановка подсказывала, что если враг предпримет воздушный десант, то скорее всего — одновременно с наступлением с суши, и к этому следовало быть готовыми.

В порядке извлечения уроков из керченских событий, где противник сумел нанести внезапные удары по многим звеньям боевого управления, было решено скрытно перенести на новые места командные и наблюдательные пункты частей и соединений. Менялись также огневые позиции артиллерии. По особому плану производилось рассредоточение армейских запасов, в первую очередь снарядов.

Естественно, наши инженерные подразделения получали все новые и новые задания. И выполнялись они в

такие сроки, которые в иных условиях, пожалуй, показались бы невероятными. Причем подгонять, поторапливать кого-либо не приходилось. После Керчи не требовалось объяснять, что до нового штурма мы располагаем только тем временем, которое займет у немцев перегруппировка их сил в Крыму. А она не могла продлиться слишком долго.

Начальником инженерных войск Приморской армии был теперь, как я уже сказал, подполковник Кузьма Иосифович Грабарчук. Начинж имел свой маленький штаб из пяти-шести человек. Но наши инженерные войска насчитывали всего три батальона, два из которых мы в декабре вынуждены были использовать в качестве стрелковых, а потом так и не смогли восполнить их боевые потери.

Правда, в непосредственном подчинении у заместителя командующего СОР по инженерной обороне военинженера 1 ранга В. Г. Парамонова (генерал-майора А. Ф. Хренова, занимавшего эту должность раньше, в марте перевели в Керчь) людей со специальной подготовкой было больше.

Не буду перечислять все, чем укрепили Севастопольскую оборону армейские и флотские инженерные, саперные, строительные батальоны хотя бы только в течение апреля — мая. Скажу еще лишь об одном — как они обеспечили базирование боевой авиации и тогда, когда по обычным понятиям это, казалось бы, исключалось.

Читатель уже знает, что представляли собою оставшиеся на территории СОР аэродромы у мыса Херсонес и на Куликовом поле — маленькие посадочные площадки, служившие раньше для приема самолетов связи. Местность позволила несколько расширить их. Но как защитить самолеты на земле от неприятельской дальнобойной артиллерии? Под Севастополем ее все прибавлялось, и немцы наверняка рассчитывали, что в дни решающих боев они совсем не дадут нам пользоваться аэродромами, держать на них самолеты.

Обычные дерево-земляные капониры могли выручать только до поры до времени. Однако их сумели усовершенствовать, сделать более прочными. А затем появились укрытия для самолетов из сборного железобетона, идею которых Аркадий Федорович Хренов, помню, вынашивал еще в Одессе.

Их я впервые увидел на новом, третьем аэродроме осажденного Севастополя, оборудованного в Юхариной балке, к югу от города. Строительство его, стоившее громадных усилий (в работах участвовало и гражданское население), во второй половине мая заканчивалось. Аэродром предназначался для базирования истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков.

Конечно, взлетать и садиться тут, как и на двух других аэродромах, надо было под вражеским огнем. К тому, в каких условиях делали свое дело авиаторы, я еще вернусь, когда пойдет речь об июне. Но если бы понадобилось разместить под Севастополем не сотню самолетов — примерно столько их тогда имелось, а больше, это можно было бы сделать. И что касается прочности сооруженных укрытий, то машины в них оставались невредимыми, даже если в трех-четырех метрах разрывалась крупная бомба.

Особое место в подготовке к новым боям занимали заботы о том, как лучше использовать нашу главную ударную силу — артиллерию.

Как уже говорилось, со времени отражения декабрьского штурма ее у нас прибавилось. Пока разведчики не добыли точных данных, сколько и каких артиллерийских частей подтянет к Севастополю противник, мы даже рассчитывали (это нашло отражение и в директиве на оборону от 24 мая), что при несомненном и абсолютном превосходстве немцев в танках и авиации некоторый перевес в количестве орудий окажется у нас.

Расчет этот не оправдался. Но в чем мы не ошибались, так это в том, что на нашей стороне преимущество в организации огня, в способности массировать его на нужных участках. Были бы только снаряды! Хотя ни в одном из секторов не приходилось в среднем на километр фронта больше тринадцати-четырнадцати стволов (не считая тяжелых минометов), мы могли быстро сосредоточивать огонь до трехсот орудий — почти всей армейской, береговой и дивизионной артиллерии — там, где он понадобится.

Широкий маневр огнем обеспечивала та централизованная система управления всеми видами артиллерии, которая была создана в Севастополе с самого начала оборо-

ны и непрестанно совершенствовалась. Поистине трудно переоценить то, что сделали для этого командующий артиллерией армии (так стала называться его должность) генерал-майор Н. К. Рыжи, начштаба артиллерии Н. А. Васильев, ставший полковником, командиры флотской береговой обороны во главе с генерал-майором П. А. Моргуновым, начарты секторов и дивизий Д. И. Пискунов, Ф. Ф. Гроссман, И. М. Рупасов, В. И. Мукинин и другие наши товарищи.

Командарм не разрешал отвлекать начсостав боевых частей ни на какие сборы. Но генерал Рыжи и без этого наладил планомерную, очень целеустремленную учебу командиров-артиллеристов, уделяя особое внимание новым артполкам. Упор делался на освоение накопленного опыта, на отшлифовку взаимодействия с другими артиллерийскими частями, с поддерживаемой пехотой.

Единая карта-схема — ею пользовались все артиллерийские начальники на севастопольском плацдарме — пополнялась новыми целями, увеличивалось число подготовленных участков огня. Авиация начала обеспечивать артиллеристов аэрофотосъемкой. Выдвигаемые к Севастополю неприятельские батареи засекал техническими средствами наш разведывательный артдивизион (теперь им командовал капитан Гусев: майор Савченко погиб в декабрьских боях). Иногда удавалось забрасывать артиллерийских разведчиков за линию фронта. На правом фланге с этим хорошо справлялись пограничники Рубцова, знавшие скрытые проходы в Балаклавских горах.

Из опыта декабря следовало, что вся артиллерия, вплоть до тяжелой, должна быть готова вести огонь и прямой наводкой. Прежде всего — по танкам. В мае мы получили большую партию противотанковых ружей, всего имели их уже около пятисот, а бронебойщиков обучили заранее. Но это оружие предназначалось для стрельбы с короткой дистанции, а артиллерия могла поразить танки с большого расстояния. И огневые позиции всех батарей оборудовались так, чтобы обеспечивались либо переход на прямую наводку прямо с них, либо быстрое выдвижение орудий на подготовленные открытые места.

Тот же опыт прошлого штурма, когда иной раз даже армейская артиллерия оказывалась без пехотного прикрытия впереди, показал, сколь необходимо усилить за-

щиту самих батарей. Для этого выделяли специальные группы бойцов с «пэтээрами» и запасом противотанковых гранат, подступы к тяжелым батареям прикрывали дотами. Каждая огневая позиция становилась укрепленным опорным пунктом в глубине обороны.

События последующих недель подтвердили, что заботы обо всем этом были не лишними.

Той весной сослуживцы по полевому управлению армии поздравили Николая Кирьяковича Рыжи с вступлением в ряды Коммунистической партии. А некоторые из его подчиненных в артчастях, узнав об этом, кажется, удивились: они думали, что наш командующий артиллерией, служивший в Красной Армии с 1918 года, состоит в партии давно. Николай Кирьякович был одним из тех, кого называли беспартийными большевиками. Перед самыми суровыми для севастопольцев боевыми испытаниями генерал Рыжи, как и многие-многие защитники города, стал коммунистом.

Рыжи и Васильев проявили много предусмотрительности, в том числе — в расстановке огневых средств с продуманнейшим учетом характера местности. Однако не в их власти, как и не в нашей с командармом, было накопить в Севастополе такой запас снарядов, который позволял бы использовать всю мощь артиллерии достаточно долго.

После падения Керчи наши заявки на боепитание как будто стали для фронта первоочередными. В мае мы получили почти втрое больше снарядов, чем в апреле (свыше 3600 тонн). Но этого было недостаточно, чтобы оборона Севастополя не зависела от регулярности дальнейшего подвоза, который становился все более затрудненным. А кроме боеприпасов требовалось ведь перевозить с Кавказа и продовольствие, и горючее.

С середины мая начали совершать регулярные грузовые рейсы из Новороссийска и Туапсе подводные лодки. Сама эта мера говорила о том, какое положение создалось на морских путях, связывавших нас с кавказскими портами. Передо мною рапортичка о грузах, доставленных двумя первыми лодками,— 114 тонн... Можно ли сомневаться, что подводники втиснули в отсеки своих кораблей максимум возможного — ведь груз предназначался Севастополю! Но сколько же надо было сделать таких

рейсов вместо одного рейса обычного транспортного судна?

Перед третьим штурмом, когда расход боеприпасов должен был резко возрасти, с обеспеченностью ими нашей артиллерии дело обстояло так: крупный калибр — два — два с половиной боекомплекта, средний — три-четыре, мелкокалиберные системы — до шести. Тяжелые минометы — меньше одного. Это данные по Приморской армии, как таковой. Снарядов для орудий береговой обороны разного калибра на севастопольских складах имелось от одного боекомплекта до трех с половиной.

Значение этих цифр было бы, понятно, иным, не относись они к оторванному от остального фронта, полуотрезанному от баз снабжения пятачку, куда очередная партия снарядов могла дойти, а могла и не дойти в ожидаемый срок. С учетом этого боезапас для зениток приходилось, например, экономить так, что в мае был уже отдан приказ по одиночным самолетам огня не открывать.

Еще в Одессе у нас существовало правило — не пренебрегать нештатными боевыми средствами, которые можно изготовлять на месте, если они хоть в какой-то мере способны усилить оборону. В прошлой своей книге я рассказывал, как превращались в «танки» обшитые легкой броней и вооруженные пулеметами тракторы, как уличные баллоны для газировки воды становились основной деталью траншейных огнеметов.

Такого рода оружие находило применение и на севастопольских рубежах. Над производством огнеметов — траншейных и иных (ими было оборудовано и несколько танков), налаженном на небольшом заводе «Молот», шефствовала химслужба армии. Ее возглавлял полковник В. С. Ветров, хороший организатор. Непосредственно же конструированием огнеметов увлеченно занимался его помощник военинженер Анатолий Ильич Лощенко.

(Попутно несколько слов о дальнейшей судьбе этого неутомимого изобретателя. Лощенко участвовал в боях за Севастополь до последнего дня и оказался в числе тех, кого не удалось эвакуировать при оставлении города. Несмотря на тяжелое ранение, он, однако, избежал фашистского плена и, выхоженный советскими врачами, сумел перебраться на родную Одесщину, где нашел путь к партизанам, а впоследствии командовал одним из отрядов. С инженер-майором запаса Лощенко мне дове-

лось вновь встретиться в Севастополе, когда отмечалось 25-летие обороны).

Тогда, в сорок втором, не без его участия была создана также зажигательная дымовая мина, об испытании которой я слышал от Ивана Ефимовича Петрова еще в госпитале. В специальном приказе командарм отметил пригодность самодельной новинки, в частности, для ослепления огневых точек и наблюдательных пунктов противника.

К маю таких мин было заготовлено до десяти тысяч штук. Насколько помню, их потом наиболее широко использовали, прикрывая свои контратаки, морские пехотинцы бригады полковника П. Ф. Горпищенко.

Чапаевцы же — это была инициатива дивизионного инженера М. П. Бочарова, поддержанная генералом Трофимом Калиновичем Коломийцем, — расставили перед своим передним краем в зарослях Мекензиевых гор и кое-где в глубине обороны десятки потайных фугасов-камнеметов. Устройство их нехитрое: копалась яма глубиной метра полтора, на дно закладывалась взрывчатка, покрывалась слоем досок или бревен, а на них — крупные камни. Снаружи фугас замаскировывали. Взрыв, при котором камни раскидывало на десятки метров, производился с командного пункта замыканием выведенных туда проводов.

Мы не преувеличивали значение этих подсобных боевых средств. Однако те, кто с энтузиазмом их создавал, трудились не напрасно. Впереди были такие бои, когда пригодилось (особенно при недостатке снарядов) буквально все, что могло затруднить действия врага, увеличить его потери, ослабить или задержать на каком-то участке его натиск.

На передовой радовались всякому дополнительному оружию, пусть и самодельному. При «пэтээрах», при неплохом снабжении частей противотанковыми гранатами не сходили с вооружения и бутылки, которые усердно собирали в городе севастопольские ребята, а армейская химслужба заправляла горючей смесью.

Скольким бойцам помогли они в начале войны, когда маловато было других средств против танков, обрести уверенность в том, что не так уж страшны грохочущие гусеничные махины с черными немецкими крестами! И теперь бывалые солдаты берегли зажигательные бу-

тылки для трудного часа, зная, какую представляют они силу в твердой и сноровистой руке.

Вносить существенные поправки в расстановку войск по фронту обороны нам не потребовалось. Мартовская перегруппировка, хотя тогда, не предвидя, конечно, какой оборот примут события у Керчи, мы считали новый штурм Севастополя только возможным, но отнюдь не неизбежным, была рассчитана именно на его отражение.

Не произошло с тех пор и особо больших изменений в общей численности сил СОР. Прибывали очередные маршевые батальоны (кстати, отправкой подкреплений нам занимался теперь генерал-майор В. Ф. Воробьев, назначенный помощником командующего Северо-Кавказским фронтом по формированию и укомплектованию). Кроме них мы получили одну свежую стрелковую часть — 9-ю бригаду морской пехоты полковника Н. В. Благовещенского.

Переброска ее из Поти на крейсере «Ворошилов» и эсминцах явилась довольно сложной операцией. Бомбардировщики и торпедоносцы противника многократно атаковывали отряд кораблей. Последняя торпеда, выпущенная по ним уже на входном севастопольском фарватере, выскочила на берег не очень далеко от нашего КП. Но бригада прибыла без потерь, не пострадали и корабли.

Новую бригаду, насчитывавшую три тысячи бойцов и имевшую собственную артиллерию, хотелось бы использовать для уплотнения боевых порядков на одном из главных направлений ожидаемого штурма. Однако командующий СОР принял решение поставить ее на оборону береговой линии: моряки все больше опасались десанта. На сухопутные рубежи бригада Благовещенского была выдвинута значительно позже.

В стрелковых частях Приморской армии — в семи дивизиях и бригаде Потапова — числилось к исходу мая около 51 тысячи бойцов и командиров. В трех бригадах и двух полках морской пехоты — еще 15 тысяч.

Вероятно, было бы правильнее сразу подвести один общий итог вместо этих двух. До некоторых пор так и делалось во всех наших отчетных документах в соответствии с отданными еще в ноябре приказами вице-адмирала Октябрьского, где говорилось, что обороняющие Сева-

стополь красноармейские и краснофлотские сухопутные части — единое целое и неразделъно входят в Приморскую армию.

Но, вернувшись из госпиталя, я встретился в штабной документации с двойной бухгалтерией: всюду отдельно указывалось, сколько людей, оружия, техники в стрелковых дивизиях и сколько в морских бригадах. Как объяснили Воробьев и Ковтун, этого стали требовать, когда наметилась возможность снятия с Севастополя осады, а значит, и ухода отсюда нашей армии. Я вспомнил, что военных наркоматов-то все-таки два, в севастопольских условиях это как-то забывалось. Может быть, кого-то забеспокоило, как бы флотские формирования не ушли с армией на другой фронт.

Если действительно возникали такие опасения, они оказались преждевременными. И конечно, морские бригады и полки оставались под командованием генерала Петрова, продолжали управляться через штарм Приморской. Мы же подчинялись флотскому начальству, а оно в свою очередь — фронту. Так что заведенное в отчетах и сводках разделение войск по ведомственному признаку практического значения не имело.

На севастопольских рубежах армейцы и моряки стояли плечо к плечу, сплоченные испытанной за месяцы обороны боевой дружбой. И потому следует, сложив цифры, названные выше, считать, что всей пехоты у нас было 66 тысяч человек.

А вместе с личным составом артиллерии — полевой, береговой и зенитной, вместе с немногочисленными летчиками и танкистами, с частями боевого обеспечения и тылами — армейскими и флотскими, а также органами управления Севастопольский оборонительный район имел в то время 111 тысяч человек. Сюда включено все, вплоть до персонала госпиталей и батальона выздоравливающих. О том, что прибывало в ходе июньских боев, я скажу дальше.

В штабе СОР поговаривали, что у нас должно прибавиться танков. Пока их было 47 старых типов (Т-34 — только один) и большей частью сильно изношенных, много раз чинившихся. Вице-адмирал Октябрьский ставил вопрос о выделении для Севастополя нескольких десятков новых танков, в том числе тяжелых КВ. Моряки пла-

нировали перевезти их с Кавказа на борту линкора — способ в тех условиях, пожалуй, наиболее надежный...

Однако то, что произошло на Керченском полуострове, осложнило положение не только у нас. Во второй половине мая развернулись тяжелые оборонительные бои и на Южном, и на Юго-Западном фронтах. Танки, получить которые рассчитывал командующий СОР, по-видимому, оказались нужнее где-то еще. Как затем выяснилось, обстановка заставила направить в другое место, за пределы Северо-Кавказского фронта, и обещанные нам пулеметные батальоны. Сильно урезана была заявка СОР на пополнение самолетами-истребителями.

Мы понимали: трудно на всем Юге, да и не только на Юге, и надо обходиться тем, что есть и что могут нам добавить.

Стрелковых батальонов в конце мая насчитывалось 70. В штабе армии продолжали считать войска по батальонам, потому что число их в разных дивизиях и бригадах оставалось неодинаковым. Чтобы всюду довести количество подразделений до штата, людей не хватало.

Частичное доукомплектование прибывавшими маршевиками сочеталось с усилением боевого контингента соединений за счет собственных тылов. Оттуда брали прежде всего коммунистов и комсомольцев.

Привожу имеющуюся под рукой справку: в 386-й дивизии переведено из обеспечивающих подразделений в стрелковые 97 коммунистов и 144 члена ВЛКСМ, в 345-й — 18 коммунистов и 140 комсомольцев... Лучшими сержантами восполнялся некомплект среднего командного и политсостава. Только в двух полках 388-й дивизии 53 сержанта были произведены в младшие лейтенанты и политруки.

Штаб и политотдел армии много занимались каждой дивизией и бригадой, проверяя ее подготовленность к большим боям. В некоторых соединениях прошли выездные заседания Военного совета; на месте решалось, что еще надо сделать для укрепления обороны на данном участке.

За основу решения нередко брались предложения направленцев нашего оперативного отдела. Генерал Петров особенно ценил мнение майора Ивана Павловича Безгинова. Наблюдательный и вдумчивый, он вырос в опытнейшего штабного командира с широким кругозором, спо-

собного многое предвидеть. И Безгинов, и другие направленцы в ряде случаев получали задания лично от командарма.

Само собой разумеется, оборона Севастополя и впредь мыслилась только как жесткая оборона. Теперь, если можно так сказать, еще более жесткая, ибо никаких резервов для маневра не оставалось. Недаром мы стали считать наш передовой рубеж главным. И оценка состояния любой части в конечном счете сводилась к тому, чтобы ответить на вопрос: выстоит ли она под напором врага?

Стойкость большинства частей была уже многократно ими доказана. Но как покажут себя теперь 388-я дивизия (как обстояло с ней дело в декабре, читатель, очевидно, помнит) и не участвовавшая еще в серьезных боях 386-я, укомплектованная в основном запасниками старших возрастов? Мы надеялись, однако (и не напрасно), что настойчивая работа по укреплению боеспособности этих соединений принесет свои плоды.

Велика была роль активного шефства общественности республик Закавказья над обеими сформированными там дивизиями. Их навещали делегации, в составе которых были видные партийные и советские работники, уважаемые в родных местах бойцов люди. Наладилось получение оттуда газет, литературы на национальных языках. А в подразделениях тем временем успешно изучался русский, и это сближало солдат, раньше им не владевших, с соседями по фронту, с жителями города, помогало почувствовать себя севастопольцами.

В 388-ю стрелковую дивизию еще раз был назначен новый командир полковник Н. А. Шварев, до того — заместитель командира 79-й бригады.

Внимательный читатель, наверное, заметил, что, говоря о соединениях армии, я редко стал упоминать сектора, в которые они входят. Это не случайно. Деление на четыре сектора, сыгравшее весьма важную роль в первоначальной организации обороны, продолжало существовать. Однако сектора, оставаясь понятием территориальным, постепенно утратили прежнее значение в системе боевого управления (кроме тех случаев, когда в составе сектора — например, третьего — еще были отдельные полки). Фронт по сравнению с ноябрем — декабрем сократился, левое его крыло, раньше далекое, приблизилось

к армейскому КП. В таких условиях управление одной дивизией через штаб другой, командир которой являлся в данном секторе старшим, уже себя не оправдывал.

Эти пояснения необходимы главным образом для дальнейшего. Но и при подготовке к июньским боям (хотя институт комендантов секторов, повторяю, не упразднялся) командование армии фактически руководило всеми соединениями непосредственно, напрямую.

До любой дивизии было, как говорится, рукой подать: штаб Капитохина размещался теперь в районе Братского кладбища, штаб Коломийца — у Инкермана, Скутельника — на хуторе Дергачи под Сапун-горою...

И почти отовсюду на нашем сухопутном фронте, во всяком случае с каждой высотки на оборонительных рубежах, виднелось море. Наверное, потому так часто можно было услышать на позициях песню, которая пелась на мотив старинной матросской и так же начиналась, а затем шли новые, не знаю уж кем сложенные, слова:

Раскинулось море широко
У крымских родных берегов,
Стоит Севастополь могучий,
К жестокому бою готов...

Наша армия, называвшаяся с самого своего основания Приморской и всегда взаимодействовавшая с флотом, особенно крепко породнилась с ним под Севастополем. Красноармейская масса восприняла и характерные для черноморских моряков особое отношение, особые чувства к этому городу — и любовь, и гордость, и беззаветную веру в него.

В бригады морской пехоты, в их штабы ушло немало армейских командиров. А в наших старых дивизиях — тех, что пробивались сюда через крымские горы, продолжали служить краснофлотцы из первого севастопольского пополнения (хотя многих флотских специалистов и вернули на корабли, когда миновала горячая пора отражения первых штурмов).

Переобмундированные уже в защитную армейскую форму, в окопах в ней удобнее, эти бойцы хранили, однако, в вещевых мешках матросские бескозырки, тельняшки. Хранили не просто так, а для решительного часа, который, как все понимали, близится.

Вернувшись однажды из Чапаевской дивизии, командарм Петров сказал:

— Трофим Калинович Коломиец считает, что переодетым морякам следует позволить носить тельняшки. Я разрешил. Когда дойдет до контратак, многие, конечно, наденут и бескозырки. Раз это поднимает у них дух — пусть!

Традиционные, символические предметы флотского обмундирования действительно воодушевляли моряков в бою. Матросы верили, что сам вид их формы способен устрашать врагов. Получить сине-белую полосатую тельняшку, как выяснялось, стремились и некоторые бойцы, никогда на флоте не служившие. А одна из фотографий, включенных в эту книгу, свидетельствует: в тельняшке, должно быть кем-то подаренной, сражалась героиня Приморской армии Нина Онилова...

Кто мог возражать против такого «оморячивания», когда за спиной — Севастополь, город морской славы! Силу армии крепило и то, что бойцы-моряки учились у бывалых солдат грамоте сухопутного боя, пехотному умению зацепиться за землю, и то, что солдатам передавалась, захватывала их матросская отвага.

С середины мая — об этом было специальное решение Военного совета — в дивизиях и бригадах проводились делегатские собрания личного состава, на которые каждый взвод присылал по два-три бойца. С докладом выступал командарм или член Военного совета. Мне довелось побывать только на некоторых из этих собраний, но запомнились они навсегда.

В защищенную скалами расщелину или заросший кустарником овраг выносится развернутое знамя. Перед делегатами подразделений — командование дивизии и полков, Военный совет армии. Генерал Петров немногословно и с предельной прямотой излагает складывающуюся обстановку.

Все говорится начистоту. И что гитлеровцы, готовящие генеральное наступление на Севастополь, подтягивают новые части, обеспечивая себе большой численный перевес. И что снять, вывезти отсюда нашу армию, если бы даже поступил такой приказ, практически невозможно: Севастополь не Одесса, и у флота не хватит перевозочных средств. А главное — что стало еще важнее, еще необходимее — сковать и перемолоть неприятельские войска, сосредоточенные сейчас в Крыму, не пустить их на

Дон, на Кубань. И потому задача приморцев, севастопольцев — стоять насмерть, истреблять фашистов здесь, на этих вот рубежах...

Не скрывая силы противника, командующий говорил о силе нашей, о своей уверенности в стойкости и мужестве бойцов, о их воинском умении. Иван Ефимович рассказывал — это ведь знали не все, — чем отличились за войну, какой прошли путь командиры данного соединения вплоть до батальонных, а иногда и до ротных: тех, кто однажды ему запомнился, Петров уже не забывал.

Заканчивал командарм тем, что просил присутствующих откровенно, по-солдатски, сказать, как подготовились в подразделениях встретить врага, как настроены люди, какие остались недоделки в оборудовании позиций, в чем есть нужда и чем еще можно укрепить оборону.

И делегаты, откликаясь на этот призыв, выступали горячо, взволнованно, так, что и привычные, казалось бы, слова обретали зажигающую силу. Помню, как обнимали товарищи сержанта, который, чувствовалось — от всего сердца, выкрикнул:

— Неужели ж русский, советский человек испугается немца, фашиста? Нет, такому позору не бывать! Ручаюсь Военному совету: пока мы живы, наш взвод свою позицию не сдаст!

Многие высказывали конкретные деловые предложения: что следовало бы улучшить, переставить, сделать понадежнее. По предложениям бесспорным тут же принимались решения, отдавались приказания.

Потом участники дивизионных и бригадных собраний отчитывались у себя во взводах, батареях, передавая всем бойцам то, что услышали от командарма и других старших начальников. Генерал Петров заботился, чтобы в каждом подразделении кто-то рассказал о боевых заслугах командира дивизии, полка, своего батальона, чтобы красноармейцы из пополнения обязательно знали, как сражались и за что имеют награды ветераны.

Делегатские собрания и работа, проведенная в частях в связи с ними, морально подготавливали армию к тяжелым боям, заряжали той бесповоротной решимостью выполнить свой долг до конца, которая всегда лежит в основе массового героизма, массового подвига.

С переводом войск на повышенную боевую готовность изменялись распорядок, ритм их жизни. Происходил и

заметный внутренний перелом в самих людях, сознававших, что «спокойный» период обороны остается позади. Все подтягивались даже в мелочах, становились собраннее, строже.

И на любое смелое дело, на любой боевой пост, где больше опасности и выше ответственность, находилось сколько угодно добровольцев (их все чаще называли охотниками — по-старинному, как в первую Севастопольскую оборону, книги о которой ходили по рукам). Добровольцами были укомплектованы подразделения бронебойщиков, группы истребителей танков, выдвигавшиеся за передний край с гранатами и зажигательными бутылками. Из них же формировались — по мере того как поступало с Большой земли оружие — новые пулеметные расчеты, взводы и роты автоматчиков.

Вспоминая майские дни, я вновь ощущаю их атмосферу — какой-то особый, охватывавший всех подъем духа. Он чувствовался и на совместном заседании Военных советов Черноморского флота и Приморской армии, где принимались важнейшие решения, и при любой встрече с командирами или представителями штабов, во всей нашей работе.

Подготовка к отражению штурма заканчивалась. В числе последних мероприятий, осуществленных по плану штарма, было рассредоточение двух легких армейских артполков — тех, что прибыли весной: их батареи придали стрелковым частям на наиболее танкоопасных направлениях. Свои танки мы расставили поротно в засадах — для ликвидации неприятельских клиньев, для поддержки контратак.

Каждый день использовался для инженерного укрепления рубежей. Углублялись окопы и ходы сообщения, монтировались из сборных деталей новые доты, добавлялись к прежним заграждениям еще десятки ежей, только что сваренных в железнодорожных мастерских из кусков рельсов, еще сотни противотанковых и противопехотных мин, только вчера изготовленных в штольнях спецкомбината...

Эта глава была бы незавершенной, если не сказать хоть немного о работе армейского тыла. Я не упоминал о нем уже давно и чувствую себя в долгу перед нашими

тыловиками. Ведь готовность фронта обороны к новым боям очень зависела и от них.

Собирая материалы для книги, я нашел в архиве боевую характеристику на начальника тыла Приморской армии интенданта 1 ранга А. П. Ермилова, написанную генералом Петровым. Аттестации, которые давал Иван Ефимович подчиненным, отличались нестандартностью, выразительной конкретностью, идущими от глубокого знания людей. «Умеет дать размах в работе,— писал командарм о начальнике тыла.— В каждом деле цепко хватается за всякую возможность улучшить снабжение состоящих на его попечении войск».

За этими словами так и встает сам Алексей Петрович Ермилов. Человек спортивного склада, выглядевший моложе своих тогдашних сорока лет, подвижный и неиссякаемо энергичный, он работал в самой трудной обстановке с каким-то веселым задором. И действительно цепко хватался за все, что помогало лучше обеспечивать боевые части.

В Севастополе система хозяйственных служб еще в большей степени, чем при обороне Одессы, отступала от обычной структуры армейского тыла: сами размеры плацдарма исключали необходимость в ряде промежуточных звеньев. И размах в работе, который отмечал у Ермилова командарм, начинался именно с умения строить ее не по шаблону, применяться к сложившимся специфическим условиям.

Все у тыловиков подчинялось тому, чтобы без лишних перегрузок подавать войскам снабжение прямо на позиции, снаряды к каждому орудию. Перевозки производились почти всегда ночью. Автобатальон подвоза был разбит на колонны, которые обслуживали каждая свое хорошо знакомое направление. Прикрепленные к дивизиям и бригадам командиры из управления тыла использовались при этом как своего рода диспетчеры.

Ночью же разгружали прибывавшие с Большой земли суда. И каждый транспорт встречали на причалах вместе с рабочей ротой Ермилов и его помощники. Если начиналась бомбежка или артиллерийский обстрел, что бывало нередко, они руководили разгрузкой — прерывать ее было нельзя — как боем.

Однажды от прямого попадания авиабомбы затонул у причала не очень крупный транспорт, доставивший

продовольствие, к выгрузке которого только что приступили. Глубина там была метров десять. Не желая мириться с потерей ценнейшего груза, начальник тыла приказал немедленно найти в хозяйственных подразделениях хороших ныряльщиков. А первым сам нырнул, нашел и подцепил крюком на пеньковом тросе ящик с грузом.

Все находившиеся в трюмах продукты были подняты и переработаны. По этому факту можно судить, какой оборот принимала иной раз работа наших хозяйственников.

Вспоминая предприимчивого Ермилова, я мысленно вижу рядом его заместителя интенданта армии Амаяка Бейбудовича Меграбяна — статного, с красивым смуглым лицом и знаками различия общевойскового полковника.

Меграбян окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, командовал в финскую кампанию полком, Отечественную войну встретил в штабе корпуса. На интендантскую должность его прислали к нам еще в Одессе, после ранения на Западном фронте.

И вот уж кто знал нужды частей не по заявкам! Меграбян просто не мыслил своей работы без того, чтобы самому не видеть положение в каждом полку. Бывало и так, что, попав в горячее место, армейский интендант вновь превращался в строевика. Как-то во время боев в полосе Чапаевской дивизии он поехал туда по своим снабженческим делам, а потом из штадива доложили: заместитель начальника тыла несколько часов командовал батальоном, где выбыл из строя комбат, организовал контратаку.

Не сомневаюсь, что рано или поздно Меграбян вернулся бы на командную или штабную службу, если бы в начале июля не оборвалась его жизнь. Погиб он в море, недалеко от Севастополя, на катере, вступившем в неравный бой с несколькими вражескими. Погиб, сражаясь до последнего дыхания. Об этом потом рассказали те немногие из находившихся на борту, кто остался в живых.

Как сообщил мне недавно из Армении сын полковника Меграбяна инженер Вулен Амаякович, имя его отца присвоено в 1971 году школе в селении Агдан Иджеванского района, на родине Амаяка Бейбудовича.

А в те дни, о которых я веду сейчас рассказ, когда севастопольцы готовились к тяжелым боям, А. Б. Меграбян был поставлен во главе оперативной группы управления тыла, созданной для того, чтобы в любых условиях обеспечивать доставку на передний край боеприпасов и пищи, эвакуацию раненых.

В эту оперативную группу входил и военврач 1 ранга Д. Г. Соколовский, наш начсанарм. За относительно спокойное время он сделал по своей части исключительно много, настойчиво расширяя и совершенствуя всю систему медико-санитарной службы.

«Доразвертываемся, доразвертываемся!..» — это было любимое словечко деятельного, всегда куда-то спешившего Давида Григорьевича. Его «хозяйство» давно вышло за рамки того, что обычно имеет армия. Но иначе было нельзя: во-первых, никто не мог гарантировать бесперебойную отправку раненых на Большую землю, а во-вторых, постоянно действовало правило — тех, кого можно за месяц — полтора вернуть в строй, лечить здесь.

В Севастополе хватило дела и медикам из 51-й армии, случайно оказавшимся с нами при отходе с севера Крыма, и тем врачам, которых Соколовский на ходу взял с собой из санаториев Ялты. К весне Приморская армия пополнилась новыми госпиталями и медсанбатами, развернутыми за счет внутренних ресурсов. А с Кавказа вернулись два военно-морских госпиталя, эвакуированных туда в самом начале обороны.

Значительная часть медицинских учреждений помещалась в надежных убежищах. В распоряжение начсанарма был передан еще ряд штолен в Инкермане, вблизи крупнейшего нашего подземного госпиталя (продолжая числиться медсанбатом Чапаевской дивизии, он обслуживал уже несколько соединений, имел специализированные отделения, до двадцати операционных столов), а также штольни в Юхариной балке, винные подвалы и другие подземелья на Северной стороне.

Докладывая Военному совету об итогах «доразвертывания» (общее число коек превысило семь тысяч), Соколовский считал, что этого еще мало. И вообще-то был прав. За две недели декабрьского штурма мы имели почти восемнадцать тысяч раненых, а тогда в эвакуации их на Большую землю еще не возникало особых перебоев.

Койки койками, но для расширенной сети госпиталей понадобилось и немало добавочного младшего медперсонала. Тем более что в марте командование армии приняло решение: всех санитаров и медсестер моложе сорока лет перевести из лечебных учреждений тыла в боевые части. Замену им, само собой разумеется, надо было изыскать на месте.

Первым резервом явились севастопольские женщины, сандружинницы старшего возраста, окончившие курсы Красного Креста (их младшие товарки были уже в войсках). Но этого оказалось недостаточно, и Соколовский предложил готовить санитаров и санинструкторов в батальоне выздоравливающих.

Батальон, размещавшийся у Стрелецкой бухты при одном из госпиталей, служил в трудные моменты, как бывало и в Одессе, источником пополнения поредевших подразделений. А те раненые, которые не вполне годились для возвращения в боевой строй, стали, продолжая еще сами лечиться, проходить курс обучения, рассчитанный на несколько недель. Санитары из них получались отличные.

Раз уж зашла речь об умении армейских медиков преодолевать трудности, не могу умолчать и о том, как была ликвидирована вспышка неожиданной на юге цинги. Возникла она в апреле. Кроме недостатка витаминов в осадном войсковом рационе, очевидно, дали себя знать необычно суровая для Крыма зима и постоянное напряжение, в котором находились севастопольцы даже в «тихие» недели.

Соколовский забил тревогу. В частях быстро организовали варку настоя из хвои пихты (сосны в пределах плацдарма не было). На Мекензиевых горах и везде, где еще рос шиповник, собрали все оставшиеся на кустах ягоды. Наладили также производство можжевелового экстракта. Эти средства сдерживали распространение цинги. И все же свыше тысячи больных потребовалось госпитализировать.

Мы обычным порядком доносили о положении и принимаемых мерах старшим начальникам на Большую землю. Красок при этом не сгущали: не у одних нас трудности. Но Соколовский, встревоженный новыми случаями заболевания, послал однажды от собственного имени и не по команде, а прямо в Главное управление тыла радио-

грамму, составленную (я познакомился с ней уже задним числом) в довольно сильных выражениях.

Ответ на его депешу пришел без промедления и начинался с фразы, где начсанарму рекомендовалось изучить устав внутренней службы. А дальше сообщалось, что нам немедленно высылается аскорбиновая кислота. Этот драгоценный по тем временам препарат (в Севастополе его не было совсем) доставил из Москвы инспектор Главного медико-санитарного управления военврач 1 ранга Зотов, добравшийся к нам очень быстро.

Того, что он привез в своем чемоданчике, хватило, чтобы поставить на ноги всех больных. Давали результаты и профилактические меры, появилась первая зелень с севастопольских огородов. И к середине мая с цингой было покончено. Лишь удостоверившись в этом, Зотов отбыл обратно.

Представителю Главного военно-медицинского управления был вверен коллективный научный труд большой группы военных врачей, созданный по почину нашего армхирурга профессора В. С. Кофмана,— обобщение опыта обработки раненых в Севастопольскую оборону. Через год эта работа вышла в свет с предисловием генерала И. Е. Петрова и стала своеобразным памятником самоотверженным медикам Приморской армии: многих из ее авторов, в том числе и Кофмана, в живых уже не было.

Я говорил о том тыле, который является неотъемлемой частью армии, входит в ее состав и подчинен командарму. Но нашим ближним тылом был и сам Севастополь.

Привожу отдельные пункты из постановлений, принятых 16, 18, 26 мая городским комитетом обороны. Они поистине не нуждаются в комментариях и лучше, чем это смог бы сделать я, рассказывают, как город готовился вместе с армией к решительным боям. Вот эти решения, немедленно вступавшие в действие:

«17 мая 1942 года закончить комплектование и вооружение боевых дружин на всех основных предприятиях... 50% личного состава дружин перевести на казарменное положение... В оперативном отношении дружины подчинить командирам секторов».

«Привлечь все трудоспособное население, не занятое на городских предприятиях, к строительству укреплений...»

«В суточный срок подобрать запасные КП города и районов, разработать систему обороны их... Рассредоточить по городу все запасы продовольствия».

«Оказать помощь коменданту гарнизона в установлении и строительстве огневых точек по городу...»

«...Всех мужчин, способных драться с оружием в руках, включить в резерв боевых дружин, назначить командный и политический состав и вооружить гранатами... Женщин привлечь по мере надобности в сандружины; наиболее здоровых по их желанию включить в резерв боевых дружин».

Эти постановления городского комитета обороны, а затем сообщения об их выполнении заносились на КП армии в журнал боевых действий наряду с важнейшими сведениями о положении на переднем крае. Фронт и город, защитники Севастополя, одетые в военную форму, и гражданские люди встречали новые испытания в общем строю, в едином боевом коллективе, как никогда спаянном и сплоченном.

ГОРОД БЕССМЕРТНОЙ СЛАВЫ

Третий штурм Севастополя известен как июньский Но мы ждали его со дня на день уже в последних числах мая. 25-го начали поступать донесения о том, что противник ночами прокладывает проходы в своих проволочных заграждениях и минных полях. Отмечалась повышенная активность неприятельской войсковой разведки. То на одном, то на другом направлении обнаруживались немецкие офицеры, ведущие рекогносцировку нашего переднего края.

Конечно, попытки гитлеровцев высовываться из ближних траншей быстро пресекали снайперы (на ряде участков они перешли на двухсменную, круглосуточную вахту, у нас были уже снайперы-ночники). Рекогносцировщиков, появлявшихся подальше, иногда удавалось накрывать артиллеристам.

В один из этих дней начальник штадива 172-й стрелковой Михаил Юльевич Лернер доложил по телефону: только что уничтожена офицерская наблюдательная группа в районе станции Бельбек. Оказывается, командир артиллерийской батареи, находясь на своем НП, увидел, как фашистские офицеры нахально вылезли из кустов с развернутой картой, и сумел покончить с ними двумя или тремя точно направленными выстрелами. Тут уж не приходилось ругать за отступление от строгого правила — на мелкие группы противника снаряды не тратить.

Батарея принадлежала к 134-му гаубичному артполку майора И. Ф. Шмелькова. Этот полк, приданный дивизии Ласкина сперва частично (один дивизион действовал в другом секторе), а затем в полном составе, вообще отличался весьма точной боевой работой. Его гаубицы (122- и 152-миллиметровые) в трудные дни обороны не раз ста-

вили перед атакующим врагом непреодолимый огневой вал. У Шмелькова были опытнейшие, закаленные в боях командиры батарей, дивизионов. Одному из них — майору Н. И. Шарову весной вверили новый артиллерийский полк.

На то, что штурм близится, указывали также резко усилившиеся с 20 мая бомбежки и огневые налеты дальнобойной артиллерии. Враг нацеливал эти удары пока главным образом на наши войсковые тылы, аэродромы, батареи, порт. И особенно — на город. Группы в двадцать — сорок бомбардировщиков стали появляться над Севастополем по нескольку раз в сутки.

В донесении штаба МПВО о первом дне усиленных бомбежек значилось: из гражданского населения убито 42 человека, ранено 106... В следующие дни жертв в городе было меньше: жители Севастополя опять перебрались в подземные убежища. Там были созданы запасы воды, выдан вперед продовольственный паек. Городской комитет обороны постановил прервать занятия в школах.

Сознавать, что в Севастополе еще находятся школьники, дети, было тяжело. Правда — уже не столько, как месяц-полтора назад. Эвакуацию на Кавказ населения, не связанного с обороной, и в первую очередь женщин с маленькими детьми, в мае старались всемерно форсировать. Однако уговорить многих уехать, как рассказывали городские руководители, стоило большого труда. Люди верили: Севастополь выстоит, а осадные опасности и невзгоды их не страшили. Не все, конечно, представляли, насколько серьезнее, сложнее сейчас положение, чем полгода назад, в декабре.

Но я не договорил о школьниках. Освободившиеся от занятий старшеклассники пошли, и для того времени это было естественно, в сандружины, в цеха, где изготовляется оружие. Многие, впрочем, и раньше работали там после уроков. Находили себе дело и ребята помладше. Не забуду картины, которую застал однажды ранним утром у причалов Южной бухты.

Шел последний час — уже не темный и еще не вполне светлый — того времени суток, когда фашистские бомбардировщики обычно не появлялись над городом и бухтами. Подводная лодка, прибывшая, очевидно, на исходе ночи, спешила разгрузиться. А разгрузка лодок была трудоемкой. Боеприпасы, пищевые концентраты, медика-

менты — все это перевозилось, как правило, в мелкой упаковке: иначе груз не поддавался размещению в узких проходах и маленьких трюмах отсеков, в торпедных аппаратах.

И вот на помощь морякам и рабочей команде армейского тыла пришли ребята, целый пионерский отряд. Они растянулись длинной цепочкой — от люка на палубе лодки, через сходни и бетонный причал к распахнутым дверям врезанного в обрывистый берег склада.

Цепочка стояла в два ряда, и по каждому безостановочно двигались — из одних детских рук в другие — небольшие коробки, уж не помню с чем. Ребята работали молча, руки их мелькали все быстрее. Надо было управиться до шести: в этот час немцы, как по расписанию, начинали дневные налеты, и лодке, если она еще не готова к обратному рейсу, надлежало погрузиться и пролежать до вечера на дне бухты.

Днем севастопольские улицы, еще недавно оживленные, пустеют. Только дежурят дружинники МПВО на крышах, стоят, как всегда, на своих постах регулировщики, проносятся на повышенной скорости военные машины. В центре бросаются в глаза новые разрушения. Крупные бомбы попали в великолепное здание института имени Сеченова, в железнодорожный вокзал...

Но я видел в эти дни город только мельком — проездом в войска. Командарм и Чухнов проводили там бóльшую часть дня, я же отлучался с КП по мере возможности. Все мы испытывали потребность еще раз проверить, как подготовились в частях к отпору врага, побывать на командных пунктах полков, поговорить с людьми на переднем крае.

В 386-ю стрелковую дивизию полковника Скутельника съездили втроем. За нее, малообстрелянную, все еще было тревожно. Дивизия вместе с бригадой Жидилова прикрывала левый фланг очень ответственного ялтинского направления. Оно не стало главным в декабре, могло не стать им и в июне, однако сам рельеф местности всегда заставлял считать вероятной попытку прорыва танков к Сапун-горе.

После того как около месяца назад у Скутельника — в связи с обнаружившимися недостатками в организации обороны — было проведено выездное заседание Военного совета, здесь много сделали для укрепления своих рубе-

жей. Пришли сюда и новые люди. Военкомом стал прибывший с Большой земли энергичный и решительный старший батальонный комиссар Р. И. Володченков, начальником политотдела — батальонный комиссар М. С. Гукасян, переведенный из 95-й дивизии. Начартом назначили майора П. И. Полякова, одного из наших лучших командиров артиллерийских полков.

В самые последние дни путем местной перегруппировки была изыскана возможность занять одним стрелковым полком запасной рубеж между Кадыковкой и памятником Балаклавскому сражению 1854 года (тогда тут подверглись разгрому привезенные из-за моря отборные части английской кавалерии и, между прочим, погиб один из предков Уинстона Черчилля). Занятие этого рубежа придавало фронту обороны у Ялтинского шоссе бо́льшую устойчивость.

Общее впечатление о дивизии Скутельника складывалось неплохое. Особенно радовало приподнятое настроение людей. Чувствовалось, они и внутренне подготовлены к решительным боям, рвутся бить врага. Командиры рассказывали: трудно удержать бойцов от открытия ружейно-пулеметного огня по фашистским самолетам, пролетающим над окопами бомбить тылы и город. В отдельных случаях самолеты даже удавалось этим огнем сбивать, и тогда по траншеям прокатывалось «ура»...

Кончился наш выезд в 386-ю дивизию тем, что уже в ее тыловом районе, идя от КП комдива к своим укрытым машинам, мы попали под сильный огневой налет. Выручили оказавшиеся невдалеке окопчики. Когда, отдышавшись, от души посмеялись, вспоминая, как к этим окопчикам бежали, генерал Петров сказал:

— Смех смехом, товарищи, а все же ездить вот так, скопом, без особой нужды больше не будем. Не та обстановка.

Но вдвоем с Чухновым Иван Ефимович выезжать в войска продолжал. Обоих тянуло вновь и вновь на те участки обороны, где следовало ожидать сильного вражеского натиска. И как всегда, любая проверка боевой готовности означала для Петрова прежде всего общение с людьми на переднем крае.

Недавно, во время работы над этой книгой, генерал в отставке Иван Андреевич Ласкин, бывший комдив 172-й стрелковой, напомнил мне, как уже после дивизи-

онного красноармейского собрания и отчетов его делегатов в подразделениях командарм передал по телефону, что хочет отдельно поговорить с младшими командирами. Они собрались в каком-то неприметном сарае, Петров и Чухнов приехали вместе и долго беседовали с сержантами об обстановке, о предстоящих боях.

Живо представляю, каким был этот разговор. Иван Ефимович любил начинать свои беседы с бойцами, например, так: «Кто воюет с начала обороны Севастополя? Кто отбивал декабрьский штурм?» Ветераны вставали или поднимали руку. Командарм спрашивал одного, другого о чем-нибудь наверняка им памятном или сам вспоминал какой-то известный этим старожилам части эпизод. И через них, самых бывалых, быстро устанавливал со всеми своими слушателями тот особый духовный контакт, который нужен, чтобы понять настроение людей и повлиять на него, поговорить откровенно и прямо о том, что ждет их завтра.

Дивизия Ласкина держала оборону на Бельбеке, прикрывая станцию Мекензиевы Горы, где противник пытался прорваться к Северной бухте в прошлый раз. Пополненная, доведенная наконец до трех стрелковых полков, дивизия насчитывала вместе с тылами около шести тысяч человек. И почти каждый четвертый был коммунистом.

Это соединение славилось своей сплоченностью, боевой спайкой, в чем как бы задавала тон известная всем дружба комдива Ласкина и комиссара Солонцова, о которой я уже говорил. Они по-прежнему любили ходить по полкам и батальонам вместе, решая все существенное сообща.

А в один из этих майских дней с ними случилось вот что. Обходя свою полосу обороны, Ласкин и Солонцов присели отдохнуть на краю воронки от крупной авиабомбы друг против друга. Старая воронка считается местом надежным: другая бомба попадает в ту же точку чрезвычайно редко. Но тут это произошло: бомба, сброшенная с большой высоты, упала прямо в воронку между командиром и комиссаром, зарылась в песчаный грунт и... не взорвалась.

Рад добавить, что и ныне, тридцать лет спустя, Иван Андреевич Ласкин и Петр Ефимович Солонцов здравствуют.

Пресекая действия неприятельских рекогносцировщиков и вылазки разведывательных групп, пытавшихся, как обычно перед наступлением, нащупать стыки наших частей, найти слабые места в обороне, мы, естественно, сами старались поточнее выяснить, как расставляет противник стягиваемые к Севастополю .силы. С теми штадивами, чьи разведчики долго не могли добыть очередного «языка», теперь приходилось разговаривать построже.

Подполковник Потапов докладывал новые разведданные несколько раз в течение дня.

Вернувшуюся из-под Керчи 132-ю пехотную дивизию, участвовавшую в декабрьском штурме (это из нее попадались в начале обороны пленные, кичившиеся тем, что покоряли Париж и Брюссель), Манштейн опять поставил на наше северное направление. Там же находились его 22, 24 и 50-я дивизии.

А с юга и юго-востока от Севастополя кроме 72-й пехотной, остававшейся там все время, появились 170-я в полном составе и новая для нас 28-я легкая пехотная, переброшенная в Крым из Франции. Все это — немецкие дивизии. На участках же, где следовало ожидать преимущественно сковывающих действий противника, развертывался румынский корпус — 18-я пехотная дивизия, 1-я горнострелковая и другие части.

Недостаточно полными были пока сведения о том, сколько у врага артиллерии (ее оказалось больше, чем предполагалось). По словам некоторых пленных, из Германии прибыли под Севастополь какие-то орудия особой мощности.

За последние недели явно прибавилось в Крыму немецкой авиации, особенно бомбардировщиков. Несколько позже было установлено, что армии Манштейна придан 8-й авиационный корпус Рихтгофена. Он насчитывал 600—700 самолетов и использовался гитлеровским командованием всегда на важнейших направлениях фронта.

Конечно, мы не только подсчитывали накапливавшиеся перед нашим плацдармом силы.

Штурмовики и бомбардировщики севастопольской авиагруппы, как ни мало их было и как ни усложнились, начиная с самого взлета, условия их действий, наносили удары по ближайшим аэродромам противника, по его войскам на марше. Немцы имели более чем достаточно самолетов, чтобы перехватывать наши, но обманывать врага

помогал, в частности, такой прием. Поднявшись в воздух, Пе-2 или «илы» сразу уходили в сторону моря, набирали вдали от берега высоту, а затем неожиданно появлялись над точно намеченными целями и, атаковав их, на бреющем возвращались к Севастополю... Ночами прилетали бомбардировщики с Кавказа. Им во избежание ошибок давались цели дальше от переднего края.

Била по разведанным целям и наша артиллерия. В одну из ночей, когда два дивизиона богдановцев и береговые батареи наносили удар по скоплению немецких войск у Дуванкоя, район обстрела осветили (это было применено под Севастополем впервые) включенные внезапно для гитлеровцев прожекторы. 1 июня Николай Кирьякович Рыжи руководил сильным огневым налетом, охватившим одновременно многие участки фронта.

Однако расходовать боеприпасы приходилось сверхосмотрительно. По опыту декабря мы знали, как много снарядов потребуется при отражении самого штурма. А будет ли регулярным, достаточным подвоз?

Неизвестным оставалось еще и то, когда штурм начнется. «Языки» называли разные сроки, некоторые уже прошли. Получить вполне достоверные данные долго не удавалось.

На рассвете 2 июня вражеская артиллерия открыла массированный огонь почти по всему фронту обороны. Доклады об этом поступали из дивизий один за другим. Кто-то из докладывавших добавил:

— Такого огня еще не бывало!..

А с КП ПВО предупредили: приближаются большие группы немецких самолетов, общее число — до двухсот.

Уже накануне воздушные налеты усилились по сравнению с предшествовавшими днями: за сутки над городом появлялось до ста самолетов. Теперь шло сразу вдвое больше.

Позвонил начальник штаба СОР капитан 1 ранга А. Г. Васильев. На флагманском командном пункте считали возможной высадку парашютного десанта и требовали немедленно принимать предусмотренные на такой случай меры.

Десант не десант (предположение о нем быстро отпало), но на непосредственную подготовку общей атаки

действия противника были похожи. Тем более что интенсивнее всего обстреливались четвертый и третий сектора и их стык — наиболее вероятное направление главного удара.

«Значит, началось!» Наверное, так подумалось каждому из нас. С этой мыслью пришло, пожалуй, даже какое-то облегчение. Что штурм будет, давно стало ясно. Мы, как смогли, приготовились его встретить. А затягивающееся ожидание неизбежного боя всегда томительно.

Но за сильнейшим огневым налетом, длившимся тридцать минут, атак не последовало. Только на отдельных участках небольшие группы немецкой пехоты предприняли разведку боем. Артподготовка, оказывается, была еще предварительной...

Из более подробных донесений, поступивших вслед за краткими первыми, явствовало: артиллерия била прежде всего по командным и наблюдательным пунктам соединений и частей, по нашим батареям. Вернее сказать — по тем пристрелянным противником местам, где они находились еще несколько дней назад. Вовремя перенесли мы почти все КП и НП и передвинули полевые батареи на запасные позиции!

А фашистские самолеты бомбили — не только утром, но и в течение всего дня — и боевые порядки войск, и город. Наши истребители и зенитчики сражались самоотверженно, сбили четырнадцать бомбардировщиков. Но рассеять, отогнать всю навалившуюся воздушную армаду они, конечно, не могли.

И если рубежи обороны пострадали от бомбежки мало, а потери в людях на переднем крае исчислялись единицами, то в городе разрушения были значительными.

По подсчетам наблюдателей МПВО — скорее неполным, чем преувеличенным,— на жилые кварталы и порт упало 2 июня свыше трех тысяч фугасных бомб. Зажигательные никто не считал. Я несколько раз выходил из штольни на пригорок, откуда еще недавно открывалась величественная панорама Севастополя, и смотрел на него, стиснув зубы от боли и злости.

Город горел, не отдельные здания или кварталы, а весь город... Так, во всяком случае, выглядело это со стороны. В безветрии июньского дня, заслоняя все, вздымались к небу зловещие клубы густого дыма.

Еще утром стало известно: бомбы перебили в разных местах водопровод, и пожары стало нечем тушить. Команды МПВО едва справлялись с расчисткой завалов на важнейших транспортных магистралях.

Но в первую очередь из городского комитета обороны сообщали о другом. О том, что спецкомбинаты в штольнях продолжают работать на полный ход и отправят, как обычно, продукцию фронту, а СевГРЭС бесперебойно даст энергию. О том, что боевые дружины севастопольцев готовы выполнять приказы армейского командования и, если потребуется, влиться в войска.

На следующий день все повторилось: и очень сильные огневые налеты артиллерии по фронту обороны, за которыми не следовало, однако, атак пехоты и танков, и яростная, теперь уже почти круглосуточная бомбежка наших рубежей и города.

Продолжалось это и 4 июня, и 5-го, и 6-го...

Мы не знали, что по плану операции «Штёрфанг» («Лов осетра» — так закодировало гитлеровское командование июньское наступление на Севастополь) на артиллерийскую подготовку отведено пять дней, а на авиационную, которая началась, постепенно усиливаясь, еще 20 мая, больше двух недель. Ясно было одно: после провала прошлых наступлений противник стремится обеспечить успех небывалой еще обработкой огнем всего нашего плацдарма.

Расчет врага состоял, конечно, не только в том, чтобы заранее, до ввода в бой пехоты и танков, нанести максимальный урон нашей оборонительной системе. Фашисты надеялись и, судя по многому, считали это особенно важным, сломить многодневным огневым смерчем дух защитников Севастополя, измотать и деморализовать наших людей.

Не ту ли цель преследовали и «психические» бомбежки!

На какие-то немецкие аэродромы в Крыму, вероятно, не успевали подвозить бомбы, и часть самолетов загружали чем попало. Вперемешку с бомбами падали куски рельсов, бочки, железный лом. А некоторые самолеты — для них, должно быть, не хватило и этого хлама — не сбрасывали ничего, но пикировали с особым ревом и свистом: к их плоскостям прикрепили сирены...

Потом Манштейн счел нужным отметить в своих мемуарах, что в июне 1942 года под Севастополем было достигнуто такое массирование артиллерии, какое не достигалось немцами больше нигде за всю вторую мировую войну. Верно ли это, судить не берусь. Но два немецких корпуса и румынский, стоявшие перед 36-километровым фронтом нашей обороны, имели (пользуюсь данными из штабных документов противника, сделавшихся доступными в свое время) 181 артиллерийскую батарею — более 1300 орудий. А сверх того еще три дивизиона самоходок и несколько сот крупнокалиберных минометов. Причем недостатка в снарядах и минах Манштейн явно не испытывал.

Половину стянутых к Севастополю батарей — 93 из 181 — составляли тяжелые. Были и сверхтяжелые, осадные. До июня мы знали о гаубицах и мортирах калибра 305, 350, 420 миллиметров, уже обнаруживших себя.

Но теперь немцы ввели в действие и более крупный калибр.

Случайно мне довелось самому это наблюдать. Выйдя под вечер наверх и не успев еще осмотреться вокруг, я услышал, как в стороне пролетело что-то непонятное: размеренный клокочущий звук походил скорее на скрежет трамвайного вагона, чем на полет тяжелого снаряда.

Лишь когда звук повторился, я понял — это снаряд, но необычайно большой. Показалось даже, что на мгновение я его увидел. Упал он далеко. Разрыв его слился с гулом других.

Я быстро вернулся в штольню. Оперативный дежурный доложил: как сообщили с КП генерала Моргунова, 30-я береговая батарея обстреливается громадными снарядами, до сих пор не применявшимися противником; прямым попаданием поврежден верх орудийной башни.

Вскоре мы узнали, что один из упавших снарядов не разорвался. «Длина два метра сорок, калибр шестьсот пятнадцать миллиметров...» — передали с батареи. Цифры выглядели несколько фантастическими. О двадцатичетырехдюймовых орудиях никто из нас еще не слышал. Майор Харлашкин вызвался съездить на тридцатую, чтобы сфотографировать и еще раз обмерить снаряд. Через час он доложил по телефону: «Все точно, калибр шестьсот пятнадцать».

Когда мы послали донесение об этом в Москву и в штаб фронта, помню, радиограмму требовали повторить: вероятно, указанная в ней цифра вызывала сомнения.

Наши артиллеристы определили, что 615-миллиметровыми снарядами стреляет мортира (как стало известно впоследствии — экспериментальная, именовавшаяся «Карл»). По-видимому, немцы имели в Крыму всего два таких орудия и, возможно, доставили их под Севастополь для испытания в боевой обстановке, а также ради психологического эффекта, которому придавали столько значения.

Мортиры открывали огонь нечасто: очевидно, их стволы могли выдержать весьма ограниченное количество выстрелов. Начальная скорость снаряда была невелика, потому и удавалось иногда разглядеть его в полете. Довольно много снарядов не взрывалось. После войны мне рассказывали в Севастополе, как разоружали 615-миллиметровый снаряд, пролежавший в земле до 50-х годов.

Засечь позиции сверхмощных орудий оказалось не просто (мортиры способны бить, например, из-за отвесной скалы), быстро выяснить, где они стоят, не удалось. А через день-два обстановка была такая, что это сделалось еще сложнее. Да и не имело большого практического значения: пара запрятанных где-то мортир не играла особо существенной роли в развернувшихся событиях.

Некоторые наши товарищи предполагали, что у противника, возможно, есть орудие даже большей мощности, чем двадцатичетырехдюймовые мортиры. Основывалось это кроме противоречивых показаний отдельных пленных на обнаружении очень крупных, весом в 50—60 килограммов, осколков, которые как будто не соответствовали известным типам немецких снарядов.

Признаться, и после опубликования мемуаров Манштейна, утверждающего, что в его распоряжение поступила пресловутая «Дора» — уникальная 800-миллиметровая пушка, созданная на заводах Круппа для разрушения долговременных укреплений линии Мажино, штурмовать которые немцам не пришлось, — я не уверился в том, что она действительно побывала под Севастополем.

Все же было бы трудно, даже если одновременно ведут огонь сотни других орудий, не заметить действия

пушки, стреляющей гигантскими снарядами. Как трудно остаться необнаруженной и ей самой, если для перевозки этой громадины в разобранном виде требовался целый состав, а потом ее надо было где-то собирать, прокладывать для нее железнодорожную ветку, обслуживать специальным энергопоездом... Кстати, ни в одном из известных мне официальных документов немецкого командования, как и на немецких штабных картах, оказавшихся потом в наших руках, никаких указаний на нахождение «Доры» в Крыму нет.

Не упоминает об этом в своих дневниках и педантичный Гальдер, не преминувший зафиксировать (3 марта 1942 г.) распоряжение об отправке в район Севастополя мортир «Карл». О «Доре» у Гальдера есть лишь запись конца сорок первого года — основные данные пушки и заключение: «Настоящее произведение искусства, однако бесполезное». Это суждение начальника германского генштаба невольно вспоминается, когда задумываешься, имело ли смысл тащить невероятно громоздкую артиллерийскую установку под Севастополь, где и укреплений вроде линии Мажино все-таки не было.

Но суть не в том, участвовала ли «Дора» в подготовке июньского штурма. Одна пушка, пусть даже такая, тут погоды не делала. Суть в том, что вся эта многодневная подготовка: и артиллерийская — сотнями тяжелых орудий, и авиационная — сотнями бомбардировщиков — не дала тех результатов, на которые враг рассчитывал.

В ночь на 6 июня командование Севастопольского оборонительного района доносило в Краснодар и Москву:

«В течение четырех суток противник продолжал непрерывно наносить удары авиацией, артиллерией по боевым порядкам войск, городу. За это время, по неполным данным, противник произвел 2377 налетов, сбросив до 16 тысяч бомб, и выпустил не менее 38 тысяч снарядов, главным образом 150-мм, 210-мм калибров и выше. Всего за четыре дня всеми средствами уничтожено 80 самолетов противника... Боевая техника, матчасть, войска СОР понесли незначительные потери. Незначительные потери объясняются хорошим укрытием...»

Ссылаюсь на это донесение не ради приводимых в нем цифр, которые тогда еще не успели уточнить, проверить. Неприятельских самолетов было сбито меньше, а бомб и снарядов сброшено и выпущено значительно больше.

Пока донесение составлялось и передавалось, происходили новые бомбежки и огневые налеты, так что любой итог быстро устаревал. Но наши потери — в людях, в оружии, в технике — оставались небольшими.

Когда отгремел первый из этих предштурмовых дней, из штаба Чапаевской дивизии докладывали:

— У Матусевича убито трое, ранено двое, у Антипина — трое ранено...

В двух стрелковых полках на передовом рубеже выбыло из строя меньше десяти бойцов! Даже не верилось — ведь и в оборонное затишье суточные потери иногда бывали больше.

А в другой день третий сектор в целом потерял восемь человек убитыми и семь ранеными, причем все убитые — в одном взводе: прямое попадание авиабомбы в блиндаж.

Из штарма переспрашивали: «Точно ли? Полные ли сведения?» Требовали проверить. И получали подтверждения: все точно. Затем поступала не расходящаяся с данными штадивов рапортичка начсанарма.

В течение 4 июня, когда на рубежах обороны и в войсковых тылах разорвалось 8—9 тысяч снарядов и крупнокалиберных мин и не менее 1200 авиабомб, все медсанбаты приняли 178 раненых, а 5-го — 265, причем значительная часть — из тылового района.

Помню, начальник политотдела армии Леонид Порфирьевич Бочаров, просматривая сводки, сказал, что такие цифры потерь превращаются сейчас в агитационный материал, в убедительное свидетельство того, как надежно защищены от ударов противника наши люди, как крепок фронт обороны. Ко второму утру вражеской артподготовки в войска доставили листовку поарма, построенную на фактах вчерашнего дня. Выводом из них был заголовок — «Наша оборона несокрушима!»

Севастопольские рубежи, укрепленные великим солдатским трудом, держали суровое испытание. Держали и выдерживали.

Горел город... Инженерные подразделения и стройбаты восстанавливали разбитые бомбами дороги. С некоторыми дивизиями прерывалась проводная связь, и мы переключались на радио. Но глубокие траншеи и закрытые ходы сообщения передового рубежа имели очень немного повреждений: как правило, только от прямых попаданий.

Ничего похожего на декабрь, когда сильная артподготовка, случалось, кое-где сравнивала мелкие окопы с землей... Крепкие блиндажи и «лисьи норы» — специальные убежища, защищенные несколькими метрами грунта, берегли бойцов.

Совсем немного — при такой интенсивности вражеского огня — теряли мы боевой техники. За 4 июня на всем фронте оказались разбитыми три миномета, два пулемета. Со 2 июня были повреждены отдельные орудия только на трех полевых батареях. Полсотни «юнкерсов» пикировали на флотскую батарею № 14 и вывели из строя одно тяжелое орудие. Расчет его погиб, но пушку отремонтировали за сутки.

В мае тыловики рассредоточили по всей территории плацдарма наличные запасы снарядов и продовольствия, оборудовав до трех десятков новых замаскированных складов в штольнях, убежищах, специальных траншеях. И лишь одно из этих хранилищ пострадало от попадания крупной бомбы.

Противник особенно стремился дезорганизовать нашу систему боевого управления, однако не смог за все эти дни вывести из строя ни один дивизионный, бригадный или полковой командный пункт. Нового их расположения он явно еще не раскрыл.

А Чапаевская дивизия управлялась с прежнего КП под выступом скалы в Мартыновском овраге. Генерал Коломиец убедил нас с командармом, что переносить его КП нецелесообразно: артиллерией это место не простреливается, авиацию же должна обмануть прикрывавшая скалу маскировочная сеть. Дело в том, что невдалеке нависла над оврагом другая скала, примерно такой же величины и формы. Расчет Трофима Калиновича оправдался: на ту скалу и обрушились бомбовые удары.

И все же одна крупная бомба упала, по-видимому случайно, у замаскированной скалы. Осколками были ранены стоявшие рядом военком дивизии Н. И. Расников и начальник штадива П. Г. Неустроев. И оба — серьезно, так что подлежали эвакуации на Большую землю.

Полковой комиссар Расников прибыл в Севастополь, в Чапаевскую, не особенно давно — когда я лежал в госпитале, но успел хорошо сработаться со своеобразным по характеру Коломийцем и много вместе с ним сделал, чтобы достойно подготовить дивизию к новым боям. А Пар-

фентий Григорьевич Неустроев возглавлял штадив с первых дней обороны, великолепно знал сложный по рельефу третий сектор, да и вообще был одним из опытнейших в нашей армии штабистов.

Расникова заменил начальник политотдела дивизии батальонный комиссар А. С. Блохин, Неустроева — начопер штаба майор С. А. Ганиев. Люди бывалые, подготовленные, но очень уж не вовремя происходила замена — перед самыми боями.

Единственное, что врагу перед штурмом вполне удалось, — это разрушить город.

Севастополя — такого, каким мы привыкли его видеть и представлять, каким он оставался после двух прошлых штурмов и семи месяцев осады, теперь не стало. Он превратился в руины. Особенно пострадали центральные улицы, обращенные к морю, самые красивые. Одни здания рухнули, на месте других стояли обгорелые каменные коробки. Лишь на окраинах, застроенных небольшими домиками, были еще не тронутые бомбами кварталы. Словно чудом сохранились зеленые массивы Приморского и Исторического бульваров, но они выглядели как прежде, конечно, только издали. Деревья покорежило осколками, опалило огнем.

Из городского комитета обороны сообщали: с конца мая по 5 июня в Севастополе разрушено свыше четырех тысяч шестисот зданий и три тысячи повреждено...

В другой стороне от армейского КП, на мысу, разделяющем соседние бухты, виднелись древние развалины крохотного Херсонеса, который, наверное, уместился бы на севастопольской площади Парадов. И невольно приходило на ум: за четыре-пять дней фашистские варвары сделали с большим городом то, что с этим маленьким и давно необитаемым сделалось за много-много веков.

«Жизнь города парализована». Такие слова есть в наших документах тех дней — в донесениях, в журнале боевых действий. Там, где нет места подробностям, как иначе сказать о положении в городе, если в нем замерло движение на улицах, не поступает вода в уцелевшие дома и колонки, остановился хлебозавод?

Однако просто повторить здесь эти слова я не могу. Тем более что о происходившем в городе, о внутренней

его жизни постепенно узнал гораздо больше, чем знал, когда мы с часу на час ждали штурма и все внимание поглощал непосредственно фронт.

Да, Севастополь был разрушен и продолжал разрушаться бессмысленно и безжалостно. После воздушной тревоги, которую возвестили сирены утром 2 июня, штаб МПВО так и не дал отбоя ни в тот день, ни на следующий. Бомбардировщики Рихтгофена налетали группа за группой, не делая длительных пауз даже ночью. В городе стало тяжелее, чем на многих участках передового рубежа, где бойцы могли пока находиться в укрытиях. И было больше, чем на переднем крае, потерь: за несколько дней — почти восемьсот убитых... Полевые госпитали, расположенные в городской черте, заполнялись ранеными из гражданского населения. В подвале 1-й Совбольницы, в центре Севастополя, Соколовский развернул крупную операционную, в подземном кинотеатре на улице Карла Маркса — перевязочный пункт.

Но, разрушая каменные стены, враг не в состоянии был подавить дух людей, сломить боевую организованность севастопольцев, их решимость бороться.

Водопровод, магистрали которого оказались перебитыми 2 июня в пятнадцати местах, был ночью восстановлен. Через несколько часов снова выведен из строя и опять восстановлен. И так еще не раз. Пытались отремонтировать и сильно поврежденные печи хлебозавода, а тем временем заработала запасная механизированная пекарня, оборудованная в инкерманских штольнях. Рухнули стены остававшегося на поверхности заводика «Молот» (там делали минометы, детали гранат), но станки уцелели, и их за одну ночь перенесли в Троицкую балку, на спецкомбинат. Туда же перешли рабочие.

А рыбаки с Северной стороны — «стариковская» бригада Котко и Евтушенко, о которой я рассказывал,— продолжала, держась под берегом, добывать для горожан и для бойцов свежую рыбу. Закидывать сети им почти не приходилось: подбирали камбалу, оглушенную упавшими на рейде бомбами. Другая, балаклавская, артель уже не рыбачила, она влилась в один из оборонявшихся на этом участке батальонов.

Городская телефонная сеть не действовала. Комитет обороны сообщался с КП трех районов, с предприятиями, службами, убежищами через связных. Потом Борис Алек-

сеевич Борисов рассказывал: если надо передать что-то очень важное, посылали двоих-троих, и они пробирались по городу, не теряя друг друга из виду, но так, чтобы не попасть под разрыв одной бомбы или снаряда.

Несмотря ни на что, разносили по убежищам прибывавшую с Большой земли почту. Доставлялась и городская газета «Маяк Коммуны». Типография ее погибла, газета перешла на формат чуть больше листка школьной тетради. Но вмещала кроме сообщений Совинформбюро и местной сводки «На подступах к Севастополю» также городские новости. В том числе такие: «Женщины бомбоубежища № 2 вчера сдали Н-ской части 2500 штук выстиранного белья, приняли в ремонт и стирку 3500 комплектов...»

Фронтовые хозяйки были на посту, и их материнская забота стала еще во сто крат дороже бойцам. Ведь они знали, что творится в городе.

Из разрушенного Севастополя фронт получал очередные партии гранат и мин, новенькие минометы, свежий хлеб, белье, выстиранное в подвалах, когда там удавалось запастись водой.

А с фашистских самолетов сыпались на наши позиции вместе с бомбами бесчисленные листовки о том, что Севастополь «снесен с лица земли», что он «пуст и мертв» и «защищать там больше некого».

Не знаю, в ответ ли на эти немецкие листовки, падавшие и в городе, или просто от желания порадовать фронтовиков перед боями, было сделано то, о чем рассказал приехавший на КП из войск запыленный член Военного совета Иван Филиппович Чухнов:

— В бригаде Горпищенко всё как вчера, потерь почти нет. Только все оглушенные, охрипшие: часто грохочет кругом так, что едва слышат друг друга. А в блиндажах стоят в орудийных гильзах роскошные розы. Потрогал, понюхал — настоящие. Говорят, прямо с Приморского бульвара! Оказывается, городские комсомолки решили срезать, пока целы, и послать бойцам. У Горпищенко связь с городом — как ни у кого, вот ему и привезли ночью с боеприпасами... О таком вообще-то стихи писать надо, товарищи!

У дивизионного комиссара Чухнова есть где-то в душе поэтическая струнка. Она дает о себе знать и в самой трудной обстановке.

...Все эти дни порт, как ни бомбили его немцы, принимал корабли с Кавказа. Но не каждый, вышедший оттуда, дошел до Севастополя: одновременно с массированными ударами по нашему плацдарму враг усилил блокаду на море. Не дойдя совсем немного, погиб от атаки торпедоносцев танкер «Громов». Он вез авиационный бензин.

С боем прорвались к нам крейсер «Красный Крым», лидер «Ташкент», три эсминца. Высадили маршевое пополнение, выгрузили снаряды, еще одну партию противотанковых ружей, продовольствие.

Разгрузка — в стремительном темпе: стоянка сокращена до полутора-двух часов, для этого выбирается самое темное время ночи. Чтобы не было никаких задержек, эвакуаторы нашего санотдела заранее доставляют в укрытия вблизи причалов подлежащих отправке раненых, а городские эвакуаторы (их возглавляет секретарь горкома комсомола Александр Багрий, или просто Саша Багрий, как его все называют) — женщин и детей.

Только крейсер принял на борт почти две тысячи человек. Лишь бы благополучно дошел!

Считаем наиболее вероятным, что Манштейн начнет наступление 6-го или 7-го. Так ориентирует нас и командование СОР, исходя из данных, которыми располагает разведотдел флота. «Языки» — недостатка в них теперь нет, так как немцы каждый день затевают где-нибудь разведку боем, — все чаще называют 7-е, однако это еще нуждается в подтверждении.

В принципе заранее решено упредить окончательную артиллерийскую подготовку противника — ту, что будет непосредственно предшествовать атакам, своей контрподготовкой, подобно тому, как это удалось сделать полгода назад, 31 декабря. Но нельзя позволить врагу спровоцировать нас на преждевременный мощный огневой налет: наши ресурсы боеприпасов не позволили бы его повторить. Нельзя, однако, и опоздать. Словом, приходится каждую ночь, взвешивая все, что известно, ломать голову над одним и тем же: «А не завтра ли?»

Неотступно стоит и второй вопрос: где все-таки будет главный удар? Повторится ли он с севера? Более сильный из двух немецких корпусов, стянутых к Севастополю,—

54-й — сосредоточивается пока именно там. Но переброска одной-двух пехотных дивизий, а тем более танков, к нашему правому флангу не заняла бы много времени и может быть осуществлена достаточно скрытно.

Генерал Петров сам тщательно анализирует, как распределяет противник свой артиллерийский огонь и бомбовые удары. Был день, когда они до такой степени сконцентрировались на боевых порядках и тылах дивизии Ласкина и бригады Потапова (только сюда — три с половиной тысячи снарядов, полторы тысячи мин, более ста самолето-вылетов!), что отпадали как будто все сомнения: основное направление штурма — смежные фланги третьего и четвертого секторов. Однако в другое время подвергались очень сильной обработке, особенно с воздуха, ключевые участки обороны у Ялтинского шоссе. А активность неприятельской разведки на севере и на юге нашего плацдарма примерно одинакова.

В конечном счете сходимся на том, что ожидать главного удара следует опять из района Бельбек, Камышлы на станцию Мекензиевы Горы и дальше к Северной бухте. Но направление Камары, Сапун-гора с Ялтинским шоссе в центре также требует неослабного внимания, ибо может сделаться главным в зависимости от обстановки.

В соответствии с этим передовой армейский КП — в Сухарной балке. Там обосновалась оперативная группа штарма, и наведывается готовый в любой момент туда перебраться командарм. Мое место на основном командном пункте.

Пока можно, выезжаю накоротке в дивизии. В резервную 345-ю, к Николаю Олимпиевичу Гузю — убедиться, что правильно усвоены все указания, связанные с выдвижением к переднему краю, вероятно, уже скорым. В остальные — больше затем, чтобы лишний раз удостовериться, что сумеем — с комдивами, начальниками штабов, начоперами — понимать друг друга с полуслова по проводу или через эфир, когда все начнется.

В войсках — та степень готовности, когда все до мелочей проверено уже не раз. Полки, батальоны подготовлены и к тому, что враг может вклиниться, рассечь, окружить. Рассредоточены запасы патронов, гранат, а также и пищи, воды. Продуманы, проработаны всякие резервные варианты действий.

Беспокоит, не слишком ли изматываются люди, еще

не вступив в бой. На армейском КП я начал на вторые сутки ожидания штурма отправлять кое-кого спать в приказном порядке. Но у нас в штольне все-таки тихо, а на переднем крае можно оглохнуть от адского грохота разрывов. Командиры, однако, уверяют: уже и новички засыпают под этот тарарам.

6-го штурм не начался. Значит — завтра. С этим мы и жили весь день, убеждаясь все больше, что так оно и будет, поскольку данных о других сроках не поступало.

В городе вдруг стало потише. После полудня штаб МПВО сообщил: «Пока меньше четырехсот фугасных, считая и сотню ночных». Наползающие облака осадили, прижали к земле и бухтам дым недогоревших пожаров.

А удары по фронту усиливаются. Сверхтяжелые бьют по позициям береговых батарей. По оценке сдержанного генерала Новикова, огонь по его переднему краю ураганный. Во второй половине дня к правому флангу обороны волна за волной идут бомбардировщики. За Северной бухтой бомбят тоже, но не так.

— Нет, это уже подвох,— вслух размышляет Иван Ефимович над картой.— Хотят, чтобы мы в последний момент стали перестраиваться. Не выйдет!..

Подвоху не верим. Дивизия Гузя остается на прежнем месте — с расчетом па выдвижение к северу. Но на всякий случай прикидываем, как повернуть ее, если понадобится, на юг.

Все, что происходит до вечера, и особенно с наступлением темноты, подтверждает: до штурма считанные часы. Перед фронтом обороны, особенно на участках Ласкина и Потапова, отмечается выдвижение вражеской пехоты в передовые траншеи.

Тем временем благополучно прибывает с Кавказа по воздуху небольшое подкрепление нашей авиагруппе — десять «яков», шесть И-16, один «ил». На подходах к севастопольским фарватерам — транспорт «Грузия» с маршевиками, боеприпасами и даже бензином. Опасный рейс!..

На исходе суток ко мне является без вызова подполковник Потапов. По лицу Василия Семеновича можно понять, что с чем-то важным.

— Взят «язык». Подтверждает, что штурм завтра утром. Подробности смогу доложить через несколько минут. Мои ребята принимают сейчас по телефону...

Пленный, захваченный разведчиками, оказался артиллерийским наблюдателем. Он сообщил, что о переходе в наступление утром 7-го объявлено официально. Но точного часа атаки и артподготовки, по его словам, не знал.

На коротком совещании у командарма было решено: контрподготовку начнем в 2.55. Она оправдается, если даже противник намерен начать в 3.00.

Сильная, крепкая рука легла мне на плечо, отрывая от тяжелого раздумья над рабочей картой.

— Пойдем, Николай Иванович, на волю, покурим. Ты спал сегодня хоть сколько-нибудь? Пойдем, голова свежее станет.

Это Иван Филиппович Чухнов. Я и не заметил, как он вошел.

Оказывается, уже совсем стемнело. Часы у меня постоянно перед глазами, но когда засидишься в штольне, время воспринимается как-то отвлеченно.

Заканчивалось 8 июня. Командарм и Чухнов недавно вернулись с вечернего совещания на флагманском командном пункте СОР — докладывали о втором дне боев. Отдав распоряжения, генерал Петров уехал в войска. Оттуда — на передовой КП. А член Военного совета сейчас поедет в другие дивизии.

Мы стоим на пригорке над штольней и молчим. В городе все еще что-то горит. Над фронтом, за Северной бухтой, расплывчатое зарево от орудийных выстрелов и разрывов снарядов: с обеих сторон ведется методический огонь. Слышно, как от мыса Херсонес прошли на небольшой высоте к переднему краю наши самолеты — одна группа, вторая...

Глядя на отсветы приутихшего к ночи боя, я продолжаю видеть перед собой оставленную на столе карту. Там обозначился на северном направлении пока еще неширокий, но опасный вражеский клин.

— Опять станция Мекензиевы Горы...— говорю я, забыв, что Чухнова не было с нами в декабре, когда это ничем не примечательное место — низинка с поселком у железнодорожного туннеля и невысокими холмами вокруг — уже становилось самым тревожным участком.

Но Ивану Филипповичу давно известно то, что происходило под Севастополем без него.

— Да, опять жарче всего там, — откликается он. — Как у Малахова кургана в первую оборону...

К станции Мекензиевы Горы, на рубеж, памятный ветеранам по декабрю, снова выдвигается 345-я дивизия Гузя — основной армейский резерв. Завтра она вступит там в бой.

Но этого может оказаться недостаточно, чтобы восстановить положение, ликвидировать клин. А перебросить туда 9-ю бригаду морпехоты, которая пока прикрывает береговую черту, вице-адмирал Октябрьский не разрешил: опасается десанта.

— Эх, я бы все-таки рискнул снять морскую бригаду с побережья! — вырывается у Чухнова. Чувствуется, он все еще переживает совещание на флагманском КП, где поднимался, как я знаю, этот вопрос. И выходит, мы думали сейчас об одном и том же. Однако вдаваться в это не время, и Иван Филиппович решительно заканчивает наш недолгий разговор: — Ну, перекур окончен? Тогда пошли, пора!

...Первые двое суток июньского сражения за Севастополь были так насыщены событиями, вместили столько грозного и героического, что обо всем мне, конечно, не рассказать. Возвращаясь к утру 7-го (понимаю, что читатель этого ждет), постараюсь дать представление хотя бы о главном.

С артиллерийской контрподготовкой мы не просчитались. Немцы действительно назначили свою на три ноль-ноль, и наш удар, начатый на пять минут раньше, сказался сразу же: огонь противника сперва был каким-то беспорядочным, местами просто слабым.

Наша контрподготовка длилась двадцать минут. Большего расхода снарядов мы не могли себе позволить, и потому не рассчитывали подавить особенно много неприятельских батарей. Однако некоторые молчали: на какое-то время, как видно, нарушилось управление огнем.

Только к четырем утра вражеская артподготовка набрала силу. К ней прибавилась яростная бомбежка с воздуха. Над рубежами обороны кружило одновременно до двух с половиной сот самолетов, на смену отбомбившимся прилетали новые. «Передний край не просматривается из-за дыма и пыли»,— докладывали с дивизионных НП. Наступивший рассвет угас, черный дым заслонил взошедшее солнце.

В такой обстановке враг двинул в атаку пехоту и танки. Там, где можно было это разглядеть, увидели цепи фашистских солдат, поднявшихся во весь рост. После всей той обработки, какой подверглись наши позиции в этот день и за пять предшествовавших, гитлеровцы, должно быть, считали, что если там и остался кто живой, то серьезного сопротивления быть уже не может. Разумеется, пребывать в подобном заблуждении им пришлось недолго.

«Пехота противника при поддержке танков и большого количества авиации перешла в наступление по всему фронту обороны...» Так зафиксировали штабные документы начало штурма по первым донесениям из войск. Но атаки атакам рознь. Прошло еще некоторое время, пока окончательно определилось, где главная опасность, главный удар.

Он, как и ожидалось, наносился за Северной бухтой, от Бельбека и Камышлы. Наступление там началось позже, чем на других направлениях, и это надо отнести за счет нашей контрподготовки: из показаний пленных выяснилось, что в первом эшелоне противнику пришлось заменить до шести батальонов, понесших большие потери еще на исходном рубеже. Однако задержался лишь первый натиск врага. Затем на пятикилометровом участке фронта вступили в бой части трех немецких пехотных дивизий и около ста танков.

Удар этого кулака, предназначенный пробить в нашей обороне брешь, проложить армии Манштейна дорогу к Северной бухте, приняли на себя дивизия Ласкина и бригада Потапова.

Позиции 172-й стрелковой дивизии, как и 79-й курсантской бригады, и подступы к ним были укреплены всеми имевшимися в нашем распоряжении инженерными средствами. Расчетливо использовались естественные рубежи — обрыв Бельбекской долины и Камышловский овраг с его отрогами. Но система заграждений, в том числе минные поля и фугасы (хотя на них и подорвался не один танк), не могла остаться невредимой после стольких дней артиллерийской и авиационной подготовки штурма. Бомбежка и обстрел, особенно утром 7-го, достигли такой плотности, что перестали быть редкостью прямые попадания в траншеи. Разбит был хорошо оборудованный НП

полковника Ласкина, откуда он за несколько часов до того перешел на запасной.

Словом, пройдут или не пройдут немцы, решали сейчас не укрепления и заграждения, а люди. Решали дивизия, которая не дала врагу прорвать свою оборону у Ялтинского шоссе, и отличившаяся в декабрьских боях бригада.

Со 172-й нас связывало только радио. Многие детали обстановки становились известными не сразу. Подолгу оставалось невыясненным, насколько велики потери, в каком составе действуют полки, батальоны. В полках раций не было, а телефонные провода, даже проложенные по дну траншей, перебивались так часто и в стольких местах, что соединять их стало бесполезно. Боевое управление перешло на живую связь. Ласкин и сам — иначе он не мог — пробирался со своим адъютантом по разрушенным ходам сообщения то в один полк, то в другой. Уже после я узнал, как комдив, добравшись до наблюдательного пункта 747-го стрелкового, откопал заваленного там землей командира полка Шашло...

Помню, начальник поарма Бочаров зашел с только что принятым донесением комиссара 172-й Солонцова. Оно не содержало таких фактов, о которых еще не радировал штадив, но за каждой строкой (потому, наверное, и принес его мне Леонид Порфирьевич) так и чувствовалось: дивизия, несмотря ни на что, держится!

Извлеченное из архива донесение снова передо мной и по-прежнему дышит жаром боя:

«Личный состав геройски сражается с врагом... Вся долина Бельбека устлана трупами немецких солдат и офицеров... Только первый батальон 747 сп истребил около тысячи гитлеровцев...»

Это происходило уже после полудня 8-го. Потеряв со вчерашнего утра тысячи солдат и десятки танков, противник продолжал неистовые атаки. Ласкин влил в поредевшие стрелковые батальоны саперов, красноармейцев из тыловых служб, и наконец, последний свой резерв — курсантов дивизионной школы. Штабисты и политотдельцы дивизии заменили убитых и раненых командиров и политработников подразделений.

Но под непрекращающимися бомбежками и огневыми налетами, в жестоких рукопашных схватках батальоны редели вновь. И там, где не оставалось уже никого,

враг продвигался. Так была постепенно захвачена гитлеровцами первая траншея 172-й дивизии, а на некоторых участках и вторая.

Не все тогда видели за этим, что уже сорван расчет врага — натиском ударной группировки сокрушить за день-два нашу оборону на достаточно широком участке фронта перед Северной бухтой. Дорогой ценой, но сорван.

И полковник Ласкин, сделавший для этого все, что он мог, не знал, как встретит его командующий армией, когда получил поздно вечером 8 июня приказание генерала Петрова явиться вместе с комиссаром Солонцовым в домик Потапова.

Предоставлю, впрочем, тут слово самому Ивану Андреевичу Ласкину, передавшему мне страничку своих воспоминаний:

«Мы шли с беспокойством, так как надо было докладывать командарму о потерянных дивизией окопах... Войдя в маленький каменный домик, где тускло горела свеча, сперва не разглядели генерала Петрова, сидящего в группе командиров. А он узнал нас обоих сразу.

Командарм выслушал доклад об обстановке, уточнил, где и на сколько продвинулся противник, расспросил о потерях. Не кривя душой, мы смогли сказать, что ни один боец не оставил своего окопа без приказа.

Иван Ефимович глубоко вздохнул, как-то весь выпрямился и тихо произнес:

— Ведь мы думали, что из вашей дивизии уже никого в живых не осталось под таким огнем. А вы еще фронт держите. Вот это дивизия!

Он подошел ко мне, крепко обнял и расцеловал.

Выйдя из домика, мы с Солонцовым, гордые за нашу дивизию, от избытка чувств расцеловались сами...»

Ласкину было сообщено, что к переднему краю подтягивается этой ночью армейский резерв — 345-я дивизия Гузя. Но о том, что ей предстоит не поддержать 172-ю, а сменить, вопрос пока не вставал: потери последней не были еще полностью учтены.

А вражеский клин, о котором я упомянул выше, начал образовываться на левом фланге 79-й бригады, где бойцов потеснил — сначала только на несколько сот метров — полк немецкой пехоты с танками.

Потаповцы, ведя оба дня тяжелые бои (на ряде участ-

ков — не менее тяжелые, чем дивизия Ласкина, их левый сосед), в основном удерживали остальные свои позиции. Но восстановить стык с 172-й дивизией сил не хватало, а Ласкин помочь им тоже не мог. Контратаки — в них участвовал и переброшенный сюда батальон Перекопского полка — результатов не дали. Тем временем осложнилось положение и на правом фланге потаповской бригады: противник начал вклиниваться между нею и чапаевцами.

Так обозначились на северном направлении первые успехи врага — не такие, какие он рассчитывал к этому времени иметь, но тем не менее представлявшие для нас серьезную опасность.

С остального фронта обороны известия поступали утешительные. Там все неприятельские атаки, предпринятые, правда, не столь большими силами, отражались вполне успешно. Под Балаклавой и у Чоргуня роты гитлеровцев, пытавшиеся вклиниться в наши позиции, попали в окружение. Полк Рубцова, бригады Жидилова и Горпищенко имели пленных и трофеи.

Еще три дня, до 12 июня, положение на всем правом крыле передового рубежа — от балаклавских высот до центральной части обвода — оставалось стабильным.

Противник и там держал наши войска в напряжении сильными огневыми налетами. Но из трех немецких пехотных дивизий, сосредоточенных, как мы знали, на южном направлении, проявляла себя активными действиями пока одна 28-я. Атаки у селения Камары и в районе Итальянского кладбища носили отвлекающий характер и неизменно заканчивались тем, что гитлеровцы откатывались назад, неся основательные потери. Унтер-офицер из 28-й дивизии, взятый в плен 10 июня, показал на допросе, что за последние три дня через полковые медпункты прошло до тысячи трехсот раненых.

А в долине Кара-Коба, где против одного из полков Скутельника стояли румынские горнострелковые части, была предпринята «психическая» атака в том стиле, с каким мы познакомились под Одессой,— длинными шеренгами, под барабан... Возможно, этот спектакль рассчитывался на то, что дрогнут необстрелянные подразделения нашей 386-й дивизии. Но батальон, маршировав-

ший к их позициям, встретили дружным огнем, и далеко он не дошагал. На поле боя собрали потом немало винтовок, автоматов, гранат. От трупов горных стрелков разило спиртом...

Все это было второстепенным и просто принималось к сведению. Решающее же происходило за Северной бухтой. Не считаясь с потерями, немцы стремились расширить свои клинья, рассечь фронт обороны глубоким прорывом.

Во второй половине дня 9-го командарм ввел в бой на направлении главного удара 345-ю дивизию Николая Олимпиевича Гузя. Ее стрелковыми полками командовали подполковники И. Ф. Мажуло и В. В. Бибиков, майор И. П. Оголь, артиллерийским — майор А. А. Мололкин.

Полгода назад, в конце декабря, эта дивизия, тогда только что прибывшая, вместе с другими нашими войсками преградила здесь врагу путь к бухте. Теперь задача сводилась к тому же, но стала гораздо труднее.

Противник бросал в наступление свежие силы, в том числе танки. Были сведения — потом, правда, не подтвердившиеся, — что в районе станции Мекензиевы Горы появилась 22-я немецкая танковая дивизия. Не в том, однако, суть, входили ли танки в отдельное соединение или придавались крупными группами пехотным частям. Они лезли везде, где только позволял им пройти рельеф местности, и никогда еще не использовались на северном направлении такой массой.

Передо мною документ, подписанный начартом 345-й дивизии В. И. Мукининым. В нем уточняется лишь один эпизод боев, но это дает представление о том, с каким количеством вражеских бронированных машин встречались на своих участках даже небольшие подразделения.

9 июня, говорится в справке начарта, огневой взвод зендива под командой старшего лейтенанта Глущенко принял бой с двенадцатью танками. Зенитчики выдвигались на передний край в качестве противотанкового заслона и имели на вооружении также «пэтээры». По обстановке они применили в данном случае именно это оружие. Шесть танков взвод уничтожил, остальные не пропустил. Два подбил из ПТР лично командир взвода. Как свидетельствует начарт, потом тот же Николай Саввич Глущенко, комсомолец 22 лет, полтавчанин родом, вывел из строя еще три немецких танка.

А на соседнем участке уничтожили пять танков несколько бронебойщиков во главе с воентехником 1 ранга Анатолием Рожко...

345-я стрелковая сменяла дивизию Ласкина. Стало ясно: то, что от нее осталось, необходимо отвести с передовой и переформировать. Но до середины дня 9-го героическая 172-я продолжала сдерживать натиск врага еще во всей первоначальной полосе обороны.

Есть такие слова — «Стоять насмерть». Они служили под Севастополем и призывом, и клятвой, иногда суровым приказом. А сейчас эти слова необходимы просто для того, чтобы точно передать, как вели себя бойцы и командиры, принявшие на себя первый натиск основной ударной группировки врага. Они действительно стояли насмерть, иначе об этом не скажешь.

На левом фланге дивизии оборонялся 514-й стрелковый полк Ивана Филипповича Устинова. Я рассказывал, какой было радостью, когда этот командир, тяжело раненный в начале обороны, вернулся в Севастополь с Большой земли. Подполковник Устинов, скромный и твердый характером, беспредельно правдивый, о чем бы ни приходилось докладывать, прекрасный организатор («Строевая душа!» — говорил о нем комдив, и в устах Ласкина это означало едва ли не самую высокую похвалу), и военком батальонный комиссар Осман Асанович Караев, горячий, темпераментный, всегда готовый сам возглавить контратаку, отлично подготовили своих людей к жестоким июньским боям.

Перед третьим штурмом мы считали 172-ю дивизию — по организованности, сплоченности, выучке — лучшей в Приморской армии. А полк Устинова и Караева был лучшим ее полком. И в наступившие грозные дни он оправдал эту репутацию.

Уже в самом начале штурма тяжело пришлось батальону лейтенанта Доценко. Его вторая рота полегла вся, до последнего бойца, и лишь после этого гитлеровцы ворвались в окопы. Когда комбат, сам раненный, получил приказ отойти на запасной рубеж, батальон насчитывал тридцать штыков...

После того как дивизию Ласкина сменила 345-я, во всем 514-м полку оставалось в строю полтораста человек. Среди них не было ни Устинова, ни Караева: командир и комиссар пали в бою с танками у полкового НП.

Еще раньше мы потеряли, тоже в ближнем бою, командира 747-го стрелкового полка Василия Васильевича Шашло, бывшего крымского пограничника, не расстававшегося с дорогой ему зеленой фуражкой.

Шашло пришел о чем-то договориться на командно-наблюдательный пункт поддерживавшего его батальоны 134-го гаубичного артполка. Им уже командовал начальник штаба К. Я. Чернявский: раненого майора Шмелькова отправили перед тем в медсанбат. И как раз в это время высотку, где находился КНП артиллеристов, обошла большая группа фашистских автоматчиков. Наших, вместе с Шашло и Чернявским, там было семь человек, причем они оказались без связи, не могли вызвать ни подмогу, ни огонь. Однако высотку не сдали. Потом вокруг окопов и блиндажей КНП насчитали больше шестидесяти убитых гитлеровцев. Из семи приморцев остался в живых один комвзвода разведки Лугин. От него стало известно, как сражались до последнего дыхания, истребляя фашистов гранатами, подполковники Шашло и Чернявский и их боевые товарищи.

Подразделениями 747-го стрелкового, пока они находились на переднем крае, командовал военком полка батальонный комиссар В. Т. Швец. Гаубичный полк (он сохранил бо́льшую часть орудий и переходил в подчинение комдиву 345-й) временно возглавил помощник начальника штаба капитан Л. И. Ященко.

Некоторое время мы ничего не знали о судьбе Ласкина, Солонцова и начальника штадива 172-й Лернера: когда остатки дивизии начали выводиться из боя, связь с ее командованием оборвалась. Как затем выяснилось, подполковник Михаил Юльевич Лернер, в недавнем прошлом — начопер штарма, один из ближайших моих сослуживцев в Одесскую оборону и в первые недели Севастопольской, был убит... А Ласкин и Солонцов дали о себе знать из медсанбата.

Оказалось, танки и автоматчики прорвались-таки и к дивизионному наблюдательному пункту, уже свертываемому (Гузь развернул свой в другом месте). И все, кто там был с комдивом во главе, взялись за гранаты вместе с прикрывавшими НП бойцами разведроты.

В этой схватке было и такое, что, пожалуй, можно представить лишь в той обстановке и на той местности. Танки встречали не только гранатами. Пошли в ход и

Д. И. Пискунов

Майор Савченко инструктирует артиллерийских разведчиков

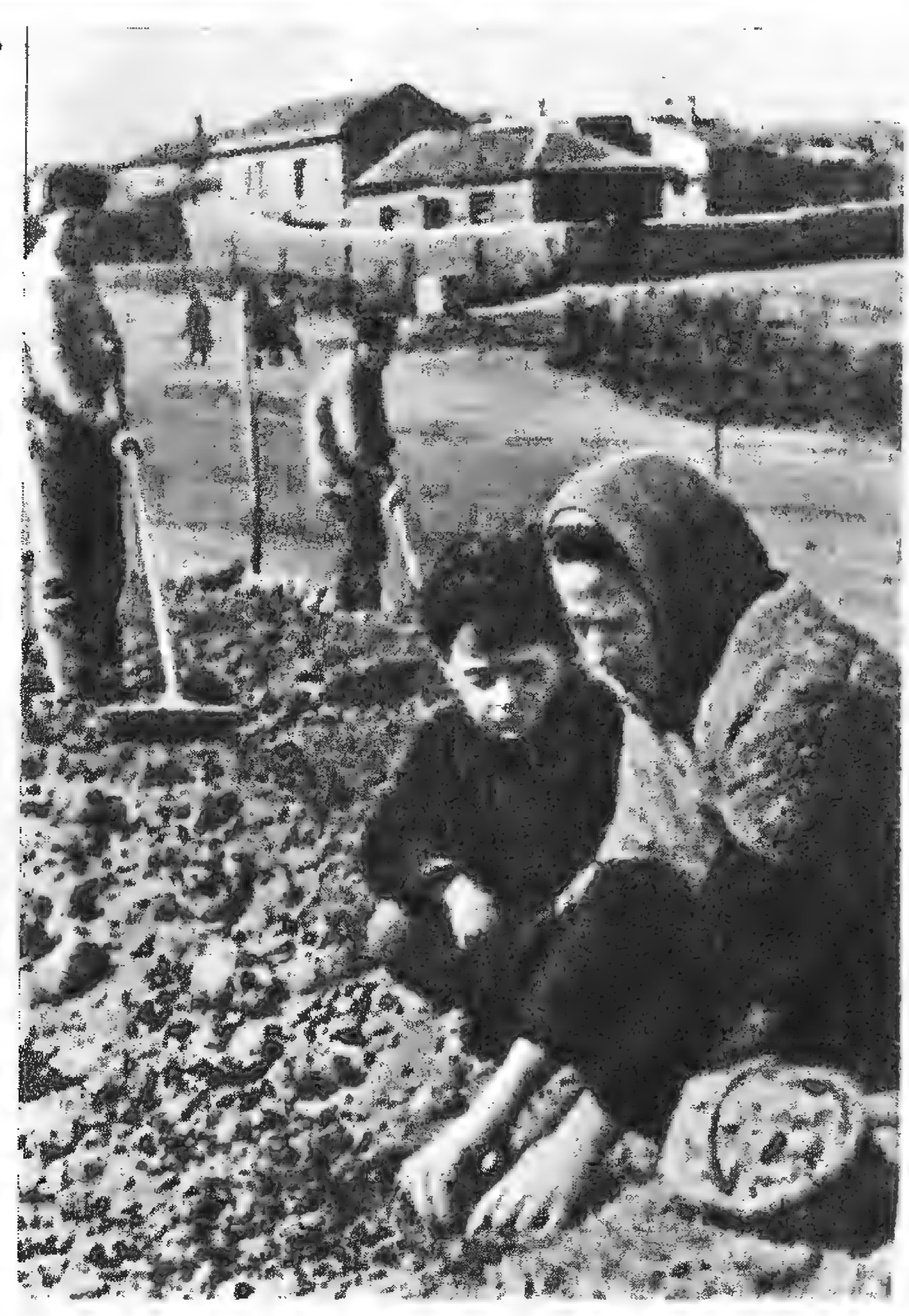

Ф. Ф. Гроссман

«Ну-ка чем вас кормят?» Генерал Т. К. Коломиец не упускал случая проверить, хорош ли обед у бойцов

«Фронтовые хозяйки»

Каждому двору —
огородную гряду!

А. Е. Кучеренко

В. И. Мукинин

Н. А. Васильев

Пулеметчица Нина Онилова

Санинструктор Нина Лаптева

А. П. Ермилов

Ф. С. Октябрьский поздравляет богдановцев с наградой

Н. И. Шаров

К. С. Шейкин

А. Б. Меграбян

Н. Ф. Скутельник

Медсестра Ирина Котляревская

Боец Галина Маркова

Снайпер Людмила Павлюченко

Идет пополнение с Большой земли

М. С. Драпушко

Н. И. Крылов, В. Ф. Воробьев, М. Г. Кузнецов

П. Ф. Горпищенко и П. И. Силантьев на НП бригады

«Служу Советскому Союзу!» И. Е. Петров вручает Н. И. Крылову орден Красного Знамени

Г. К. Главацкий

И. П. Безгинов

К. Я. Чернявский

Н. Ф. Постой

Герои севастопольского неба М. В. Авдеев, К. С. Алексеев, М. И. Гриб

Таким был Севастополь летом 1942 г.

Севастополь сегодня

Трудное решение. Командарм И. Е. Петров, члены Военного совета армии И. Ф. Чухнов и М. Г. Кузнецов

Боевые друзья снова встретились

Ветераны и их наследники

противотанковые мины, но не врытые в землю, а «управляемые» — на длинных шнурах, позволявших выбрасывать их из окопа, из-за камня или куста, а потом подтягивать под гусеницу. Столь необычный способ использования мин подсказало дивизионным разведчикам, ребятам отважным и изобретательным, само поле боя — заросший мелким дубняком скат, где танку нельзя двигаться быстро, а человеку нетрудно замаскироваться на его пути.

Именно так — подводя под гусеницы проходящего мимо танка привязанную к обыкновенной веревке мину, подорвал одну за другой две вражеские бронированные машины ефрейтор из разведроты Павел Линник. А на выползший из кустов третий танк он сумел взобраться (немецкие автоматчики отстали или были перебиты его товарищами). И когда фашистские танкисты, должно быть потеряв в кустарнике ориентировку, застопорили мотор и приоткрыли люк, сидевший на броне советский боец мгновенно просунул в щель взведенную гранату...

Имя ефрейтора, уничтожившего три танка (сам он при этом остался невредим), через несколько дней появилось в. Указе Президиума Верховного Совета СССР: в числе других особенно отличившихся севастопольцев Павел Дмитриевич Линник был удостоен звания Героя Советского Союза.

Но это было еще впереди, и я возвращаюсь к 9 июня.

К исходу дня остатки всех частей 172-й дивизии (некоторые ее подразделения выходили из окружения) свели в двухбатальонный полк. И 10-го он снова вышел на передний край, заняв оборону на нешироком, но горячем участке фронта между дивизиями Гузя и Капитохина, вблизи станции Мекензиевы Горы. Приказов об этом переформировании не отдавалось, и потому полк называли в сводках по-прежнему — 172-й стрелковой дивизией. Исключить ее из состава армии могло только высшее начальство.

Командовать дивизией, фактически — отрядом в несколько сот штыков, продолжал полковник Ласкин. Раненный пулей в плечо (потом Иван Андреевич рассказывал, как, еще не успев почувствовать боли, сам уложил гитлеровца, стрелявшего в него метров с двадцати), он пробыл в медсанбате не дольше, чем потребовалось, чтобы обработать рану и сделать хорошую перевязку, и вернулся к своим бойцам. Вместе с комдивом вернулся в

строй и комиссар Петр Ефимович Солонцов, хотя при раненой ноге не мог обходиться без костыля.

Никто, понятно, не понуждал их уходить из медсанбата, но никто и не запрещал им этого. В той обстановке становилось естественным, что, если ранение непосредственно не угрожает жизни и командир чувствует себя в силах воевать дальше, он остается на своем посту.

О том, как воевали Ласкин и Солонцов в последующие дни, следовало бы, наверное, написать им самим. Многие подробности действий их отряда до меня просто не доходили. Скажу, однако, что и 10 июня и потом на их участок приходилась немалая доля все усиливавшихся вражеских атак, но прорвать здесь нашу оборону противник не мог.

12 июня армейская газета «За Родину» посвятила людям 172-й дивизии один из основных материалов номера — «Так перемалывать технику и живую силу противника». В подзаголовке к статье сообщалось: «За два дня бойцы тов. Ласкина подбили 48 немецких танков и истребили до 2-х батальонов вражеской пехоты».

Быть может, эти цифры (хотя они и не расходятся с данными боевых донесений) и небезошибочны, но совершенно точно учесть наносимый врагу урон было трудно. А то, что оставшиеся от дивизии батальоны, стойко обороняясь, перемалывали неприятельские силы, намного превосходящие их собственные, не подлежит сомнению.

«Слава героям! Слава вам, бойцы, командиры и политработники соединения полковника Ласкина!» Такими словами начиналась листовка, выпущенная в те дни поармом. В ней говорилось о доблести молодого комбата Доценко из устиновского полка, о политруке Филиппове, который, будучи трижды раненным, взорвал фашистский танк, об отличившихся бронебойщиках, пулеметчиках, артиллеристах. Немногим из тех, кто встретил в рядах 172-й стрелковой начало июньского штурма, довелось прочесть все это про свою дивизию. Но о массовом подвиге ее личного состава узнала вся армия.

Вспоминается, как Ласкин — это было уже несколько позже — приезжал с докладом на армейский КП. С автоматом на груди и рукой на зеленой, немаркой перевязи, осунувшийся, внутренне напряженный... Командарм, сам очень неспокойный в тот час (оснований для этого хватало), тем не менее сразу почувствовал, как тяжело Лас-

кину. Выслушав его краткий деловой доклад, Иван Ефимович усадил комдива пить чай, заговорил тепло и сердечно, как бы отвечая на невысказанное:

— Мучаешься, что сам жив, а дивизии больше нет? Не уберег?.. Все понимаю, Иван Андреевич. Самому погибнуть — это легче. Но винить себя не надо. Дивизия полегла, уничтожив, считай, вдесятеро больше немцев!.. Если бы каждая часть умела так драться, знаешь, где бы мы сейчас были...

Потом командарм отпустил Ласкина ко мне. Глядя на его лежащую на перевязи руку, я представлял, как Иван Андреевич, готовясь к утреннему бою, ходит ночью по траншеям (допустить, что он сидит все время на НП, было невозможно: не такая натура) и обязательно на что-нибудь натыкается, бередит рану. Но когда спросил, как все-таки его рука, подживает ли, он ответил коротко:

— Воевать еще могу.

Ласкина не беспокоила неопределенность собственного служебного положения: комдив, у которого двести с небольшим штыков... Но ему, конечно, хотелось узнать, есть ли какие-нибудь виды на пополнение. Я сказал прямо, что обещать не могу ничего — ни людей, ни оружия. Пополнять надо было дивизии, оставшиеся таковыми не только по названию. Посоветовал беречь по возможности уцелевшие командные кадры — не исключено, что фронт затребует их вместе с комдивом к себе, если решат возродить 172-ю стрелковую на Большой земле.

Помнится, тогда же решили у командарма вопрос о военкоме дивизии Солонцове. При всем уважении к мужеству Петра Ефимовича, ему, не способному пока передвигаться без костыля, было не место на передовой. Бригадному комиссару Солонцову оформили месячный отпуск для лечения с выездом на Кавказ. В отпускном билете, который я подписал, указывалась, как и положено, дата возвращения к месту службы — в Севастополь...

Полковнику Ласкину я пожелал на прощание боевой удачи. Что это означало, он понимал: держаться на своем, по существу — батальонном, участке так же стойко, держаться во что бы то ни стало столько, сколько понадобится, истреблять как можно больше врагов.

Как бы хотелось заверить Ивана Андреевича, что это не последний рубеж в его военной судьбе! Но тогда он, пожалуй, не смог бы представить, что следующей весной,

уже генералом и начальником штаба фронта, будет вместе с командующим — Иваном Ефимовичем Петровым планировать наступательные операции нескольких армий...

Да и вообще не время было загадывать далеко наперед. Шел штурм... Мы жили сегодняшним днем.

О событиях 9—10 июня я не сказал еще много важного.

При всем своем бешеном натиске, при небывалом под Севастополем массировании артиллерийского огня, ударов с воздуха и танковых атак противник оказывался пока не в состоянии осуществить широкий прорыв к бухте. Но он понемногу — в лучшем для него случае, на сотни метров за день — теснил нас на центральных участках северного направления. Линия фронта там медленно вдавливалась в глубину плацдарма, образуя изогнутую суживающуюся выемку.

По краям ее слева и справа, на флангах главного неприятельского удара, нам пришлось переразвернуть боевые порядки: одного полка дивизии Капитохина — фронтом на восток, а одного полка Чапаевской дивизии — на северо-запад.

Со стороны чапаевцев это был 287-й стрелковый полк, вверенный в мае майору Михаилу Степановичу Антипину. Тому самому Антипину, который семь месяцев назад, тогда еще капитан, привел на Мекензиевы горы шедший в авангарде армии отдельный разведбатальон — самую первую часть приморцев, вступившую здесь в бои. Сейчас, в июне, его полк сделал все, чтобы помешать врагу вклиниться между ним и бригадой Потапова, не раз контратаками отбрасывал немцев. Но они имели слишком большой перевес и все-таки вклинились, потеснив и батальоны Антипина. Командир полка был тяжело ранен. Заменить его генерал Коломиец приказал майору Чередниченко из оперативного отделения штадива.

Комдив Чапаевской сам находился на этом участке, стянул сюда свои скромные резервы, стараясь не дать вражескому клину разрастись. Через некоторое время он передал, что 287-й полк частично отбил свои прежние позиции, и просил побыстрее известить об этом наших летчиков-штурмовиков.

Докладывая по телефону обстановку, Трофим Калинович добавил:

— Люди ведут себя просто геройски. Танков не боятся. Пехоту подпускают на тридцать — сорок метров и расстреливают в упор. Где нет окопов, закрепляются в воронках, они тут сплошь...

Комендант третьего сектора переживал, что ему нечем больше подкрепить свой левый фланг. Не располагал и штаб армии свободной резервной частью, которую можно было бы сюда выдвинуть. Между тем бригада полковника Потапова после потерь, понесенных за первые дни штурма, могла считаться бригадой уже только условно.

Своими тремя батальонами — к началу боев полнокровными, но всего тремя! — потаповцы четвертые сутки сдерживали натиск по меньшей мере целой пехотной дивизии с танками. И это под таким артиллерийским обстрелом, под такими ударами с воздуха (без поддержки наступающей пехоты сотнями бомбардировщиков немцы вообще не продвинулись бы ни на шаг), что местами самые глубокие траншеи в конце концов сравнивались с землей.

Бригада не дрогнула, оказавшись обойденной с флангов. Отдельные роты вели бои в окружении. И уже не один комбат вызывал огонь артиллерии на район своего командного пункта — только это помогало отбить очередные атаки и еще сколько-то продержаться на занимаемом рубеже.

Потапов заранее позаботился о том, чтобы при всех условиях противник не смог использовать выход из Камышловской долины — дорогу, ведущую оттуда наверх и затем к кордону Мекензи. На прежней второй позиции бригады был создан заслон под началом майора-артиллериста И. И. Кохно: дивизион противотанковых сорокапяток, рота бронебойщиков и еще кое-какие подразделения. Вскоре этот заслон оказался в окружении, однако на своей позиции продолжал держаться, и дорога оставалась для немцев закрытой.

В такой сложной обстановке очень тревожили растущие потери командного и политсостава, особенно в ротах. Выходили из строя и штабники, политотдельцы: большинство их находилось на переднем крае. Был эвакуирован тяжело раненный военком бригады И. А. Слесарев. Его заменил начальник политотдела старший ба-

тальонный комиссар С. И. Костяхин, старый приморец, в прошлом военком нашего автобронетанкового отдела.

К 10 июня командный пункт 79-й бригады размещался в недавних ее тылах — в домике Потапова, сохранившем это название с декабрьских боев. Командарм не разрешил, а приказал перенести его туда, чтобы комбриг не потерял управления своими батальонами. Но в этот район прорвалась группа вражеских танков. Начальнику штаба майору Сахарову, только что установившему связь с нами с нового КП, тут же пришлось возглавить его оборону.

Весь этот день дивизия Гузя и бригада Потапова, а на флангах — полки Капитохина и чапаевцы вели напряженнейшие бои за станцию Мекензиевы Горы и кордон Мекензи, за окружающие их высоты. В неприятельских атаках участвовали танки. Около двадцати пяти из них было сожжено и подбито. Используя все возможности нашей артиллерии, мы дошли до предела допустимого расхода снарядов. На штурмовку немецких войск вылетали все уцелевшие «илы» и бо́льшая часть истребителей.

Низинка со станционной платформой и развалинами железнодорожного поселка трижды переходила из рук в руки. К исходу дня станция была у противника. Немцев остановили в районе кордона Мекензи, в километре южнее приметной высоты 90. Вогнутая выемка на линии фронта за день углубилась, приблизившись к краю Северной бухты.

— И все-таки они выдыхаются,— говорил еще накануне генерал Петров, приехав ненадолго с передового КП.— К вечеру это особенно заметно...

Пленные немцы, взятые 7-го, утверждали: на овладение Севастополем дано пять дней. Что наступление идет не так, как намечено гитлеровским командованием, было очевидным. Мы уже имели сведения об отводе с северного направления разгромленных полков 132-й пехотной дивизии, вместо которых противнику приходилось подтягивать другие войска.

А затем командарм привез с флагманского командного пункта СОР небезынтересный документ, добытый, не знаю уж каким путем, начальником разведотдела флота полковником Д. Б. Намгаладзе,— копию донесения из штаба Манштейна в вышестоящие инстанции вермахта. В нем, между прочим, говорилось:

«Наше наступление наталкивается на планомерно оборудованную, сильно минированную и с большевистским упорством защищаемую систему позиций. Артиллерия противника непрерывно ведет по немецким позициям губительный огонь... Первые дни наступления показывают, что под таким адским артиллерийским огнем наступление вести дальше невозможно».

Перехваченное признание из стана врага было достаточно красноречивым. С особенным удовольствием прочел его, конечно, Николай Кирьякович Рыжи. Вот что значило сберечь перед штурмом нашу артиллерию, запутав немцев системой ложных и запасных позиций, а потом расчетливо, продуманно использовать огневую мощь оставшихся в строю шестисот орудий всех калибров и тысячи минометов!

За первые три дня июньского штурма наши артполки и батареи (включая противотанковые, но без зенитных, часть которых также вела огонь по наземным целям) выпустили 55 тысяч снарядов. И это еще не учитывая артиллерию береговой обороны, а она, хотя и произвела не так много выстрелов по сравнению с полевой, имела самые крупные калибры.

До тех пор такая, или близкая к этой, плотность огня создавалась перед севастопольскими рубежами только в последние дни декабря, решившие исход второго штурма. Но в то время еще не возникало особых тревог за подвоз боеприпасов: сообщение с Большой землей было надежным. Знали ли немцы, что теперь долго вести такой огонь мы не в состоянии?

Так или иначе, перед противником, сосредоточившим для захвата Севастополя 200-тысячную армию с 30 артиллерийскими полками, поддерживаемую сотнями самолетов и танков, уже после трех-четырех дней наступления вставал вопрос, может ли операция «Штёрфанг» продолжаться. Потом Манштейн подтвердил это и в своих мемуарах.

Но и независимо от дошедшего до нас штабного документа противника мы тогда верили, что заставим его прекратить начатое наступление. И думается, в тот момент это было вполне реальным. Иметь бы только вдоволь снарядов!

Объявив севастопольцам благодарность за первые успехи в отражении нового штурма, командующий Северо-

Кавказским фронтом С. М. Буденный обещал перебросить к нам свежую стрелковую бригаду. Однако прибыть она могла суток через двое, не раньше. Между тем шансы изменить положение в свою пользу представлялись, как мы считали, именно сейчас, пока на направлении главного удара немцы заменяют потрепанные части и не развернули крупных действий в других секторах.

К 10 июня у командарма созрела идея нанести по флангам основного вражеского клина контрудар наличными силами, взяв несколько батальонов с других, относительно спокойных участков. Проверяя себя, генерал Петров поделился этим замыслом с Чухновым, Рыжи, Моргуновым, мною. Все мы его поддержали: ждать более благоприятных обстоятельств не приходилось. А если бы удалось срезать мекензиевский выступ, окружить ближайшие к бухте части немцев, все, чего они добились за четыре дня ценою огромных потерь, свелось бы на нет.

Командующий СОР дал «добро» на контрудар, и я сел за разработку плана, стараясь учесть вероятные изменения обстановки к исходу дня и завтрашнему утру. В штабе артиллерии «колдовали» над схемой огня...

Все делалось в большой спешке. Но время — на рассвете 11-го — было выбрано удачно. В то утро несколько возросла активность противника в южных секторах, а за Северной бухтой, впервые с 7 июня, неприятельские атаки не возобновились. Бой здесь начали мы по своему плану.

Командарм уехал на НП богдановского гвардейского артполка: оттуда дальше просматривалась местность. Там же находился командующий артиллерией генерал Рыжи. После огневого налета, который спланировали так, чтобы по возможности накрыть и ближайшие резервы врага, две ударные группы, разделенные несколькими километрами, пошли в концентрическую контратаку — друг другу навстречу.

Слева, от 30-й береговой батареи, наступала группа полковника Е. И. Жидилова (на исходе ночи он с тысячей морских пехотинцев, с легкими орудиями и минометами переправился через бухту и принял под начало еще батальон из 95-й дивизии). Группу, двинувшуюся справа, из-за кордона Мекензи (ее возглавил подполковник Н. М. Матусевич), составили стрелковые батальоны из полков третьего сектора и сводный танковый, куда со-

брали бо́льшую часть исправных Т-26. Остальные войска за Северной бухтой должны были сковывать противника на своих участках и включаться в контрудар по обстановке.

Не буду пересказывать всех событий этого долгого знойного, июньского дня, прошедшего в упорных, кровопролитных боях. Полностью выполнить задачу — сомкнуть наши клещи — не удалось: контратакующие группы не встретились. Левая, жидиловская, действовала успешнее. Правая же смогла продвинуться всего на километр: сломить отчаянное сопротивление врага не хватило сил. Как постепенно выяснилось, он успел подтянуть сюда значительные подкрепления.

И все-таки к ночи на КП поступил (хотя и не от того, от кого ожидался по первоначальному плану) доклад о том, что станция Мекензиевы Горы снова в наших руках.

Гитлеровцы, весь день вынужденные обороняться на флангах своего клина, под вечер предприняли первую за сутки попытку продвинуть его дальше, в сторону Сухарной балки. Кроме пехоты и танков они, не знаю уж на что рассчитывая, бросили в атаку кавалерийский эскадрон. Отбив эту атаку при поддержке армейской и береговой артиллерии, части нашей 345-й дивизии начали преследовать врага и вторично за последние тридцать часов овладели станцией, закрепившись в двухстах — трехстах метрах за нею. Правда, как показало дальнейшее, ненадолго.

По суммированным данным штадивов, за 11 июня было уничтожено 42 немецких танка. Даже с поправкой на то, что сколько-то из них могли посчитать «своими» и артиллеристы, и бронебойщики, итог получался весомый. На северном направлении подверглись разгрому до трех полков фашистской пехоты. От кавалерии, разметанной артогнем, не осталось, по-видимому, вообще ничего. Но и наши потери за день составили до тысячи человек убитыми, почти полторы тысячи ранеными.

В сводке о потерях боевой техники значилось: орудий — 11... Сюда вошла целиком 704-я батарея старшего лейтенанта В. Г. Павлова, одна из тех, что были вооружены пушками с «Червоной Украины». Три дня она била по танкам и пехоте прямой наводкой, оказавшись на переднем крае под непрестанными вражескими уда-

рами. Погибли командир и бо́льшая часть личного состава. Получали повреждения орудия, но ночью их ремонтировали, и утром батарея опять открывала огонь. Когда она умолкла окончательно, в живых оставалось восемь артиллеристов. Заняв круговую оборону, они корректировали огонь других батарей, пока не полегли все до единого.

Вспоминая этот пример беззаветной верности долгу, не могу не добавить: он был не чем-то исключительным, а, наоборот, характерным, типичным для тех дней. Такой вот стойкостью и держались севастопольские рубежи!

От дальнейших попыток срезать вражеский клин за Северной бухтой, как было задумано, пришлось отказаться. Нам не только нечем было усилить группу Матусевича, но и пришлось вернуть во второй сектор полковника Жидилова с одним из батальонов его бригады: на следующее утро немцы начали наступать с юга — на всем правом крыле фронта обороны от Балаклавы до Итальянского кладбища. Другой батальон 7-й бригады, переброшенный на Северную сторону, остался там под командой капитана А. С. Гегешидзе, будущего Героя Советского Союза, вместе с артиллерийской батареей. Батальон поредел от потерь, но стойко держался на достигнутом рубеже, выгодном для контратак во фланг противнику, для которых мы еще надеялись накопить силы.

Контрудар 11 июня, тяжело нам давшийся и не доведенный до конца, не был напрасным. Хотя мы и не смогли удержать станцию Мекензиевы Горы (12-го гитлеровцы заняли ее опять), а также и кордон Мекензи, кратковременный перехват инициативы на главном направлении штурма оттянул продолжение крупных наступательных действий немцев за Северной бухтой по крайней мере на двое суток.

Что значил в то трудное время каждый выигранный под Севастополем день для всего Юга, а может быть и не только для Юга, осозналось по-настоящему позже. Но как следят в далекой Москве за положением на нашем маленьком, отрезанном от остального фронта плацдарме, как надеются там на севастопольцев, мы ощутили, взволнованно читая в ночь на 13 июня неожиданную и необычную телеграмму из Ставки, подписанную Верховным Главнокомандующим. Вот ее текст:

«Вице-адмиралу т. Октябрьскому.

Генерал-майору т. Петрову.

Горячо приветствую доблестных защитников Севастополя — красноармейцев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужественно отстаивающих каждую пядь советской земли и наносящих удары немецким захватчикам и их румынским прихвостням.

Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа.

Уверен, что славные защитники Севастополя с достоинством и честью выполнят свой долг перед Родиной.

И. Сталин».

Телеграмму сразу же стали передавать на командные пункты дивизий и во все части, с которыми армейский КП имел прямую связь. К утру, отпечатанная типографским способом, она была доставлена во все подразделения, в окопы переднего края.

«...Служит примером героизма для всей Красной Армии и советского народа» — наверное, эти слова западали в сердце каждому. Приветствие Верховного Главнокомандующего явилось для всех нас большой моральной поддержкой. Оно поднимало чувство гордости и сознание ответственности за то, чтобы оправдать сегодня, завтра ту высокую оценку, которая давалась боевым делам севастопольцев. Ответом на это приветствие стали новые подвиги защитников города.

И наперекор осложнявшейся обстановке крепла вера в то, что, как ни силен враг, мы и в этот раз можем выстоять. Ведь сроки, назначенные гитлеровским командованием для взятия Севастополя, опять срывались. А с Большой земли шла нам подмога.

Много лет спустя мне довелось раскрыть тетрадь, где делал краткие дневниковые записи член Военного совета дивизионный комиссар Чухнов. 13 июня Иван Филиппович написал:

«Не знаю, где еще были до сих пор такие бои, какие идут сейчас здесь... Нам надо продержаться еще два-три дня, и думаю, что наступательный порыв немцев будет сломлен. А как хочется сломить этих гадов!»

Я не вел дневников. Но думал тогда так же.

13 июня начала прибывать 138-я отдельная стрелковая бригада майора П. П. Зелинского. Крейсер «Молотов» и эскадренный миноносец «Бдительный» доставили из Новороссийска два стрелковых батальона, артдивизион, штаб.

Корабли прорвались в Севастополь, отбивая атаки бомбардировщиков и торпедоносцев. Но во время стоянки в прифронтовой Северной бухте они подвергались еще большей опасности, чем в открытом море.

За два дня до того у севастопольских причалов были потоплены прямыми попаданиями авиабомб транспорт «Абхазия» и эсминец «Свободный». «Абхазию» — бывший пассажирский теплоход, ставший тружеником черноморских военных дорог, ветераны нашей армии помнили с Одессы. Еще там я познакомился с капитаном транспорта бывалым моряком М. И. Белухой. Сколько раз приходил он к нам желанным посланцем Большой земли (только в Севастополь — 16 рейсов!), сколько тысяч раненых благополучно вывез с обороняемых приморцами плацдармов... «Абхазия» счастливая,— говорили моряки.— Ее ничего не берет». А в этот приход судно не успело даже до конца разгрузиться. Наши тыловики с Ермиловым во главе отошли от горящего и тонущего транспорта на последней барже, спасая выхваченные из трюмов ящики с драгоценными снарядами.

Облегчением было лишь то, что людей погибло немного. Врачи и медсестры с «Абхазии» (на ней плавал большой коллектив военных медиков) пошли в инкерманский госпиталь, в медсанбаты.

За новый крейсер, вынужденно посланный в транспортный рейс, флотское командование особенно тревожилось и приняло все меры, чтобы он не задерживался в бухте ни одной лишней минуты.

Но это не означало, конечно, что крейсер придет и уйдет «молчком». Он еще не закончил швартовки, когда корабельные артиллеристы получили целеуказания. И пока с кормы высаживались войска и выгружались боеприпасы (вместе с пополнением прибыло триста тонн снарядов), а потом принимались на борт полторы тысячи раненых, несколько сот женщин и детей, носовые башни главного калибра вели огонь. Сперва — по станциям Бахчисарай и Сюрень, где разведка засекла немецкие воинские эшелоны, затем — по ближним тылам противника, по

его позициям, с которых мы ожидали утром очередных атак. По другим целям бил эсминец.

Дав последние залпы уже на ходу, оба корабля ушли невредимыми. И у них было в запасе часа полтора темного времени, чтобы удалиться от крымских берегов.

В ту же ночь в порту ждали «Грузию», самый быстроходный из оставшихся в строю черноморских транспортов (до войны — такой же, как и «Абхазия», пассажирский лайнер). Однако «Грузия» подошла к Севастополю только на рассвете: атакованная фашистскими самолетами в море, она получила повреждения от близких разрывов бомб и потеряла скорость.

С нашего КП было видно, как высокий силуэт транспорта, сопровождаемого охранением, миновал Константиновский равелин, повернул в Южную бухту. Там приготовились прикрыть судно и его разгрузку дымовой завесой. Но на транспорт спикировали «юнкерсы», прорвавшиеся через барраж круживших над рейдом «ястребков». И две крупные бомбы попали в цель...

Гибель корабля всегда трагична. Тем более если она настигает его вот так — когда остались позади сотни опасных миль и причал совсем рядом. Даже в штурмуемом врагом Севастополе трудно было привыкнуть к тому, что такие случаи неизбежны.

Большинство бойцов маршевого батальона, находившегося на судне, спаслось вплавь. А пятьсот тонн снарядов, уже расписанных по артиллерийским полкам, и много другого, насущно нам необходимого, пошло на дно. Невосполнимой была потеря самого транспорта — второго за три дня. На лице начсанарма Соколовского немой вопрос: на чем же будем вывозить раненых? Он рассчитывал, что «Грузия» возьмет сегодня не меньше двух тысяч...

Через несколько часов стало известно приказание, отданное командующим Черноморским флотом: использовать для питания Севастополя все исправные подводные лодки; перевозить кроме боеприпасов только пищевые концентраты, консервы, сухари и медикаменты; маршевое пополнение доставлять на лидерах и эсминцах, которые в ту же ночь должны уходить обратно.

Вечером после обсуждения на флагманском командном пункте положения с боеприпасами (у зенитчиков оставалось в среднем по 15 снарядов на орудие) вице-адмирал

Октябрьский частично пересмотрел свое решение. Вернувшись с ФКП, Иван Ефимович Петров сообщил:

— Моряки пришли к выводу, что придется еще раз рискнуть крейсером. Через двое суток он придет со снарядами и остатками бригады Зелинского. А из транспортов будет продолжать рейсы «Белосток».

138-ю стрелковую бригаду мы зачислили в армейский резерв и не собирались без крайней необходимости вводить в бои по частям. Прибывшие батальоны заняли пока позиции на горе Суздальской — здесь нужен был сильный второй эшелон. Люди получили возможность немного осмотреться, командный состав начал знакомиться с местностью.

— Народ крепкий, сколоченный. Думаю, не подведут,— делился впечатлениями о бригаде дивизионный комиссар Чухнов.

Остался удовлетворен состоянием ее подразделений и генерал Петров.

Я ввел майора Зелинского в курс обстановки, а побывать у него в батальонах все никак не удавалось. Командарм, будучи сам постоянно в движении, почти не давал мне в эти дни отлучаться с КП. Но я представлял, каково сейчас нашим новым товарищам, попавшим сюда из глубокого тыла в такую горячую пору.

Враг продолжал яростно бомбить и обстреливать весь севастопольский пятачок. С Суздальской горы бойцы бригады видели и город, и передний край не иначе, как в зловещих клубах черного дыма. Только во второй половине ночи немного стихали грохот разрывов и орудийная канонада, с тем чтобы разразиться на рассвете с новой силой.

...С 12 июня основной натиск противника переместился на наш правый фланг. Не добившись решающего успеха пятидневными атаками за Северной бухтой, он стремился теперь взломать оборону севастопольцев с юга. Тут введены в штурм немецкие 170-я пехотная, 72-я ефрейторская, 28-я легкая пехотная, 1-я румынская горнострелковая дивизии... И много танков, часть которых, по-видимому, переброшена с северного направления.

Главные атаки сосредоточились на двух километрах фронта у стыка первого и второго секторов. Куда нацелен удар, совершенно ясно — повторяется предпринимавшаяся еще в ноябре прошлого года попытка прорваться вдоль

Ялтинского шоссе к Сапун-горе. Однако теперь в этом участвуют значительно более крупные силы. И как видно, задумано, чтобы южная ударная группировка и северная, пока нами задержанная, двигались одна другой навстречу, расчленяя севастопольский плацдарм...

Но и со стороны южных секторов, где больше простора для танков, настоящего прорыва у немцев не получается. Все, что им удается,— это медленно и методично, ценой тяжелых потерь, вгрызаться, вклиниваться в наши позиции.

Узкий участок атаки подолгу обрабатывают группы бомбардировщиков. Только после этого под прикрытием массированного огня идут танки и пехота. И все равно не раз и не два откатываются назад, прежде чем где-то продвинутся.

Характерный пример — высота 77,3 у Балаклавской долины.

На этот каменистый холм, обороняемый батальоном 602-го стрелкового полка из дивизии генерала Новикова, сбросили бомбы сотни самолетов. И потом его целый день безрезультатно штурмовали два немецких пехотных полка. Как доложил комдив, одна только рота лейтенанта Мухина и политрука Ткаченко, в которой всеми взводами командуют сержанты, уничтожила пять танков, до двух батальонов вражеской пехоты. Чтобы овладеть высотой, гитлеровцам понадобились свежие силы и еще полдня упорных атак.

Щит и опора наших стрелковых частей — четко работающая, отлично управляемая артиллерия. Когда я соединился напрямую с командиром 602-го полка Павлом Дмитриевичем Ерофеевым и, выяснив у него, что требовалось, спросил, есть ли просьбы к штарму, в ответ услышал:

— Весь личный состав просит поблагодарить помогающих нам артиллеристов. Держимся благодаря им!

Не знал еще подполковник Ерофеев, что 47-й армейский артполк, который он имел в виду, на следующие сутки получит значительно меньше снарядов...

Гибель «Грузии» с ее грузом ощутилась на всем фронте. Для орудий средних калибров на седьмой-восьмой день штурма боеприпасов отпускалось по сравнению с первыми днями меньше примерно на треть. А для тяжелых норму пришлось сократить в четыре-пять раз. По-

степенно умолкали зенитные батареи. За 14 июня все они, вместе взятые, смогли сделать немногим больше тысячи выстрелов. А в течение этого дня севастопольские рубежи пересекло около девятисот фашистских самолетов.

Итогом трех дней вражеских атак с юга явился клин у Ялтинского шоссе, прорезавший нашу первую оборонительную полосу и врубившийся во вторую. Мы оставили Камары (Оборонное), и левый фланг 109-й дивизии генерала Новикова организованно развернулся фронтом к северу (на правом пограничники Рубцова непоколебимо стоят на балаклавских кручах, не дав потеснить себя ни на пядь). Во втором секторе обстановка вынудила оттянуть передний край бригады Жидилова с горы Госфорта на склоны Федюхиных высот. На Сапун-горе, в глубине обороны, заняли запасные позиции батальоны 9-й бригады морпехоты — теперь командующий СОР разрешил взять их из противодесантного заслона на побережье.

Ликвидировать, срезать южный клин нам было нечем. Но и у немцев не хватало пока сил продвинуться дальше. Все атаки, предпринятые ими на девятый день штурма, оказались, даже несмотря на ослабление нашего артиллерийского огня, безуспешными. Вечером мы смогли зафиксировать в журнале боевых действий:

«Линия фронта па 15 июня не изменилась. Наши части прочно удерживают прежние позиции».

Первая такая запись за девять дней!

— Будь у нас вдоволь снарядов и мин, немцам пришлось бы задуматься, есть ли вообще смысл продолжать штурм Севастополя...— сказал тогда Иван Ефимович Петров.

— Получить бы сейчас полсотни новых истребителей! — вырвалось у Чухнова.— Уверен, фрицы не продвинутся ни на шаг, если заставить их сократить бомбежки хоть наполовину!..

Как теперь известно, в это время Манштейн считал судьбу своего наступления «висящей на волоске». Командующий 11-й армией доносил Гитлеру, что нет никаких признаков ослабления воли русских к сопротивлению, а силы немецких войск заметно уменьшились.

В ночь на 16-е в Севастополь вновь пришел крейсер «Молотов» под командованием капитана 1 ранга М. Ф. Романова в сопровождении эсминца «Безупречный» (коман-

дир — капитан 3 ранга П. М. Буряк). На них прибыли остававшиеся на Кавказе подразделения 138-й бригады и несколько маршевых рот, всего около трех с половиной тысяч человек. Корабли доставили также шестьсот тонн снарядов — очевидно, все, что было на складах в Новороссийске.

Ночь выдалась ветреная, на море штормило. Причалы накануне сильно пострадали от бомб, а бухта методически обстреливалась вражеской артиллерией. Но при всех этих помехах корабли разгрузились быстро и без потерь. По спущенным на пирс лоткам скользили снарядные ящики, по сходням сбегали на берег бойцы. Затем санитары нашего эвакоотряда и моряки стали, тоже бегом, вносить на борт раненых. Многих из них доставили к корабельным трапам прямо с передовой. Кроме двух тысяч раненых крейсер и эсминец приняли на борт больше тысячи женщин и детей.

В этом рейсе удача сопутствовала морякам до конца. Отдав швартовы, корабли с фарватера обстреляли позиции немцев в Бельбекской долине и перед фронтом южных секторов и благополучно ушли в Новороссийск.

Все то, чего противник отчаянными усилиями добился за первые десять дней июньского наступления на Севастополь — захват трех-четырехкилометровой полосы на севере и вклинивание на узком участке с юга,— не имело бы где-нибудь в другом месте, для другой армии существенного значения. Если наступающий не может в течение стольких дней прорвать оборону на всю ее глубину даже на направлении главного удара и выигрывает своими атаками лишь сотню-другую метров пространства за сутки, он обычно выдыхается раньше, чем достигнет реального успеха.

Но когда у обороняющихся за спиной не суша, а море, действуют иные мерила, и даже сто метров твердой земли могут значить очень много. Тем более что остановить это медленное продвижение врага удавалось лишь ненадолго — он не знал недостатка ни в бомбах, ни в снарядах, получал гораздо больше, чем мы, подкреплений.

Ареной самых тяжелых боев с 17 июня опять стали подступы к Северной бухте. Читатель не должен, однако, думать, что там, на направлении, которое мы не переста-

вали считать главным и тогда, когда отбивали попытку гитлеровцев прорваться к городу с юга, прошли спокойно минувшие четыре-пять дней.

Еще 13-го, после того как немцы вновь заняли станцию Мекензиевы Горы, они вплотную подступили к высоте 60. Я говорил, как стремился противник овладеть ею в декабре. На высоте по-прежнему стояла отличившаяся тогда 365-я зенитная батарея. Ее расчеты снова били прямой наводкой по фашистским танкам, по наступающей от станции пехоте. Раненного в начале июньских боев командира батареи Героя Советского Союза Н. А. Воробьева заменил старший лейтенант И. С. Пьянзин.

В декабре мы отстояли высоту 60. Но в середине июня уже не располагали здесь такими силами, какие вводились в бой за нее и использовались для ее прикрытия полгода назад. Немецкие танки и пехота в конце концов ворвались на этот продолговатый, вытянутый в сторону бухты холм.

Когда там уже вышли из строя пушки и почти все зенитчики пали в неравной борьбе за каждый орудийный котлован, старший лейтенант Пьянзин передал по радио от имени оставшихся в живых зенитчиков: «Отбиваться больше нечем, просим открыть массированный шрапнельный огонь по нашей позиции, по КП...»

Командование береговой обороны выполнило последнюю просьбу батарейцев, и это позволило еще на несколько часов оттянуть окончательный захват высоты врагом. Двадцатитрехлетний комсомолец Иван Пьянзин был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Почти одновременно с 365-й батареей смолкли, израсходовав боезапас, орудия и бронебойки сводного отряда, оставшегося под началом майора Кохно на прежней запасной позиции 79-й бригады (туда сперва еще была надежда вернуться), чтобы закрыть для немцев выход из Камышловской долины.

Окруженный отряд продержался в тылу противника, в километре с лишним за линией фронта, несколько суток, уничтожая все, что появлялось на блокированной им узкой дороге — танки, автоцистерны, неприятельскую пехоту. Только подбитых танков осталось на этой дороге больше двух десятков. Но потом бить фашистов стало нечем. Иссяк и запас воды. Отряд оказался без связи —

сели батареи рации. К счастью, тут обошлось без трагического конца.

— Кохно с нами! Раненый, но живой,— докладывал обрадованный полковник Потапов со своего нового КП в Трензиной балке.— Мы с Сахаровым ломали голову, как его вызволить, а он сам выбрал момент и прорвался со всеми своими людьми и пушками!..

Небольшой отряд майора Кохно создал на этом участке немало осложнений для врага, нанес ему основательный урон. Смелая затея с этой засадой могла служить хорошим примером использования своеобразной местности Мекензиевых гор.

К тем же дням относится одна памятная боевая удача нашей 95-й дивизии, а точнее, ее разведчиков и артиллеристов.

При убитом немецком офицере была обнаружена карта, из отметок на которой явствовало, что следующим утром пехотный полк гитлеровцев должен наступать в направлении Братского кладбища. Обозначено было, в частности, исходное положение для атаки. Ночная разведка подтвердила: там действительно сосредоточивается неприятельская пехота. И после того как дивизионная артиллерия и минометчики произвели на рассвете массированный огневой налет, ни в какую атаку фашистский полк не пошел.

Кстати, полк (это выяснилось из документов убитых солдат) принадлежал к 73-й немецкой дивизии, до того в боях под Севастополем не участвовавшей. Удар, нанесенный по нему на исходном рубеже, не только сорвал в тот день атаку на Братское. По всей вероятности, этим было задержано возобновление крупных наступательных операций противника на всем северном направлении.

Вообще же, если кто и ощутил там на некоторое время ослабление вражеского нажима после первых дней штурма, то только не 95-я дивизия полковника Капитохина. Глубоко обойденная с правого фланга, вынужденная развернуть боевые порядки кроме севера и на восток, она удерживала приморскую часть четвертого сектора с Любимовкой, Буденновкой и группой береговых батарей, мешая гитлеровцам развивать наступление на соседних участках. И даже когда не было наземных атак, ее позиции и тылы подвергались непрестанному артиллерийско-

му обстрелу, яростным бомбежкам. С утра до ночи над всем этим районом висели тучи дыма и пыли.

Местами крупные бомбы перепахивали всю систему полевых укреплений. Помню доклад о том, что на участке 241-го стрелкового полка засыпана в траншеях целая рота. Как только бомбежка стихла, людей начали откапывать, и часть их удалось спасти. Этот полк за короткое время потерял двух командиров — комбрига Б. М. Дворкина, подполковника Е. И. Дмитрука. Большие потери несла вся дивизия.

Разговаривая по телефону с Александром Григорьевичем Капитохиным или Романом Тимофеевичем Прасоловым (начальник штаба 95-й стрелковой еще с Одесской обороны, он стал недавно заместителем комдива), я мысленно переносился на их командный пункт под холмом Братского кладбища.

Этот КП сооружали в спокойные месяцы, тогда — в качестве запасного, и оборудовали капитально, по всем правилам — «по-воробьевски», как выразился полковник Прасолов, показывая мне в первый раз довольно просторное и надежное укрытие, над которым стальные балки поддерживали солидный слой каменистой породы. А начарту Пискунову нравился его наблюдательный пункт, устроенный потом на кладбищенской колокольне. Теперь же впору было думать, куда переносить управление дивизией: обходя ее правый фланг, враг подступил сюда слишком близко.

Когда закончилась прикрываемая атаками отдельных частей перегруппировка неприятельских сил, перед ослабленной дивизией Капитохина оказались пополненные немецкие 22-я и 132-я пехотные и по крайней мере один полк 46-й дивизии, только что прибывший из Керчи. Свежие войска из резерва подтянул враг и на соседние участки фронта.

К вечеру 16-го положение на северном направлении резко обострилось. Несколько дней, в течение которых противник вынужден был ограничиваться здесь разрозненными, хотя порой и сильными, атаками, остались позади. Собрав новый ударный кулак, он возобновил общее решительное наступление, стремясь любой ценой прорваться к бухте.

Разгорелись бои еще более тяжелые, чем неделю назад.

Все это время в армии выбывало из строя убитыми и ранеными по полторы-две тысячи человек в день. Прибывавшие маршевые роты восполняли не больше одной десятой потерь. На отдых не отводился с переднего края ни один батальон, как бы он в том ни нуждался. А уплотнение боевых порядков на наиболее угрожаемых участках шло лишь за счет небольших местных перегруппировок с сокращением, где можно, линии фронта. Но изыскивать кое-какие резервы таким образом удавалось только в южных секторах, где нас еще не так потеснили.

15 или 16 июня, когда по всем признакам надвигалась новая волна штурма, обсуждался вопрос об отводе ближе к городу — на Инкерманские высоты и к Мартыновскому оврагу — Чапаевской дивизии. Был даже подготовлен соответствующий приказ. Чапаевцы тоже понесли немалые потери, сковывая крупные силы противника в центре севастопольского обвода, и командарм опасался, что дивизия с приданными ей двумя морскими полками не удержит ставший для нее слишком широким фронт. А на этом направлении еще был позади неплохой естественный рубеж.

Однако против сокращения фронта обороны стал возражать (в подобных случаях это бывает не часто) командир дивизии Коломиец. Генерал Петров съездил к нему и, вернувшись, сказал:

— Трофим Калинович убедил меня, что еще может держаться на прежних позициях, хотя в полках у него осталось по шестьсот — семьсот бойцов. Высказал, между прочим, и такой довод, по-моему — серьезный: люди не поняли бы сейчас ухода с позиций, за которые пролили уже столько крови и где настроились стоять насмерть. Отойти, говорит, я всегда успею, если припрет... Что ж, согласимся? Только за флангами дивизии надо глядеть в оба. Особенно за левым — чтобы немцы не оказались у Инкермана раньше Коломийца.

Когда все это утрясли, Иван Ефимович — мыслями он еще был с чапаевцами — печально промолвил:

— Как-то я рассказывал вам про старика Ямщикова из Пугачевского полка. Ну, помните — тезка Чапаева и его соратник в гражданскую, потом много лет был председателем колхоза, на эту войну пошел добровольцем... Так вот, отвоевался старый орел, вчера убит. Свой пуле-

мет — зенитную «счетверенку» с рук на руки передал сыну...

Как характерно это было для командарма Петрова! Поехав в соединение решать большие оперативные вопросы, он успевал справиться о лейтенантах, сержантах, рядовых, которых однажды запомнил и за судьбой которых не переставал следить.

А отвод Чапаевской дивизии на Инкерманские высоты сделался совершенно необходимым через пять-шесть дней. Выстояв этот срок на прежнем рубеже, она помешала противнику ввести еще больше сил в наступление с севера и с юга.

Но чапаевцам было пока все-таки легче: главный вражеский удар они ощутили лишь своим левым флангом. Для другой из двух старейших дивизий Приморской армии, для 95-й Молдавской, 17 июня стало последним днем, когда на ее участке удерживался сплошной фронт.

Утром дивизия Капитохина (вместе с отрядом Ласкина и влившимися в нее подразделениями из бригады Жидилова, которые остались на Северной стороне после нашего контрудара) еще смогла отразить почти все неприятельские атаки. Хорошо сработали наши минные заграждения: на них подорвалось несколько немецких танков. Потом бои многократно доходили до рукопашной в траншеях. Дивизионная артиллерия (57-й артполк майора А. В. Филипповича — тот, что первым из нашей армии занял огневые позиции под Севастополем в начале обороны) и зенитчики били по фашистским танкам и пехоте прямой наводкой. Дивизию поддерживали, находясь сами под непрестанной бомбежкой, все расположенные за Северной бухтой береговые батареи, чья судьба зависела от того, выстоит ли она, и некоторые батареи из других секторов.

И все же на исходе дня немцы, давя большим численным перевесом, прорвались к морю за Учкуевкой, отрезав 30-ю батарею. Опаснейшее положение создалось и на правом фланге 95-й дивизии, у стыка ее с 345-й. К наступлению темноты противник достиг верховий Сухарной балки и был в полутора-двух километрах от Северной бухты.

Уезжая с докладом на флагманский командный пункт, генерал Петров приказал:

— Вызывайте майора Зелинского с начальником штаба. Настает, видно, их час!

Как ни выгодно было иметь 138-ю стрелковую бригаду на горе Суздальской — важнейшей запасной позиции, где она весьма пригодилась бы в случае дальнейшего осложнения обстановки, за последние часы стало совершенно ясно: немедленный, не позже завтрашнего утра, ввод бригады Зелинского в бой, в контратаку — единственная сейчас возможность задержать врага перед Северной бухтой.

На флагманском КП с этим согласились, дали «добро».

Командарм и Чухнов вернулись оттуда также с письменным распоряжением вице-адмирала Октябрьского, адресованным кроме них генералу Моргунову и военинженеру Парамонову, о создании за бухтой эшелонированной системы опорных пунктов.

Указания давались не особенно конкретные, а кое-что, если разобраться, успело отстать от событий либо само собой разумелось, делалось и так. Лишними казались громкие слова о том, что на Северной стороне надлежит «драться до последнего немецкого солдата», и тому подобное. Впрочем, по-человечески все это можно было понять, как продиктованное острым чувством тревоги. Ведь стать опорными пунктами должны были и старые равелины на берегу бухты — фронт обороны входил в черту города.

С прошлой ночи в войсках четвертого сектора находился наш Харлашкин. Из моего и Ковтуна распоряжения он фактически выбыл: в эти горячие дни оперативные задания штабным направленцам давал, как правило, сам командарм. Но, планируя завтрашний боевой день, я очень ждал возвращения Константина Ивановича. То, что схватывал он свежим, зорким глазом, часто существенно дополняло донесения штадивов, помогало лучше представить детали обстановки.

В поздний час дежурный доложил каким-то странным тоном:

— Привезли Харлашкина, товарищ генерал...

— Как привезли? Он что, ранен?

— Нет, товарищ генерал, он убит...

Оказывается, в штабе знали это уже раньше, и кто-то распорядился не докладывать мне, пока работаю над планом контратаки, обсуждаю с Васильевым схему огня, уточняю задачу командиру бригады.

Мертвого Харлашкина привезли из 95-й дивизии на попутной машине. Его пропыленная гимнастерка потемнела и покоробилась от засохшей крови. Сопровождающий военфельдшер объяснил: в груди — крупный осколок, смерть, очевидно, была мгновенной.

Как выяснилось, Харлашкин оказался в подразделении, отражавшем танковую атаку. Он взял чье-то противотанковое ружье — вероятно, бронебойщик был убит или ранен,— пристроился за каменной оградой и стал стрелять. Подбил один танк, успел выстрелить по второму...

Военфельдшер сам этого не видел, слышал от других. Но в рассказе, дошедшем до нас из вторых или третьих уст, не потерялась и такая подробность:

— Говорят, майор громко пел песню. Стрелял и пел, до самой последней минуты...

Константин Иванович любил петь, песен знал очень много. Раньше, до того как стряслась беда с его женой в эвакуации, он часто радовал ими товарищей в свободную минуту. И вот снова запел в жарком бою, с песней ушел из жизни.

Представитель штаба армии не обязан, да, строго говоря, и не должен заменять выбывшего из строя красноармейца или сержанта — у него свои задачи. Но кто мог упрекнуть майора Харлашкина в том, что перед лицом атакующего врага он взялся «не за свое дело», кто мог поручиться, что не поступил бы на его месте так же! Шла вторая половина грозного севастопольского июня. Уничтожить еще один немецкий танк, убить еще одного фашиста — выше, важнее этого не существовало ничего.

Костю Харлашкина похоронили недалеко от нашего КП, у стен древнего Херсонеса. В памяти он навсегда остался для меня живым. Как сейчас, вижу его ладную фигуру в идеально расправленной под ремнем гимнастерке, светлые улыбчивые глаза. Веселый и храбрый, ярко раскрывшийся на войне человек, чудесный товарищ!..

Два дня спустя из старой боевой когорты направленцев штарма выбыл и майор Исай Яковлевич Шевцов. Он также выехал в войска с поручением, полученным лично от командарма, выполнил это поручение, но на КП не вернулся. Установить, как погиб Шевцов, мы не смогли. На том участке фронта все кипело в огне, и не один он исчез бесследно.

...В контратаке, предпринятой утром 18 июня общим направлением на станцию Мекензиевы Горы, участвовали кроме батальонов новой бригады Перекопский полк Тарана, левофланговые части дивизии Гузя, остатки приданного ей танкового батальона. Артиллерия 95-й дивизии и чапаевцев с двух сторон поддерживала атакующую группу, имея задачу связать, насколько позволяли небогато отпущенные снаряды, противника огневым боем.

По нашим масштабам и возможностям контратака была крупной, но мы не ждали от нее слишком многого, сознавая, насколько неблагоприятно для нас соотношение сил. Однако все же надеялись, что удар во фланг немецким войскам, вплотную приблизившимся к Братскому, снимет непосредственную угрозу выхода врага к бухте, ликвидирует разрыв между частями Капитохина и Гузя.

К сожалению, достигли мы меньшего, чем рассчитывали. Инициатива была перехвачена на считанные часы, и потеснить гитлеровцев удалось едва на полкилометра. Причем дорогой ценой. Батальоны новой бригады, попав под сильную бомбежку на исходном рубеже, смогли продвинуться вперед совсем немного.

138-я стрелковая бригада участвовала в Севастопольской обороне недолго — не месяцы, а недели. В хронику обороны успело войти мало имен ее командиров и бойцов. Но я знаю, как трудно было после войны, когда ветераны Приморской армии стали собираться по юбилейным датам, отыскать живого солдата из этой части.

И хочется напомнить, что тяжелейшая контратака на направлении главного удара противника, контратака, на подавление которой он бросил сотни пикировщиков и вызвал огонь нескольких артполков, была для бригады, только что прибывшей из тыла, первым боем.

Из-за больших потерь она не дошла до намеченного рубежа. Но и не откатилась назад, не дала немцам вырваться на ее плечах к бухте. Словом, бригада майора Зелинского внесла свой, пусть скромный, вклад в общий, тоже весьма скромный, результат усилий нашей ударной группы. Он заключался в том, что наступление врага за Северной бухтой было приостановлено на полсуток. Во второй половине дня оно возобновилось по всему фронту четвертого сектора и на левом фланге третьего. Как мы вскоре установили, к известным уже неприятельским соединениям прибавились части 125-й пехотной дивизии,

переброшенные с Украины. Должно быть, в штабе немецкой армейской группы «Юг» или где-то выше рассудили, что без таких подкреплений Манштейну севастопольцев не одолеть...

К вечеру в руках гитлеровцев находились Учкуевка и Буденновка. Полем боя сделалась северная часть Братского кладбища. Командный пункт 95-й дивизии переносился к Инженерной бухте.

Докладывая в последний раз обстановку со старого КП, начальник штадива майор Кокурин сообщил, что убит командир 90-го стрелкового полка Смышляев и его заменил капитан Требушный. Про другой полк дивизии — 241-й — Кокурин сказал: «Фактически его больше нет...»

Да и сама дивизия Капитохина теперь только называлась дивизией. Ее остатки оборонялись разобщенными группами, занимая вместе с моряками береговых служб и боевыми дружинами Северной стороны подготовленные раньше и создаваемые вновь опорные пункты — в отрогах спускающихся к бухте балок, в старых укреплениях, в прочных каменных домах.

Мучительно было сознавать, что героически сражающуюся пехоту не в состоянии поддержать в полную силу наша артиллерия, имевшая еще много орудий: со снарядами стало совсем туго. Прежние запасы подошли к концу. А доставленного крейсером и привозимого подводными лодками не могло хватить надолго.

Мощные огневые налеты по исходным рубежам вражеских войск, которыми ослаблялись, а иногда и срывались очередные их атаки, плотный заградительный огонь — все это сделалось для нас непозволительной роскошью. Большинство полевых батарей перешло на стрельбу прямой наводкой, некоторые вообще молчали.

Журнал боевых действий сохранил сделанную 18 июня запись: «В артиллерийские части отправлено 38 тонн боеприпасов, поднятых водолазами с транспорта «Грузия», потопленного в Южной бухте». Чтобы представить, на что шли люди, сделавшие это, наверное, достаточно сказать, что за тот день в бухтах и вокруг них разорвалось несколько сот крупных авиабомб.

Зайдя, как обычно, ко мне по приезде из войск, Иван Филиппович Чухнов с горечью сказал:

— У бойцов воды нет, а спрашивают об одном — подбросят ли снарядов? Насчет этого ничего нового?

Вода тоже сделалась проблемой — и в городе, и на передовой. Стоял южный июньский зной, прифронтовые колодцы вычерпывались по ночам до дна. Туда, где до воды было далеко, тыловики возили ее в бочках (чуть начнет светать, за водовозами уже охотились шныряющие над дорогами «мессершмитты»). Эта вода шла только для кухонь и для питья — с выдачи, не вдоволь, об умывании во многих частях забыли... Но все невзгоды отступали перед главным, единственно важным — было бы чем бить врага!

— Ночью ожидается «Белосток», — поделился я с Чухновым известием, только что дошедшим до меня от моряков.— Тонн триста снарядов должен привезти.

— Лишь бы дошел! — обрадовался член Военного совета.

Из грузовых судов один этот небольшой транспорт продолжал ходить в Севастополь. И пока ему везло: многократно атакованный самолетами, подводными лодками, катерами, «Белосток» счастливо избегал попаданий бомб и торпед.

Преодолел он морскую блокаду и в тот раз. Кроме боеприпасов было выгружено несколько тонн консервов, сошли на причал две маршевые роты. Затем транспорт, как всегда, принял на борт раненых.

Но до Кавказа «Белосток» не дошел. Утром стало известно, что его подкараулили и потопили итальянские торпедные катера, базировавшиеся с недавних пор где-то в районе Ялты.

Это был последний к нам рейс небоевого корабля. Командование флота окончательно решило — впредь посылать в Севастополь кроме подводных лодок только лидеры и эсминцы.

В ту ночь вице-адмирал Октябрьский и дивизионный комиссар Кулаков донесли о положении Севастопольского гарнизона в Ставку. В телеграмме на имя Верховного Главнокомандующего докладывалось: наши потери исчисляются в 22—23 тысячи, потери противника намного больше, но, имея абсолютный перевес, господство в воздухе и в танках, он продолжает огромное давление и, уничтожая наши подразделения бомбоударами, захватывает территорию. «Из всей обстановки видно, — говорилось

далее, — что на кромке северной части Северной бухты остатки прижатых наших войск долго не продержатся... Наш следующий рубеж борьбы — южное побережье Северной бухты, гора Суздальская, Сапун-гора, высоты Карагач... Переход на указанную линию обороны будем вынуждены сделать, если немедленно не получим помощи».

Командование СОР просило выделить десять тысяч человек маршевого пополнения, усилить оборонительный район зенитной артиллерией, истребителями и штурмовиками, поставить на линию Кавказ — Севастополь транспортные самолеты с летчиками-ночниками — для доставки снабжения и эвакуации раненых.

Вопрос об организации воздушных перевозок уже не раз ставился перед штабом Северо-Кавказского фронта, но в его распоряжении, должно быть, просто не было пригодных для этого машин и экипажей. В ответ на обращение в Ставку поступило сообщение, что для полетов в Севастополь перебрасывается из Внукова на Кавказ авиагруппа особого назначения Гражданского воздушного флота в составе 20 транспортных самолетов.

Вслед за тем штаб фронта известил, что по указанию Ставки готовится к отправке в Севастополь 142-я стрелковая бригада. Это было неожиданным: вместо маршевых батальонов — отдельная боевая часть (и, как оказалось,— сибиряки!).

— Наверное, мы все-таки не вполне, не до конца представляем,— в раздумье сказал Иван Ефимович Петров, — что значит сейчас каждый день, который Севастополь способен продержаться.

У нас в штабе, где-нибудь недалеко от оперативного дежурного, привыкли видеть командира в морской форме с голубыми просветами меж золотистых шевронов на рукавах — представителя севастопольских авиаторов полковника Праворова. Так было заведено еще при генерале Острякове, который и сам часто заезжал на армейский КП, так продолжалось и после него.

3-я особая авиагруппа полковника Г. Г. Дзюбы, которая объединила все базирующиеся в Севастополе летные части и подразделения, находилась в подчинении у командующего черноморскими ВВС. Но в своей боевой рабо-

те она теснейшим образом взаимодействовала с наземными войсками и потому держала с нами непрерывную связь.

Кажется, мы с флотскими летчиками научились неплохо понимать друг друга. Во всяком случае, договариваться с ними, нацеливать (и перенацеливать, когда изменялась обстановка) было легко — всегда чувствовалась самоотверженная готовность помочь пехоте.

А выполнять заявки армии им было не просто. Ни в Одессе, где в последние недели наш истребительный авиаполк сидел на площадке-пятачке, запрятанный среди жилых кварталов, ни где-либо потом я не видел, чтобы авиация воевала, да и просто существовала в таких условиях, как в Севастополе в июне 1942 года.

Аэродром на Куликовом поле, перепаханный разрывами бомб и шквальным артобстрелом, с начала третьего штурма использовать стало нельзя, и бомбардировщики — несколько ДБ-3, СБ и Пе-2 — улетели на Кавказ. Пришлось потом и из Северной бухты, к которой приблизился фронт, убрать маленькие гидропланы МБР-2 (металл от их разбомбленного эллинга еще раньше пошел на изготовление гранат). На двух аэродромах в южной части севастопольского плацдарма, у Херсонесского маяка и в Юхариной балке, остались штурмовики майора А. А. Губрия — 10—12 машин Ил-2, а потом и меньше (прибывавшее пополнение не успевало покрывать потери) — и несколько десятков старых и новых «ястребков» — 6-й гвардейский истребительный полк полковника К. И. Юмашева.

Сверх того имелось десятка полтора У-2 и Ут-1 — самолеты, которые прежде трудно было принимать всерьез как боевую силу. Но, оснащенные пулеметами «шкас» и сконструированными тут же приспособлениями для подвески бомб, а затем принявшие на вооружение и реактивные снаряды — такие, как у сухопутных «катюш», бывшие учебные самолеты сделались своего рода ночными штурмовиками. И хотя они, может быть, не наносили немцам особенно большого урона, изматывали их уже тем, что до рассвета висели над окопами, над позициями батарей.

Эта обработка с воздуха вражеского переднего края проходила на виду у наших бойцов и всегда вызывала у них воодушевление. Да и выйдя на пригорок над армейским КП, можно было, услышав, как протарахтели

У-2 в ночном небе, увидеть затем, как рвутся сброшенные ими бомбы и «эрэсы» и как палят вверх трассирующими очередями взбудораженные гитлеровцы.

За короткую июньскую ночь эти «небесные тихоходы» успевали делать по пять — семь вылетов — фронт рядом. Получая множество пробоин, они оказались удивительно живучими и гибли реже, чем «дневные» самолеты.

А вообще-то севастопольская авиагруппа несла потери не столько в воздухе, сколько на земле. Оба действующих аэродрома — под интенсивным обстрелом тяжелой артиллерии, особенно в светлое время, и каждый самолет подвергался наибольшей опасности в ту минуту, когда уже выкатился из капонира, но еще не взлетел. И снова — при посадке.

Бывало, что на поле Херсонесского аэродрома в течение ряда часов снаряд за снарядом методично падал через каждые сорок секунд. Казалось, подняться в воздух просто немыслимо. Однако летчики ухитрялись укладываться и в такую паузу: если дать газ еще в капонире, сразу после разрыва очередного снаряда, истребитель успевал подняться в воздух до падения следующего. Только надо было еще не попасть колесами в воронку...

Как-то мне случилось быть на этом аэродроме в день не столь напряженный — снаряды рвались не так уж часто. Но в воздухе — это было обычным — крутились (довольно высоко и даже немного в стороне, однако так, чтобы все время следить, что тут, на аэродроме, делается) несколько «мессеров» — «фрицевский патруль», как говорили летчики.

Для поддержки наших войск за Северной бухтой тогда требовалось срочно поднять группу штурмовиков. Я наблюдал из укрытия, как обеспечивается этот вылет, и невольно восхищался четкостью, с какой осуществлялся вариант действий, соответствовавший конкретной обстановке.

— Первыми взлетают «яки»,— пояснял происходящее сидевший рядом авиационный штабной офицер,— их задача связать боем этот чертов патруль. Вот смотрите, уже схватились!.. А теперь — «чайки». Им тоже идти на штурмовку, но маловата скорость, и надо, пока связаны «мессеры», оторваться, уйти в море... Ну а сейчас Алексей Антонович Губрий поднимет свои «илы»...

Аэродром действовал, словно катапульта. Самолеты, только что невидимые, скрытые в рассредоточенных и замаскированных бетонных капонирах, будто выбрасывались в небо, совершенно не задерживаясь на взлетной полосе. И «мессеры» не смогли помешать вылету штурмовой группы, опоздал обрушившийся на аэродром огневой налет дальнобойных батарей.

— Посадка будет труднее,— вздохнул авиатор, — на ней фрицы постараются отыграться. А порядок пойдет обратный: сперва посадим «илы», за ними «чайки», «якам» их всех прикрывать. Тяжелее всего сесть самому последнему, это не каждому поручишь...

Едва артналет стих, на поле выбежали из блиндажей бойцы аэродромной команды — засыпать воронки, собирать опасные для самолетных колес осколки, расставлять сигнальные флажки.

Обстрел и бомбежки наших аэродромов усиливались изо дня в день. По Херсонесскому немцы начали стрелять бронебойными снарядами самых крупных калибров, какие до тех пор применяли только против башенных береговых батарей. Не иначе как решили, что аэродром подземный, не верили, что под таким огнем самолеты могли уцелеть на поверхности...

А летчики продолжали боевые вылеты. Правда, уже не в любой час. Кроме ночи, когда действовали «малыши» У-2, самым благоприятным временем, особенно для «илов», считались ранние сумерки: после захода солнца аэродром плохо просматривался с немецких позиций, а стаи «мессершмиттов» уже исчезали до утра. Словом, противодействие ослаблено, а цели еще видны.

Экипажи штурмовиков приспособились использовать это «окно», и мы тщательно продумывали, куда их нацелить, где они всего нужнее. Самолетов осталось мало, половина обычно ремонтировалась, но хорошая штурмовка даже четырьмя — шестью «илами» могла ощутимо поддержать батальон, а то и полк.

На тот же аэродром у Херсонесского маяка предстояло принимать транспортные самолеты московской авиагруппы. Из Краснодара, откуда они должны были летать к нам, запрашивали: реальна ли посадка, не следует ли ориентироваться на сбрасывание грузов с парашютами? Севастополь заверял: посадку обеспечим во что бы то ни

стало! Важно ведь было не только получать боеприпасы. У всех болела душа за неэвакуированных раненых.

Для усиления противовоздушной обороны аэродрома флотское командование поставило в соседней с ним Казачьей бухте плавучую зенитную батарею № 3, известную у севастопольцев под неофициальным названием «Не тронь меня». Как пристало оно к ней, уж не знаю, но всплыло это название из далекого прошлого, из морской старины: так именовался когда-то линейный корабль, еще парусный, а позже — броненосец.

Третий номер плавбатареи не означал, что существовали первая и вторая. Она была единственной и даже уникальной. Как рассказывали моряки, еще в начале войны, когда обнаружилось, что Севастополь недостаточно защищен от воздушных налетов со стороны моря, у капитана 1 ранга Г. А. Бутакова, служившего в штабе флота, возникла идея превратить в автономную батарею и морской дозорный пост линкоровский отсек, который использовался раньше для испытаний торпед.

Стальная «коробка» имела палубу площадью до шестисот квадратных метров. На ней установили орудия разных калибров, вплоть до корабельных 130-миллиметровых — на случай атак с моря, пулеметы, прожекторы, средства наблюдения. Под палубой, в трюмах,— боевые погреба, собственная электростанция, кубрики личного состава. В общем, из «подручных средств» соорудили бронированный плавучий остров, хорошо вооруженный, способный к самообороне.

Когда наша армия прибыла в Севастополь, плавбатарея уже стояла на якорях на внешнем рейде с экипажем в полтораста человек, занимая немаловажное место в системе ПВО базы и города. С тех пор она сбила больше двух десятков самолетов и помешала многим другим минировать фарватеры, скрытно приближаться к бухтам.

Между прочим, «крестный отец» необычной батареи, вложивший в ее оборудование много труда и изобретательности,— Г. А. Бутаков приходился (моряки часто об этом вспоминали) внуком известному русскому адмиралу прошлого века Г. И. Бутакову. В первую Севастопольскую оборону его дед, тогда еще капитан 2 ранга, служил под началом Нахимова, командуя отличившимся и вошедшим в историю пароходо-фрегатом «Владимир».

Лично познакомиться с капитаном 1 ранга Бутаковым мне не пришлось. Задолго до описываемых дней его перевели на Кавказ. А командиром плавбатареи «Не тронь меня» был с ее создания корабельный артиллерист капитан-лейтенант С. Я. Мошенский. Он погиб на своем посту, управляя огнем, в самом конце обороны, когда гитлеровцы вновь и вновь предпринимали массированные налеты на мешавшую им батарею, но уничтожить, потопить ее так и не смогли.

В Казачьей бухте плавбатарея Мошенского оказалась чрезвычайно полезной. По словам летчиков, она отучила немцев приближаться к Херсонесскому аэродрому и на малой, и на средней высоте.

И хотя не в наших силах было пресечь артиллерийский обстрел летного поля, на нем с ночи на 22 июня начали садиться — и в основном благополучно — московские Ли-2.

Вылетали они с Кубани так, чтобы быть у нас после полуночи. Прикрытия — никакого, весь расчет на то, что враг не обнаружит. И потому летели поодиночке, с большими интервалами, прокладывая курс над морем подальше от берега.

Много лет спустя я прочел впечатления летчика В. А. Пушинского, который привел к нам первый транспортный самолет: «...Горизонт осветился тревожным красным светом. Пролетел еще немного и увидел отблеск огня в бухтах — казалось, будто горит сама вода. Это был Севастополь».

Вот каким виделся с высоты наш плацдарм.

Ли-2 не привозили почти ничего, кроме боеприпасов, которыми загружались до предела. Но самолет — не корабль, даже не подводная лодка. В рапортичках, поступавших ко мне, вес доставленного по воздуху груза указывался с точностью до десяти килограммов. Однако и пятнадцать — восемнадцать тонн добавочных снарядов, перевезенных за ночь, были дороги.

Еще дороже была появившаяся дополнительная возможность вывозить раненых. Каждый самолет мог взять двадцать пять ходячих или восемь лежачих и двенадцать ходячих раненых — даже чуть-чуть больше, чем малая подводная лодка...

Транспортные самолеты разгружались и загружались за 20—30 минут. Как правило, они заводились на это

время в капониры. А наши У-2, обеспечивая товарищам посадку и взлет, носились над позициями тех вражеских батарей, огонь которых был всего опаснее. Над аэродромом барражировали истребители-ночники.

Воздушные перевозки с Большой земли и обратно наладились, к сожалению, поздно, и даже Ставка не могла тогда дать для этого больше транспортных машин — небогато еще было у нас с ними... Но экипажи Москва прислала первоклассные, способные работать в любых условиях. Как ни усложнялась обстановка, авиагруппа особого назначения (возглавлял ее майор В. М. Коротков) совершала свои ночные рейсы до конца, пока держался Севастополь. За все время вышел из строя лишь один самолет, попав при посадке в свежую снарядную воронку. А перехватить на маршруте немцам не удалось ни одного.

...В разгар июньских боев мы смогли поздравить нескольких севастопольских летчиков с Золотой Звездой Героя. Несколько других авиаторов, в том числе генерал Николай Алексеевич Остряков, были тогда же удостоены этой награды посмертно.

Героями Советского Союза стали командир эскадрильи гвардии капитан М. В. Авдеев, командир звена гвардии старший лейтенант Г. В. Москаленко. Этих истребителей, сбивших по пятнадцать фашистских самолетов каждый, знали в осажденном городе, наверно, все.

Но никто, включая и самого капитана Авдеева, еще не знал, что за два дня до начала июньского штурма он со своим ведомым чуть было не отправили на тот свет фон Манштейна.

Летчики были посланы на разведку вдоль Ялтинского шоссе: мы следили за всеми дорогами, по которым противник подтягивал резервы. Как обычно при таком задании, им надлежало избегать стычек с вражескими самолетами, ничем не отвлекаться. Однако молодые ребята не удержались, усмотрев под берегом, между Форосом и Ялтой, быстро скользящий катер, по виду — штабной. Развернулись, пронеслись над ним, строча из пушек и пулеметов, и успели заметить, что катеру досталось: упали как скошенные фигурки на палубе, повалил дым... Повторить заход они не решились — и так уклонились от курса, надо было скорее возвращаться к шоссе.

В допущенной вольности летчикам пришлось повиниться перед начальством, тем более что о факте атаки пары истребителей на какой-то немецкий катер командующему ВВС флота генералу Ермаченкову уже стало известно из радиоперехвата.

А после войны генерал-майор авиации Михаил Васильевич Авдеев неожиданно обнаружил описание той своей атаки в появившихся мемуарах бывшего командующего 11-й немецкой армией. Оказывается, это он 5 июня 1942 года обходил на катере побережье, дабы лично выяснить, насколько просматривается с моря ведущее к Севастополю шоссе. По словам Манштейна, половина находившихся на борту была убита или ранена и сам он уцелел чудом. Да, второй заход «ястребков» не помешал бы!..

Разведотдел доложил, что гитлеровцы запланировали взять Севастополь 22 июня, к годовщине своего нападения на Советский Союз. Это по крайней мере третий срок, ставший нам известным с начала штурма. Но и он срывается, и фашисты вымещают бешеную злобу на уже разрушенном городе.

Казалось, весь выгоревший, Севастополь вновь заполыхал чудовищным дымным костром. Тысячами зажигалок забрасываются окраины, слободки — видно, врагу не дают покоя еще уцелевшие там домики. На руины центральных улиц, где вся жизнь давно перенесена в убежища, падают вперемежку с зажигательными и обычными фугасными бомбы короткозамедленного действия, взрывающиеся через полчаса, через час. Они предназначены убивать тех, кто выйдет тушить огонь, расчищать путь для транспорта.

Эту изуверскую уловку быстро разгадали. Штаб МПВО получил строго ограниченный перечень особо важных объектов, и только там пожары, невзирая ни на какой риск, тушат немедленно.

Внезапно у нас прервалась связь с городским комитетом обороны. Телефонисты выяснили: соединиться с ним не может также флагманский командный пункт СОР и вообще никто. Оказалось, не просто поврежден кабель. При разрыве крупной бомбы завалило выход из штольни

городского КП на улице Карла Маркса. Несколько часов он был отрезан, изолирован от города.

Аварийные команды героическими усилиями, неся потери, как в бою, вводят в действие отдельные участки водопровода. В продмагах, перенесенных в укрытия и работающих теперь не днем, а ночью, выдают по карточкам (нормы с 18 июня вновь сокращены) вместо хлеба муку, из которой в убежищах пекут на чем придется лепешки. Все это успело стать обыденным, привычным. Но вот дошла до нас и такая новость: в единственной школе, где не прекращались занятия — в инкерманских штольнях, завершен учебный год, проведены экзамены, вручают выпускникам аттестаты... Порадоваться бы, да не получается. Щемит от этой новости сердце, двойной тяжестью давит на плечи твоя солдатская ответственность перед людьми, которые продолжают верить, что армия отстоит город.

Их жизнь, и без того неимоверно трудную, с каждым днем усложняло приближение фронта к Северной бухте. Два городских района — Центральный и Корабельный — должны были разместить в своих убежищах население третьего — Северного. Вслед за тем потребовалось эвакуировать, освободить для нового боевого рубежа часть Корабельной стороны — этого гнезда самых коренных, потомственных севастопольцев.

20 июня городской комитет обороны постановил:

«Со всех улиц, находящихся в непосредственной близости к Северной бухте, население, предприятия и учреждения переселить...»

В том же решении говорилось: «21 июня сего года приступить к отрывке ходов сообщения по основным направлениям города».

Ходы сообщения — примета переднего края. По существу, им и становился не только берег Корабельной стороны, но и «фасад» севастопольского центра с Графской пристанью, площадью Парадов, Приморским бульваром. А в зону минометного огня с высот Северной стороны попадал почти весь город.

Читатель помнит, как в конце декабря, когда впервые нависла угроза выхода противника к бухте, мы старались дать себе отчет, долго ли сумеем продержаться, если это действительно произойдет. Теперь это был совершивший-

ся факт, и спорить тут стало не о чем. Оставалось одно — держаться, несмотря ни на что.

...Севастопольскую Северную бухту, вытянувшуюся на шесть-семь километров, ниоткуда с берега не увидишь всю целиком, со всеми ее изгибами и ответвлениями — маленькими укромными бухточками, разделенными обрывистыми мысами и врезающимися еще дальше в сушу, переходя в глубокие овраги — балки. И лишь после того как хоть раз обойдешь на катере этот просторный, живописно обрамленный холмами и скалами залив (подобные ему я видел только на Дальнем Востоке), начинаешь представлять, сколь прочно обжито все вокруг за полтора с лишним столетия, в течение которых базируется здесь Черноморский флот.

За мысками в тихих бухточках — причалы, мастерские, чернеющие проемы складов-штолен, корпуса отплававших свой срок и поставленных на прикол, но еще как-то используемых судов... И то там, то тут — стены и амбразуры старинных укреплений. Кто мог думать совсем недавно, что иные из них вновь послужат защитой солдатам!

Я писал раньше, что при первой встрече с Севастополем он показался мне новее, «моложе», чем виделся в мыслях. Но такое впечатление сложилось еще до того, как я познакомился с Северной бухтой, с ее берегами, где от многого веяло морской стариной. И все это огромное портовое хозяйство было неотъемлемой составной частью города.

Теперь Северная бухта оказалась на линии фронта. В нее, как и в Южную, уже не мог войти ни один корабль (ночью 20 июня в Южную в последний раз прорвались сквозь огневую завесу два эсминца). Портом Севастополя, сжатого тисками осады еще теснее, должна была впредь служить небольшая Камышовая бухта близ Херсонесского аэродрома, где еще в декабре поставили временный причал и навигационное оборудование. Однако не для каждого корабля она годилась. 20 июня из Новороссийска рискнули послать в Севастополь старый крейсер «Коминтерн», но повернули его обратно, когда выяснилось, какая у нас обстановка.

На берег Северной бухты немцы вышли кое-где еще 19-го. Признав, что удерживать Северную сторону мы дальше не в состоянии, командующий СОР принял реше-

ние переправить оттуда в ночь на 21-е войсковые тылы и артиллерию, для которой уже не было снарядов.

А остатки 95-й дивизии и другие боевые подразделения левого фланга — всего несколько сот бойцов — стягивались к последним опорным пунктам на берегу. На них возлагалась задача продержаться за бухтой сколько можно, сковывая там неприятельские силы, дабы выиграть время для организации обороны на новом рубеже.

На Константиновский равелин, где оставались на своем посту моряки охраны рейда во главе с капитаном 3 ранга М. Е. Евсевьевым, был послан майор И. П. Дацко с последними подразделениями его 161-го стрелкового полка. Он и руководил обороной равелина.

Другое старинное укрепление — Михайловский равелин заняли зенитчики и отряд младших авиаспециалистов (они сражались в рядах пехоты с тех пор, как перестал действовать аэродром Куликово поле). На позиции, оборудованной у Инженерной пристани, закрепились двести бойцов местного стрелкового полка подполковника Н. А. Баранова.

Так открылась еще одна героическая страница Севастопольской обороны. Если весь наш плацдарм называли пятачком, то что сказать о крохотных островках сопротивления за бухтой, где стали насмерть горстки отважных воинов, имея кроме пулеметов, винтовок да гранат лишь единичные орудия!..

Выстояли они не один день. И пока выгодно расположенные старые равелины оставались в наших руках, ворвавшиеся на Северную сторону части двух или трех фашистских дивизий не могли стать там хозяевами. А какая это была моральная поддержка всем севастопольцам — знать, что на Северной стороне есть еще наши форпосты!

Гарнизон Константиновского равелина сумел даже сообщаться с остальными. Он посылал ночью на шлюпках помощь в Сухарную балку, где несколько десятков моряков и складских рабочих не подпускали гитлеровцев к штольням подземного флотского арсенала. Все боеприпасы, которые могли быть использованы, оттуда давно вывезли, но взрывать штольни еще не было приказа.

Кроме опорных пунктов, созданных по плану, действовали и другие, возникшие там, где небольшие группы бойцов, отрезанные от своих, по собственной инициативе занимали оборону на какой-нибудь удобной позиции.

Так держалось до 22 июня подразделение инженерного батальона под командой старшего лейтенанта А. М. Пехтина в одном из казематов Северного укрепления. Больше суток держался простой каменный дом на берегу бухты Голландия, у которого засела группа отошедших сюда минометчиков. Об этом стало тогда известно благодаря тому, что в доме помещался телефонный коммутатор, и телефонистка, остававшаяся на своем посту (кабель, проложенный через бухту, действовал), несколько раз соединялась с нашим КП, а также и с командующим СОР, взволнованно рассказывая, как доблестно сражаются наши бойцы. Фамилию телефонистки я узнал много лет спустя, на посвященной Севастопольской обороне конференции, где вспомнили и этот эпизод. Мария Максименко-Михайлюк осталась жива, переплыв ночью бухту.

Нет сомнения, что дальше от берега, в глубине кварталов Северной стороны, дрались — где часы, а где и дни — еще много бойцов, оставшихся неизвестными. Местность за бухтой по-прежнему выглядела, даже издали, полем жестокого боя. Там рвались снаряды и бомбы, трещали пулеметы, все застилал густой черный дым.

Тысяча немцев на сотню идет,
Сотня героев с тысячью бьется...

Так писал о севастопольских боях поэт Сергей Алымов, их очевидец. Но за Северной бухтой, где больше не оставалось наших крупных сил, нередко уже не сотня, а десятки героев или даже отдельные бойцы продолжали неравную борьбу ради того, чтобы умножить потери врага, ослабить его натиск на других участках обороны.

Я должен еще вернуться к 30-й береговой батарее, которая была отрезана с суши, а затем полностью окружена, когда гитлеровцы 17 июня прорвались к морю на левом фланге 95-й дивизии, через совхоз имени Софьи Перовской.

Связь с батареей оборвалась. Как выяснилось потом, немцы нашли и перерубили подземный кабель, соединяющий ее с командным пунктом генерала Моргунова. На 30-ю не успели передать только что полученное из Москвы известие: 1-й отдельный артдивизион береговой обороны, в который она входила, преобразован в гвардейский...

Но батарея давала о себе знать выстрелами своих двенадцатидюймовок, могучий голос которых прорывался сквозь общий орудийный гул. Выстрелы были редкими. Когда батарею окружили, оставались исправными два орудия, а в боевых погребах — около сорока снарядов.

После того как орудия уже смолкли, с КП 95-й дивизии, еще находившегося на Северной стороне, доложили:

— На медпункт третьего батальона 90-го полка доставлен тяжело раненный краснофлотец, связной с 30-й батареи. Он пробрался через фронт. Моряк потерял сознание, вряд ли выживет. Просил передать командующему: «Батарейцы умрут, но батарею не сдадут».

Что происходило в это время на окруженной 30-й, стало известно лишь много времени спустя.

Только подавление внешних огневых точек, которые батарея имела для самообороны, заняло у врага больше суток. Затем личный состав во главе с майором Г. А. Александером и батальонным комиссаром Е. К. Соловьевым укрылся под бетонным массивом. Вместе с артиллеристами ушли туда и бойцы из 90-го стрелкового полка, прикрывавшие подступы к батарее.

Трофейные немецкие документы свидетельствуют: для овладения «фортом Максим Горький» были назначены 132-й саперный полк и батальон 173-го саперного, батальоны двух пехотных полков. До этого умолкшую батарею еще долго бомбили с воздуха, обстреливали из сверхтяжелых мортир.

Штурмуя 30-ю, враг, по его же данным, потерял убитыми и ранеными до тысячи человек. Не имея снарядов, израсходовав и учебные, батарея внезапно для осаждавших открыла огонь холостыми зарядами — «одним порохом». И эти выплески огня из огромных стволов тоже несли смерть тем, кто оказался близко. Ни взрывы тола у задраенных дверей и амбразур, ни нагнетание ядовитого дыма в вентиляционные трубы не заставили батарейцев сдаться. «Бо́льшая часть гарнизона форта, — констатируется в немецком отчете,— погибла от взрывов или задохнулась в дыму». Лишь 25 июня фашисты ворвались под бетонный массив. Однако и в подземных потернах им пришлось вести бой.

Группа батарейцев выбралась через сделанный за эти дни глубокий подкоп в Бельбекскую долину. Но там были

уже вражеские тылы, и из этой группы в конечном счете тоже мало кто остался жив.

Триста или четыреста человек служили на мощной береговой батарее, имевшей автономную энергетику, большое подземное хозяйство. А когда севастопольские ветераны стали после войны разыскивать однополчан, с нее отыскалось едва тридцать бойцов и почти никого из командиров...

«Отряды на Северной стороне продолжали, ведя тяжелые бои, удерживать свои опорные пункты»,— записано в журнале боевых действий армии 21 июня. За этот день произошло много тревожного. Еще накануне возобновились после короткой паузы крупные атаки в южных секторах — на Кадыковку и высоты Карагач, на массив Федюхиных высот: пытаясь продвинуть дальше прежний клин, нацеленный к Сапун-горе, враг в то же время искал возможность продвинуться к ней с другой стороны. А с севера нарастала угроза Инкерманской долине.

Но самым неотложным сделалось укрепление южного берега Северной бухты, который до недавнего времени не рассматривался даже в качестве запасного оборонительного рубежа. Теперь же здесь (фактически — посреди города, а не где-то на внешнем побережье плацдарма, как раньше) следовало ждать вражеского десанта. Или, говоря армейским языком, переправы немцев с северного берега бухты.

На Корабельной стороне, от Воловьей балки до Павловского мыска, рыли траншеи, строили доты и дзоты, устанавливали прожекторы. Ответственность за этот участок командующий СОР возложил на генерала П. А. Моргунова: раз фронт проходил по берегу, хотя бы и внутри города, вступала в свои права береговая оборона.

На этот рубеж выводилась прямо из боев на Мекензиевых горах 79-я курсантская бригада Потапова. По существу, она представляла собой уже не больше, чем один хороший батальон. Для подкрепления ей придавались 2-й Перекопский полк Тарана, тоже весьма немногочисленный, и несколько подразделений, сформированных в тылах. Потапову был подчинен бронепоезд «Железняков», для которого основной огневой позицией назначался участок пути около электростанции, а укрытием — Троицкий тоннель, ближайший к севастопольскому вокзалу.

В такой обстановке наступило 22 июня — годовщина войны. День обещал быть, и действительно стал, очень трудным. Но немцы, очевидно, уже понимали, что отметить его взятием Севастополя они никак не могут.

Пожалуй, самым существенным, чего противнику удалось в этот день добиться, был захват важной высоты 74 у стыка первого и второго секторов. Это означало углубление южного клина, продвинувшегося уже за линию Сапун-гора — Балаклава. А на севере нельзя было больше откладывать отвод чапаевцев на тот запасной рубеж, о котором вставал вопрос еще шесть дней назад. Теперь всякое промедление с этим означало бы, что 25-я дивизия окажется отрезанной и враг прорвется в Инкерманскую долину.

Ковтун и Безгинов поехали помогать штадиву переводить полки на новые участки. Все прошло организованно, артиллеристы и минометчики редким, но хорошо спланированным огнем прикрыли этот маневр. Командный пункт генерала Коломийца находился в пещерах бывшего Инкерманского монастыря, выдолбленных в незапамятные времена в скале над устьем Черной.

...Вечером услышали по радио, что на берегу Средиземного моря капитулировал перед фашистской армией Роммеля английский гарнизон Тобрука. Тот самый, который, тоже находясь в осаде, прислал нам еще в Одессу приветственную телеграмму с хорошими словами солидарности.

За англичан в Тобруке стало как-то обидно. Им было там, конечно, нелегко, однако сражаться до последнего не захотели. Известие из далекой Африки очень уж контрастировало с непреклонным духом севастопольцев. О впечатлении, которое оно тогда оставило, напомнил мне дневник покойного И. Ф. Чухнова. «Бойцы говорят, — записал он: — «Нет уж, мы будем драться не по-английски, а по-русски!»

*

«Наиболее отличившихся назвать затрудняюсь. Если б мог, наградил бы всех!» — так заявил один наш комбат, когда ему предложили представить к наградам пять-шесть бойцов.

Комбата нетрудно было понять. Командиры дивизий, сообщив по телефону, что отправляют в штарм но-

вые «реляции» — наградные листы, тоже не раз добавляли: «А вообще-то достойны награды и все остальные!» В июне массовый героизм защитников Севастополя проявился с невиданной еще силой, и то, что принято называть подвигом, совершалось как обычное, будничное в любой роте, на любой батарее.

За две недели отражения штурма командующий СОР и командарм Приморской, каждый в пределах предоставленных ему прав, наградили от имени правительства орденами и медалями сотни бойцов и командиров. Вручать награды старались безотлагательно. Генерал Петров, члены Военного совета совмещали это с другими делами почти при каждом выезде в войска. Но часть орденов возвращалась обратно: тех, кому они предназначались, успели похоронить...

Как-то Чухнов поднял на Военном совете вопрос о том, что пора представить нескольких армейцев к званию Героя Советского Союза.

— Потом отметят всех, кто достоин, — говорил он. — Но если вот сейчас дадут Золотую Звезду кому-то из рядовых пехотинцев, из тех лейтенантов и политруков, которые всегда в первой траншее и под бешеным огнем ходят в контратаки, это еще больше воодушевит всю армию. А людей, заслуживающих такой награды, назвать нетрудно. Давайте представим для начала хоть трех-четырех, тогда это пройдет быстрее.

В тот период войны звание Героя присваивалось еще довольно редко. Посмертно отмечали им тех, кто погиб, совершив выдающийся подвиг. А из живых — больше летчиков, командиров подводных лодок, чьи активные боевые действия имели неоспоримые внушительные результаты: столько-то сбитых самолетов, потопленных кораблей.

В стрелковых частях, в пехоте Героев Советского Союза было мало. И это казалось естественным: время ли представлять к высшей награде Родины, если наши войска пока редко где могли наступать?

И все-таки мы представили к Золотой Звезде пехотинцев, отличившихся не в наступлении, а в обороне. Решили, что оценка, которую получили действия севастопольцев в приветствии Верховного Главнокомандующего, дает на это право. Обсудив порядочно кандидатур, не без труда ограничились семерыми.

Насколько помню, представления передали по радио. Но, признаться, не очень верилось, что их рассмотрят срочно — мало ли наверху иных забот!

Однако рассмотрели немедленно. Указы, датированные 20 июня, были приняты по радио ночью вместе с другой официальной информацией для завтрашних газет. И потому прежде всех узнал о них наш редактор Курочкин, а от него — начальник поарма бригадный комиссар Бочаров.

— Все семеро — Герои Советского Союза! — радостно объявил Леонид Порфирьевич, входя к командарму, у которого сидели Чухнов, Кузнецов и я.— Завтра это будет в газетах. Надо позвонить в части, поздравить!

От такой новости потеплело на душе.

— Они у нас как, все живы? — осведомился командарм, начав вдруг протирать пенсне. Этого, конечно, никто точно не знал — за день в боях пали еще сотни приморцев. Иван Ефимович нетерпеливо снял телефонную трубку: — Соедините с Новиковым!

Я немного расскажу сейчас об этих семерых. И в какой-то мере это будет рассказом также о других бойцах и командирах, чьи имена не могла вместить моя книга, но которые сражались так же самоотверженно. А подвиг героя ведь не меркнет от того, что он не остался чем-то исключительным, был повторен и продолжен, послужил воодушевляющим примером, сделался символом подвига массового, общего.

...Еще в дни Одесской обороны в Приморской армии стало известно имя ефрейтора Ивана Богатыря. Сын матроса с легендарного броненосца «Потемкин», а сам черноморский пограничник, это был один из самых смелых и удачливых разведчиков нашего погранполка. Он приводил в качестве «языков» неприятельских офицеров, добыл однажды целый портфель румынских штабных документов, из другой разведки вернулся на захваченной во вражеских тылах танкетке... А в Севастополе в первый раз отличился, когда в декабре был послан с подкреплением из полка Рубцова на Мекензиевы горы и назначен старшим в пулеметный дот. Сто двадцать трупов фашистских солдат, скошенных очередями из амбразур, насчитали перед этим дотом после отражения вражеских атак.

К весне сорок второго за Иваном Богатырем числилось еще несколько доставленных «языков», он овладел искус-

ством снайпера, научил ему нескольких товарищей. Но особенно оправдал ефрейтор свою громкую фамилию в тот день, когда он фактически один (два других пулеметчика, находившиеся с ним, выбыли из строя) полдня удерживал атакуемую фашистами высотку. Раненный в правую руку, Богатырь обходился левой, переносил пулемет от одной амбразуры дота к другой, ведя огонь в разных направлениях. И потом оказался еще в состоянии одолеть подобравшегося к доту гитлеровца в рукопашной схватке...

В ответ на вопрос, кого из 109-й стрелковой дивизии следует представить к высшей боевой награде, генерал Петр Георгиевич Новиков первым назвал ефрейтора Богатыря.

В той же дивизии, в 381-м стрелковом полку воевал человек с не менее славной и примечательной судьбой — политрук Георгий Константинович Главацкий.

В сорок первом ему было 34 года, но военной службы Главацкий не проходил — освободили по состоянию здоровья. Жил в Одессе, работал слесарем на маслозаводе. И, как многие невоеннообязанные, добился, когда к городу подступил враг, зачисления в армию. Там овладел пулеметом, затем был выдвинут в ротные политруки, а впоследствии назначен комиссаром стрелкового батальона.

При первой попытке противника прорваться к Севастополю с юга этот батальон проявил выдающуюся стойкость. А Главацкий показал себя геройским комиссаром, не раз водил бойцов в контратаки.

Несмотря на тяжелые потери, батальон удерживал прежний рубеж и все те дни, которые прошли после представления комиссара к высокой награде. Сам же он за это время успел стать комбатом. И продолжал успешно, инициативно командовать батальоном до тяжелого ранения в последние дни Севастопольской обороны.

Впрочем, если уж говорить о том, как раскрылись на войне командирские способности этого, казалось бы, сугубо гражданского человека, следует добавить, что до Берлина Г. К. Главацкий дошел во главе стрелкового полка гвардии полковником.

Сержантом, артиллерийским разведчиком участвовал в первых боях за Севастополь Абдулхак Умеркин, до войны — молодой учитель в татарском селении на Волге.

Третий штурм он встретил младшим лейтенантом, командиром одной из тех героических батарей 134-го гаубичного артполка, которые помогали батальонам дивизии Ласкина и бригады Потапова отбивать натиск главных вражеских сил. В критический момент Умеркин вызвал огонь батареи на свой наблюдательный пункт, куда прорвались танки, а сам пополз к ним с гранатами. И все-таки остался жив!

О ефрейторе Павле Линнике я уже говорил — это он, проявив столько хладнокровия и находчивости, уничтожил три немецких танка подряд, когда шел бой у КП 172-й дивизии.

Героями Советского Союза стали командир роты старший лейтенант Николай Иванович Спирин и политрук другой роты Михаил Леванович Гахокидзе. Их подвиг, если кратко определить его суть, состоял в том, что они сумели так организовать бой и так воодушевить людей, что обе роты в течение многих дней отражали яростный натиск превосходящих сил врага и не отошли ни на шаг. Рота Спирина отбила несколько психических атак, уложила перед своими окопами до семисот гитлеровцев. Гахокидзе отразил последнюю фашистскую атаку, когда кроме самого политрука на этом рубеже оставалось в строю три бойца.

И наконец, о седьмом Герое. Это старший сержант Мария Карповна Байда. В наградном листе о ней написано: «В схватке с врагом уничтожила из автомата пятнадцать солдат и одного офицера, четырех солдат убила прикладом, отбила у немцев командира и восемь бойцов, захватила пулемет и автоматы противника». Все это — только за один боевой день...

Наградной лист не может, конечно, рассказать, как стала таким умелым и бесстрашным бойцом двадцатилетняя девушка, только недавно взявшая в руки оружие. Да и я не берусь объяснить это в нескольких строках. Скажу одно: такими делало наших людей страстное желание одолеть врага. И этому способствовали вся обстановка Севастопольской обороны, героический дух, царивший на севастопольских рубежах.

Мария Байда жила в крымском степном поселке, из которого все мужчины и многие женщины влились осенью сорок первого в дивизию Ласкина, отходившую к Севастополю. Байда попала в 514-й стрелковый полк Усти-

нова, была там санинструктором, затем разведчицей, овладела всеми видами стрелкового оружия и стала в конце концов настолько опытным военным человеком, что в июньскую боевую страду ей охотно подчинялись потерявшие своих командиров солдаты-запасники.

Хочется еще раз предоставить здесь слово Ивану Андреевичу Ласкину. Командир дивизии обходил позиции после отражения вражеских атак и вот какую картину застал на одном из участков:

«...Пыль осела, дым рассеялся немного и стало виднее. Невдалеке продолжалась стрельба из пулеметов и автоматов. Впереди — кустарник, и около него я заметил бойца. Подошел к нему. Боец, стоя на одном колене, доложил о себе. Но я уже и сам узнал под пыльной пилоткой красивое розовое лицо разведчицы 514-го полка Марии Байды. Метрах в пяти от нее — убитый немец, дальше — еще несколько. Спрашиваю, как она тут оказалась. Объясняет: командир полка направил сюда разведроту, потому что от той, чей это был участок, почти никого не осталось.

— Сколько же вас здесь теперь? — спросил я.

Мария ответила:

— Сейчас — двое, вон еще солдат сидит на дереве. Мы с ним поделили между собой местность — моя правая половина, его левая. Немецкие автоматчики всё пытаются просачиваться то ползком, то перебежками. Вот мы их и бьем, товарищ комдив...»

Имена новых Героев Советского Союза прогремели по всему фронту обороны. К сожалению, прислать для них ордена Ленина и Золотые Звезды с Большой земли не успели. Богатырь и Главацкий, тяжело раненные и эвакуированные на Кавказ, сразу получили награду там. А остальные — значительно позже.

Познакомив читателя с семью героями, считаю долгом поделиться и тем, что мне известно о тех из них, кто ныне здравствует и с кем доводилось встречаться после войны.

Г. К. Главацкий, с честью отвоевав, стал в Одессе директором того же завода, откуда ушел на фронт. А. С. Умеркин — преподаватель Казанского государственного университета, кандидат наук. И. И. Богатырь работает на родной Днепропетровщине. А Мария Карповна Байда вот уже много лет заведует севастопольским

загсом, и тысячи молодых супружеских пар в городе-герое получили брачные свидетельства из ее рук.

Третью неделю длится вражеский штурм.

На командном пункте все как-то притихли. Люди собранны, предельно исполнительны, нет ни растерянности, ни уныния, но посуровели даже самые веселые, и уж ни от кого не услышишь шутки.

В штабе армии каждому ясно то, чего, может быть, еще не сознают в частях: если не придет какая-то очень большая, выходящая за рамки обычной помощь, то Севастополя не удержать. А как она может прийти — до нас не так-то просто добраться!..

Обо всем этом не говорят вслух. Даже из самых старых сослуживцев никто не спросил меня: «Что нас ждет, что с нами будет?» Все напряженно работают, отрешившись от постороннего, личного. Больше, чем когда-либо, я уверен в нашем дружном штабном коллективе, в том, что каждый выполнит свой долг до конца.

Вернувшись с флагманского КП, дивизионный комиссар Чухнов рассказывает:

— Сегодня едва проехали — на центральных улицах сплошные завалы. Иногда просто не верится, что это тот самый город, который я увидел весной. Помнишь, каким он был?..

И, помолчав, добавляет:

— К убежищу Октябрьского опять ползли с Иваном Ефимовичем на брюхе. Бьет и бьет немец по склону... Траншею там углубили, да все равно надо ловить момент, чтобы проскочить!

Флагманский КП надежно защищен, но не имеет запасного выхода в город: кто думал, что окажется под обстрелом берег Южной бухты! И в иной час к ФКП ни подъехать, ни подойти. Но командарм и член Военного совета армии, как и раньше, являются туда с докладом.

Генерал Петров после этих посещений ничего, кроме необходимых служебных указаний, мне обычно не передает. Обстановка там, у вице-адмирала Октябрьского, чувствуется, бывает подчас нервной, но касаться этого Иван Ефимович не любит.

Мы докладываем в Краснодар о состоянии армии: полностью истощены (это означает, что их фактически

нет) 172-я и 95-я дивизии, а также 79-я бригада; потеряли свыше 60 процентов личного состава 345-я и 388-я дивизии. Только частично боеспособной приходится считать 109-ю дивизию Новикова, а также 7-ю бригаду Жидилова — потери и у них велики. Относительно лучше положение у чапаевцев, в 386-й дивизии, в 8-й бригаде.

Но будь у нас пятьсот — шестьсот тонн снарядов на сутки, можно было бы держаться и с такими силами! А получаем в лучшем случае треть этого. 21 июня я телеграфировал начальнику штаба фронта, что в частях осталось по 10—20 снарядов на тяжелое орудие, по 60—70 на 76-миллиметровые. За следующие два-три дня мизерный запас еще сократился. Каждое утро в пять ноль-ноль (специально установленное для этого время) Николай Кирьякович Рыжи докладывает командарму о наличии боеприпасов, и они распределяют то, что доставили корабли и самолеты. Каждый снаряд — драгоценность!..

Судьба Севастополя решается на море: прорывать вражескую блокаду все труднее даже лучшим боевым кораблям.

С 24 июня началась переброска к нам 142-й отдельной стрелковой бригады полковника Ковалева. Для этого выделены эскадренные миноносцы «Беспощадный» и «Бдительный» и лидер «Ташкент». Им командует запомнившийся мне еще по Одессе смуглый черноусый капитан 3 ранга В. Н. Ерошенко. Командир он смелый и, должно быть, талантливый. Про него Жуковский не раз говорил: «Этот сумеет, этот дойдет!»

«Ташкент» и эсминцы Севастополь принимает в Камышовой бухте, куда раньше такие корабли никогда не заходили. Моряки говорят, что стоянка там сложная: бухта тесна, вход узок, а рядом подводные камни. Наскочить на них, застрять в бухте до рассвета означает верную гибель — днем неподвижному кораблю от пикирующих «юнкерсов» не отбиться.

К ночи начсанарм Соколовский отправляет в Камышовую раненых, а городские эвакуаторы — женщин и детей. По возможности вывозят (об этом было решение городского комитета обороны) и высококвалифицированных рабочих, ценных специалистов, которым здесь уже нечего делать. Корабли берут людей уже без счета, сколько поместится.

Лидер и эсминцы ходят из Новороссийска кратчайшим маршрутом, вдоль крымского побережья. А ночи сейчас самые короткие в году, и на центральном участке маршрута, наиболее опасном, потому что аэродромы противника очень близко, их не может прикрыть ни кавказская авиация, ни наша. Словом, полагаться надо только на свои зенитки и на стремительный маневр. Каждый рейс означает тяжелый бой.

В двадцатых числах июня «Ташкент», «Бдительный» и «Безупречный» прорывались к нам трижды. В четвертый раз «Безупречный» не дошел. Разыгралась еще одна морская трагедия: эсминец потопили фашистские бомбардировщики. Шедшие в Севастополь подводные лодки подобрали троих матросов. Из находящихся на борту пехотинцев не спасся никто.

Несут потери на севастопольской коммуникации и подводники. Не пришла одна вышедшая из Новороссийска лодка, через несколько дней — еще одна... Их обнаруживают акустическими приборами и бомбят вражеские катера.

Подводные лодки доставили в мае — июне две тысячи тонн снарядов. Они начали перевозить и авиационный бензин, заполняя им балластные цистерны. Это сопряжено с большим риском. Наверное, многим знаком рассказ Леонида Соболева «Держись, старшина...» о том, как весь экипаж лодки усыпили проникшие в отсеки бензинные пары, и только один старшина, сохранивший сознание, обеспечил всплытие. В рассказе описан происшедший тогда в Севастополе действительный случай.

Моряки утверждают, что подводные лодки не использовались так еще нигде и никогда. И мы, фиксируя в журнале боевых действий: «Ночью — 52 вылета У-2 и УТ-1, днем четыре Ил-2 и два И-16 вылетали на штурмовку», с благодарностью вспоминаем подводников — это они обеспечивают самолетам возможность подниматься в воздух.

В ночь на 23-е с Северной стороны переправились остатки отрядов, сражавшихся у Инженерной пристани и в Михайловском равелине. Полковник Николай Александрович Баранов, возглавлявший опорный пункт у Инженерной, сразу же вступил в командование сводным полком, который Моргунов и Кабалюк сформировали из личного состава взорванных за бухтой батарей и других

своих резервов. В полку полторы тысячи бойцов. Он предназначен для обороны берега от Южной до Карантинной бухты, иными словами — набережных в центре города, включая Приморский бульвар.

Гарнизон Константиновского равелина получил и выполнил приказ продержаться еще сутки. Последние его защитники, пехотинцы и моряки, вплавь добрались до южного берега утром 24-го. Раненых буксировали на буйках от бонового заграждения. Никакой катер к равелину уже не дошел бы — немцы наставили вокруг пушек, а пловцов прикрывала на рейде накатная волна.

От нашего КП до Константиновского равелина — чуть больше двух километров. Выходя наверх, я смотрю на широкую башню на мысу, знакомую с детства по картинке в хрестоматии, и в сознании еще как-то не укладывается, что там — немцы. Но на сигнальной мачте старой крепости, заложенной Суворовым, уже болтается фашистский флаг...

За Северной бухтой — кроме окруженной 30-й батареи, о положении которой ничего не было известно, — держалась еще только Сухарная балка. Фронт прошел по южному склону Мартыновского оврага. А в центральной части севастопольского обвода противник занял Федюхины высоты.

Немцы вышли на такие позиции, с которых следовало в любой момент ждать от них самых решительных действий. Тем более что по подсчетам наших разведотдельцев к группировке, начавшей штурм две с половиной недели назад, прибавилось до тринадцати свежих пехотных полков.

Но, как видно, наша упорная оборона заставила врага быть осторожнее, менять тактику. Подсчитать, сколько гитлеровцев перебито под Севастополем, было трудно, однако июньский штурм наверняка стоил им уже десятков тысяч солдат. Еще когда бои шли под станцией Мекензиевы Горы, где мы отбивали атаку за атакой, летчики рассказывали: трупами завалены все овражки. Немцы даже посыпали ничейную полосу хлорной известью с самолетов — ветер с моря тянул в их сторону...

Так или иначе, психические атаки прекратились, и противник в еще большей мере полагается на свое превосходство в технике. Авиационная и артиллерийская подготовка перерастают в обработку какого-нибудь узкого

участка бомбами и снарядами в течение целого дня. Только после этого, часто поздно вечером, туда идут танки и пехота. И иногда там уже действительно нет никого живого.

Так обеспечивает себе враг продвижение в глубь нашего плацдарма. Но оно еще более медленное, чем раньше.

— Сегодня выдался какой-то затишный день! — усмехнулся Иван Ефимович Петров, когда подводились итоги за 24 июня.

Действительно, потерь было меньше, чем в прошлые дни: убитых — двести шестьдесят один... Сокращение фронта позволило дать частям дивизии Гузя и бригаде Зелинского полдня на приведение себя в порядок. Из остатков подразделений 95-й дивизии формировался резервный полк (фактически — батальон) под командой И. Л. Кадашевича, последнего военкома 90-го стрелкового полка.

В изменившейся обстановке потребовалось пересмотреть нарезку секторов обороны, состав их сил. Первый сектор усилен двумя батальонами морской бригады Благовещенского. Бригаду Горпищенко передали из второго сектора в третий. А четвертый (возглавляет его по-прежнему командир 95-й дивизии Капитохин со своим штабом, хотя самой дивизии больше нет) объединил все части, занявшие оборону от Павловского мыска до станции Инкерман. Его задача — не допускать переправы немцев через Северную бухту и прорыва в город вдоль Симферопольского шоссе.

Но секторы, как я уже говорил, стали играть в боевом управлении вспомогательную роль. С кем только можно, держим связь напрямую. Иногда полк, а то и батальон, отрезанный от своей дивизии, получает приказания прямо с армейского КП. И все чаще — живой связью.

Помню — это было несколько позже, когда в официальных документах констатировалось: «Днем движение по территории СОР стало невозможно», — командарм приказал майору Безгинову, последнему из старых направленцев оперативного отдела, любым способом прорваться через простреливаемый участок Инкерманской долины и передать, чтобы немедля поставили орудия на

прямую наводку. Безгинов помчался на газике, был по пути ранен, но задание, как всегда, выполнил.

Направлением главного удара стало инкерманское. Однако при сократившемся плацдарме тяжелыми последствиями чреват всякий успех противника на любом другом участке.

После того как немцы утвердились на Федюхиных высотах, приобрело еще большее значение, как опорный пункт в Чернореченской долине, селение Новые Шули (Штурмовое). Батальон из дивизии Скутельника был полуотрезан, и тыловикам долго не удавалось доставить солдатам горячую пищу. Когда кухни наконец прибыли, им обрадовались так, что проворонили внезапную — в темноте, без артподготовки — вражескую атаку...

Командарм приказал Скутельнику вернуть Новые Шули во что бы то ни стало. Это должен был сделать тот самый батальон — резерва комдив не имел. Раненного в неудачном бою комбата заменил замначштаба полка В. М. Азаров. Немцы успели ввести в деревню два батальона, однако наш, насчитывавший не больше сотни бойцов, все же выбил их оттуда штыковой атакой. И Новые Шули (там, кстати, находилась последняя действующая насосная станция севастопольского водопровода) удерживались еще трое суток.

Этот случай подтверждал, что 386-я дивизия, за которую мы немало тревожились, хоть и допускала такие вот прохлопы, но уже умела их исправлять.

У Скутельника был очень надежный сосед справа — стойкая, сплоченная бригада Жидилова. Недаром и четверть века спустя, на встречах участников обороны, ветераны 386-й стрелковой вспоминали, как учились у жидиловцев боевому мастерству, как чувствовали их крепкий товарищеский локоть.

Полковник Жидилов стал в конце июня генерал-майором. Мне довелось первому сообщить ему об этом по телефону, но Евгений Иванович как будто даже не очень обрадовался. Не такое было время!.. Несколько дней спустя, уже за Сапун-горой, генерал Жидилов стоял у пушки — единственной уцелевшей из артдивизиона его бригады — и вместе с последним бойцом орудийного расчета стрелял оставшимися снарядами...

Знакомый читателю боевой товарищ Жидилова, военком Ехлаков (теперь — бригадный комиссар), был уже

в госпитале на Большой земле: Николая Евдокимовича вывезли из Севастополя с раздробленной ногой на подводной лодке.

...Наступление на Инкерман со стороны Мартыновского оврага создало тяжелое положение в третьем секторе. За 26 июня на его позиции было сброшено свыше двух с половиной тысяч крупных бомб. 3-й морской полк С. Р. Гусарова вел бои в окружении. Не легче приходилось и батальонам 8-й бригады полковника П. Ф. Горпищенко и полкового комиссара П. И. Силантьева.

Это на ее участке находилась высота, где группа краснофлотцев держала, как говорили потом, «каменную оборону». «Каменную» — потому что, израсходовав патроны и гранаты, бойцы собрали груду крупных камней и забрасывали ими пытавшихся подняться наверх фашистов. Мне рассказывали, как немолодой Горпищенко сам пробрался на эту высоту, чтобы ободрить бойцов, и не приказал, а попросил еще немного продержаться, а уходя, отдал им свой личный автомат.

В один из этих дней за Северной бухтой прогремел мощный взрыв, заваливший обломками скал основные штольни Сухарной балки — старинного флотского арсенала. В штольнях все было подготовлено к взрыву, там оставалась лишь небольшая группа наших людей. Гитлеровцы подобрались к одному из входов в склады внезапно, и моряк из команды подрывников, оказавшийся лицом к лицу с врагами, принял подсказанное ему сердцем решение. Жертвуя собой, он переключил взрывной механизм на немедленное действие. Потом установили, что это был краснофлотец Александр Чикаренко.

То, что Сухарная балка оставалась в наших руках восемь-девять дней после того, как немцы вышли на соседние участки побережья, не только задержало их переправу через Северную бухту. Лишь благодаря этому продолжал работать спецкомбинат № 1 — подземный военный завод, расположенный как раз напротив, в штольнях Троицкой балки, за неширокой тут бухтой.

Принятое городским комитетом обороны решение переселить предприятия и учреждения, находящиеся в непосредственной близости к Северной бухте, на него рас-

пространяться не могло — переводить комбинат было некуда.

С того дня, как немцы вышли к бухте Голландия, Троицкая балка стала оттуда обстреливаться, и вход в штольни, вывоз боевой продукции из них прикрывала специальная минометная батарея. Выделять ее сюда нам не пришлось: батарею организовали сами рабочие — те, кто делал и минометы, и мины. Спецкомбинат, имевший собственную маленькую электростанцию, не остановился даже тогда, когда прекратила подачу энергии СевГРЭС-1 (фронт подошел к ней со стороны Инкермана меньше чем на километр, и снаряды стали рваться в котельной и у агрегатов).

Но как только немцы подтянули орудия и минометы в Сухарную балку, штольни на южном берегу оказались под таким шквалом огня, что ни подвезти туда что-либо, ни вывезти было уже невозможно. Вопрос стоял лишь о том, как выйти заблокированным в скале рабочим. На такой случай еще раньше начали пробивать с двух сторон запасной выход-туннель, и теперь его прокладку форсировали как только могли.

Спецкомбинат № 1 — детище осажденного Севастополя и его оружейная кузница — служил фронту до последней возможности и вышел из строя как сраженный на посту боец. Только за последние пять месяцев, когда производство развернулось на полный ход, он дал армии 2400 минометов и 113 тысяч мин к ним, 230 тысяч противопехотных и противотанковых мин, 305 тысяч гранат. А сколько мы получили отсюда ломов и лопат, необходимых для строительства укреплений, полевых кухонь, отремонтированных орудий и танков!.. Без этого подземного завода, созданного в кратчайшие сроки, просто нельзя представить себе Севастопольскую оборону.

На два-три дня раньше, когда в связи с приближением фронта потребовалось эвакуировать огромные и густонаселенные штольни Инкермана, прекратил работу спецкомбинат № 2, обшивавший и обувавший наших бойцов.

Почти весь Севастополь находился уже под минометным огнем. До Корабельной стороны доставали с Северной и пулеметные очереди. Убежища освещались теперь свечами и коптилками. Воду брали из старых колодцев.

Семьдесят тысяч севастопольцев удалось эвакуировать на Большую землю. Очень многих успели вывезти в мае,

когда стали форсировать эвакуацию. А в июне резко сократились ее возможности. Мучительно было сознавать, что тысячам мирных людей, так веривших, что врага в город не пустят, сейчас отсюда уже не выбраться — пешком через море не уйдешь...

Борис Алексеевич Борисов, будучи в последний раз у нас на КП, сообщил, что коммунистов в Севастополе осталось триста человек, комсомольцев — около четырехсот.

— И все до одного просятся в армию, на фронт, — сказал он. — Да и не только коммунисты и комсомольцы.

В войска влились почти полностью городские команды МПВО. Становились солдатами мужчины и женщины с прекративших работу предприятий.

Сколько ни пережили севастопольцы за грозные недели июня, сколько ни видели разрушений, наверное, каждого, особенно из коренных жителей города, потрясло событие, которого они, несмотря ни на что, не ожидали.

О нем был составлен официальный акт, напечатанный в одном из последних вышедших номеров городской газеты «Маяк Коммуны» за подписями председателя горисполкома депутата Верховного Совета СССР В. П. Ефремова, секретаря Крымского обкома партии Ф. Д. Меньшикова, секретаря горкома Б. А. Борисова, представителей интеллигенции, политорганов флота и армии.

«Мы, нижеподписавшиеся, — гласил этот документ, — составили настоящий акт о новом чудовищном злодеянии, совершенном фашистскими варварами, — разрушении Севастопольской Панорамы...»

Панорама, созданная известным художником Рубо и запечатлевшая исторический подвиг первой Севастопольской обороны, была особой достопримечательностью города, его гордостью. Конечно, ее следовало бы заблаговременно эвакуировать. Однако специалисты пришли к заключению, что гигантское полотно из-за ветхости не выдержит транспортировки. Панораму оставили на месте, причем было решено не размещать поблизости никаких военных объектов. Надеялись, Панорама уцелеет, что бы ни произошло с городом.

И вот фашистские бомбардировщики под вечер 25 июня с пикирования сбросили на Панораму фугасные бомбы. Вслед за тем по ней открыла огонь немецкая артил-

лерия. Это было, как и говорилось в акте, неслыханным, диким, разнузданным варварством.

Десятки людей, военных и гражданских, оказавшихся поблизости, бросились в горящее здание спасать то, что еще можно было спасти. На следующий день тюки с обгоревшими кусками величественной картины отправили как самый первоочередной груз в Камышовую бухту, и их принял на борт лидер «Ташкент».

Это был, как оказалось, последний его рейс в Севастополь и вообще последний приход к нам крупного надводного корабля. «Ташкент», имея на борту более двух тысяч пассажиров — раненых бойцов и эвакуируемых жителей города, едва дотянул до Новороссийска, получив повреждения от вражеских бомб.

Остатки Панорамы, выхваченные из огня, моряки уберегли. Эти фрагменты позволили потом советским художникам восстановить выдающийся памятник истории и искусства.

Подходили к концу тяжелые бои за Инкерманские высоты. Здесь наступали части трех немецких и одной румынской дивизий, усиленных танками и имевших непрерывную поддержку с воздуха. Противопоставить мощной атакующей группировке врага мы могли лишь стойкость малочисленных стрелковых полков, редкий артиллерийский огонь, штурмовки небольшими группами самолетов.

И все же попытки расчленить наш фронт срывались, противнику не удавалось организовать глубокий прорыв, добиться здесь решающего успеха. Временами его натиск явно начинал выдыхаться, он вынужден был вновь и вновь подтягивать резервы. Иметь бы вдоволь снарядов да хоть немножко больше территории!..

28 июня переходили из рук в руки улицы и отдельные дома поселка Инкерман. 138-я бригада майора Зелинского контратакой выбила немцев с захваченной ими станции, отбросила их за реку Черная.

Это, однако, могло лишь сдержать, замедлить общее продвижение врага. Резервов не было, совсем не было танков. Новая бригада полковника Ковалева (слишком надолго растянулась ее перевозка в Севастополь!) пошла в основном на усиление участка 345-й дивизии, превратившейся за это время в один сводный полк. Нам при-

ходилось постепенно сокращать линию фронта, отводя войска к последним подготовленным рубежам. Но эти рубежи, в том числе и ключевая позиция на Сапун-горе, подверглись еще до занятия их основными силами армии такой обработке с воздуха, что местами все укрепления сровнялись с землей.

На рассвете 29-го гитлеровцы, впервые за всю осаду Севастополя, попытались высадить на побережье нашего плацдарма морской десант. Судя по курсу отряда моторных шхун, вышедших, как потом установили, из Ялты, десант должен был зацепиться за берег где-то близ мыса Феолент — в тылах первого сектора. Эта затея кончилась для немцев плачевно. За четверть часа огнем всего одной береговой батареи девять шхун были потоплены, а остальные ушли обратно.

Но, легко отразив этот десант, мы не смогли сорвать начавшееся в то же время форсирование Северной бухты. Переправу, предпринятую на широком фронте, обеспечивали едва ли не вся артиллерия 54-го армейского корпуса немцев и десятки пикирующих бомбардировщиков. Огня береговых батарей оказалось недостаточно, а артиллеристы частей, занявших оборону на Корабельной стороне, имели по десять снарядов на пушку. Бронепоезд был заперт в Троицком туннеле — завалы от взрывов крупных бомб закупорили выходы. Сколько-то катеров и понтонов удалось потопить, но остальные под прикрытием дымовой завесы достигали южного берега. Балки Корабельной стороны, а затем и ее жилые кварталы стали полем боя.

В то же утро начался штурм Сапун-горы. Переброска туда подкреплений с других участков, в том числе остатков Чапаевской дивизии, не предотвратила прорыва фронта.

Херсонесский аэродром принял за минувшую ночь прибывшие очередными рейсами транспортные самолеты. Пришли две подводные лодки с боеприпасами и бензином. Формировались резервные батальоны из технического состава авиагруппы и тыловых подразделений. Но все это уже не могло существенно повлиять на ход событий. Судьба Севастополя была решена.

К исходу дня в руках немцев находились хутор Дергачи, почти вся Корабельная сторона, кроме Малахова кургана и казарм учебного отряда флота, а также Зеле-

ная горка, что против вокзала. Левое крыло фронта глубоко врезалось в город. Сводный полк Николая Олимпиевича Гузя (бывшая 345-я дивизия), получив новый рубеж, окапывался на склоне Исторического бульвара.

Когда стемнело, бои стали стихать. Гитлеровцы в последнее время не раз предпринимали ночные атаки, но в городе продвигаться в темноте не решались: все еще боялись нас... Мы передали командирам приказание привести за ночь части в порядок, закрепиться на назначенных рубежах.

Выйдя наверх, я даже удивился, насколько вокруг тихо, — так не было давно. Пробиваясь сквозь легкие облачка, светит луна. Протарахтели в небе маленькие У-2 — один, другой: у них продолжается обычная боевая работа.

После полуночи прибывают вызванные командармом командиры дивизий, бригад, отдельных полков. Вспомнился почему-то Экибаш, экстренное совещание в степном поселке восемь месяцев назад. Правильно ли тогда решили? Ведь не удается удержать Севастополь... Нет, все правильно. Армию Манштейна сковали надолго, измотали крепко. И как знать, не потому ли, что мы еще тут, фашисты не добрались до Кавказа!

Как и тогда, в Экибаше, кто-то прибыть не смог — обстановка еще напряженнее. А кого-то уже нет в живых. Только что сообщили: убит Гусаров, командир 3-го морского. Горпищенко и Ласкин ранены...

Совещание короткое. Командиры в нескольких словах докладывают о состоянии соединений, частей. В дивизиях в среднем по 300—400 человек, в бригадах — по 100—200. Плохо с боеприпасами. У меня острым гвоздем сидит в голове цифра: на 30 июня армия имеет 1259 снарядов среднего калибра и еще немного противотанковых. Тяжелых — ни одного.

Всем понятно, что настает конец Севастопольской обороны. Но разговор идет обычный, будничный — о позициях, которые надо удержать завтра, — никакого другого приказа нет. Только под конец командарм дает ориентировку: держать в кулаке наличные силы, драться, пока есть чем, и быть готовыми разбить людей на небольшие группы, чтобы пробиваться туда, куда будет указано, или по обстановке.

Пояснений не требуется. Пробиваться — значит в горы, к партизанам. Это трудно, очень трудно, но все-таки возможно. И важно, чтобы в это верили, чтобы не было чувства обреченности.

В заключение — пятнадцатиминутный товарищеский ужин. Молча, без тостов, выпили по чарке. Ощущение такое, что многих видишь в последний раз.

В адском грохоте авиационной бомбежки начинается еще один день Севастопольской обороны, который вместит так много и трагического, и высокого: и подвиг защитников Суздальской горы, и смертный бой на легендарном Малаховом кургане, и прощание с верными орудиями перед тем, как их взорвать... А для скольких наших товарищей — последний выстрел, последний бросок гранаты, последний вздох...

Утром получаем приказ перейти на запасной командный пункт — на 35-ю береговую батарею у Казачьей бухты, в самом западном углу севастопольского плацдарма.

Она такая же, какой была 30-я: на поверхности — могучие орудийные башни, а внизу, под землей и бетоном, — лабиринт отсеков и переходов. Командование оборонительного района уже тут. Есть связь с Кавказом, с Москвой, но с некоторыми нашими частями соединиться стало трудно.

Размещаемся и беремся за текущую штабную работу. Первым делом — всеми способами выяснить обстановку.

— И что дальше? — спрашивает майор Ковтун, когда мы вместе наносим полученные данные на карту. Спрашивает спокойно, без тревоги.

— Дальше — подороже отдать свои жизни, — в тон ему отвечаю я. — Так, чтобы по крайней мере шесть фашистов за одного. А если говорить практически, то, очевидно, пора и личный состав штаба разбить на боевые группы, подумать о командирах, о картах. Займитесь-ка этим попутно с прочим.

Было и в Одессе такое время, когда свыкались с мыслью, что если плацдарм не удержим, то иначе как в партизаны оттуда не уйти: осложнение обстановки в Крыму могло сорвать эвакуацию. В Севастополе же о ней и не думали. Разве враг дал бы вывезти отсюда армию? Да и у Черноморского флота уже не те силы.

Мысли вернулись к фронту, положение которого становилось все более напряженным. Снаряды, распределенные ночью, к полудню оказались израсходованными (ими сумели подбить еще около тридцати фашистских танков), и артиллерия почти везде умолкла. А противник развивал наступление на нескольких направлениях. Надо было производить частичные перегруппировки для предупреждения назревавших прорывов.

Я оставался у телефонов, когда на батарее в восьмом часу вечера состоялось совместное заседание Военных советов флота и Приморской армии, на котором вице-адмирал Октябрьский огласил полученную из Москвы телеграмму с разрешением оставить Севастополь, ввиду исчерпания всех возможностей его обороны, и о порядке эвакуации.

Генерал Петров, куда-то спешивший, изложил мне все это очень кратко, и, помню, само слово «эвакуация» прозвучало весьма неожиданно. А что это относится и персонально ко мне, что я в числе других командиров должен через несколько часов отбыть на подводной лодке, Ивану Ефимовичу пришлось повторить дважды. Наверно, мое лицо все еще выражало недоумение, и командарм произнес уже строго:

— Мы же с вами военные люди, Николай Иванович. Где мы нужнее, решать не нам. Поймите — это приказ.

Не знаю, был ли в моей службе другой приказ, которому я подчинился с таким тяжелым чувством. Не понимал, почему должен уйти в числе первых. Мысль, что это, может быть, избавит меня от гибели, как-то не приносила облегчения. Да и, честно говоря, очень не хотелось лезть в подводную лодку. Не было никакой уверенности, что она дойдет. А если погибать, так лучше уж на суше, на родной земле...

Отбыть из Севастополя на той же подводной лодке приказали также Петрову, командирам ряда соединений и частей нашей армии, многим работникам штарма. Майор Безгинов стал по телефонам и радио соединяться с теми, кто вызывался для этого на 35-ю батарею. Другая находившаяся в Севастополе лодка предназначалась для моряков и городских руководителей. Октябрьский, Кулаков и некоторые наши армейцы, в том числе Кузнецов, Коломиец, Ласкин, Ермилов, улетали самолетами.

Во временное командование остатками войск Севастопольского оборонительного района вступал командир 109-й стрелковой дивизии и комендант первого сектора обороны (в пределах этого сектора находилась почти вся не занятая врагом территория СОР) генерал-майор П. Г. Новиков. Насколько мне известно, ему была поставлена задача обеспечить удержание небольшого плацдарма с причалами в течение двух суток, после чего разрешалось уйти на одном из кораблей, которые должны были прийти за севастопольцами. Генерал Новиков эту задачу выполнил, но катер, которым он отбыл на Кавказ, был атакован пятью вражескими, и Петр Георгиевич раненым попал в плен. Он погиб в фашистских застенках, не запятнав чести советского генерала.

...Подводная лодка «Щ-209» (командовал ею капитан 3 ранга В. И. Иванов) стояла на рейде, сильно раскачиваемая волной. Перебраться на нее с катерка оказалось не так-то просто — еще давала себя знать рана. Но моряки необыкновенно ловко переправили меня с борта на борт на развернутой шинели. Командарм, Чухнов, Моргунов и многие другие наши товарищи были уже на лодке.

Трехдневный переход до Новороссийска, почти все время под водой, на большой глубине, был для нас, неморяков, нелегким. Лодку преследовали и бомбили вражеские катера, не хватало воздуха. Немалую часть этого пути я провел в тяжелом полузабытьи — сказалось перенапряжение последних недель.

Но едва прояснялось сознание, мысли вновь переносили меня в Севастополь. Поднималось острое чувство тревоги за тех, кто там остался и все еще сражается на клочке крымской земли, впитавшей так много крови. Командир нашего корабля сказал, что принята радиограмма, адресованная всем подводным лодкам, вышедшим в Севастополь с разными грузами: выбросить груз за борт и идти порожняком за людьми. Но дойдут ли туда эти лодки и сколько их надо, чтобы взять всех?..

Теперь известно, что героическая борьба на последних островках раздробленного севастопольского плацдарма, на последних твердынях этого огненного бастиона длилась еще немало дней — где до 9-го, а где даже до 12 июля. И в первую официальную дату захвата Севастополя

гитлеровцами (этой датой считалось сначала 3 июля) советская военная история давно внесла поправку. На последних днях Севастопольской обороны, на этом исполненном величайшей героики ее эпилоге я не останавливаюсь лишь потому, что автор мемуаров не вправе писать о событиях, которым он сам не был свидетелем.

Мне выпало счастье, доставшееся не всем севастопольцам, — участвовать в боях и сражениях, где наша Советская Армия не оборонялась, а наступала, не отбивалась от яростного натиска врага, а громила фашистских захватчиков. Но именно то, что я увидел, испытал, пережил за месяцы Севастопольской обороны, помогло мне сильнее, чем когда-либо с начала войны, почувствовать и поверить: эти победные бои и сражения близятся, и не враг нас, а мы его одолеем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Николай Иванович Крылов

ОГНЕННЫЙ БАСТИОН

Редактор *В. И. Милютин*
Технический редактор *Е. К. Коновалова*
Корректор *М. Г. Тихонова*

Г-36613
Сдано в набор 30.3.72 г.
Подписано к печати 27.2.73 г.
Формат бумаги 84×108 1/32
печ. л. 13, усл. печ. л. 21,84+накидка и вкладки
7/8 п. л.=1,47 усл. п. л. уч.-изд. л. 23,848
Типографская бумага № 1
Тираж 100 000 экз.
Изд. № 3/3037
Цена 1 р. 6 коп. Зак. 162

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
103160, Москва, К-160
1-я типография Военииздата
103006, Москва, К-6,
проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Scan Kreyder - 14.04.2016
STERLITAMAK

